

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Кабытов П.С. Исторические штудии профессора Э.Л. Дубмана	9
Кулбахтин С.Н. Ценообразование на медеплавильных заводах Южного Урала в XVIII веке.	23
Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне Великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века	28
Кабытова Н.Н. Избирательные кампании 1917 года в российской провинции	40
Курьянович А.В. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР)	46
Михайлик А.Г. Первое наступление войск 2-го Украинского фронта на Будапешт (29 октября – 9 ноября 1944 г.)	54
Хасянов О.Р. Хищение общественной собственности в послевоенной колхозной деревне: от стратегии крестьянского повседневного сопротивления к тактике приспособления	63
Баишев Н.И. Развитие туризма в Куйбышевской области во второй половине 1940-х – 1960-е гг.	70

ПЕДАГОГИКА

Баканова И.Г. Формирование коммуникативной компетентности студентов технических специальностей на основе модели смешанного обучения	75
Никулина И.В. Феноменология педагогических конфликтов	82
Самохвалова Е.М. Готовность студента колледжа – будущего мастера производственного обучения к профессиональному общению	87
Борзенко О.В. Из опыта формирования готовности студентов к смыслообразующей профессиональной деятельности	93
Храмцова А.Б. Интенсивное образование – стратегия профессиональной подготовки студентов средствами иностранного языка	99
Долгополова А.В., Черкасова О.В. Модель подготовки студентов к психолого-педагогической работе с родителями	106
Кашина Е.Г. Инновационные формы повышения квалификации учителей иностранного языка	113

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Карпенко Г.Ю., Щепалина Е.А. «Евхаристическое почвенничество»: «Четвертый волхв» С.Н. Дурылина (в сопоставлении с «Мужиком Мареем» Ф.М. Достоевского)	117
Шевченко Е.С. «Победа над Солнцем» А. Крученых и традиции русской драматической и театральной пародии	124
Канина С.Ю., Кучумова Г.В. Образ второго «потерянного поколения» в новейшем романе (К. Крахт <i>Faserland</i> , С. Минаев <i>Duxless</i>)	130

Скореход Н.С. Брехт и «эпический опыт» русской сцены	136
Моросеева Д.Д. Поэтика мотива границы в прозе Ингеборг Бахман	142
Гумерова Н.Р. Трансформация сюжета о Фаусте в романе П. Акройда «Дом доктора Ди»	147
Шарапова Д.Д. Достоевский и Эжен Сю: «Униженные и оскорбленные»	152
Хадынская А.А. «И Россия, как белая лира...»: образ оставленной Родины в поэзии русской эмиграции первой волны	157
Карпенко Г.Ю. Типологическая модель русской классики	162
Журчева О.В. Последний экзистенциалист: концепция героя в драматургии А. Володина	168
Перепёлкин М.А. «Эксцентрик» Ерофеев («Проза из журнала “Вече”»)	175
Левченко С.О., Саморукова И.В. Гендерный аспект проблематизации идентичности в литературе XX века	180

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Леонович Л.М., Харьковская А.А. Ирония как маркер гендерного речевого поведения персонажей современного англоязычного драматургического дискурса	185
Халиков М.М. Дискурсивно-прагматический потенциал межуровневой транспозиции лингвистических единиц	191
Данилова Н.К. Смысловой синтез в дискурсе	197
Денисов Н.В. Антропоцентрические модели в медиадискурсе	203
Ивлева А.Ю. К вопросу об определении понятия «стратегия перевода»	207
Навасартян Л.Г. Цифровая информация как средство манипуляции в современной прессе	213
Исрафилов Н.Р. Фразеологическая синонимия агульского языка	220
Карпенко Л.Б. Славянизмы в русском языке как отражение книжной традиции	224
Гатина Ю.А. Дискурсивные аспекты школьной коммуникации: на материале английских малоформатных интернет-текстов	230
Паршутина Г.А. О функциональном потенциале глаголов коммуникации в английском деловом дискурсе	238
Карпенко Л.Б., Карпенко Г.Ю. Мифы советской науки о возникновении восточнославянской письменности (анализ и критика)	244

РЕЦЕНЗИИ

Федорова Н.А. Аграрная история России XX в. и ее рыцари	249
<i>Сведения об авторах</i>	259
<i>Требования к оформлению статей</i>	264

CONTENTS

HISTORY

Kabytov P.S. Historical studies by professor E.L. Dubman	9
Kulbakhtin S.N. Pricing for smelters in the southern Urals in the XVII century.	23
Smirnov Yu.N. «Enlightened bureaucracy» in the province on the eve of the Great reforms: N.A. Voronov – an official of Samara Governor Grot and his contribution in regional studies of the middle of the XIX century	28
Kabytova N.N. Election campaigns of 1917 in the Russian province	40
Kurianovich A.V. Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as a legitimization of the Soviet social and political regime (on the example of Belorussian SSR)	46
Mikhailik A.G. The first offensive of the 2-nd Ukrainian front to Budapest (29 October – 9 November 1944)	54
Khasyanov O.R. Theft of public ownership in the postwar collective farms: from the strategy of peasant resistance to routine tactics devices	63
Baishev N.I. Development of tourism in the Kuibyshev Region in the second half of the 1940 – 1960-ies.	70

PEDAGOGICS

Bakanova I.G. Formation of communicative competence of students of non-linguistic specialties on the basis of the model of blended learning.	75
Nikulina I.V. Phenomenology of pedagogical conflicts	82
Samohvalova E.M. Readiness of a college student – future master of vocational training for professional communication	87
Borzenko O.V. From the experience of formation of readiness of students for the sense-making professional activity	93
Khrantsova A.B. Intensive education – strategy of students' vocational training by means of a foreign language	99
Dolgoplova A.V., Cherkasova O.V. Model of training students for psychological and educational work with parents	106
Kashina E.G. Innovative techniques of further training of foreign language teachers	113

STUDY OF LITERATURE

Karpenko G.Yu., Shchepalina E.A. «Eucharistic pochvennichestvo»: «The Fourth Magus» by S.N. Durylin (compared with «The Peasant Marey» by F.M. Dostoevsky)	117
Shevchenko E.S. «Victory over the Sun» by A. Kruchonykh and traditions of Russian drama and theatrical parody	124
Kanina S.Yu., Kuchumova G.V. Image of the second «lost generation» in the latest novel (K. Kracht <i>Faserland</i> , S. Minaev <i>Dyxless</i>)	130
Skorokhod N.S. Brecht and Russian «narrative experience»	136
Moroseeva D.D. Poetics of the motive of the border in the prose by Ingeborg Bachmann	142
Gumerova N.R. Transformation of Faustian story in the novel «The House of Dr. Dee» by P. Ackroyd	147

Sharapova D.D. Dostoevsky and Eugene Sue: «Humiliated and insulted»	152
Khadynskaya A.A. «And Russia is like the white lyra...»: image of the left homeland in the poetry of Russian emigration of the first wave	157
Karpenko G.Yu. Typological model of Russian classics	162
Zhurcheva O.V. Last existentialist: the conception of a hero in A. Volodin's drama	168
Perepelkin M.A. «Eccentric» Erofeev («Prose from the journal "Veche"»)	175
Levchenko S.O., Samorukova I.V. Gender aspect of problematization of identity in the XX century literature	180

LINGUISTICS

Leonovich L.M., Kharkovskaya A.A. Irony as a marker of the personage's speech behavior in modern English drama discourse	185
Khalikov M.M. Discourse and pragmatic potential of inter-level transposition of linguistic units	191
Danilova N.K. Semantic synthesis in discourse	197
Denisov N.V. Anthropocentric models in media discourse	203
Ivleva A.Yu. On the problem of «translation strategy» defining	207
Navasartyan L.G. Digital information as a means of manipulation in the modern press	213
Israfilov N.R. Phraseological synonymy of Aghul	220
Karpenko L.B. Church Slavonicisms in the Russian language as the reflection of book tradition	224
Gatina Ju.A. Discursive aspects of school communication based on the English mini-format Internet-texts	230
Parshutina G.A. On functional potential of verbs of communication in English business discourse	238
Karpenko L.B., Karpenko G.Yu. Myths of Soviet science about the origin of East Slavic writing (analysis and criticism)	244

REVIEWS

Fedorova N.A. Agrarian history of Russia in the XX century and its knights	249
<i>Information about the authors</i>	259
<i>Requirements to the design of articles</i>	264

УДК 930

*П.С. Кабытов****ИСТОРИЧЕСКИЕ ШТУДИИ ПРОФЕССОРА Э.Л. ДУБМАНА**

В статье анализируются научные труды одного из видных представителей самарской школы историков – Э.Л. Дубмана. На основе изучения историографических фактов определены периоды его творческой деятельности, показан вклад историка в изучение истории Самарского края XVI–XVII вв., истории Юго-Востока Европейской России. Рассматривается деятельное участие историка в подготовке и издании обобщающих исследований по истории Поволжья, в выявлении и публикации документов и материалов по истории Самары, Самарской области и Поволжья.

Ключевые слова: история Самары, Среднее Поволжье, промысловое предпринимательство, Юго-Восток Европейской России, внутренняя окраина, обретение Родины, историческое краеведение, Платоновские чтения.

Известный самарский историк, один из видных представителей самарской исторической школы Эдуард Лейбович Дубман родился 1 апреля 1950 г. в рабочей семье, в предместье города Самары (тогда Куйбышева) – поселке Зубчаниновка. Его родители до начала Великой Отечественной войны жили в Белоруссии, в поселении Слобода Витебской области. Мама Эдуарда – Роза Семеновна Гершанская – перед войной переехала в Витебск, где работала на фабрике. Как и тысячи людей в первые дни войны, она была эвакуирована в Казань, а затем в Ярославль. После окончания войны судьба занесла ее в город Куйбышев, где она встретила своего односельчанина Лейбу Шлемовича Дубмана и вышла за него замуж. Отец работал жестянщиком. До сих пор семья бережно хранит кастрюли и бак, изготовленные Лейбой – мастером по металлу. Семья поселилась в небольшом доме в Зубчаниновке. Свои детские годы Э.Л. Дубман вспоминает с большой теплотой: «После войны это рабочий поселок с огромным количеством садов. Мы жили очень скромно, но у меня водилось много друзей, приятелей» [22, с. 255]. Он рано лишился отца. Мама Эдуарда, Роза Семеновна, будучи великой труженицей, всегда была примером для сына. Ее отношение к труду, близким и родным сформировали у Э.Л. Дубмана такие черты характера, как целеустремленность и стойкость, ответственность за порученное дело, рационализм.

* © Кабытов П.С., 2016

Кабытов Петр Серафимович (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Исторические труды Э.Л. Дубмана стали известны научной общественности во второй половине 80-х гг. Его жизненный путь и творческая деятельность нашли отражение в Историко-культурной энциклопедии Самарского края [24], Энциклопедии Самарской области [42], в рецензиях на монографии, а также в статье П.С. Кабытова, которая была опубликована к 60-летию Э.Л. Дубмана [34, с. 3–6]. Весьма значительный резервуар информации, позволяющий провести реконструкцию биографии историка, содержится в его интервью, которое он дал автору этих строк [34]. Конечно, важны также личные впечатления о Э.Л. Дубмане его коллег-историков, с которыми он учился, а затем работал в Самарском государственном университете.

В биографии Э.Л. Дубмана условно можно выделить три периода. Первый охватывает 1950–1969 гг. – время становления личности будущего историка и формирования его характера. Второй период начался 1 сентября 1969 г. и длился до 2000 года. Но в нем следует выделить 1974–1977 гг. – время работы учителем истории и обществознания в селе Красный Яр Куйбышевской области. Начало научной биографии Э.Л. Дубмана совпадает со временем зачисления историка в качестве соискателя (1977 г.) для сдачи экзаменов кандидатского минимума. Только в 1980 г. он поступает в заочную аспирантуру, учеба в которой завершилась защитой в 1986 г. кандидатской диссертации в специализированном совете при Куйбышевском педагогическом институте.

1986–2000 гг. – самый насыщенный этап в жизни Э.Л. Дубмана. Круг его научных интересов расширился, что было связано с включением его в состав кафедры российской истории в начале как совместителя, а затем в марте 1991 г. он был избран ученым советом университета на должность старшего преподавателя [34, с. 5]. В эти годы стал меняться вектор его научных исследований. Помимо основной избранной им проблемы изучения промыслового предпринимательства и освоения Понизового Поволжья в XVI–XVII вв. он принимает участие в подготовке и издании книги об истории Самарского края, публикует книгу о роли церковно-монастырских владений в хозяйственном освоении Среднего Поволжья [6]. Особый интерес вызвала брошюра Э.Л. Дубмана о начальном периоде истории Самары [6], в состав которой был включен очерк о первом воеводе города-крепости князе Григории Засекине. Он был также в числе авторов, принимавших участие в издании книг о самарской топонимике [3; 4]. И конечно, нельзя не отметить его деятельное участие в реализации ряда проектов, которые выполнял коллектив кафедры российской истории в 90-е годы. Речь идет о трехтомной «Самарской летописи», восьмитомной «Истории Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» и издании трехтомной антологии «Американская русистика».

Во время третьего периода, который начался на рубеже 2000-х годов, в проблематике исследований Э.Л. Дубмана существенно возросло число работ, где рассматривались проблемы истории заселения и освоения лесостепных и степных районов в границах или Среднего Поволжья или всего Юго-Востока Европейской России. Новым было то, что Э.Л. Дубман активно включился в реализацию проектов федеральных целевых программ и грантов, предоставляемых институтом «Открытое общество» (фонд Сороса) и Российского гуманитарного научного фонда. Совместно с автором этих строк им были реализованы проекты издания пятитомной «Классики Самарского краеведения» [35] и монографии «История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы» [25], второе переработанное издание которой вышло в свет в 2015 г.

Но возвратимся вновь к начальному периоду биографии Э.Л. Дубмана. Начальное образование он получил в маленькой деревянной одноэтажной школе, которая находилась на пересечении улиц Дзержинского (ныне – Чекистов) и Первомайской (Краснопресненской). Общее образование Э.Л. Дубман завершил в восьмилетней школе № 98, которая до сих пор сохраняет прекрасную репутацию, так как в ней учились многие известные люди Самары. Эдуард был прилежным учеником. Ему легко давались естественные науки. Затруднения возникали лишь на уроках химии. «Там (в школе. – П.К.) учили вполне нормально, преподаватели мне нравились» [22, с. 256].

После окончания школы Э.Л. Дубман должен был учитывать реальное положение семьи. Он вполне осознавал, что нужно получить рабочую профессию. Выбор пал на Куйбышевский металлургический техникум, который он окончил с отличием. Во время учебы и производственных практик он освоил профессию правильщика 4-го разряда и такелажника на Куйбышевском металлургическом заводе.

Получив красный диплом, Э.Л. Дубман мог работать на металлургическом заводе. Был и другой выбор – поступать в политехнический или авиационный институты. Но к тому времени профессия инженера для него оказалась менее привлекательной. Уже в школе, а затем в техникуме он увлекся историей. Среди груды учебников по металлургии на его столе можно было найти исторические романы и документальные повести. Интерес к истории усиливался и во время просмотра отечественных шедевров кино. Уже в то время его больше всего интересовала средневековая история России. Но и историческое прошлое г. Куйбышева (Самары) не могло его не волновать.

Летом 1969 г. он подает документы и сдает экзамены на специальность «История» факультета гуманитарных наук Куйбышевского государственного университета. И вот экзамены позади, и он получает статус студента университета.

В те годы транспортная сеть в областном центре не была развита, а потому юный студент вынужден был ранним утром садиться на электричку, добираться до железнодорожного вокзала, а затем пересаживаться на трамвай или автобус. Дорога только в один конец занимала не менее 2 часов. Университетская жизнь оказалась чрезвычайно насыщенной. Лекции и семинары, изучение научной литературы, документальных публикаций и штудирование работ классиков марксизма-ленинизма органично сочеталось с другими социальными практиками студентов-историков. В первые годы становления университета один из основателей исторического факультета, профессор Е.И. Медведев, привлекал к чтению лекций преподавателей Куйбышевского педагогического института – профессора И.Н. Яковлева, доцента А.Г. Каревскую. С особым вниманием Э.Л. Дубман слушал курс древнерусского языка, который читал доцент пединститута А.А. Гребнев. Новые горизонты знаний открывали для студента лекции Л.В. Храмова, Б.Д. Козенко, Г.И. Матвеевой. Уже на втором курсе определились научные интересы студента Э.Л. Дубмана. Под руководством Л.В. Храмова он начал изучать историю начального заселения и хозяйственного освоения Самарской Луки. Но помимо учебы и научной работы Дубмана увлекала романтика студенческой жизни. В 1970 г. он в составе студенческого строительного отряда занимается прокладкой телефонного кабеля в г. Куйбышеве. Летом 1971 г. участвовал в строительстве нефтяной насосно-перекачивающей станции в п. Стрежевом Томской области. В полной мере профессии землекопа, бетонщика, каменщика, плотника, монтажника были освоены Дубманом летом 1973 г. в столице Тувы г. Кызыле. Эта стройотрядовская эпопея была особенно богата разными приключениями.

Конечно, как и многие студенты-историки, Э.Л. Дубман не мог не переболеть увлечением археологией. Ему навсегда запомнилась археологическая практика, которую он проходил под руководством И.Б. Васильева в с. Ширяево осенью 1970 г. Но вот учеба в университете завершена. Получен диплом с отличием. Что же дальше? А дальше – работа учителем школы в районном центре Красный Яр. Здесь его внимание привлекали земляные валы крепости, сооруженной в XVIII в. В школе ему поручили преподавать самые разные гуманитарные предметы. Обширный набор учебных дисциплин для молодого учителя был не случаен. Так или иначе, он хорошо знал историю, географию, обществоведение и литературу. Но карьера школьного учителя не привлекала его. К тому же в 1976 г. при встрече с профессором Е.И. Медведевым он услышал его совет сдавать экзамены кандидатского минимума и поступать в аспирантуру. Но для этого нужно было работать в университете. Во второй половине 70-х гг. при кафедре дореволюционной отечественной истории была создана хозрасчетная археологическая научно-исследовательская лаборатория, сотрудники которой вели изучение археологических памятников

в зонах новостроек. Руководила ею доцент Галина Ивановна Матвеева. Она хорошо помнила своего бывшего студента и решила пригласить его на работу. 17 ноября 1977 г. Эдуард был принят на должность младшего научного сотрудника. Вскоре оказалось, что он обладает организаторским талантом. Его назначают начальником группы (НИГ-7), а затем руководителем археологической экспедиции. Фактически в конце 70–80-х гг. он выступал в качестве менеджера, вел переговоры с руководителями строительных организаций и заключал контракты на выполнение исследовательских работ. В этой связи можно утверждать, что Э.Л. Дубман внес весомый вклад в организацию и проведение археологических исследований.

В 1977 г. он подал заявление о прикреплении к кафедре для сдачи экзаменов кандидатского минимума, а в 1980 г. поступил в заочную аспирантуру к Е.И. Медведеву. Тогда же определилась и тема будущей кандидатской диссертации: «Церковно-монастырские феодалы в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв.».

Впервые я познакомился со студентом Э.Л. Дубманом во время чтения лекций по историографии и источниковедению. Я увидел высокого молодого человека с роскошной шевелюрой. Он показал отличные знания во время сдачи курсовых экзаменов. Успешной была и защита дипломного сочинения. Вскоре я с сожалением узнал, что он направлен на работу в Красный Яр. Иногда я встречал его на кафедре, где он консультировался с преподавателями. Но чаще всего он общался с Е.И. Медведевым. Наши контакты стали постоянными в 1985–1986 гг. в связи с тем, что я был утвержден научным руководителем по его кандидатской диссертации.

При написании кандидатской диссертации молодой ученый должен был преодолеть множество препятствий. Одно из них – освоение палеографии. Огромное внимание им было уделено изучению научных работ его предшественников и выявлению документального материала в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и областных центрах Поволжья.

Перу самарского историка принадлежит свыше 300 научных работ, в их число входят более 20 монографий и документальных сборников. Как отмечалось выше, интерес Э.Л. Дубмана к научной работе и проблематика последующих исследований определились еще во время обучения в Самарском (Куйбышевском) государственном университете (1969–1974 гг.). Знаменитая чеканная формулировка В.О. Ключевского о том, что «История России есть история страны, которая колонизируется» [37, с. 50], оказалась отправным пунктом для его занятий отечественной историей. Позднее российское Средневековье, время становления и стремительного расширения Московского государства стало делом всей жизни для историка. Его увлекла историческая конкретика освоения вновь присоединенных территорий, включения их в политическую, экономическую и социокультурную жизнь России. Свою выпускную дипломную работу он посвятил теме колонизации и складывания системы расселения на Самарской Луке во второй половине XVI – XVII вв. Впоследствии, уже работая над кандидатской (1986 г.) и докторской (2000 г.) диссертациями, многочисленными статьями и книгами, Э.Л. Дубман значительно расширил хронологические и территориальные рамки своих исследований. Однако интерес к российскому позднему Средневековью и начальному периоду нового времени, истории региона, который условно впоследствии был определен как «Юго-Восток Европейской России», остался неизменным. Процессы, происходившие на этих обширных территориях, стали определяющими для его научных занятий. Прежде всего историка интересовали особенности миграций и расселения, различных в этническом и конфессиональном отношении категорий переселенцев на новых, практически пустынных пространствах так называемого «Дикого поля». В центре его внимания оказались вопросы колонизации региона, промысловой и земледельческой деятельности новых жителей. Занимаясь этой проблематикой, Э.Л. Дубман опирался на традиции, которые сформировались в отечественной исторической науке второй половины XIX – начала XX вв.

Рассмотрение колониционных процессов, как основополагающих для развития российского общества и государственности, характерное для трудов С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, М.К. Любавского и других исследователей, становится краеугольным камнем для последующих работ самарского историка. Тем более что традиции таких исследований получили широкое развитие в трудах многих исследователей советского периода (Н.В. Устюгов, С.В. Бахрушин, А.А. Преображенский, Л.В. Милов и другие), как для территории всего Российского государства, так и для юго-восточных территорий его европейской части (И.П. Ермолаев, В.Д. Димитриев, Р.Г. Кузеев и др.). Со многими из них Э.Л. Дубман встречался и беседовал лично, слушал их доклады на конференциях, монографии и статьи других изучал; это стало фундаментом, на котором формировалась взгляды и научные подходы самарского исследователя.

В конце XX – начале XXI в., когда отчетливо проявился кризис советской исторической науки, Э.Л. Дубман попытался творчески соединить ставшие уже традиционными методы отечественной историографии с новым, более объективным междисциплинарным подходом к процессам колонизации, социального, экономического и политического развития; с наиболее значимыми достижениями зарубежной исторической науки. В этой связи отнюдь не случайным является его участие в издании антологии «Американская русистика».

О значимости освоения методов зарубежных историков мы писали в «Предисловии» к третьему тому антологии «Американская русистика»: «...Ознакомившись с содержанием сборника, российский читатель получает достаточно полное представление об уровне заокеанской исторической науки, ее методологии, знании историографии изучаемых проблем, методике источниковедческих исследований; о совокупности взглядов на важнейшие этапы развития нашей страны – от эпохи расселения славян и скандинавов в Восточной Европе в докиевский период до времени петровских преобразований» [31, с. 3]

Э.Л. Дубман в своих исследованиях представляет колонизацию европейского Юго-Востока страны как крайне сложный и противоречивый процесс для всех этносов и социальных групп, являвшихся его акторами. Он исходит из тезиса, что южная лесостепь, лежащая за пределами давно заселенной территории бывшего Казанского ханства (так называемое Южное Средневожье), где во второй половине XVII – начале XVIII в. происходили массовые колониционные и миграционные процессы, была далеко не пустынным пространством, как тогда писали, «порозжей землей». Пограничные территории являлись северными окраинами ногайских и сменивших их калмыцких кочевий, зоной активной промысловой («наездом») деятельности автохтонных народов Среднего Поволжья и Приуралья. Здесь во второй половине XVI столетия начинала складываться казачья вольница со своим укладом повседневной жизни, социальной организацией и менталитетом. Это была зона фронта, где сталкивались интересы самых различных народов, шел трудный и противоречивый поиск зыбкого компромисса. «Огосударствление» всего этого пространства, превращение его во «внутреннюю окраину» страны вызывало мощные социальные и этноконфессиональные конфликты, приводило к формированию на юго-восточных окраинах страны масштабных антикрепостнических и антигосударственных движений.

Занимаясь региональной историей, Э.Л. Дубман вслед за Л.В. Миловым и другими исследователями утверждает, что именно Московское государство являлось инициатором и главным создателем условий для развития нового социума на территории вновь осваиваемых регионов; именно оно обеспечивало относительную безопасность для переселенцев и возможности для их хозяйственной деятельности. Традиционное для советской историографии положение об антагонистичности государственной и «вольной» колонизации, их практической несовместимости, по мнению Э.Л. Дубмана, необходимо пересмотреть и показать, что во многом они взаимно обуславливали

и дополняли друг друга. Предпринятые им лонгитюдные региональные исследования показывают, что в этом процессе русские и автохтонные народы Среднего Поволжья, расселяясь в новом регионе и сохраняя свои этнические и конфессиональные особенности, смогли сформировать общее этнокультурное пространство, найти взаимоприемлемые формы сосуществования. Тем самым труды самарского историка подтверждают тезис американской исследовательницы В. Кивельсон, писавшей, что в колониационных процессах периода Московского государства явственно проявлялся «отпечаток русского подхода к “человеческой географии”, для которого ни искоренение, ни обращение (местного населения. — П.К.) не были характерны» [36, с. 284].

В докторской диссертации и в ряде монографических исследований Э.Л. Дубман настойчиво проводит мысль об особой значимости для Московского государства и общества второй половины XVI — XVII вв. интенсивного хозяйственно-промышленного освоения Юго-Востока Европейской России. Введение в научный оборот новых источников и использование репрезентативной источниковой базы позволило ему убедительно показать, что здесь, в акваториях крупнейших рек — среднего и нижнего течения Волги (ниже устья Камы), Камы, Яика, — и северной части Каспия сложился базовый для страны центр промышленного предпринимательства. Уникальная, чрезвычайно удобная система водных путей, по мнению историка, связала между собой совокупность рыболовецких предприятий и центров добычи соли в единый промышленный регион; соединила центральные районы страны с богатыми странами Средней Азии, Персией и Закавказьем. Роль этой транспортной артерии, пронизавшей всю территорию европейской части России с северо-запада на юго-восток, высоко оценивали как западноевропейцы [1; 22], так и русские государственные деятели того времени. Исследователь показывает, что в разработке природных богатств региона принимали активное участие самые различные группы предпринимателей: как корпоративные (Дворец, монастыри и епархиальные дома, корпорации горожан), так и отдельные промышленники (представители знати, привилегированного купечества — гости, люди гостинной и суконной сотен; посадские люди и т. д.). Анализ масштабов, особенностей использования рабочей силы, товарности предприятий и технологических особенностей промыслов региона; детальное изучение всего юго-восточного «промышленного Эльдorado» дали возможность автору заявить, что именно освоение природных ресурсов Европейского Юго-Востока во второй половине XVI — XVII вв. позволило правительству получить необходимые дополнительные средства для проведения совокупности реформ, послуживших начальным предварительным этапом для последующих преобразований первой четверти XVIII в. [9; 10]

Как подчеркивает в своих работах Э.Л. Дубман, промышленное и последовавшее за ним аграрное освоение региона базировалось на активной военно-административной деятельности Московского государства. Ареал постоянного городского и сельского расселения неуклонно расширялся к югу. Для обеспечения его безопасности необходимо было осуществление комплекса масштабных военно-организационных и фортификационных мероприятий. Изучению строительства засечных линий и отдельных крепостей-городов, насыщению юго-восточного пограничья военизированным населением историк посвятил ряд работ, базовыми из которых явились монографии и статьи, посвященные деятельности Закамской экспедиции и созданию Новой Закамской линии в первой половине 1730-х гг. [11].

Использование широкой источниковой базы, разнообразных, впервые вводимых в научный оборот архивных материалов позволило исследователю существенно уточнить бытовавшие в исторической науке суждения о строительстве Сызранской линии [12], а также скорректировать традиционные взгляды на историю сооружения в середине XVII в. совокупности засечных черт — Инсарской, Саранской, Карсунской, Симбирской, Закамской и других [13]. Анализ особенностей формирования военизи-

рованного служилого и тяглого населения во вновь колонизируемом регионе, сопоставление процессов, происходивших на его территории, с аналогичными в других районах южного и юго-восточного пограничья средневековой России привело автора к определению ряда важных специфических особенностей его развития.

Особую значимость для исследований Э.Л. Дубмана последних лет представляет введение им в научный оборот значительного массива архивных источников об особенностях набора даточных людей на Юго-Востоке, производившегося Генеральным двором в с. Преображенском. Их детальный анализ позволил получить важные данные о демографических процессах, составе и численности, половозрастных характеристиках семей служилых людей, составлявших значительную, если не основную часть населения Юго-Востока европейской части страны [14].

Отметим, что концептуальные подходы Э.Л. Дубмана к изучению региональной истории складывались в процессе формирования и активной научно-исследовательской деятельности коллектива исследователей Самарского государственного университета под руководством профессора П.С. Кабытова. В рамках работы над общими темами, крупными многотомными исследованиями практически сложилось единое научное направление, научная школа, основу которой составили сотрудники кафедры российской истории и других подразделений исторического факультета. Уже в первых совместных статьях [30] и монографиях 1990-х – начала 2000-х гг. можно увидеть основы общей концепции развития региона европейского Юго-Востока на протяжении значительного периода: со времени его вхождения в состав Московского государства и до революционных событий 1917 г. [21, с. 36]. Итоговые результаты работ в рамках этого научного направления были изложены самарскими историками в двух томах коллективного исследования, вышедших в 2013–2014 гг. в рамках выполнения Федеральной целевой программы. Их составителями и редакторами являлись П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман и О.Б. Леонтьева. Эти обобщающие исследования самарских ученых были посвящены развитию Среднего Поволжья и Заволжья в контексте формирования российской государственности и социума во второй половине XVI – начале XX вв. В первом томе была предпринята попытка определить ключевые особенности вхождения южных территорий Среднего Поволжья в состав Московского царства. Принципиально новым является то, что Э.Л. Дубманом, П.С. Кабытовым и О.Б. Леонтьевой были сформулированы новые концептуальные подходы, характеризующие регион с XVI до первой половины XIX вв., как один из фронтиров Российского государства [27, с. 15]. Но к середине XIX в. имперская политика в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции. «Средневожский регион из фронта вдоволь юго-восточной границы превращался в своеобразную “внутреннюю окраину” России, обладавшую чертами пограничных и одновременно внутренних территорий России» [28, с. 17]. Особое внимание было уделено процессам административно-территориального строительства на территории региона, складыванию и эволюции систем местного управления и самоуправления, их практической деятельности [28]. Вторым том посвящен изучению существенных характеристик процессов заселения лесостепных районов Среднего Поволжья и Заволжья как особой составной части Юго-Востока Европейской России. Он содержит анализ ключевых особенностей складывания в регионе различных систем расселения, направления и интенсивности миграционных процессов на разных этапах его колонизации, состава и численности населения. Итогом этой работы явилась оригинальная концепция истории обширного региона, выделение важнейших этапов его развития; анализ характерных черт, объединяющих его с другими центральными и окраинными регионами страны, и вместе с тем в монографии показана специфика, выделяющая его из общероссийского пространства [29]. Нельзя пройти и мимо такого важного концептуального вывода, к которому пришли П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман и О.Б. Леонтьева: «В осваиваемых, колонизируемых регионах Российского государства складывался новый тип общества: модели, транслируемые из цент-

ра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения «окраин» [32, с. 122].

В рамках такого же коллегиального подхода происходило участие Э.Л. Дубмана в изучении истории Самарского Поволжья. Активное исследование этой проблематики началось с 1980-х гг., а итогом стало появление ряда коллективных монографий, в которых традиционно выделяемый начальный период истории региона в составе Московского государства по-новому рассматривался Э.Л. Дубманом. Важнейшим этапом в этой исследовательской деятельности явился выпуск в 1993–1996 гг. трехтомной «Самарской летописи» [40]. Позднее ее содержание было существенно переработано, расширено и дополнено коллективом кафедры российской истории. В результате в 2000 г. были изданы шеститомная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» [27] и два тома документов и материалов к ней под общим заглавием «Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.» [39; 41]. Это многотомное издание явилось важным шагом в процессе исследования истории значительного региона. В 2012 и 2015 гг. Э.Л. Дубман принял активное участие как один из авторов, составителей и редакторов в подготовке и издании двух выпусков «Истории Самары» (эта коллективная монография охватывает период от основания города до начала XX в.) [25]. Участие в работе над подобными масштабными коллективными изданиями для каждого из участников авторского коллектива сопровождалось подготовкой ряда разделов с изучением конкретных локальных сюжетов. Так, для Э.Л. Дубмана особое значение имела разработка сюжета о так называемой «золотоордынской» Самаре, поселении, обозначенном на двух итальянских картах XIV–XV вв. [17, с. 68–86]. И конечно, нельзя не отметить деятельное участие Э.Л. Дубмана в подготовке и издании монографии о его учителе, заслуженном деятеле науки РФ, докторе исторических наук, профессоре Е.И. Медведеве, которую он написал совместно с Г.В. Балашовым и П.С. Кабытовым [2].

Тематический диапазон исследований Э.Л. Дубмана, сложившийся в течение нескольких десятилетий его научной работы, достаточно широк и разнообразен. Помимо активно разрабатываемых им тем социально-экономической, политической, демографической истории, вполне очевидно особое внимание автора к изучению ономастики, социокультурных проблем, истории градостроительства, фортификации и т.д.

Особый интерес представляют работы Э.Л. Дубмана в биографическом жанре. Так, много времени он уделил изучению государственной службы и разносторонней деятельности князя Г.О. Засекина — полководца и талантливого администратора, построившего в конце XVI в. три города-крепости на Волге — Самару, Саратов и Царицын. Работа над реконструкцией жизненного пути этого воеводы позволила выявить целый пласт новых материалов по истории Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа; показать особенности военной и государственной деятельности служилого человека по отечеству, хотя и принадлежавшего к известному княжескому роду, но не пробившегося в состав московской элиты [18]. Работая над темой истории сооружения Новой Закамской линии, Э.Л. Дубман смог воссоздать биографии руководителей Закамской экспедиции, прежде всего И.А. Бибикова, заведовавшего всей инженерной частью строительства Новой Закамской линии [19].

Написанные Э.Л. Дубманом в 1990-е и в последующие годы в соавторстве с В.Ф. Барашковым, Ю.Н. Смирновым и Ю.К. Рошевым обобщающие работы по региональной топонимике (Самарского Поволжья и Самарской Луки) раскрывают значительный пласт возникновения и бытования географических названий. Ономастические исследования требуют объединения усилий специалистов самых разных направлений — лингвистов, историков, экологов, географов. Создание творческого коллектива из таких специалистов предопределило успех исследований и то, что они вплоть до настоящего времени оказались востребованными различными категориями читателей [3; 4].

Результатом многолетней совместной работы П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана явилось издание пятитомной серии сборников документов и материалов под общим названием «Классика самарского краеведения». Ее составители и редакторы смогли выявить, обработать и опубликовать значительный массив архивных источников, а также давно изданные и сейчас практически неизвестные широкому читателю материалы. Среди них так называемые «краеведческие записки» К.П. Головкина; отчеты, письма и исследования М.Н. Тихомирова и А.А. Гераклитова; материалы деятельности членов Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания при первом самарском университете, ряд других уникальных документов и материалов [35].

Необходимо отметить, что изучение начальной истории юго-восточной окраины европейской части Российского государства потребовало от Э.Л. Дубмана особого внимания к анализу и пополнению источниковой базы. Проблема заключается в том, что делопроизводство приказа Казанского Дворца – центрального учреждения, в юрисдикции которого находился весь обширный регион Юго-Востока Европейской России с конца XVI – до начала XVIII в., – практически не сохранилось. Комплексное исследование истории всей этой территории в период ее начального освоения потребовало от историка длительной и тщательной работы в центральных и местных архивохранилищах, им осуществлено фронтальное изучение материалов фондов центральных и региональных архивов, что позволило выявить новый массив документальных материалов. Э.Л. Дубманом предпринято новое прочтение дореволюционных публикаций сотрудников архивных комиссий, преподавателей вузов Поволжья и краеведов. Такой подход к изучению комплекса документов и материалов создал условия для появления целой серии работ Э.Л. Дубмана. Научная общественность России позитивно оценивает научные достижения самарского историка.

Э.Л. Дубман много сделал для расширения источниковой базы ради будущих поколений региональных исследователей. Его архивные, источниковедческие и археографические исследования весьма обширны и значимы. Значительную часть вновь выявленных архивных материалов Э.Л. Дубман смог опубликовать, подготовить к ним комментарии и дать археографическое введение. Безусловно, весьма значимо его деятельное участие в подготовке и проведении Всероссийских Платоновских чтений, издании материалов этого молодежного форума России. Значительный интерес представляет книга о С.Ф. Платонове, в которой опубликована переписка С.Ф. Платонова с его дочерьми [33]. Здесь многое можно было бы рассказать об участии Э.Л. Дубмана в сессиях Аграрного симпозиума по изучению аграрной истории Европы и научных конференциях Средневолжского объединения историков-аграрников, краеведов России и Самарской области, организации научной работы студентов и аспирантов, увековечивании памяти академика С.Ф. Платонова, сооружении памятника первому самарскому воеводе Г.О. Засекину. Он входит в число активных популяризаторов историко-культурного наследия Самарского края на телевизионных каналах Самары и страницах самарских изданий. Отдельная страница его биографии – неустанный педагогический труд в стенах Самарского государственного университета. Под его научным руководством защищены десятки дипломных сочинений, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций, он являлся научным руководителем 13 аспирантов.

Несомненно, что научная и педагогическая деятельность профессора Э.Л. Дубмана способствует формированию новых знаний по истории России и Самарского края и формирует условия для изучения новых проблем российской и региональной истории.

Библиографический список

1. Асташкин Р.С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток (вторая половина XVI – XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.
2. Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатьевич Медведев – человек, ученый, педагог. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 176 с.
3. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1996. 192 с.
4. Топонимика Самарской Луки / В.Ф. Барашков, Э.Л. Дубман, Ю.Н.Смирнов [и др.] // Энциклопедия Самарской области. Приложения. Т. 1. Самара, 2010.
5. Дубман Э.Л. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в крае во второй половине XVI – XVII вв. // Земля Самарская. Куйбышев, 1990.
6. Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.
7. Дубман Э.Л. Сказание о первых самарцах. Очерки по истории Самары 1586–1680-х гг. Самара: Изд. центр «АртМакет», 1991. 74 с.
8. Дубман Э.Л. Церковно-монастырские феодалы в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986.
9. Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. 216 с.
10. Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2000.
11. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.
12. Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 326–332.
13. Дубман Э.Л. Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи России // Русь. Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 21–23 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 300–305.
14. Дубман Э.Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII–XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сб. науч. статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. С. 102–115.
15. Дубман Э.Л. От Казанского похода до Смутного времени // Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Книга первая. Самарский край с древнейших времен до середины XIX века. Самара: Изд-во «Самарский университет», Изд-во «АртМакет», 1993. С. 36–58.
16. Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Присоединение Поволжья к России. Самарский край во второй половине XVI – начале XVII века // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000.
17. Дубман Э.Л., Артамонова Л.М. Порубежный край Российской державы (XVII – середина XVIII века) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000.
18. Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Часть I. Поволжский фронт в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 236 с.
19. Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин – строитель волжских городов. Самара: Изд-во «Печатный двор», 2002. 90 с.
20. Дубман Э.Л. Военный инженер Илья Бибииков и строительство Новой Закамской линии // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей / III Междунар. научно-практ. конф. «Самарский край в контексте мировой культуры. Идеи и судьбы». 10–15 июня 2003 г.: сб. ст. и материалов. Самара, 2003.
21. Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России / под ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 296 с.
22. Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Утверждение в профессии // Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012.
23. Дубман Э.Л. Английские путешественники на волжском пути (вторая половина XVI в.) // Вестник Самарского государственного университета, 2007. № 5/3 (55). С. 96–106.
24. Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. А–Д. Самара, 1993.
25. История Самары: от воеводского управления до Губернской думы. Книга первая. Самара: СНЦ РАН, 2011. 236 с.

26. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Предисловие // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: антология / сост. Дж. Маджеска. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.
27. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 6 т. / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман [и др.]. М.: Наука, 2000.
28. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории: монография / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева [и др.]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 360 с.
29. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева [и др.]. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 254 с.
30. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Среднее Поволжье и проблема национальных отношений // Регионоведение. 1993. № 2.
31. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Предисловие // История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Самара: СНЦ РАН, 2011.
32. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования российской государственности: современная концепция // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 117–131.
33. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф. Платонов и Самара: история и память: материалы и исследования / науч. ред. проф. П.С. Кабытов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 90 с.
34. Кабытов П.С. Профессор Эдуард Лейбович Дубман // Самарский земский сборник. 2009. № 1 (18).
35. Классика Самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Вып. 1. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002; Вып. 2. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006; Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX в. Самара, 2007; Вып. 4. Щибраев В.Л. Большая Царевщина: Семейная хроника. Изд. 3-е, доп. и исправ. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008; Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008.
36. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
37. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 432 с.
38. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007. 328 с.
39. Самарское Поволжье с древности до конца XIX в.: сборник документов и материалов. Самара: СНЦ РАН, 2000. 512 с.
40. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Самара: Изд-во «Самарский университет», Изд-во «АртМакет», 1993.
41. Самарское Поволжье в XX веке: сборник документов и материалов. Самара, 2000.
42. Энциклопедия Самарской области. Т. 2. Самара, 2010.

References

1. Astashkin R.S. *Rossia i torgovaia ekspansiia evropeitsev na Vostok (vtoraia polovina XVI – XVII vv.): dis. ... kand. ist. nauk* [Russia and trade expansion of Europeans on East (second half of XVI–XVII centuries): Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2007 [in Russian].
2. Balashov G.V., Dubman E.L., Kabytov P.S. Efrem Ignat'evich Medvedev – chelovek, uchenyi, pedagog [Efrem Ignatievich Medvedev – person, scientist, pedagogue]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006, 176 p. [in Russian].
3. Barashkov V.F., Dubman E.L., Smirnov Yu.N. Samarskaia toponimika [Samara toponymy]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 1996, 192 p. [in Russian].
4. Barashkov V.F., Dubman E.L., Smirnov Yu.N. Toponimika Samarskoi Luki [Toponymy of the Samara Bend] in *Entsiklopediia Samarskoi oblasti. Prilozheniia. T. 1* [Encyclopedia of the Samara Region. Appendices. Vol. 1]. Samara, 2010 [in Russian].
5. Dubman E.L. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie i klassovaia bor'ba v krae vo vtoroi polovine XVI – XVII vv [Social and economic development and class struggle in the Region in the second half of the XVI–XVII centuries] in *Zemlia Samarskaia* [Samara Land]. Kuibyshev, 1990 [in Russian].

6. Dubman E.L. Khoziaistvennoe osvoenie Srednego Povolzh'ia v XVII v. Po materialam tserkovno-monastyrskikh vladenii [Development of Middle Volga Region in the XVII century. On the materials of the church and abbeysteads]. Kuibyshev, 1991 [in Russian].
7. Dubman E.L. Skazanie o pervykh samarskikh. Ocherki po istorii Samary 1586 – 1680-kh gg. [Legend of the first Samara people. Essays on the history of Samara 1586–1680 years]. Samara: Izd. tsentr «ArtMaket», 1991, 74 p. [in Russian].
8. Dubman E.L. *Tserkovno-monastyrskie feodaly v Simbirsko-Samarskom Povolzh'e v XVII – nachale XVIII v.: diss... kand. ist. nauk* [Church and monastic feudalists in Simbirsk–Samara Volga Region in the XVII–beginning of the XVIII century: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Kuibyshev, 1986 [in Russian].
9. Dubman E.L. Promyslovoe predprinimatel'stvo i osvoenie Ponizovogo Povolzh'ia v kontse XVI – XVII vv. [Fishing entrepreneurship and reclamation of the Lowland Volga Region in the second half of the XVI–XVII centuries]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 1999, 216 p. [in Russian].
10. Dubman E.L. *Promyslovoe predprinimatel'stvo i osvoenie Ponizovogo Povolzh'ia vo vtoroi polovine XVI – XVII vv.: diss... dokt. ist. nauk* [Fishing entrepreneurship and reclamation of the Lowland Volga Region in the second half of the XVI–XVII centuries: Doctor's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2000 [in Russian].
11. Dubman E.L. Novaia Zakamskaia liniia: sud'ba, proekt, stroitel'stvo. 2-e izd-e ispr. i dop. [New Trans-Kama Line: fate, project, construction. 2nd edition, revised and enlarged]. Samara, Izd-vo «Samarskii universitet», 2005, 196 p. [in Russian].
12. Dubman E.L. Proekt Syzranskoi linii: predystoriia, sozdanie i sud'ba [Project of Syzran line: prehistory, creation and fortune]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences], 2011, Vol. 13, no. 3(2), pp. 326–332 [in Russian].
13. Dubman E.L. Stroitel'stvo Karsunskoi i Simbirskoi chert kak sostavnoi chasti edinoi sistemy ukreplenii evropeiskoi lesostepi Rossii [Construction of Karsunsky and Simbirsk lines as a constituent element of a unified system of fortification of European forest-steppe of Russia] in *Rus'. Rossiia: Srednevekov'e i Novoe vremia. Vyp. 3. Tret'i chteniia pamiati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21-23 noiabria 2013 g.* [Rus'. Russia: Middle Ages and Modern Age. Issue 3. Third readings of the memory of the Academician of the RAS L.V. Milov. Materials to the international scientific conference. Moscow, November 21–23, 2013]. M., 2013, pp. 300–305 [in Russian].
14. Dubman E.L. Dokumenty General'nogo Dvora v s. Preobrazhenskom kak istochnik po sostavu i kolichestvu naseleniia russkogo goroda rubezha XVII – XVIII vv. [Documents of the General Courtyard in the Preobrazhensky village as a source on structure and quantity of population of a Russian city of the boundary of the XVII–XVIII centuries]. *Problemy rossiiskoi i sotsial'noi istorii: sb. nauch. statei* [Problems of Russian and social history: collection of scientific articles]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2011, pp. 102–115 [in Russian].
15. Dubman E.L. Ot Kazanskogo pokhoda do Smutnogo vremeni [From Kazan campaign to the Time of Troubles] in *Samarskaia letopis'. Ocherki istorii Samarskogo kraia s drevneishikh vremen do nachala XX veka. V 2 kn. / Pod red. P.S.Kabytova, L.V.Khramkova. Kniga pervaiia. Samarskii krai s drevneishikh vremen do serediny XIX veka.* [Samara chronicle. Essays on the history of the Samara Region from ancient times up to the beginning of the XX century. In 2 Books. P.S. Kabytov, L.V. Khramkov (Eds.). Book 1. Samara Region from ancient times up to the middle of the XIX century]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», Izd-vo «ArtMaket», 1993, pp. 36–58 [in Russian].
16. Dubman E.L., Smirnov Yu.N. Prisoedinenie Povolzh'ia k Rossii. Samarskii krai vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII veka [Accession of the Volga Region to Russia. Samara Region in the second half of the XVI–beginning of the XVII century] in *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XVI – pervaiia polovina XIX veka* [History of the Samara Volga Region from ancient times to our days. XVI–first half of the XIX century]. M.: Nauka, 2000, pp. 10–71 [in Russian].
17. Dubman E.L., Artamonova L.M. Porubezhnyi krai Rossiiskoi derzhavy (XVII – seredina XVIII veka) [Border land Region of the Russian empire (XVII–middle of the XVIII century)]. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XVI – pervaiia polovina XIX veka* [History of the Samara Volga Region from ancient times to our days. XVI–first half of the XIX century]. M.: Nauka, 2000, pp. 72–142 [in Russian].
18. Dubman E.L. Iugo-Vostok Evropeiskoi Rossii. Chast' I. Povolzhskii frontir v seredine XVI – XVII vv. Ocherki istorii [Southeast of the European Russia. Part I. Volga Region frontier in the middle of the XVI–XVII centuries. Essays on history]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2015, 236 p. [in Russian].

19. Dubman E.L. Kniaz' Grigorii Zasekin – stroitel' volzhskikh gorodov [Prince Grigory Zasekin – constructor of the Volgian cities]. Samara: Izd-vo «Pечатnyi dvor», 2002, 90 p. [in Russian].
20. Dubman E.L. Voennyi inzhener Il'ia Bibikov i stroitel'stvo Novoi Zakamskoi linii [Military engineer Ilya Bibikov and construction of New Trans-Kama Line] in *Samarskii krai v zhizni i tvorchestve vydaiushchikhsia lichnostei. Sbornik statei i materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Samarskii krai v kontekste mirovoi kul'tury. Idei i sud'by». 10–15 iunia 2003 g.* [Samara Region in the life and creative work of the eminent people. Collection of articles and materials of the III International research and practical conference «Samara Region in the context of the world culture. Lives and fortunes». June 10–15, 2003]. Samara, 2003 [in Russian].
21. Dubman E.L., Kabytov P.S., Tagirova N.F. Ocherki istorii iugo-vostoka Evropeiskoi Rossii / Pod red. P.S. Kabytova [Essays on history of the southeast of European Russia]. P.S. Kabytov (Ed.). Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2004, 696 p. [in Russian].
22. Dubman E.L., Kabytov P.S. Utverzhenie v professii [Confirmation in profession] in *Kabytov P.S. Skvoz' «likhie» i «nulevyie». Vospominaniia* [Through «tumultuous» and «noughties». Reminiscences]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2012, pp. 253–264 [in Russian].
23. Dubman E.L. Angliiskie puteshestvenniki na volzhskom puti (vtoraia polovina XVI v.) [English travelers on the Great Volga River Route (second half of the XVI century)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2007, no. 5\3(55), pp. 96–106 [in Russian].
24. Istoriko-kul'turnaia entsiklopediia Samarskogo kraia. Personalii. A–D [Historical and cultural encyclopedia of the Samara Region. Personalalia. A–D]. Samara, 1993, p. 368 [in Russian].
25. Istoriia Samary: ot vovodskogo upravleniia do Gubernskoi Dumy. Kniga pervaiia [History of Samara: from voivode management to the Regional Duma. Book 1]. Samara: SNTs RAN, 2011, 236 p. [in Russian].
26. Kabytov P.S., Dubman E.L. Predislovie [Foreword] in *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoi i Moskovskoi Rusi: Antologiiia / Sost. Dzh. Madzheska* [American Russian Studies: Landmarks of historiography of the last years. Period of Kievan and Moscovia: Anthology]. Compiler G. Madgeska. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2001, pp. 3–9 [in Russian].
27. Kabytov P.S., Dubman E.L. et al. Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. V 6 t. [History of the Samara Volga Region from the ancient times to the present days. In 6 Vols.]. M.: Nauka, 2000 [in Russian].
28. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. et al. «Obretenie Rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.). Chast' 1. Ocherki istorii: monografiia [«Acquisition of the Homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI–beginning of the XX century). Part 1. Essays on history: monograph]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2013, 360 p. [in Russian].
29. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. et al. «Obretenie Rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.). Chast' 2: Zaselenie regiona i etnodemograficheskaia situatsiia [«Acquisition of the Homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI–beginning of the XX century). Part 2. Colonization of the Region and ethno demographic situation]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2014, 254 p. [in Russian].
30. Kabytov P.S., Dubman E.L. Srednee Povolzh'e i problema natsional'nykh otnoshenii [Middle Volga Region and the problem of national relations]. *Regionologiiia* [Regionology], 1993, no.2 [in Russian].
31. Kabytov P.S., Dubman E.L. Predislovie [Foreword] in *Istoriia Samary: ot vovodskogo upravleniia do Gubernskoi Dumy. Kniga pervaiia* [History of Samara: from voivode management to the Regional Duma. Book 1]. Samara: SNTs RAN, 2011, pp. 6–7 [in Russian].
32. Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. Sredniaia Volga i Zavolzh'e v protsesse formirovaniia rossiiskoi gosudarstvennosti: sovremennaia kontseptsiiia [Middle Volga region and trans-Volga region in the process of formation of Russian statehood: modern concept]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 2, pp. 117–131 [in Russian].
33. Kabytov P.S., Dubman E.L. S.F. Platonov i Samara: istoriia i pamiat': materialy i issledovaniia / nauch. red. prof. P.S. Kabytov [S.F. Platonov and Samara: history and memory: materials and research]. P.S. Kabytov (Ed.). Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2015, 90 p. [in Russian].
34. Kabytov P.S. Professor Eduard Leibovich Dubman [Professor Eduard Leibovich Dubman]. *Samarskii zemskii sbornik* [Samara zemsky collected book], no. 1(18), 2009 [in Russian].
35. Classics of Samara local studies: anthology. P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.). Issue 1. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2002; Issue 2. Izd-vo «Samarskii universitet», 2006; Issue 3. Golovkin K.P.

Samara in the end of the XVII–beginning of the XX centuries. Samara, 2007; Issue 4. Shchibraev V.L. Bol'shaia Tsarevshchina. Family chronicle. Edition 3, revised and enlarged. Samara, Izd-vo «Samarskii universitet», 2008; Issue 5. Classics of Samara local studies: anthology. Issue 5. «Golden decade» of Samara local studies. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2008 [in Russian].

36. Kivel'son V. Kartografiia tsarstva: Zemlia i ee znacheniiia v Rossii XVII veka [Cartography of empire: Land and its meaning in Russia of the XVII century]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 360 p. [in Russian].

37. Klyuchevsky V.O. Kurs russkoi istorii. Ch.1. [The Course of the Russian History. Part 1] in *Klyuchevsky V.O. Writings in 9 Vols.* M.: «Mysl'», 1987, Vol. 1, 432 p. [in Russian].

38. Povolzh'e – «vnutrenniaia okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorii (konets XVI – nachalo XX vv.) / Pod red. E.L. Dubmana, P.S. Kabytova [Volga Region – «inner outskirts» of Russia: state and society in acquisition of new territories (end of the XVI – beginning of the XX century)]. E.L. Dubman, P.S. Kabytov (Eds.). Samara: Samar. otd-nie Litfonda, 2007, 328 p. [in Russian].

39. Samarskoe Povolzh'e s drevnosti do kontsa XIX v. Sbornik dokumentov i materialov [Samara Volga Region from ancient times to the end of the XIX century. Collection of documents and materials]. Samara: SNTs RAN, 2000, 512 p. [in Russian].

40. Samarskaia letopis'. Ocherki istorii Samarskogo kraia s drevneishikh vremen do nachala XX veka. V 2 kn. / Pod red. P.S.Kabytova, L.V.Khramkova. Kniga pervaiia. Samarskii kraj s drevneishikh vremen do serediny XIX veka. [Samara chronicle. Essays on the history of the Samara Region from ancient times up to the beginning of the XX century. In 2 Books. P.S. Kabytov, L.V. Khramkov (Eds.). Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», Izd-vo «ArtMaket», 1993 [in Russian].

41. Samarskoe Povolzh'e v XX veke. Sbornik dokumentov i materialov [Samara Volga Region in the XX century. Collection of documents and materials]. Samara, 2000 [in Russian].

42. Entsiklopediia Samarskoi oblasti. T.2 [Encyclopedia of the Samara Region. Vol. 2]. Samara, 2010 [in Russian].

*P.S. Kabytov**

HISTORICAL STUDIES BY PROFESSOR EDUARD DUBMAN

The article contains an analytical survey of the scholarly works by one of the most prominent representatives of Samara historical school, professor E.L. Dubman. The author distinguished some periods in Dubman's creative work, he emphasizes that scholarly works by E.Dubman contribute a lot in the study of the history of the Samara Region in the 16th – 17th centuries, the history of the South-Eastern part of European Russia. The author also pays attention to the Dubman's role in edition of the collective volumes on the history of the Middle Volga Region, in the archival search and publishing of historical sources on the history of Samara and Middle Volga.

Key words: history of Samara, Middle Volga, fishery and salt-mines, South-Eastern part of European Russia, inner periphery, «acquisition of homeland», studies in regional history, Readings in honor of Academic Sergey Platonov.

Статья поступила в редакцию 18/XII/2015.

The article received 18/XII/2015.

* *Kabytov Petr Serafimovich* (don.kabytov2012@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ НА МЕДЕПЛАВИЛЬНЫХ ЗАВОДАХ ЮЖНОГО УРАЛА В XVIII ВЕКЕ

В статье на основе источников и опубликованной литературы рассматривается актуальная и малоизученная проблема ценообразования продукции медеплавильных заводов Южного Урала в XVIII веке на примере заводов семейной компании симбирских купцов Твердышевых и Мясниковых. На 6 медеплавильных заводах компании во второй половине XVIII в. было произведено 30,7 % уральской меди. Стоимость и рыночная цена металла зависела от многих факторов: спроса или перенасыщенности рынка товаром, конкуренции иностранных производителей, транспортных и прочих накладных расходов и мн. др. Большую роль играла популярность заводоладельцев, их смекалка, знание рыночной игры и умение ими пользоваться, рейтинг их предприятий. Изучение реализации продукции медеплавильных заводов компании по материалам 1760 г. показывает, что от реализации 25 263 пуд. 21 фунта чистой меди и медных изделий заводоладельцы получили от 99 157,5 до 107 683,9 руб. чистой прибыли.

Ключевые слова: листовая медь, накладные расходы, себестоимость продукции, стоимость, цена товара, внутренний рынок, Макарьевская (Нижегородская) ярмарка, караванный путь торговли, прибыль, рентабельность.

В отечественной историографии проблема ценообразования продукции медеплавильных заводов Южного Урала в XVIII веке получила отражение в обобщающих трудах по истории России, в исследованиях С.Т. Струмилина [12], Б.Б. Кафенгауза [2], В.К. Яцунского [17] и др. историков. Различные аспекты этой проблемы затронуты в трудах П.И. Небольсина [7], В.Я. Ханькова [15], К. Скальковского [9], Б.А. Сутырина [13], В.В. Алексеева, Д.В. Гаврилова [1], Е.Г. Неклюдова [8], А.В. Черноухова [16], С.И. Сметанина [10], Г.А. Кулагина и Н.Р. Польшгалова [3], И.Ф. Ушакова [14], Н.М. Кулбахтина [4], Р.З. Мударисова [6] и С.Н. Кулбахтина [5]. Предлагаемая статья впервые ставит эту проблему предметом специального изучения.

При написании статьи использованы материалы фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ).

На заводах семейной компании симбирских купцов Твердышевых и Мясниковых в XVIII–XIX вв. было произведено 1 079 616 пуд. чистой меди, что составляло 30,7 % продукции всех медеплавильных заводов Урала [5, с. 116]. Одной из важных и сложных для любого завода являлась проблема рентабельности и прибыльности его

* © Кулбахтин С.Н., 2016

Кулбахтин Салават Назирович (bbb81@mail.ru), кафедра зарубежной истории, Башкирский государственный университет, 450000, Российская Федерация, г. Уфа, ул. 3. Валиди, 32.

работы, что выявлялось в процессе реализации готовой продукции. Во многом от знания механизмов рынка, умения безошибочно ориентироваться и пользоваться этими механизмами зависела перспективность производства горнозаводского хозяйства. Не зря признанный лидер компании И.Б. Твердышев находился в центре торговой жизни России – в Петербурге, следил за состоянием цен на металлы, поддерживал связи с купцами и правительственными кругами, а И.С. Мясников вел торговлю металлом в Поволжье, распределял его на партии для дальнейшей отправки к местам его сбыта. Вначале заводчики стремились сбывать продукцию своих горных заводов на внутреннем рынке, при этом, «чего не распродается», отправляли в Петербург для продажи за границей [14, с. 63].

Как все частные заводы, они работали, в основном, на вольный рынок. Их продукция продавалась на ярмарках Москвы, Петербурга, Казани, Рыбинска и других городов (РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 283. Л. 262). Основным внутренним рынком сбыта горнозаводской продукции в XVIII в. была Макарьевская ярмарка, которая в 1816 г. перешла в Нижний Новгород [11, с. 75].

Три четверти меди заводладельцы обязаны были поставлять на Монетный двор в Екатеринбург. Государственная цена меди составляла 5 руб. 50 коп. за пуд. Четвертую часть продукции заводладельцы могли продавать на внутреннем рынке или вывозить за границу. Медеплавильные заводы на рынок поставляли штыковую и листовую медь.

Заводы Южного Урала экспортировали в Среднюю Азию красную медь и изделия из желтой меди. Наибольшим спросом пользовалась продукция медеплавильных заводов компании. За 1840–1849 гг. было вывезено в Среднюю Азию 37 438 пуд. меди Благовещенского, Воскресенского и Архангельского заводов на общую сумму 331 170 руб. серебром [13, с. 87].

Цена на металл в течение XVIII–XIX вв. постоянно менялась, зависела от многих факторов. Серьезным фактором роста цен на уральский металл являлись казенные заказы на производство военной продукции во время военных компаний, различных железных снаряжений для строительства железных дорог, мостов, городских сооружений. Дошедших до крайнего состояния заводчиков царское правительство поддерживало субсидиями, премиями, покровительственными пошлинами. Сохранению высоких цен на металл способствовало также монопольное положение уральских заводов. Так, медеплавильные заводы компании давали 715 977 руб. чистой прибыли (25,4 % от валового дохода) (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 277. Л. 25 и об.). В 1824 г. правительство учредило Государственный заемный банк, который давал заводладельцам ссуды на определенных льготных условиях. К середине XIX в. в залоге банка вместе с Белорецким и Юрюзань-Ивановским заводами состоял и Воскресенский завод [13, с. 97].

Отрывочные сведения дают «лоскутную» картину ценообразования и реализации продукции заводов компании симбирских купцов Твердышевых-Мясниковых и их наследников. Нами обнаружены источники, которые позволяют проследить процесс ценообразования в динамике. Источники хранятся в фондах (РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Кн. 2604. Л. 463–473; ГИМ ОПИ. Ф. 395. Д. 24, 26, 36, 39, 40) и относятся к 1760 г.

В 1760 г. у компании действовали 5 медеплавильных заводов (Воскресенский, Преображенский, Богоявленский, Архангельский, Верхоторский) (РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Кн. 2604. Л. 464 об.–465). За год было выплавлено 25 263 пуд. 21 фунт чистой меди. В том числе штыковая медь составляла 19 766 пуд. 21 фунт, дошатая и в брусках – 5282 пуд., листовая – 215 пуд. (РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Кн. 2604. Л. 467).

Себестоимость одного пуда чистой (штыковой) меди при расчете всех внутренних расходов была 4 руб. 85 коп., дошатай и в брусках – 5 руб., листовая – 5 руб. 25 коп.

На стоимость меди накладывались транспортные расходы. В источнике говорится, что медь «завсегда по большей части сухопутной до разных мест возили, бывает, а водою только до Симбирска и то не всегда». Цена провоза каждого пуда меди составляла до Симбирска водою от 3 до 5 коп., сухопутно — от 12 до 20 коп., до Москвы — от 22 до 38 коп., до Санкт-Петербурга — от 40 до 80 коп., до Екатеринбурга «и с обратным провозом оттуда получаемых за нее денег» — от 30 до 40 коп.

Три четверти меди заводчики отвезли в Екатеринбург в казенный Монетный двор по указанной цене — 6 руб. за пуд. Таким образом, в казну было отпущено 18 947 1/4 пуд. штыковой меди, за что получили 113 683 1/2 руб. денег. Чистая прибыль за один пуд составила 80 коп. Общая прибыль от отпущенной казне меди — 90 946,8 руб.

Штыковая медь для свободной продажи оставалась в количестве 6315,9 пуд., в том числе в штыках — 818 1/2 пуд., дощатая в брусках — 5282 пуд., листовая — 215 пуд. В 1760 г. общая стоимость 1 пуда меди с учетом транспортных расходов составляла: в Симбирске медь дощатая и в брусках — 5 руб. 15 коп.; в Москве штыковая медь — 5 руб. 15 коп., дощатая и в брусках — 5 руб. 30 коп., листовая — 5 руб. 55 коп.; в Санкт-Петербурге дощатая и в брусках — 5 руб. 60 коп.; в Екатеринбурге — 5 руб. 20 коп.

На рынках Москвы, Санкт-Петербурга и Симбирска оставшаяся четвертная медь была продана за наличные деньги от 6 руб. 50 коп. до 7 руб. за пуд, в долг на разные сроки — от 7 руб. 50 коп. до 8 руб.; при заводе, «не отвозя никуда», — за 6 руб. В источнике не говорится, сколько меди было продано за наличные деньги, сколько в долг и сколько при заводе. Средняя прибыль за один пуд меди составляла в Москве 1,2–1,45 руб., в Симбирске — 1,35–1,6 руб., в Санкт-Петербурге — 0,9–1,15 руб. При небольшом объеме товарной массы заводчики вряд ли возили медь в Санкт-Петербург. Тем более в документе говорится, что «в заморской отпуск в том году ничего в продаже не было» (РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Кн. 2604. Л. 417а). Следовательно, в 1760 г. за медь, выплавленную на 5 заводах, компания получила чистую прибыль от 29 686,4 до 29 896,9 руб.

Таким образом, анализ реализации готовой продукции медеплавильных заводов семейной компании симбирских купцов позволяет проследить процесс ценообразования на Южном Урале в XVIII в.

Библиографический список

1. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 887 с.
2. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М., 1949. Т. 1. 524 с.
3. Кулагин Г.А., Польшгалов Н.В. Медные заводы Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права (1851–1860) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Сб. 10. С. 100–117.
4. Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII век. Уфа: Китап, 2000. 281 с.
5. Кулбахтин С.Н. Индустриальное наследие симбирских купцов на Урале в XVIII веке. Уфа: РИЦ Баш. ГУ, 2012. 192 с.
6. Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1801–1861). Уфа: Гилем, 2003. 396 с.
7. Небольсин П.И. Очерки торговли России с Средней Азией // Записки имп. рус. геогр. общества. СПб., 1855. Кн. 10. 422 с.
8. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: Владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. 657 с.

9. Скальковский К. Колебание цен на русское железо XVIII–XIX столетиях // Горный журнал. 1865. № 8. С. 277–281.
10. Сметанин С.И. Отчетные материалы горных заводов Урала 1800–1861 гг. как источник по истории и экономике производства // Советские архивы. 1982. № 3. С. 18–22.
11. Спасский Б.А. История торговли и промышленности в России. СПб., 1910. Т. 1. 259 с.
12. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М.: Наука, 1967. 441 с.
13. Сутырин Б.А. «Железные караваны» казенных заводов Урала 1-й половины XIX века // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Сб. 11. С. 101–111.
14. Ушаков И.Ф. Белорецкие горные хозяйства дворян Пашковых в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 92 с.
15. Ханьков В.Я. Обзорение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 году // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1844. Отд. IV. С. 46–118.
16. Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988. 184 с.
17. Яцунский Н.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1973. 302 с.

References

1. Alekseev V.V., Gavrilov D.V. Metallurgiiia Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei [Metallurgy of the Urals from ancient times to the present days]. М.: Nauka, 2008, 887 p. [in Russian].
2. Kafengauz B.B. Istoriia khoziaistva Demidovykh v XVIII–XIX vv. [History of economy of the Demidovs in XVIII–XIX centuries]. М., 1949, Vol. 1, 542 pp. [in Russian].
3. Kulagin G.A. Polygalov N.V. Mednye zavody Orenburgskoi gubernii nakanune otmeny krepostnogo prava (1851–1860) [Copper plants of Orenburg province on the eve of the abolition of serfdom (1851–1860)]. *Voprosy istorii Urala* [Issues of the history of the Urals]. Sverdlovsk, 1970. Coll. 10, pp.100–117 [in Russian].
4. Kulbakhtin N.M. Gornozavodskaia promyshlennost' v Bashkortostane. XVIII vek. [Mining industry in Bashkortostan. XVIII century]. Ufa: Kitap, 2000, 281 p. [in Russian].
5. Kulbakhtin S.N. Industrial'noe nasledie simbirskikh kuptsov na Urale v XVIII veke [Industrial heritage of Simbirsk merchants in the Urals in the XVIII century]. Ufa: RITs Bash. GU, 2012, 192 p. [in Russian].
6. Mudarisov R.Z. Promyshlennost' Iuzhnogo Urala v pervoi polovine XIX veka (1801–1861) [Industries of the Southern Urals in the first half of the XIX century (1801–1861)]. Ufa: Gilem, 2003, 396 p. [in Russian].
7. Nebolsin P.I. Ocherki torgovli Rossii s Srednei Aziei [Essays on the trade of Russia with Central Asia]. *Zapiski imp. rus. geogr. obshchestva* [Notes of Imperial Russian Geographical Society]. SPb., 1855, Kn.10, 422 p. [in Russian].
8. Neklyudov E.G. Ural'skie zavodchiki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: Vladel'tsy i vladeniia [Ural factory owners in the second half of the XIX – early XX century: owners and ownerships]. Ekaterinburg, 2013, 657 p. [in Russian].
9. Skalkovsky K. Kolebanie tsen na russkoe zhelezo XVIII–XIX stoletiiakh [Price fluctuations on Russian iron in the XVIII–XIX centuries]. *Gornyi zhurnal* [Mining Journal], 1865, no. 8, pp. 277–281 [in Russian].
10. Smetanin S.L. Otchetnye materialy gornykh zavodov Urala 1800–1861 gg. kak istochnik po istorii i ekonomike proizvodstva [Deliverables of Ural mining plants in the years 1800–1861 as a source on the history and economy of production]. *Sovetskie arkhivy* [Soviet archives], 1982, no. 3, pp.18–22 [in Russian].
11. Spassky B.A. Istoriia torgovli i promyshlennosti v Rossii [The history of trade and industry in Russia]. SPb., 1910, Vol. 1, 259 p. [in Russian].
12. Strumillin S.G. Istoriia chernoi metallurgii v SSSR [The history of steel industry in USSR]. М.: Nauka, 1967, 441 p. [in Russian].
13. Sutyurin B.A. «Zheleznye karavany» kazennykh zavodov Urala 1-i poloviny XIX veka [«Iron caravans» of state-owned factories in the Urals of 1st half of the XIX century]. *Voprosy istorii Urala* [Issues of the history of the Urals]. Sverdlovsk, 1970, Coll. 11, pp. 101–111 [in Russian].

14. Ushakov I.F. *Beloretskie gornye khoziaistva dvorian Pashkovykh v pervoi polovine XIX v. Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Beloretsky mountain farming of the nobility Pashkovs in the first half of the XIX century. Author's abstract of the Candidate's of Historical Sciences thesis]. L., 1958, 92 p. [in Russian].
15. Hanykov V.Ja. Obozrenie rudnogo proizvodstva chastnykh Orenburgskikh zavodov v 1838 godu [Review of ore production of private Orenburg plants in 1838]. *Materialy dlia statistiki Rossiiskoi imperii* [Materials for Statistics of the Russian Empire]. SPb., 1844, Dept. IV, pp. 46–118 [in Russian].
16. Chernouhov A.V. *Istoriia medeplavil'noi promyshlennosti Rossii XVII–XIX vv.* [The history of copper-smelting industry in Russia of the XVII–XIX centuries]. Sverdlovsk, 1988, 184 p. [in Russian].
17. Yatsunsky N.K. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriia Rossii XVIII–XIX vv.* [Socio-economic history of Russia in the XVIII–XIX centuries]. M.: Nauka, 1973, 302 p. [in Russian].

*S.N. Kulbakhtin**

PRICING FOR SMELTERS IN THE SOUTHERN URALS IN THE XVIII CENTURY

In the article on the basis of sources and published literature relevant and little-studied problem of pricing of products of copper smelting plants of the South Urals in the XVIII century on the example of the factories of family company of Simbirsk merchants Tverdyshevs and Myasnikovs is considered. 6 smelters of the company in the second half of the 18th century produced 30,7% of Ural copper.

The cost and the market price of the metal depended on many factors: demand or oversaturation of the market, product, competition of foreign producers, transportation and other overhead costs and many others. Bigger role played the popularity of the factory owners, their savvy, knowledge of market games and the ability to use them, rating their companies.

The study of sales from copper smelters of the company on the materials of 1760 shows that from the sale of 25 263 PUD. 21 pounds of pure copper and copper products factory owners got from 99 157,5 to 107 683,9 rubles of net profit.

Key words: plant, copper sheet, roofing iron, water and cartage, transportation costs, revenue, cost, price, profit margin.

Статья поступила в редакцию 11/XII/2015.
The article received 11/XII/2015.

* *Kulbakhtin Salavat Nezirovic* (bbb81@mail.ru), Department of Foreign History, Bashkir State University, 32, Z. Validi Street, Ufa, 450000, Russian Federation.

**«ПРОСВЕЩЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ» В ПРОВИНЦИИ НАКАНУНЕ
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ: СОТРУДНИК САМАРСКОГО ГУБЕРНАТОРА ГРОТА
Н.А. ВОРОНОВ И ЕГО ВКЛАД В РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА****

В статье дан анализ недавно опубликованного ценного источника по истории Поволжья середины XIX столетия – «Описания Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей». Сочинение задумывалось как путеводитель для предстоящего путешествия председателя Русского географического общества великого князя Константина Николаевича. Однако оно стало настоящим научным трудом по географии, статистке, истории, этнографии. Его автор был представителем образованного чиновничества, которое вело региональные исследования, разделяло модернизационные настроения своей эпохи, участвовало в разработке и проведении Великих реформ. Воронов внес важный вклад в изучение Самарского края и был представителем общественной мысли эпохи преобразования России.

Ключевые слова: Россия в XIX в., история Поволжья, этнические процессы, модернизация, хлебный рынок, краеведение, Александр II, Русское географическое общество.

Середина XIX века – малоизученный период истории российской провинции, в том числе Самарской губернии. Одной из причин является недостаток сводных статистических, исторических и географических сочинений этой эпохи, без которых трудно представить себе полноценную источниковую базу региональных исследований. Кроме того, подобные сочинения составляют важный пласт историографии прошлого для любой территории.

Долгое время казалось, что имеется вековой пробел в наличии таких комплексных источников и трудов по истории края. В самарском регионоведении наблюдался временной разрыв между сочинениями, созданными в XVIII в. видными учеными и государственными деятелями И.К. Кириловым, В.Н. Татищевым, П.И. Рычковым, Т.Г. Масленицким, и появившимися в последней четверти XIX в. работами П.В. Алабина и его современников. Однако трудами современных исследователей этот разрыв стал постепенно заполняться. Так, заново были переизданы краеведческие публикации А.Ф. Леопольдова в самарской прессе 1850-х гг. и очерк истории

* © Смирнов Ю.Н., 2016

Смирнов Юрий Николаевич (smirnov195503@yandex.ru), кафедра документоведения, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 15 11 63002 а(р) «Трансформация Самары из уездного города в губернский центр накануне и в начале реформ середины XIX в.: архивные материалы и печать о переменах в административной сфере, формировании гражданского общества, развитии культурной среды».

Самары П.К. Попова в одном из первых самарских адрес-календарей [15]. Вводились в научный оборот публикации о Самаре, выходившие в местной и столичной периодике предреформенных лет [2; 3].

Кроме газетных и книжных раритетов исследователи обратили внимание на наличие в архивах значительных по объему и содержанию рукописей середины XIX в. о Самаре и губернии [5]. Стало очевидно, что интерес к изучению Самарского края уже в 1850-е гг. отразился в регионоведческих трудах о нем, написанных священниками [8, с. 228], учителями [5, с. 144–145], чиновниками [4, с. 147].

Следующим шагом стало введение обнаруженных материалов в научный оборот не только с помощью изложения их сведений в статьях и монографиях, но и публикацией этих источников. В результате было осуществлено издание, пожалуй, самой объемной и полной из этих статистико-географических и историко-этнографических рукописей рассматриваемого времени. Она была составлена в 1857 г. самарским чиновником Николаем Алексеевичем Вороновым и получила название «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» [10]. Данная рукопись хранится в Научном архиве Русского географического общества (РГО) в Санкт-Петербурге (НА РГО. Раз. № 34. Д. 6).

Публикации названной рукописи немало поспособствовало то обстоятельство, что в 2015 г. в Самаре проходил Всероссийский библиотечный конгресс. Готовясь к нему, при поддержке руководства Российской национальной библиотеки (РНБ) и Самарского государственного университета, профинансировавших эту работу, ученые из Санкт-Петербурга и Самары (А.И. Раздорский, Н.С. Чернышева, Д.Н. Шилов, Ю.Н. Смирнов) подготовили отвечающее всем археографическим требованиям научное издание книги Н.А. Воронова, дожидавшейся своего выхода в свет более полутора столетия.

Правда, частично сочинение Воронова было напечатано в год своего написания в номерах с 20-го по 23-й газеты «Самарские губернские ведомости» за 1857 г. Благодаря этому, его современники могли познакомиться с этим сочинением вкратце.

Петербургские издатели рукописи Воронова в 2015 г. посчитали, что упомянутую газетную публикацию осуществил А.Ф. Белокрысенко [10, с. 6]. Однако самарские библиографы [19, с. 31], историки [4, с. 157], археологи [14] изначально и постоянно связывали этот газетный материал с самим Н.А. Вороновым.

Надо принять во внимание, что А.Ф. Белокрысенко, крестный отец В.И. Ульянова-Ленина и приятель его родителей, до конца жизни работал по удельному ведомству в Симбирской губернии, а потому описание территорий по левому самарскому берегу Волги находилось вне его интересов и служебных обязанностей. Об этом же свидетельствует тематика тех краеведческих работ, которые, бесспорно, были подготовлены самим Белокрысенко [7]. Причины недоразумения с авторством газетной публикации и степень участия в ее подготовке Белокрысенко остаются неясными. Однако ее принадлежность Н.А. Воронову видится нам несомненной, поскольку статьи «Самарских губернских ведомостей» 1857 года воспроизводят с разной степенью полноты именно текст его рукописи.

Об этом авторе и его работе упоминал самый известный самарский краевед XIX столетия П.В. Алабин в 1877 г. Правда, он не делал на нее ссылок даже в тех местах своей книги «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» (Самара, 1877), где явно заимствовал текст Воронова. Не совсем точно Алабин называл само сочинение Воронова «кратким статистическим описанием Самарской губернии», неверно датировал его 1854 годом, допустив ошибку при чтении чужого почерка. Эти неточности дают основание предположить, что Алабин работал не с газетной публикацией, а с рукописным текстом, но не тем, что был переписан набело и отправлен в Петербург, а с черновым вариантом, оставшимся в губернских учреждениях Самары.

Судьба этого первоначального списка «Описания», возможно, даже представлявшего собой автограф Воронова, неизвестна.

Наряду с интересными краеведческими и археографическими подробностями сочинение Воронова обладает ценностью как памятник исторической и общественно-политической мысли своей эпохи. Модернизационный скачок, который начался в России с середины XIX в., проявился не только в социально-экономической, административной, судебной и военной сферах. Он неизбежно затрагивал сферу культуры, социальной активности, повседневности. Показателями этого стали рост интереса к российским территориям со стороны властей и активизация региональных исследований со стороны местной общественности, в том числе через участие в работе таких научных обществ, как РГО.

Если согласиться с Б.Н. Мироновым, что «гражданское общество — это взаимодействие государства и общественности» [17, с. 111], то совместные усилия администрации и образованных жителей в российской провинции в сфере краеведческих изысканий были в числе шагов по направлению к его формированию. Отметим, что чиновники и общественные силы Самары вместе успешно добились еще при Николае I благоприятного решения такой сложной задачи, как ослабление крепостного режима, мешавшего хозяйственной и торговой жизни. Здесь был отменен паспортный контроль, то есть, по существу, выявление беглых среди тех, кто прибывал в Самарскую губернию на заработки или для торговли [6, с. 15].

Можно заметить по вышеупомянутым родоначальникам самарского регионоведения, что важную роль в его становлении сыграли именно чиновники. Их образованная часть не случайно была названа в исторической литературе «просвещенной бюрократией» [1].

Несомненно, что именно к этому кругу принадлежали самарский губернатор К.К. Грот и его «команда», которая прибыла с ним на службу в Самару и в которую вошел Н.А. Воронов [4, с. 157]. Это была «новая молодежь» в чиновничьих мундирах, чьи старания вместе с Гротом в Самаре «пробудить во всех классах народа дух гражданской жизни», как писали «Московские ведомости» в 1860 г. (№ 148), вызывали одобрение со стороны не только либерально настроенной публики и прессы, но и приверженцев более радикальных взглядов [18, с. 182]. Создание в новой губернии достаточно эффективных органов управления и ее быстрое социально-культурное развитие совпали по времени с ожиданиями кардинальных перемен, укрепляя реформистские настроения у представителей власти и общества.

Н.А. Воронов родился в 1830 г. в семье отставного чиновника в Изюмском уезде (ныне — Харьковская обл.). Он рано остался без отца, а семья лишилась кормильца. Матери удалось добиться зачисления семилетнего сына в Александринский сиротский институт в Москве на казенное содержание. Воронов окончил институт через 13 лет в 1850 г. Из 24 выпускников он был первым по оказанным успехам. Среди предметов, которые Воронов освоил на одни пятерки, значились различные правовые и исторические дисциплины, география и статистика, то есть многие из тех наук, в чем ему предстояло затем себя проявить [10, с. 9–10].

Воронов начал свою карьеру в Министерстве внутренних дел. Служа в его Хозяйственном департаменте под началом Н.А. Милютина, впоследствии видного деятеля Великих реформ, он познакомился с К.К. Гротом. Когда тот в 1853 г. был назначен начальником Самарской губернии, Воронов принял предложение занять при нем должность чиновника особых поручений [10, с. 12].

К.К. Грот ценил Воронова как сотрудника, способствовал его продвижению в чинах, не обходил наградами и не оставил без протекции после отъезда из Самары в 1860 г. Благодаря Гроту, возглавившему подготовку реформы косвенного налогообло-

жения и департамент неокладных сборов Министерства финансов, Воронов в 1862 г. стал руководителем акцизной службы Самарской губернии [10, с. 13].

В 1864 г. была опубликована вторая известная нам регионоведческая работа Воронова. В отличие от оставшегося неизданным «Описания Волжского побережья Самарской губернии» она была напечатана и освещала сведения, непосредственно относившиеся к службе автора, который контролировал тогда в губернии производство алкоголя, торговлю водкой («хлебным вином») и виноградными винами, пивом и хмельным медом [9]. Кроме профессионально грамотных технических и финансовых подробностей о винокурении и виноторговле в статье Воронова показано понимание им важности порученного ему дела и по размеру «доставляемого им государственного дохода», и по количеству занятых в этой отрасли людей. За строками похожего на отчет текста видна также принципиальная позиция проводника одной из важнейших финансовых реформ, отстаивавшего ее от попыток срыва и ревизии со стороны бывших откупщиков. Воронов вновь проявил себя надежным сотрудником К.К. Грота, инициатора этой реформы, не отказавшегося от ее проведения даже за колоссальную взятку в 1 млн руб. [11, с. 243].

В 1866 г. Воронов перешел на должность руководителя акцизного ведомства Казанской губернии. В 1881 г. он ушел в отставку по состоянию здоровья. Сведений о его последующей жизни и кончине в имеющихся документах нет [10, с. 14].

Именно губернатор дал задание Воронову составить описание Самары и ее окрестностей. Краткая история данного поручения была изложена в письме Грота вице-председателю РГО Ф.П. Литке, которое приложено к рукописи Воронова и подшито с ней в одно архивное дело (НА РГО. Раз. № 34. Д. 6. Л. 124–125).

Из письма явствует, что в начале января 1857 г. прежний вице-председатель РГО генерал от инфантерии М.Н. Муравьев обратился к Гроту с пожеланием получить сведения о Самарской губернии для путешественника к предполагаемому путешествию по России великого князя Константина Николаевича, являвшегося председателем Императорского Русского географического общества. Такая практика была не нова. Например, когда в 1837 г. цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II) отправился в путешествие по стране, «его маршрут был опубликован в виде брошюры, которая предназначалась для памяти путешественникам», входящим в свиту наследника, и «для руководства местным властям» [16, с. 82]. Сама же традиция таких путешествий царствующих особ и членов их семей (путешествия носили «в основном познавательный и политический характер»), была заложена еще Екатериной II в 1767 г. ее плаваньем по Волге [13, с. 116].

Для Грота это было не просто обращение со стороны высокопоставленного и близкого ко двору сановника. Русское географическое общество послужило в свое время стартовой площадкой для карьеры будущего губернатора, который выполнял в нем обязанности казначея [4, с. 157]. Должность была неоплачиваемой, общественной, но она помогла обзавестись весьма высокими связями, очень полезными знакомствами, открывала двери в престижные дома и салоны.

Можно не сомневаться, что поручение руководства РГО Грот постарался выполнить не за страх, а за совесть, а потому подошел к выбору исполнителя со всей ответственностью и не ошибся. Грот сформулировал перед Вороновым цель задания — описать Самарскую губернию «с обозначением тех мест, которые могут наиболее заслужить внимание его высочества при плаваньи по р. Волге» [9]. К апрелю это описание было закончено. Готовую рукопись отправили в Санкт-Петербург на имя только что назначенного вице-председателем РГО адмирала Литке, бывшего воспитателя великого князя Константина Николаевича.

В своем письме губернатор просил Литке посмотреть на работу Воронова «единственно как на материалы для предполагаемого путеводителя, потому что, не зная ни объема, ни плана оно, я не мог составить ничего окончательного». Такую оценку сочинения Воронова надо признать излишне скромной. В РГО был получен цельный, объемный, законченный труд, не имевший дотоле аналогов.

Что касается предполагавшегося путешествия великого князя, то оно не состоялось, как и путеводитель для него. Началась разработка Великой реформы, Константин Николаевич стал одним из главных сотрудников своего венценосного брата Александра II, отход от государственных дел на срок долгого путешествия стал невозможен. Наверное, поэтому оказался забытым в архиве и труд Воронова.

Вороновское «Описание...» разбито на два раздела. В первом («Очерке Самарской губернии в историческом, этнографическом и статистическом отношении») представлены данные о физической географии и гидрографии края, приведены исторические сведения, помещена характеристика основных национальных групп населения (русских, мордвы, татар, чувашей и др.), дан обзор хлебопашества и скотоводства, составлявших основу хозяйства региона. Во втором разделе («Замечательнейшие местности по берегу реки Волги в пределах Самарской губернии») содержатся очерки важнейших населенных пунктов, расположенных в Самарской губернии по левому берегу Волги: городов Самары и Ставрополя, колоний Привальной и Екатеринштадта, сел Балакова и Хрящевки, Покровской слободы и других. Здесь также есть данные по истории заселения и современного автору состояния Самарской Луки, Самарского уезда, иностранных колоний. «Описание» содержит богатый статистический материал по демографии, состоянию различных отраслей сельского хозяйства, местной торговли, дорог и судоходства.

Конечно, удачному завершению этого труда немало поспособствовало служебное положение Воронова при К.К. Гроде. Множество приведенных здесь статистических и фактических данных можно было почерпнуть только в канцелярии губернатора и в других губернских учреждениях. Кроме собранного интересного материала, с которым можно теперь детально ознакомиться в публикации, заслуживают внимания выводы Воронова как исследователя.

Так, автором «Описания...» были четко выявлены тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп населения Самарского края. Воронов как грамотный и образованный управленец справедливо указал, что данный процесс был обусловлен не только совместным проживанием народов на одной территории. В значительной мере эти явления были следствием развития товарного производства, рыночных отношений, стирания многие национальные или конфессиональные барьеры и различия.

Стоит привести дословно высказывания Воронова, которые позволили охарактеризовать его как проницательного наблюдателя развития товарно-денежных отношений в Самарском Заволжье и их последствий на социальном, культурном, этническом уровне. Он писал: «В отношении свойств этого населения должно сказать, что оно, при всем разнообразии своего исторического происхождения, уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное (товарное. — Ю.С.) направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях, возбуждая новые потребности и новые понятия... Вследствие того здешний крестьянин является уже потребителем значительного количества фабричных предметов и всякого рода изделий, необходимых для его хозяйственного быта, доставляемых теперь из верховых губерний... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно остаются неизменяемыми в местах, более удаленных от промышленных центров. Так, все русские крестьяне в здешних местах оставили свой областной наряд, который они удерживали долго еще после своего переселения» [10, с. 29].

Свои выводы о постепенном стирании этнических границ Воронов распространяет не только на русских, но и на другие народы, совместно заселившие Самарское Поволжье. Например, он описывает мордву так: «Мордва исключительно занимаются земледелием, трудолюбивы, отличаются простотою нрава, вообще высоки ростом и крепко сложены. Там, где они живут, в ближайшем сообщении с русскими, они не чуждаются родственных отношений с последними и в таких случаях оставляют свою народную одежду и даже свой язык. Вследствие того мордва во многих селениях до такой степени обрусели, что совершенно изгладились следы их племянного происхождения, и потому в настоящее время невозможно получить об них верных численных данных... Такое стремление мордвы к восприятию русских нравов разительнее всего обнаруживается тем, что во всех мордовских селениях, даже там, где вовсе нет русских, можно услышать только русские песни. Новое поколение совершенно не знает мордовских песен, которые хранятся теперь только в памяти стариков» [10, с. 32].

Эти замечания Воронова вполне соответствуют выводам современных историков о том, что «существование мордовского этноса в Российской империи сопровождалось ассимиляционными процессами, начавшимися еще в XVIII в.» [21, с. 149]. Затем они ускорились, особенно в районах интенсивной колонизации. Самарская губерния стала территорией, где в середине XIX в. было особенно заметно образование «этнически смешанных структур расселения мордвы» [20, с. 30].

Указывая, что у русских и других жителей края сформировались «общие черты», Воронов отмечает, что представители разных народов по-прежнему «удерживают многие им только свойственные особенности» [10, с. 32]. С этим заключением также нельзя не согласиться.

Процессы ассимиляции не являлись общим правилом. В частности, они не затронули немецких колонистов. Воронов писал, что «колонисты неохотно учатся русскому языку и только побуждаемые необходимостью сближаются с русским населением. Подобное отчуждение мешает колонистам принести России ту пользу, которую она вправе от них ожидать. По причине незнания языка, влияние их на русских крайне ограничено, и русские лишены возможности покороче знакомиться с бытом колонистов и перенять от них что-нибудь полезное» [10, с. 53–54].

В целом этнический состав населения Самарской губернии представлен Вороновым в таблице 1 [10, с. 27].

Таблица 1

Этнический состав населения Самарской губернии

Население	Мужского пола	Женского пола
Русских	528 558	551 155
Мордвы	64 288	68 977
Чуваш	29 408	29 187
Татар	37 172	39 017
Других инородцев, как то: башкир, тептярей, колонистов и т. п.	65 577	65 742
Всего	725 003	754 078

Данные Воронова при этом не всегда безошибочны и требуют сверки с другими источниками. Высказанное им заключение, что в Самарской губернии мордва проживает «во всех уездах, кроме Николаевского и Новоузенского» [10, с. 28], не находит подтверждения. Наличие заметных по численности групп мордвы в двух южных уездах Заволжья (всего 12870 чел. обоого пола в 1834 г.) показано в сведениях статистика и этнографа П.И. Кеппена, хранящихся в том же архиве РГО (НА РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 8).

Исследователи уже обращали внимание на яркую и точную оценку Вороновым стремительного роста коммерческой запашки пшеницы в 1835–1845 гг., названного им «белотурочной лихорадкой» [5, с. 234]. Судя по всему, это выражение появилось под воздействием прогремевшей «золотой лихорадки» в США. Надо только учесть, что превращение Самарского края в центр производства и сбыта твердой пшеницы-«белотурки», в основном шедшей в столичные города и на экспорт, произошло еще до того, как началась в 1848 г. золотодобыча в Калифорнии.

В погоне за богатством, как это всегда бывает в подобных «лихорадках», имелись и выигравшие, и пострадавшие: «То была настоящая белотурочная лихорадка, которой не избежали из здешних жителей ни один купец, почти ни один чиновник, но многие приезжали из других, даже отдаленных губерний, в надежде скоро обогатиться от посева белотурки. Тогда составилось несколько компаний на товариществе для посева пшеницы в большем размере. Некоторые действительно получили выгоды при благоприятных обстоятельствах, но большая часть предприятий принесла только убыток и разорение» [5]. Неудачи отдельных предпринимателей не снижают значения развития товарного хлебного производства для всего Самарского края с экономической, агротехнической, демографической точек зрения. Вот как об этом писал Воронов: «Такое исключительное и быстрое распространение хлебопашества, без сомнения, зависело от увеличивающегося населения, принимавшего постоянно большое число переселенцев; но число жителей далеко еще не соответствует пространству земель. Успехам в этом отношении более всего способствовало развитие торговли пшеницею. С того времени явились так называемые здесь коммерческие запашки, которые привлекли к хлебопашеству значительные капиталы, и, хотя частные промышленники уже не предпринимают запашек в больших размерах, как это было несколько лет назад, но самый пример и даже опыты многочисленных неудач не остались бесплодными... это способствовало возвышению дохода с земель и многим улучшениям хозяйственным, оценке земледельческого труда и впоследствии разделению этого труда» [10, с. 39].

Хлебопашество, по мнению Воронова, стало главным стержнем хозяйственной жизни: «Теперь хлебопашество распространилось, можно сказать, до крайних пределов в отношении к местным средствам и вытеснило или ослабило многие другие отрасли сельского хозяйства». Оно «наиболее питает местную торговлю, доставляя в то же время работу многим тысячам людей, приходящим ежегодно из других губерний» [10, с. 37, 39].

Обращение к достижениям культуры Самарского края у Воронова является очень кратким и сводится к перечню храмов и учебных заведений. Так, по г. Самаре он ограничился лаконичной, хотя и достаточно информативной таблицей образовательных учреждений [10, с. 75] (см. табл. 2).

Таблица 2

Образовательные учреждения г. Самары

Наименование	Число училищ	Число учащихся	Число учащихся
Гимназия	1	8	64
Уездное училище	1	5	79
Приходские училища	2	4	172
Духовное уездное училище	1	6	253
Частное учебное заведение для мальчиков	1	4	15

Однако, видимо не без участия Грота, в рукопись был вставлен отдельный пассаж об отсутствии школ для девочек, необходимости их создания и мерах, для этого предпринимаемых. Известно, что губернатор, его сотрудники и местное общество

именно с 1857 г. развернули большую работу по развитию женского образования, заметную даже в российском масштабе [4, с. 158–160]. Вставка о женских училищах в рукопись Воронова свидетельствовала о серьезных намерениях самарской администрации и общественности в решении данного вопроса.

Краткость изложения сведений о состоянии духовной и общественной жизни, а также народного образования в Самарском крае не означала их недооценку Вороновым. Наоборот, для будущих высокопоставленных читателей из руководства РГО он, разумеется, с ведома губернатора высказывал свои убеждения, совершенно соответствующие духу приближающихся реформ: «Нет также сомнения, что с развитием лучших гражданских отношений с открытием способов к просвещению, которое всегда благотворно действует и на массу простолюдинов, должно ожидать не только утверждения добрых нравственных начал, но и самого обширного промышленного движения в этом крае, где теперь уже таковое направление достаточно усвоилось простому народу, а между тем столько еще остается непечатых источников к его благосостоянию» [10, с. 88].

Буквально через несколько месяцев после завершения рукописи Воронова администрация, руководимая Гротом, раскроет смысл того, что именно подразумевалось под первоочередными источниками повышения народного благосостояния. На дворянском собрании в январе 1858 г. прозвучал первый официальный призыв к обсуждению крестьянского вопроса в Самарской губернии. Тогда Грот однозначно призвал помещиков к поиску путей «замены обязательного труда вольным» (Самарские губернские ведомости. 1858. № 8). В сентябрьской речи Грота на открытии губернского Комитета об улучшении быта помещичьих крестьян еще отчетливее говорилось о хозяйственных и финансовых преимуществах применения «вольного труда» (Самарские губернские ведомости. 1858. № 40).

Стоит вспомнить, что за год до этих выступлений Грота, которые многих в России буквально «наэлектризовали», как выразился выдающийся юрист А.Ф. Кони [18, с. 186], в работе Воронова, предназначенной для члена императорского дома и его окружения, прямо говорилось о главном преимуществе Самарского края – преобладании вольных переселенцев: «Большое число водворившихся с тех пор свободных поселян, пришедших добровольно и целыми обществами, как они жили на старине, сохранивших добрые предания, какие завещаются постоянно спокойною свободою сельскою жизнью, имели самое благодетельное влияние на водворение порядка в здешнем крае» [10, с. 88]. То, что значительное количество крестьян Самарского края не находилось в личной зависимости, доказывалось подсчетами Воронова в таблице о «числе сельских жителей» губернии [10, с. 28]. (см. табл. 3).

Таблица 3

Количество сельских жителей Самарской губернии

Жителей	Обоего пола душ
Государственных крестьян	766 527
Удельных	257 095
Помещичьих	234 460
Колонистов	83 539
Башкир и тептярей	49 659
Отставных солдат, солдатских детей и жен	33 379

Воронов и его сослуживцы были среди тех, кто сознательно готовил почву под предстоящие реформы, искренне верил в их необходимость и благотворность, считая, что тем самым выполняет не только свой служебный долг, но и общественную миссию. «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» вполне встраивается в общую канву такой деятельности, обеспечивавшей

в конечном счете ход и успехи российской модернизации. Несомненно, взгляды Н.А. Воронова вполне отвечали «такому существенному критерию модернизационных процессов, как становление личности, готовой к восприятию перемен и полагающей гражданские и политические права естественным атрибутом человека» [12, с. 7].

Сочинение Воронова, таким образом, явилось одним из проявлений общественного подъема, вызванного Крымской войной, сменой на троне и общей либерализацией обстановки в стране. Этот подъем затронул не только столичные города, но и провинцию. Не остался он незамеченным и в Самаре. Уже отмечалось, какую важную роль в процессе оживления «гражданской жизни» сыграли местные «авторы корреспонденций в самарские и столичные газеты» [2, с. 158, 160]. В этот же ряд следует поставить и корреспондентов Русского географического общества.

«Описание» Воронова до последнего времени использовалось очень немногими историками, знавшими газетную публикацию, которая давно превратилась в библиографическую редкость, или имевшими возможность работать в архиве с рукописным текстом. Спустя 158 лет после написания ценный исторический источник и одно из самых ранних комплексных исследований Самарского региона стал наконец доступен и широкой научной общественности, и массовому читателю.

Обстоятельства его появления и само содержание проливают дополнительный свет на ход превращения Самары из уездного в губернский центр в середине XIX столетия. В ходе этого преобразования, совпавшего с кануном и началом Великих реформ, происходили, как свидетельствуют современники тех событий, не только административные перемены. Шли также процессы формирования элементов гражданского общества, развития культурной среды провинциального города. Одной из движущих сил этих процессов была прогрессивная и образованная часть чиновничества — российская «просвещенная бюрократия», представителями которой были губернатор К.К. Грот и его сотрудники, в том числе Н.А. Воронов.

Библиографический список

1. Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 46 с.
2. Артамонова Л.М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международной научно-практ. конф.: в 3 ч. Самара, 2014. Ч. 2. С. 152–161.
3. Артамонова Л.М. Провинциальное учительство и его занятия наукой в 1850–1860-е гг. (по архивным и опубликованным материалам Самарской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 140–148.
4. Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156–161.
5. Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» — замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5–1. С. 229–237.
6. Артамонова Л.М. Самара — новый губернский центр середины XIX века: изменения социально-культурной среды в связи с повышением административного статуса // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 14–27.
7. Белокрысенко А.Ф. Исторический очерк постепенного покорения Симбирского края и административного устройства его в разное время // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868.

8. Бирюкова А.Б. Научная деятельность элиты православного духовенства в дореформенной провинции (по материалам поволжских губерний) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практ. конф. Нижневартовск, 2015. С. 227–230.
9. Воронов Н.А. О винокуренном производстве и торговле хлебным вином в Самарской губернии // Памятная книжка Самарской губернии за 1863–1864 гг. Самара, 1864.
10. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю.Н. Смирнов. СПб., 2015. 118 с.
11. Горюшкина Н.Е. «Объявить откупщикам, что проект их отвергается»: о противодействии откупщиков винной реформе 1863 г. // Известия Юго-западного государственного университета. Сер.: История и право. 2012. № 1. Ч. 1. С. 241–245.
12. Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 25 с.
13. Ибнеева Г.В. «Бабушка» вниз по «матушке» // Родина. 2005. № 8. С. 115–119.
14. Кирсанов Р.С. Гончарное производство русского населения Самарского Поволжья в конце XVII–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 225 с.
15. Классика Самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2002. 278 с.
16. Майорова А.С. Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15. № 1. С. 81–86.
17. Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.
18. Смирнов Ю.Н. Взаимоотношения администрации, общества и самоуправления в Самарской губернии середины XIX в.: от местных инициатив к общегосударственным реформам // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 181–192.
19. Этнография Самарского края XVIII–XX веков: библиографический указатель / сост. В.М. Бирюков. Самара, 1994. 301 с.
20. Юрченков В.А. Мордовская история: курс лекций. Саранск, 2014. 276 с.
21. Юрченков В.А. Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII – начало XX века // Российская история. 2004. № 5. С. 26–37.

References

1. Akulshin P.V. *Prosveshchennaia biurokratiia i russkaia provintsiiia v pervoi polovine XIX v. (po materialam Penzenskoi, Riazanskoi, Tambovskoi i Tul'skoi gubernii): avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk* [Enlightened bureaucracy and the Russian province in the first half of the 19-th century (on the materials of Penza, Ryazan, Tambov and Tula provinces): Author's abstract of Doctor's of Historical Sciences thesis]. М., 2004, 46 p. [in Russian]
2. Artamonova L.M. *Obraz Samary kak novogo gubernskogo goroda v russkoi pechati i publitsistike serediny XIX veka* [Image of Samara as a new provincial city in the Russian press and journalism of the middle of the 19-th century] in *Modernizatsiia kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 ch.* [Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural changes. Materials of the International scientific and practical conference" in 3 Vols.]. Samara, 2014, Vol. 2, pp. 152–161 [in Russian].
3. Artamonova L.M. *Provintsial'noe uchitel'stvo i ego zaniatiia naukoj v 1850-1860-e gg. (po arkhivnym i opublikovannym materialam Samarskoi gubernii)* [Provincial teachers and their science classes in the 1850-1860-ies (on archival and published materials of the Samara province)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 7(129), pp. 140–148 [in Russian].
4. Artamonova L.M. *Prosvetitel'skaia deiatel'nost' samarskogo gubernatora K.K. Grota: stolichnyi chinovnik v kul'turnom prostranstve provintsii* [Educational activity of the Samara governor K.K. Grot: the capital official in the cultural space of the province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts], 2014, no. 2(19), pp. 156–161 [in Russian].

5. Artamonova L.M. Rukopisi G.N. Potanina «Zapiski o Samare» i «Dedushka iz Samary» – zamechatel'nye pamiatniki «lokal'noi» istorii serediny XIX veka [G.N. Potanin's manuscripts «Notes about Samara» and «The Grandfather from Samara» – remarkable monuments of «local» history of the middle of the 19th century]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences], 2013, Vol. 15, no. 5-1, pp. 229–237 [in Russian].
6. Artamonova L.M. Samara – novyi gubernskii tsentr serediny XIX veka: izmeneniia sotsial'no-kul'turnoi sredy v sviazi s povysheniem administrativnogo statusa [Samara – a new provincial center of the middle of the 19th century: changes of social and cultural environment as a result of higher administrative status]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordovia* [“Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia”], 2015, no. 4(36), pp. 14–27 [in Russian].
7. Belokrysenko A.F. Istoricheskii ocherk postepennoho pokoreniia Simbirskogo kraia i administrativnogo ustroistva ego v raznoe vremia [Historical sketch of the gradual conquest of the Simbirsk Region and its administrative apparatus at different times] in *Collection of historical and statistical data about Simbirsk*. Simbirsk, 1868 [in Russian].
8. Biryukova A.B. Nauchnaia deiatel'nost' elity pravoslavnogo dukhovenstva v doreformennoi provintsii (po materialam povolzhskikh gubernii) [Scientific activity of the elite of the orthodox clergy in the prereform province (on the materials of the Volga Region provinces)]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Culture, science, education: problems and prospects. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference]. Nizhnevartovsk, 2015, pp. 227–230 [in Russian].
9. Voronov N.A. O vinokurennom proizvodstve i torgovle khlebnym vinom v Samarskoi gubernii [About distillery grain production and vodka trade in the province of Samara] in *Memorable book for the Samara province in 1863–1864*. Samara, 1864 [in Russian].
10. Voronov N.A. Opisanie Volzhskogo pribrezh'ia Samarskoi gubernii i zamechatel'neishikh ego mestnostei (1857 g.) / nauch. red. Iu.N. Smirnov [Description of the Volga coast in the Samara province and the most remarkable places (1857)]. Scientific editor Yu.N. Smirnov. SPb, 2015, 118 p. [in Russian].
11. Goryushkina N.E. «Ob»iavit' otkupshchikam, chto proekt ikh otvergaetsia»: o protivodeistvii otkupshchikov vinnoi reforme 1863 g. [«Announce to tax farmers that their project is rejected»: about counteraction of tax farmers to wine reform of 1863]. *Izvestiia Iugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii i pravo* [Proceedings of the South-West State University. Series History and Law], 2012, no. 1, Vol. 1, pp. 241–245 [in Russian].
12. Dosekin E.S. *Evgenii Nikolaevich Trubetskoi – obshchestvennyi i politicheskii deiatel': avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk* [Evgeny Nikolaevich Trubetskoi – public and political figure: Author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. Saratov, 2013, 25 p. [in Russian].
13. Ibneeva G.V. «Babushka» vniz po «matushke» [«Grandma» down «Mother-river»]. *Rodina* [Motherland], 2005, no. 8, pp. 115–119 [in Russian].
14. Kirsanov R.S. *Goncharnoe proizvodstvo russkogo naseleniia Samarskogo Povolzh'ia v kontse XVII–XX vv.: dissertatsiia ... kandidata istoricheskikh nauk* [Potter's production of the Russian population of the Samara Volga Region at the end of the 17th – 20th centuries: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2000, 225 p. [in Russian].
15. *Klassika Samarskogo kraevedeniia: antologiiia / pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana* [Classics of Samara local history: an anthology]. P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.). Samara, 2002, 278 p. [in Russian].
16. Mayorova A.S. Poseshchenie Saratova naslednikom tsesarevichem Aleksandrom Nikolaevichem v 1837 g. v kontekste kul'turnykh kommunikatsii stolichnykh i gubernskikh gorodov Rossii [Crown prince Alexander Nikolayevich's visit to Saratov in 1837 in the context of cultural communications between the capital and provincial cities of Russia]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriya. Seriya: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestia of Saratov University. New series. Series: History, International Relations], 2015, Vol. 15, no. 1, pp. 81–86 [in Russian].
17. Mironov B.N. Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v XIX – nachale XX veka [Development of civil society in Russia in the 19th – beginning of the 20th century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2009, no. 1, pp. 110–126 [in Russian].

18. Smirnov Yu.N. Vzaimootnosheniia administratsii, obshchestva i samoupravleniia v Samarskoi gubernii serediny XIX v.: ot mestnykh initsiativ k obshchegosudarstvennym reformam [Relationship of administration, society and self-government in the Samara province at the middle of the 19th century: from local initiatives to nation-wide reforms]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 11(133), pp. 181–192 [in Russian].

19. Etnografiia Samarskogo kraia XVIII – XX vekov: bibliograficheskii ukazatel' / sost. V.M. Biriukov [Ethnography of the Samara Region in the 17th – 20th centuries: bibliographic index]. Compiler V.M. Biryukov. Samara, 1994, 301 p. [in Russian].

20. Yurchenkov V.A. Mordovskaia istoriia: kurs lektsii [Mordovian history: course of lectures]. Saransk, 2014, 276 p. [in Russian].

21. Yurchenkov V.A. Mordovskii etnos v sisteme Rossiiskoi imperii: XVIII – nachalo XX veka [Mordva ethnos within the Russian empire system: 18th – early 19th centuries]. *Rossiiskaia istoriia* [Rossiiskaia istoriia], 2004, no. 5, pp. 26–37 [in Russian].

*Yu.N. Smirnov**

**«ENLIGHTENED BUREAUCRACY» IN THE PROVINCE ON THE EVE
OF THE GREAT REFORMS: N.A.VORONOV – AN OFFICIAL OF SAMARA
GOVERNOR GROT AND HIS CONTRIBUTION IN REGIONAL STUDIES
OF THE MIDDLE OF THE 19-TH CENTURY****

The article analyzes the recently published valuable source on the history of the Volga Region of the middle of the 19-th century – «Description of the Volga coast in the Samara province and the most remarkable places». The work was intended as the guide for the forthcoming travel of the chairman of Russian Geographical Society – the grand duke Konstantin Nikolaevich. However, it was a real scientific work on geography, statistics and history, ethnography. The author was a representative of educated officials, conducted regional researches, shared modernization moods of the era, participated in developing and carrying out Great Reforms. Voronov made an important contribution to the study of the Samara Region and was a representative of the public thought in the era of transformation of Russia.

Key words: Russia in the 19 century, history of the Volga Region, ethnic processes, modernization, grain market, regional studies, Alexander II, Russian Geographical Society.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Smirnov Yuri Nikolaevich* (smirnov195503@yandex.ru), Department of Document Science, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The investigation is performed at financial support of the Russian Foundation for the Humanities within the frameworks of Research and Development Project of the Russian Foundation for the Humanities № 15-11-63002 a-(r) «Transformation of Samara from the district city to the provincial town on the eve and in the beginning of reforms of the middle of the XIX century: archival materials and media on changes and administrative sphere, formation of civil society, development of cultural environment».

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ 1917 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В статье анализируются способы организации избирательных кампаний в провинции в условиях Российской революции 1917 года, итоги выборов в городские думы, волостные земства, Учредительное собрание.

Ключевые слова: Положение о выборах, политические партии, думы, земства, Учредительное собрание.

Российская революция 1917 г. феноменальна не только по своим итогам, но и по разнообразному характеру политических преобразований, предпринятых в условиях общенационального кризиса. Вопрос о власти как основной вопрос революции неоднократно рассматривался в новейшей историографии. Законотворческая деятельность революционеров-февралистов была направлена на реорганизацию политической системы страны. Они разработали и стали внедрять так называемую «четырёххвостку» (всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании). Некоторые сюжеты, характеризующие платформы политических партий в избирательных кампаниях [1; 11; 12; 15], итоги выборов в думы, земства, Учредительное собрание [7; 12; 15], социопсихологические аспекты поведения отдельных групп электората [2; 8; 14] рассматривались в исторической литературе. Предвыборная политическая борьба частично затрагивалась в исследованиях, посвященных специфике революционных процессов в отдельных регионах страны [2; 7; 9; 13; 18; 19]. Однако вопрос о том, почему демократической избирательной системе большинство населения страны предпочло принципы непосредственного представительства, продолжает оставаться дискуссионным.

В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. формирование местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права было объявлено приоритетной задачей, которую необходимо решить в ходе государственных преобразований. Чтобы предотвратить местную самодеятельность в реорганизации органов самоуправления, Временное правительство 23 марта 1917 г. образовало Особое совещание. В нем участвовали видные ученые, деятели земского и городского общественного управления. На Особое совещание возлагалась разработка проектов законов и постановлений об изменениях земского и городского «Положений» и приспособление их к новым условиям общественной жизни. Совещание выработало следующие проекты: 1) волостного земства, волостных финансов, наказа по выборам в волостное земство в 43 земских губерниях; 2) реформы земского избирательного права, наказа по земским выборам, изменения земского положения, улучшения земских финансов, учреждений банка городского и земского кредита; 3) введения земства в Сибири и в Архангельской губернии, в Степном крае, Туркестане и других губерниях и краях; 4) реформы городского избирательного права; 5) поселкового управления и наказа по выборам поселковых гласных; 6) положения о милиции, административных судах и комиссариатах; 7) введения земства в казачьих областях и на Кавказе [4. Л. 1–2]. При этом разработчики государственных реформ стремились сохранить приоритет центрального руководства, единообразие системы управления. Кроме того, органы

* © Кабытова Н.Н., 2016

Кабытова Надежда Николаевна (don.kabytov2012@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

самоуправления должны были подготовить население к выборам в центральные и местные структуры правительственной власти.

Временное правительство разработало план построения свободного гражданского общества, но он мало учитывал реалии народной жизни. В связи с этим обычная предвыборная борьба политических партий и общественных объединений, развернувшаяся на местах, меньше влияла на разрешение социальных конфликтов, чем положение дел в советах и комитетах. В революционном процессе обычные элементы строительства демократического государства были гораздо менее важны, чем правотворчество масс, влиявшее прежде всего на сущность преобразований. В столице и российских регионах политическая дифференциация общества проявлялась по-разному, но в любом случае это приводило к отчуждению народа от новой власти и дальнейшим поискам идеальной модели их взаимоотношений. В условиях продолжающейся революции это способствовало утверждению за органами социального контроля властных функций.

Политическая деятельность партий и союзов, органов самоуправления и общественных объединений наглядно проявилась в ходе избирательных кампаний 1917 года (выборы в думы, волостные земства, Учредительное собрание). Вопросы государственного строительства продолжали оставаться дискуссионными в общественной жизни. В связи с этим любые мероприятия власти по реорганизации самоуправления активизировали действия всех местных политических и общественных объединений. К тому же постоянные перевыборы советов и комитетов, в которых росло влияние радикальных сил, создавали конкуренцию для властных структур в ходе государственного строительства. Муниципальная избирательная кампания стала первым опытом демократических выборов. Их организация была возложена на исполнительные органы городских дум — управы. Они отвечали за составление списков избирателей, регистрацию кандидатов от политических партий и общественных объединений, финансовое обеспечение избирательной кампании. Объем работ был чрезвычайно велик, а сроки крайне ограничены. Финансовое обеспечение выборов часто превращалось в трудноразрешимую проблему, поскольку традиционные источники налогообложения не могли покрыть растущих потребностей самоуправления в условиях инфляции, вызванной войной и революцией. В такой обстановке муниципальные служащие частью из-за нерасторопности, иногда специально стремились не допустить волеизъявления политических симпатий наиболее радикальных слоев общества, не являвшихся к тому же постоянными жителями городов, как, например, солдаты. Для этого выискивались различные формальные поводы: размещение воинских частей на городской земле, но за чертой усадебной оседлости; либо наоборот — земли принадлежали крестьянскому обществу, а город арендовал их для размещения гарнизона [17. Л. 87]. Такие случаи вызывали волнения среди солдат, использовавшиеся большевиками в антиправительственной пропаганде.

Муниципальные выборы в провинциальных городах проходили в основном в июле—августе, но были случаи, когда они затягивались до сентября—октября 1917 года. В некоторых городах выборы устраивались дважды из-за грубых нарушений, допущенных организаторами в ходе избирательной кампании [15, с.13]. Наряду с общероссийскими закономерностями выборы в городские думы в каждом регионе имели ряд особенностей, характеризующих расстановку политических сил. Это проявлялось в большей степени в губернских городах, чем в уездных. Разумеется, результаты выборов в думы зависели также от срока их проведения, ибо нарастание революционного кризиса влияло на популярность среди избирателей тех или иных политических сил. Активность различных слоев городского населения также была неодинаковой летом и осенью 1917 года, что объясняется укреплением позиций советов рабочих и солдатских депутатов, выступивших реальной альтернативой думам в муниципальном управлении.

В борьбе за электорат политические партии не только критиковали друг друга, но и создавали временные коалиции, которые, впрочем, после выборов, распались из-за противоречий между ними [6. Л. 26]. В случае отмены выборов, проведенных с наруше-

нием демократических процедур, начиналась новая агитационная кампания. Думы реорганизовывали избирательные комиссии, создавались коалиционные штабы из представителей советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, исполнительных комитетов, гарнизонов, милиции [7, с. 31]. Многообразие общественно-политических объединений, участвовавших в муниципальной избирательной кампании, привело, с одной стороны, к дифференциации социальных сил в революции, а с другой – к неспособности структур местного самоуправления решать насущные проблемы своих избирателей.

По закону о выборах земских гласных в них могли участвовать все граждане, достигшие двадцатилетнего возраста, проживавшие в волости, имевшие там собственность, состоявшие на земской или иной местной службе. Таким образом сословное представительство заменялось всеобщими демократическими выборами. Благодаря этому в них участвовали не только общинники, но и хуторяне, отрубщики, помещики, священнослужители, служащие и торговцы. Однако преодолеть синдром «общинной революции» в условиях нарастания общенационального кризиса не удалось даже в юго-восточных, более зажиточных районах Поволжья. В чистом виде, без сложившейся к осени 1917 года практики «черного передела», народнические идеи привлекали не только крестьян-общинников, но и всех мелких собственников в деревне и городе, им симпатизировали многие служащие земских и городских самоуправлений.

Выборы волостных земств, начавшись летом, проходили до конца 1917 г., но большинство их состоялось в сентябре–октябре. Это было связано с трудностями реализации организационных предвыборных мероприятий в сельской местности. К тому же крестьяне-общинники, столь успешно реализовывавшие свои требования через низовые комитеты, с большим подозрением относились к реформе самоуправления, осуществлявшейся Временным правительством. Приверженность архаичным формам самоорганизации и представительства во властных структурах крестьяне проявили с самого начала революции; не изменились их приоритеты и при выборах волостных земств. Хотя организаторы избирательной кампании уверяли, что «деревня ответственно подошла к выборам, выставив большое количество кандидатов в гласные», сообщений о том, что «население относилось к ним равнодушно или даже отрицательно», было предостаточно [3. Л. 32].

Стремление Временного правительства унифицировать органы местного самоуправления в огромной многонациональной стране, не учитывая особенностей самоорганизации народов, ее населявших, не способствовало успеху преобразований. Так, Чебоксарский уездный комиссар 9 октября 1917 г. докладывал Казанскому губернскому комиссару, что при «составлении списков избирателей никаких затруднений не возникало, за исключением мусульманских округов, отказавшихся дать сведения о женской половине населения... За отсутствием классовой или политической борьбы кандидатские списки составлялись или каждой деревней, или группой деревень... Мусульманское население принять участие в тайном и равном голосовании отказалось и выбрало гласных открытым голосованием» [10. Л. 2011].

Уездные земства под эгидой губернских пытались преодолеть негативное отношение крестьян к навязываемым им сверху преобразованиям. Народнические партии и союзы организовывали различного рода агитационно-пропагандистские курсы, «командируя в распоряжение земств, кооперативов и других организаций студентов и курсисток» из Москвы, местных представителей партий социал-демократов, народных социалистов, кадетов, эсеров [6. Л. 7]. Например, программа курсов, разработанная Саратовским обществом народных университетов, включала следующие вопросы: «1) По местному самоуправлению... 2) Конспект Учредительного собрания... 3) Можно ли жить без царя?... 4) Организация сельского общества... 5) Местное строительство» [6. Л. 19].

Земские деятели, состоявшие к осени 1917 г. «сплошь из демократического элемента», скомпрометировали себя в глазах крестьян, осуждая «насильственный захват» ими чужой собственности [10. Л. 8]. При выборах волостных земств крестьяне пред-

почти кандидатов не от партий и союзов, общественных организаций и земских учреждений, а представителей из своей среды. Оценивая промежуточные итоги выборов в Самарской губернии, земские служащие с горечью констатировали: «Выборы нужно признать неудачными. Преобладающий элемент — зажиточные крестьяне, некультурные и малограмотные. Интеллигенции очень незначительно... Понятие о земстве населением усвоено плохо...» [16. Л. 5–6]. По мнению организаторов выборов, в некоторых волостях «состав гласных хороший, прошли преимущественно интеллигенты, между которыми значительная часть учителей, ветеринаров, агентов и прочих» [16. Л. 5–6]. Одновременно «почти везде наблюдалось несознательное отношение к выборам... Были случаи, когда сельские писари... указывали избирателям, что они могут голосовать только за предлагаемый список, хотя это шло вразрез с желанием избирателя». По некоторым волостям выборы были по партийным спискам (эсеров), а по Абдулинской — даже большевики» [16. Л. 5–6].

Неосуществимость принципов земского представительства на выборах Учредительного собрания казалась очевидной всем политическим партиям и течениям, действовавшим в Русской революции 1917 года. Члены «Особого совещания по делам о выборах в Учредительное собрание» образовали специальную комиссию и провели сравнительно-сопоставительный анализ мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Отмеченные недостатки партийно-пропорциональной системы, когда «страна окажется во власти партийной бюрократии» [5. Л. 7], комиссия надеялась преодолеть. Она считала, что пропорциональная система лучше выразит мнение национального и политического меньшинства. Последнее обстоятельство для составителей проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» имело особое значение при их всеобщности. Они успели убедиться в непопулярности на местах губернских и уездных комиссаров Временного правительства, назначенных из числа председателей земских управ. Предпочтя пропорциональную систему мажоритарной, демократические законодатели не смогли предотвратить опасности охлократического диктата в стране.

Выборы в Учредительное собрание проводились по спискам, составленным для избрания городских дум и волостных земств. Широкий спектр партий и объединений, баллотировавшихся на выборах, не изменил общей картины их результатов. В поволжских губерниях большинство мест на выборах в Учредительное собрание получили эсеры, что было вполне закономерно. Выявление социально-экономических требований крестьян в революции показало господство радикально-конфискационных настроений как среди общинников, так и собственников в отношении некрестьянского землевладения. Общинно-уравнительные иллюзии были присущи в значительной степени пролетарским и полупролетарским городским слоям, солдатам среднего возраста. Эсеры, пропагандировавшие идеи социализации земли, находясь во власти, не спешили с реализацией конфискационных мероприятий, опасаясь аграрного беспредела, но обещали утвердить их законодательно. Наконец, в большинстве поволжских губерний к осени 1917 года эсеры стали «партией власти», руководили идейно и организационно избирательной кампанией в Учредительное собрание, а следовательно, имели большие возможности склонить на свою сторону электорат.

В целом, несмотря на все законодательные инициативы Временного правительства, механизм взаимоотношений между властью и обществом не складывался. Политические партии и общественные объединения, боровшиеся за власть в беспартийной по преимуществу стране, были не способны аккумулировать интересы различных социальных групп, находившихся в состоянии антагонизма. Большее или меньшее влияние на власть и самоуправление им удавалось оказывать лишь в губернских городах. В ходе муниципальной кампании в уездных городах регистрировались общественные группы беспартийных граждан, списки которых получали достаточное для влияния количество голосов на выборах в думы. При выборах волостных земств избирательные списки формировались преимущественно от сельских обществ.

Предпочтение большей частью населения норм общинного права создавало предпосылки для изменения форм регулирования общественных отношений. Советы для рабочих, солдат и даже крестьян оказались предпочтительнее по двум причинам: во-первых, они создавались на основе социального представительства ранее угнетенных классов; во-вторых, формально не несли ответственности за обострившийся кризис власти. Необходимо заметить, что и результаты выборов Учредительного собрания в губерниях Поволжья отражали скорее социальные ожидания большей части избирателей, чем действительную расстановку политических сил. Социалисты-революционеры, одержавшие уверенную победу на выборах, потеряли доверие масс, как только захватившие власть большевики заявили об удовлетворении их радикальных требований, не дожидаясь Учредительного собрания.

Библиографический список

1. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. Ч. II.
2. Бэдкок Сара. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.
3. Государственный архив Пензенской области. Ф. 206. Оп. 1. Д. 45.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 6. Д. 15.
5. ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 34.
6. Государственный архив Саратовской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894.
7. Кабытова Н.Н. Местное самоуправление в 1917 году // Местное самоуправление в России. История и современность: материалы научно-практ. конф. Самара, 2015. С. 28–34.
8. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.
9. Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. Тамбов, 2012.
10. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 44.
11. Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. Ч. II, III.
12. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
13. Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
14. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
15. Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организации политических партий на выборах в думы поволжских городов // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.
16. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 1117.
17. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26.
18. Шелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014.
19. Яров С.В. Пролетарий как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999.

References

1. Anatomiiia revoliutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast' [Anatomy of revolution. 1917 in Russia: the masses, parties, power]. SPb., 1994, Part II [in Russian].
2. Badcock Sarah. Perepisyvaia istoriiu rossiiskoi revoliutsii: 1917 god v provintsii [Rewriting the history of the Russian revolution: 1917 in a province]. *Otechestvennaia istoriia* [Domestic history], 2007, no. 4, pp. 103–112 [in Russian].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti* [State archive of the Penza Region]. F. 206. Op. 1. D. 45 [in Russian].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. F. 1788. Op. 6. D. 15 [in Russian].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. F. 1811. Op. 1. D. 34 [in Russian].

6. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of the Saratov Region]. F. 5. Op.1. D. 3894 [in Russian].

7. Kabytova N.N. Mestnoe samoupravlenie v 1917 godu [Local self-government in 1917]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mestnoe samoupravlenie v Rossii. Istorii i sovremennost'»* [Materials of scientific and practical conference «Local self-government in Russia. History and modernity»]. Samara, 2015, pp. 28–34 [in Russian].

8. Kolonitskiy B.I. Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniiu politicheskoi kul'tury Rossiiskoi revoliutsii 1917 goda [Symbols of power and struggle for power: exploring political culture of the Russian revolution of 1917]. Spb., 2001 [in Russian].

9. Meshcheryakov Yu.V. Tambovskaia guberniia v nachal'nyi period sovetskoj vlasti. Oktiabr' 1917 – avgust 1918 gg [Tambov province in the initial period of Soviet power. October 1917 – August 1918]. Tambov, 2012 [in Russian].

10. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1246. Op.1. D. 44 [in Russian].

11. Politicheskie partii v rossiiskikh revoliutsiiakh v nachale XX veka [Political parties in Russian revolutions at the beginning of the twentieth century]. M., 2005, Part II, III [in Russian].

12. Protasov L.G. Liudi Uchreditel'nogo sobraniia: portret v inter'ere epokhi [Men of the Constituent Assembly: a portrait in the interior of the era]. M., 2008 [in Russian].

13. D.J. Reilly. Politicheskie sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove [The political fate of a Russian province: 1917 in Saratov]. Saratov, 1995 [in Russian].

14. Sukhova O.A. Desiat' mifov krest'ianskogo soznaniia: ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'ianstva (konets XIX – nachalo KhKh v.) po materialam Srednego Povolzh'ia [Ten myths of peasant consciousness: essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (the end of XIX – beginning of XX century) on the materials of the Middle Volga Region]. M., 2008 [in Russian].

15. Tocheny D.S., Tochenaya N.G. Organizatsii politicheskikh partii na vyborakh v dume povolzhskikh gorodov [The organization of political parties on elections in the Duma of the Volga Region cities] in *Gorodskie srednie sloi v trekh rossiiskikh revoliutsiiakh* [Urban middle strata in the three Russian revolutions]. M., 1989 [in Russian].

16. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti [Central state archive of the Samara Region]. F. 5. Op.9. D. 1117 [in Russian].

17. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti [Central state archive of the Samara Region]. F. 153. Op.41. D. 26 [in Russian].

18. Shchelkov A.B. Vlast' v Samarskoi gubernii v 1917 godu [Public authorities in the Samara province in 1917]. Samara, 2014 [in Russian].

19. Yarov S.V. Proletarii kak politik: revoliutsiia, voennyi kommunizm i NEP glazami petrogradtsev [Proletariat as a politician: revolution, war communism and the NEP in the eyes of city-dwellers]. SPb., 1999 [in Russian].

*N.N. Kabytova**

ELECTION CAMPAIGNS OF 1917 IN THE RUSSIAN PROVINCE

In the article ways of organization of election campaigns in the province in conditions of the Russian revolution of 1917, results of elections to City Councils, volost zemstvos, Constituent assembly are analyzed.

Key words: Provision on elections, political parties, thoughts, zemstvos, Constituent assembly.

Статья поступила в редакцию 21/XII/2015.

The article received 21/XII/2015.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (don.kabytov2012@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР 1937 Г. КАК ЛЕГИТИМАЦИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР)

В данной статье на основе широкого круга источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, детально описывается избирательный процесс, включающий в себя подготовку к выборам в Верховный Совет СССР в 1937 г. в Белорусской ССР, избирательную кампанию в ее специфическом советском понимании, голосование и подведение итогов выборов. С достаточной полнотой представлен механизм осуществления контроля над выборами, констатируется высокая степень его результативности, что подтверждено соответствующей информацией статистического характера. На примере данных выборов продемонстрирована природа советского политического режима: подобные кампании вовсе не были призваны обеспечить действие механизма сменяемости власти, но являлись пропагандистской кампанией, укрепляющей в глазах советских людей легитимность существующей правящей верхушки.

Ключевые слова: избирательная кампания, кандидат, бюллетень, мандат, голосование, агитация.

Тематика выборов в высший советский представительный и законодательный орган, которым в соответствии с Конституцией 5 декабря 1936 г. был объявлен Верховный Совет, постепенно становится объектом исторического исследования в первую очередь в странах СНГ [1]. Весьма отраднo, что этому уделяют внимание и юристы [2]. Тем не менее говорить о какой-либо устойчивой научной традиции в силу отсутствия комплексных научных трудов еще рано, что создает определенные трудности для целостного обзора специальной литературы. Изыскания в данной области имели место в советский период, однако подавались исключительно в рамках идеологической ангажированности [3].

9 июля 1937 г. четвертая сессия ЦИК СССР утвердила специальный документ – Положение о выборах в Верховный Совет. Принципиальные моменты Положения (избирательная система, структура Верховного Совета, порядок выдвижения кандидатов и др.) были заимствованы из Конституции 5 декабря 1936 г. Положение закрепляло технические стороны избирательного процесса, оговаривало формирование избирательных комиссий и участков, процесс голосования, а также подведение итогов выборов [4].

С теоретической точки зрения Положение выглядело демократично. Помимо констатации всеобщего, равного и прямого голосования на тайной основе в одинаковой степени для мужчин и женщин, например, до минимума сокращались основания, по которым граждане могли быть лишены права голоса. В качестве таковых выступали

* © Курьянович А.В., 2016

Курьянович Александр Владимирович (deklaration@mail.ru), главный архивист компании СП «Софтформ», 220075, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Промышленная, 8 а.

судимость с лишением избирательного права либо же психическое состояние здоровья («умалишенные»). Иными словами, практически все ограничения избирательного права, в первую очередь по социальным и религиозным признакам, имевшим место в предшествующие два десятилетия советской власти, ликвидировались.

В целом от Белорусской ССР планировалось выдвижение 44 кандидатов: 19 — в Совет Союза, 25 — в Совет Национальностей. В некоторых округах одновременно выдвигались кандидаты и в Совет Союза, и в Совет Национальностей. Это делалось с целью технического облегчения проведения выборов и экономии средств.

По общесоюзному примеру была построена структура избирательных комиссий для обеих палат. Для Совета Национальностей создавалась Республиканская комиссия, а также окружные избирательные комиссии по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей. В БССР в каждой окружной избирательной комиссии по выборам в обе палаты имелись председатель, его заместитель, секретарь и еще семь членов. Власти попытались максимально расширить представительство в окружных избирательных комиссиях. Там заседали не только ставленники традиционных институтов — компартии, комсомола и профсоюзов, но и делегаты от МТС, Осоавиахима либо от рабочих, служащих, колхозников. Замыкала данную конструкцию участковая избирательная комиссия.

Значимой особенностью Белорусской ССР в период выборов являлось отсутствие в ней областей как наиболее крупных административно-территориальных единиц (республика делилась на 91 район), а также ее территориальное положение. Власти опасались провокаций на выборах в приграничных районах, были убеждены, что «польские фашисты попытаются сорвать выборы» [5. Д. 11858. Л. 15]. В приграничье направлялись самые ответственные и «крепкие» работники. Так, сотрудник отдела ЦК КП(б)Б по сельскому хозяйству Лахман был откомандирован в ноябре 1937 г. в Освейский район (под Полоцком), который «расположен на границе с капиталистической Латвией» [5. Д. 11845. Л. 74].

После официального утверждения Положения руководство БССР развернуло широкомасштабную кампанию по его изучению среди населения. Подобная миссия была возложена на специальных пропагандистов, обучающихся на соответствующих курсах. В Минске с 20 августа по 29 ноября 1937 г. работали трехмесячные курсы пропагандистов, на которые было набрано 190 человек [5. Д. 11823. Л. 73].

Изучение Положения планировалось в течение пяти занятий по соответствующим темам: 1) «Верховный Совет СССР»; 2) «Избирательная система»; 3) «Как строятся избирательные участки и избирательные округа в Верховный Совет СССР»; 4) «Избирательные комиссии, список избирателей, порядок выставления кандидатов»; 5) «Порядок голосования и определение итогов выборов» [6]. При этом изучение Положения отнюдь не ограничивалось лишь его содержанием. Обучающиеся дополнительно должны были овладеть следующими темами: «Речь И.В. Сталина на

VIII Чрезвычайном съезде Советов», «Достижения советской власти за 20 лет», «Японская агрессия в Китае», «О деятельности иностранных разведок» и т. д.

При подготовке к выборам руководство Белорусской ССР должно было неукоснительно следовать инструкциям из Москвы, без промедления претворять в жизнь инициативы Центра. 15 октября 1937 г. за подписью секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина и зав. особым сектором ЦК А.Н. Поскребышева Минск получил решение пленума ЦК ВКП (б) от 12 октября 1937 г. с грифом «Не для печати». Решение предписывало своевременно обеспечить избирателей Положением о выборах в Верховный Совет СССР. В решении также содержалось категорическое требование проверить состав окружных и участковых избирательных комиссий. Решение предусматривало создание на предстоящих выборах единого блока коммунистов и беспартийных. Отдельное выдвижение партийных и беспартийных кандидатов, говорилось в

решении, крайне нежелательно, так как это разобьет голоса, что будет «на руку врагам трудящихся» [5. Д. 11858. Л. 3]. Наконец, по решению на каждом избирательном участке вводились доверенные лица, призванные контролировать ход избирательного процесса. Всего в 91 районе БССР насчитывалось 3541 доверенное лицо, из которых большинство – 1977 – составляли члены партии и кандидаты. Остальные были комсомольцами и беспартийными [5. Д. 11858. Л. 46].

В ноябре 1937 г. И.В. Сталин разослал на места сразу две директивы. Одна из них касалась технической стороны выборов. «Вождь» требовал не допускать больших очередей на избирательных участках. С этой целью необходимо было решить вопрос с регистрацией избирателей, обеспечения оперативного входа и выхода и т. д.

Во второй директиве речь шла о составлении списков избирателей. Директива констатировала большие проблемы в этом плане: «Списки избирателей составляются крайне небрежно и напоминают поголовную перепись населения» [5. Д. 11858. Л. 65]. Эти утверждения не были лишены оснований. Так, нарком здравоохранения БССР К.В. Киселев, выезжавший в качестве инструктора в Лельчицкий район, указал в своем отчете, что в списки для голосования на одном из участков был занесен «мертвец» [5. Д. 11845. Л. 37].

20 ноября 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело вопрос о составлении списка избирателей. Выводы оказались неутешительными. В республике при составлении таких списков имели место не только «искажения имен», но и пропуски целых населенных пунктов [5. Д. 11858. Л. 66].

Важным моментом избирательной кампании стало выдвижение кандидатов. Оно имело строго иерархический характер. Сначала шли первые лица государства, затем – руководители республиканского и местного уровня, и только потом – простые граждане. 25 октября 1937 г. заведующий отделом руководящих парторганов Г.М. Маленков «по поручению ЦК ВКП (б)» разослал в союзные республики, в том числе и в БССР, директиву, в которой говорилось о том, что для выдвижения в Верховный Совет отобраны «тридцать две кандидатуры высшего руководства и известных людей» [5. Д. 11858. Л. 32]. Кроме И.В. Сталина и его ближайшего окружения среди выдвинутцев фигурировали Н.К. Крупская, О.Ю. Шмидт, В.П. Чкалов и др.

По СССР прокатилась настоящая волна соревнований по выдвижению кандидатур из руководства страны. Республиканская элита стремилась заполучить в кандидаты влиятельных партийных деятелей, рассчитывая на политические и экономические дивиденды в будущем. В Белорусской ССР была организована широкомасштабная кампания отправки 190 тыс. писем трудящихся И.В. Сталину, В.М. Молотову, Н.И. Ежову и К.Е. Ворошилову с просьбой баллотироваться в Верховный Совет СССР от Белоруссии.

Однако желание трудящихся вряд ли играло какую-нибудь весомую роль: выдвижение высокопоставленных кандидатов осуществлялось по решению партийного руководства. В Белорусской ССР таковым оказался нарком обороны К.Е. Ворошилов, который был официально зарегистрирован 10 ноября 1937 г.

Наряду с К.Е. Ворошиловым от Белорусской ССР кандидатами в Совет Союза выдвигались А.А. Волков (и. о. первого секретаря ЦК КП(б)), Н.Я. Наталевич (и. о. председателя ЦИК БССР), Д.Б. Берман (нарком внутренних дел БССР), И.П. Белов (командующий войсками Белорусского военного округа) и др.

В Совет Национальностей из руководства республики были зарегистрированы секретарь ЦИК БССР А.В. Ермак, заместитель наркома внутренних дел БССР И.А. Жаб-рев, нарком земледелия В.Ф. Шишков, председатель Минского городского совета В.Г. Ванеев. В эту палату также была зарегистрирована кандидатура командарма второго ранга, будущей жертвы сталинских репрессий Г.И. Кулика.

Наряду с высшими государственными и военными лицами в Верховный Совет были зарегистрированы кандидатуры советских граждан рангом ниже. Это и председатели колхозов, и танкисты, и паровозные машинисты, и учащиеся зоотехникума, и работники МТС и др. Среди них в небольшом количестве были беспартийные и женщины.

Разным был национальный состав кандидатур в палаты, при этом Совет Союза отличался большей пестротой, так как выдвиженцы были не только белорусы (9 человек) и русские, но и латыши и евреи. Среди кандидатур в Совет Национальностей фигурировали 13 белорусов, 11 русских и только один еврей.

Маховик сталинских репрессий непосредственно затрагивал процесс выдвижения кандидатов. БССР в этом отношении не стала исключением. Так, в республике первоначально были зарегистрированы кандидатуры трех высокопоставленных латышских военных: член военсовета БВО А.И. Мезис (Осиповичский избирательный округ), начальник бронетанковых войск РККА Г.Г. Бокис (Оршанский избирательный округ) и заместитель наркома обороны СССР, командарм второго ранга Я.И. Алкснис (Могилевский избирательный округ) [7, с. 2]. Однако их фамилии вскоре исчезли из прессы в связи с их арестом в конце ноября 1937 г. Репрессированных оперативно заменили другие выдвиженцы.

В самой республике с целью мобилизации выборов еще в октябре 1937 г. прошли два показательных процесса над «врагами народа». Если 7 октября военный трибунал БВО приговорил к расстрелу ряд ответственных работников Белконторы по заготовке зерна [8, с. 1], то 24 октября – нескольких служащих Наркомата земледелия БССР. Обвинения не отличались разнообразием: «преступникам» вменялось в вину то, что они якобы хотели уничтожить поголовье коров и коней, прививая им чуму и анемию, заразить водоемы оспой и сибирской язвой, а муку и зерно – клещом. При этом газеты не стеснялись в выражениях. «Бухаринско-рыковские псы», «диверсанты», «отребье», «сволочи», «кровавые собаки», «фашистские каннибалы» – вот основные эпитеты, которыми награждались осужденные.

На поддержку выдвинутых кандидатур были брошены значительные информационные и материально-технические ресурсы. Главные газеты республики – «Советская Белоруссия» и «Звезда» – пестрели призывами голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Однако периодическими изданиями дело не ограничивалось. Советская власть использовала передовые по тем временам политтехнологии, проявляла изобретательность. 5 декабря 1937 г. заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б В. Бедин докладывал А.А. Волкову о том, что в период подготовки выборов используются такие формы агитации, как агитационные автомобили (марка «М-1»), авто- и мотопробеги, коллективные походы в театры, кино, музеи, посещение Дома Правительств, Дома Красной Армии, слеты стариков и старух, чтение специально обученными людьми (декламаторами) стихов о сталинской Конституции, массовые продажи пластинок с докладом И.В. Сталина на VIII Чрезвычайном Съезде Советов 25 ноября 1936 г. о проекте Конституции СССР, проекционные аппараты («волшебные фонари»). Всего в предвыборной гонке приняли участие около 40 тыс. агитаторов, которых сравнили с армией, «могущей сделать все, что угодно» [5. Д. 11858. Л. 4–12].

Пальма первенства среди кандидатов от БССР принадлежала, безусловно, К.Е. Ворошилову. К популяризации его фигуры подключились самые известные белорусские литераторы: поэты Я. Купала, Я. Колас, П. Бровка, А. Кулешов, писатель М. Лыньков. Я. Купала, будучи на отдыхе в Кисловодске, 17 ноября 1937 г. написал в честь сталинского любимца настоящий панегирик:

*И песни, и музыка, люди ликуют
От фабрик до фабрик, от хат и до хат.
Народ белорусский счастлив сегодня:
Климент Ворошилов его депутат* [9, с. 1].

В Белорусской ССР в период предвыборной кампании весьма распространенным явлением стали т. н. «ворошиловские вечера», на которых присутствующие изучали «героическое прошлое» луганского слесаря, его участие в гражданской войне, знакомство с И.В. Сталиным. Один из таких крупных вечеров, в котором приняли участие 600 работниц «Коммунарки» и 200 домохозяек, состоялся в Минске 24 ноября 1937 г. [5. Д. 11858. Л. 13].

Вскоре в начале декабря 1937 г. Минск посетил и сам К.Е. Ворошилов. Нарком обороны выступил на столичном стадионе «Динамо», как утверждалось в прессе, перед 120 тыс. участниками митинга [10, с. 1].

Приближающиеся выборы в Верховный Совет СССР обнажили по крайней мере три обстоятельства, помогающие прояснить феномен советского общества 1930-х гг. Во-первых, предвыборный период стал самой эффективной формой коммуникации подавляющего большинства населения с властью, когда люди имели действенную возможность донести до нее свои проблемы и чаяния. Агитаторы отмечали большое количество поступающих вопросов, которые носили бытовой характер и не касались выборов. Например, осенью 1937 г. на чулочно-трикотажной фабрике им. Коммунистического Интернационала в Витебске агитаторам были заданы вопросы следующего содержания: 1) Почему в городе мало промышленных товаров? 2) Что делать с мужьями, которые скрываются от алиментов? [5. Д. 11856. Л. 49–50].

Во-вторых, момент выборов даже в условиях монополии компартии, отсутствия реальных демократических свобод в определенной степени политизировал общество. Спецорганы фиксировали стихийные, не согласованные с местной администрацией митинги в поддержку блока коммунистов и беспартийных [5. Д. 11849. Л. 54]. Такие митинги приносили элемент дискомфорта для властей, создавали для них ситуацию неопределенности.

Появлялись признаки запроса со стороны людей на альтернативную информацию, причем очень часто касательно международной ситуации. Вопросы насчет положения в Испании, Китае, Эфиопии [5. Д. 11856. Л. 31] и др. во многом указывали на беспокойство граждан перед лицом растущей опасности милитаризма и фашизма.

Нередко агитаторам поступали вопросы внутривластного содержания, которые явно ставили под сомнение декларируемые сталинской пропагандой демократизм и открытость выборов. Так, в Кличеве в октябре 1937 г. один из избирателей поставил вопрос о том, не будет ли нарушением демократии, если в бюллетень заносится только одна кандидатура [5. Д. 11858. Л. 50].

В-третьих, перед лицом выборов кандидаты от партноменклатуры нередко вынуждены были «раскрываться» перед избирателями, публикуя в средствах массовой информации факты своей биографии. Естественно, многие нелюбезные моменты из прошлого власть имущих оставались тайной за семью печатями, однако даже такой формат позволял людям составить хотя бы какое-то представление о человеке. В этом смысле весьма примечателен очерк писателя М. Лынькова об и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А.А. Волкове. Назначенный в августе 1937 г. на пост руководителя республики, А.А. Волков был не только не известен населению, но даже руководящему эшелону БССР. Благодаря очерку М. Лынькова стали известны любопытные подробности о А.А. Волкове. Оказалось, что А.А. Волков, уроженец Рязанской губернии, — не кто иной, как выдвигенец «славного большевика» Л.М. Кагановича, у которого «учился работать и бороться с врагами». А.А. Волков, как явствовало из очерка, зарекомендовал себя на различных участках работы: в гражданскую войну против Н.И. Юденича, в Средней Азии, на Нижней Волге, в Москве и на Украине, где «боролся против шумскизма и других националистических течений» [11, с. 2].

В период подготовки к выборам и в день самой избирательной кампании местные власти и органы НКВД тщательно изучали настроения избирателей. В таких донесе-

ниях сначала шли восторженные отзывы населения о выборах. Отдельные случаи положительной оценки выборов со стороны избирателей поднимались на принципиальную высоту как неизменная победа социалистического строя, при этом особый упор делался на людей старшего поколения, которые даже в преклонном возрасте осознали преимущество советской власти. Например, в Минске в день выборов одна старушка решила надеть свое венчальное платье [5. Д. 11849. Л. 61]. На избирательных участках нередко находили вложенные в конверты вместе с бюллетенями стихотворные произведения, славящие И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова.

Вместе с тем имели место неприятные для властей инциденты, которые расценивались не иначе как «вылазка» классового врага. Например, в архивных документах имеется более десятка фактов, когда восхвалялась либо выставлялась в качестве кандидатуры в Верховный Совет фигура М.Н. Тухачевского. Так, за «прославление» маршала, который был уже давно репрессирован, осенью 1937 г. «органами НКВД был изъят» житель Богусhevского района Николай Романов [5. Д. 11843. Л. 96].

Кроме М.Н. Тухачевского имелись, правда, немногочисленные случаи восхваления других известных деятелей — политических оппонентов И.В. Сталина. Так, в Туровском районе избиратель вычеркнул всех кандидатов и приписал Л.Д. Троцкого [5. Д. 11856. Л. 41].

Настоящей головной болью для местной администрации во время выборов стали верующие, которые, согласно «дефектной переписи» 1937 г., представляли довольно большую часть населения страны [12, с. 103]. Умело используя конституционную норму отсутствия ограничения в выборах по религиозным признакам, представители самых различных конфессий развернули настоящее движение с требованием возврата зданий церквей, костелов, мечетей и синагог, выдвижения своих представителей в избирательные комиссии или кандидатом в депутаты. В противном случае верующие использовали самый опасный для советской власти прием — бойкот, а также уничтожение избирательных бюллетеней. Такие инциденты имели место в различных регионах республики. В Туровском районе от выборов отказалось 180 человек. В д. Селютичи Петриковского района в конверте вместо бюллетеня оказалась бумажка с изречениями из Библии [5. Д. 11823. Л. 41]. В г. п. Дрисса на Витебщине на одном из избирательных участков все кандидаты были вычеркнуты, а на бюллетенях красовалась надпись: «Я голосую за католическую веру» [5. Д. 11849. Л. 80].

В предвыборный период в БССР были не редкостью случаи, которые имели явный криминальный характер и которые можно однозначно расценить как форму протеста против советской власти. Так, в начале декабря 1937 г., в момент проведения встречи одного из кандидатов с избирателями на Минском кирпичном заводе № 1, туда заявился «ранее судимый» гражданин и пытался сорвать встречу. Когда один из комсомольцев намерился вывести хулигана, то в ответ получил кирпичом по лицу, а потом дебошир «проломил ломом голову лучшему стахановцу» [5. Д. 11847. Л. 32]. В колхозе имени Свердлова Милославичского района «классовый враг, воспользовавшись тем, что колхозники ушли на выборы, поджег ферму». В итоге сгорели 20 свиней и 1 конь [5. Д. 11847. Л. 164].

Итоги выборов, состоявшихся 12 декабря 1937 г., были таковы. Из общей официальной численности избирателей в 3 007 342 чел. в выборах приняли участие 2 929 666 чел., или 97,4 %. За кандидатов блока в Совет Союза проголосовали 2 892 815 чел., или 98,7 %, в Совет Национальностей — 2 844 244 чел., или 98,4 % [13, с. 5]. Желанный властями сценарий — абсолютная победа блока коммунистов и беспартийных — был успешно осуществлен в Белоруссии.

Таким образом, выборы в Верховный СССР 12 декабря 1937 г. как по Белорусской ССР, так и по стране в целом с правовой точки зрения должны были продемонстри-

ровать подлинное волеизъявление избирателей и сформировать действительно представительный орган, который отражал бы интересы широких слоев населения. Однако это оказалось невозможным в условиях советской общественно-политической жизни с ее однопартийностью и репрессиями.

Обращает внимание высокий уровень заорганизованности избирательной кампании. Несмотря на то что окружные избирательные комиссии были укомплектованы проверенными людьми, а «нужные» кандидаты строго подбирались по половозрастным, социальным, профессиональным и партийным признакам, власти на всех этапах избирательной кампании контролировали любую мелочь. Они не только отслеживали все нюансы, но часто действовали креативно, по-новаторски, серьезно опасались выхода ситуации из-под контроля в день выборов, когда политическая активность населения была на порядок выше.

Библиографический список

1. Дорожкина Я.Б. Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы Западной Сибири (1937–1941): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.
2. Макарецов А.А. Развитие институтов прямой демократии в СССР в 1935–1937 гг. (на материалах сельских районов Западно-Сибирского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006.
3. Бард С.Я. Борьба партии большевиков за подготовку и проведение первых выборов в Верховный Совет СССР в 1937 году на основе новой Конституции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.
4. Положение о выборах в Верховный Совет СССР. Минск: Гос. изд-во при СНК БССР, 1940. 16 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4п. Оп. 1.
6. Примерный план кружка по изучению «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» // Большевик Белоруссии. 1937. № 9. С. 32–36.
7. Кандидаты в Совет Союза // Советская Белоруссия. 1937. 12 ноября.
8. Приговор народа // Звезда. 1937. 8 октября.
9. Купала Я. Нашему депутату // Звезда. 1937. 23 ноября.
10. Праздник единения // Звезда. 1937. 8 декабря.
11. Лыньков М. Кандидат в депутаты Верховного Совета ССР Алексей Алексеевич Волков // Советская Белоруссия. 1937. 2 декабря.
12. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 г. / В.Б. Жиромская [и др.]. М.: Наука, 1996. 152 с.
13. Выборы в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик и автономных республик 1937–1938 гг. (цифровой сборник). М.: Изд-во ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1939. 30 с.

References

1. Dorozhkina Ja.B. *Izбирatelnye kampanii po vyboram v verkhovnye i mestnye sovety Zapadnoj Sibiri (1937–1941): avtoref. diss. kand. ist. nauk* [The electoral campaign for the elections to the Supreme Court and local councils in Western Siberia (1937–1941). Author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. Novosibirsk, 2004 [in Russian].
2. Makartsev A.A. *Razvitie institutov priamoi demokratii v SSSR v 1935–1937 gg. (na materialakh sel'skikh raionov Zapadno-Sibirskogo kraia): avtoref. ... dis. kand. iurid. nauk* [The development of institutions of direct democracy in the USSR in 1935–1937 (On materials of the rural areas of the West Siberian Region): Author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Novosibirsk, 2006. [in Russian].
3. Bard S.Ya. *Bor'ba partii bol'shevikov za podgotovku i provedenie pervykh vyborov v Verkhovnyi Sovet SSSR v 1937 godu na osnove novoi Konstitutsii: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk.* [The struggle of the Bolshevik Party for the preparation and holding of the first elections to the Supreme Soviet

of the USSR in 1937 on the basis of the new Constitution. Author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. Moscow, 1952 [in Russian].

4. Polozhenie o vyborakh v Verkhovnyi Sovet SSSR [Statute on the elections to the Supreme Soviet of the USSR]. Mн., Gos. izd-vo pri SNK BSSR, 1940, 16 p [in Russian].

5. National Archive of the Republic of Belarus (NA RB). F. 4p. Op. 1. [in Russian].

6. Primernyi plan kruzhka po izucheniiu «Polozheniia o vyborakh v Verkhovnyi Sovet SSSR» [The approximate circle plan to study the «Regulations on the elections to the Supreme Soviet of the USSR»]. *Bolshevik Belorussii* [Bolshevik of the Belorussia], 1937, no. 9, pp. 32–36 [in Russian].

7. Kandidaty v Sovet Soiuza [Candidates for the Board of the Union]. *Sovetskaia Belorussiiia* [Soviet Belorussia], 1937, November 12, pp. 2 [in Russian].

8. Prigovor naroda [The verdict of people]. *Zvezda*, 1937, October 8, p. 1 [in Russian].

9. Kupala Ja. Nashemu deputatu [To our deputy]. *Zvezda*, 1937, November 23, p. 1 [in Russian].

10. Prazdnik edineniia [Unity Festival]. *Zvezda*, 1937, December 8, p. 1 [in Russian].

11. Lynkov M. Kandidat v deputaty Verkhovnogo Soveta SSR Aleksei Alekseevich Volkov [Candidate for deputy of the Supreme Council of the USSR Alexey Alexeevich Volkov]. *Sovetskaia Belorussiiia* [Soviet Belorussia], 1937, December 2, p. 2. [in Russian].

12. V.B. Zhiromskaja [et al.]. Polveka pod grifom «sekretno». Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 g. [Half a century classified as «secret». Census of 1937]. M., Nauka, 1996, 152 p. [in Russian].

13. Vybory v Verkhovnyi Sovet SSSR i Verkhovnye Sovety soiuznykh respublik i avtonomnykh respublik 1937–1938 gg. (tsifrovoi sbornik) [Elections to the Supreme Soviet of the USSR and the Supreme Soviets of the Union republics and autonomous republics in 1937–1938. (Digital collection)]. M., Izd-vo vedomostei Verkhovnogo Soveta RSFSR, 1939, 30 p. [in Russian].

*A.V. Kurianovich**

ELECTIONS TO THE SUPREME SOVIET OF THE USSR IN 1937 AS A LEGITIMATION OF THE SOVIET SOCIAL AND POLITICAL REGIME (ON THE EXAMPLE OF BELORUSSIAN SSR)

In this article, based on a wide range of sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time, the electoral process is described in detail, including the preparations for the elections to the Supreme Soviet in 1937 in the Belorussian SSR, the election campaign in particular its Soviet sense, voting and tabulation of election results. With sufficient detail a mechanism of control over the elections is presented, the high degree of its effectiveness is stated, as confirmed by the relevant statistical information. For example, these elections demonstrated the nature of the Soviet political regime: these campaigns were not designed to provide a mechanism of action removability of authority, but were propaganda campaign reinforcing the Soviet people in the eyes of the legitimacy of the current ruling elite.

Key words: campaign, candidate, ballot mandate, voting, campaign.

Статья поступила в редакцию 22/XII/2015.
The article received 22/XII/2015.

* *Kurianovich Alexander Viktorovich* (deklaration@mail.ru), chief archivist of the company JV «Softform», 8a, Industrial Street, Minsk, 220075, Republic of Belorussia.

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА БУДАПЕШТ (29 ОКТЯБРЯ – 9 НОЯБРЯ 1944 Г.)

В статье рассматриваются причины неудачи первого наступления войск 2-го Украинского фронта на Будапешт, которое было начато 29 октября 1944 г. в спешке и без должной подготовки. Оборона противника была прорвана, и 5 ноября механизированные соединения вышли на рубеж в 10–15 километрах от венгерской столицы. Но противник сумел перегруппировать свои войска и нанес фланговый контрудар, поэтому мехкорпуса отошли от Будапешта. Ставка Верховного Главнокомандования пересмотрела свои планы и издала директиву о подготовке нового наступления, в результате овладение Будапештом было задержано на несколько месяцев.

Ключевые слова: 2-й Украинский фронт, Будапешт, наступление, Германия.

Причины неудачи первого наступления войск 2-го Украинского фронта с целью овладения Будапештом и разгрома крупной группировки противника давно привлекают к себе внимание военных и гражданских историков (среди авторов, посвятивших свои труды освобождению Венгрии в ходе Второй мировой войны, в первую очередь следует назвать М.М. Малахова, М.М. Минасяна, А.И. Пушкаша). Командовавший 2-м УФ маршал Р.Я. Малиновский в своих воспоминаниях, по сути, возложил основную ответственность за неудачу операции на Верховного Главнокомандующего, потребовавшего от комфронта перейти в наступление немедленно, без должной подготовки, что и послужило причиной затягивания боев за Будапешт на три с половиной месяца (см. ниже). В данной статье, опираясь на документы из Центрального архива Министерства обороны РФ, прежде всего из фондов 240 (2-й Украинский фронт) и 500 (фонд трофейных документов, откуда был задействован журнал боевых действий 6-й немецкой полевой армии), мы постараемся реконструировать картину событий, дабы получить ответ на вопрос – почему Будапешт не был взят в начале ноября 1944 г. и для овладения венгерской столицей потребовалось еще два наступления, блокада и полуторамесячный штурм.

Сложившаяся в ходе боев за освобождение Венгрии к концу октября 1944 года оперативная обстановка и соотношение сил и средств рассматривались советским командованием как благоприятные для начала решительного наступления. Действовавшая перед 2-м Украинским фронтом группа армий «Юг» насчитывала с учетом пополнений 35 дивизий, в т. ч. 9 танковых и моторизованных, и 3 бригады. Численность противника перед 2-м УФ на 1 ноября 1944 г. определялась в 184 360 солдат и офицеров; немецко-венгерские войска располагали 3267 орудиями и минометами, 380 танками, 10 291 пулеметами. На тот же день боевой состав войск 2-го УФ выглядел так: 43 сд, 3 кк (9 кд), 3 тк, 4 мк, 1 отбр, 2 отп, 6 ап СУ, 4 ад, 7 опабр, 8 мп, 11 гв. мп, 7 зен. ад, 6 зен. ап, 8 оитпабр, 7 оиптап. Численный состав 3 стрелковых дивизий

* © Михайлик Александр Григорьевич (mikhaylik2015@inbox.ru), заместитель руководителя Центрального управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1.

достигал 7500 чел., 7-х – 7000 чел., 2-х – 6500 чел., 3-х – 6000 чел., 10-ти – 5500 чел., 12-ти – 5000 чел., 4-х – 4500 чел., 3-х – 4000 чел., 1-й – 3500 чел., 1-й – 3000 чел. (всего 254 тыс.); раненых и больных насчитывалось 78 637 чел. По пехоте войска 2-го УФ превосходили противника в 2 раза, по артиллерии – в 4 раза, по танкам и САУ – в 1,9 раза, по авиации – в 2,6 раза [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1200. Л. 32; Д. 1300. Л. 2, 7, 10].

Как писал позднее С.М. Штеменко, Генштабу КА в это время «рисовалась перспектива стремительного прыжка на рубеж Моравска Острава, Брно, на подступы к Вене. Вполне реальным представлялось нам овладение в короткие сроки Будапештом и форсирование Дуная. ...Обстановка требовала быстрее развернуть наступление в районе Будапешта: следовало выйти на рубежи, выгодные для удара в сердце гитлеровской Германии; кроме того, взятие города оказало бы большое влияние на положение политических сил в Венгрии» [2]. Особое значение имел тот факт, что будапештское направление прикрывали в основном венгерские войска, состояние которых было не из лучших, а в субъективном восприятии – и того хуже. По словам Штеменко, «обстоятельством, обусловившим ускорение удара на Будапешт, в известной степени были ура-оптимистические доклады Л.З. Мехлиса о разложении и деморализации венгерских войск». Так, 28 октября член Военного совета 4-го Украинского фронта отправил лично ВГК И.В. Сталину телеграмму, в которой рассказывалось: «Противостоящие нашему фронту части 1-й венгерской армии находятся в процессе разложения и деморализации. Ежедневно войска берут по 1000–1500–2000 и более пленных. 25 октября 1944 г. 18-я армия взяла 2500 пленных, причем сдавались в плен целыми подразделениями... В связи с обходными маневрами войск фронта многие венгерские части попросту рассыпались, и отдельные группы солдат бродят по лесам, часть с оружием, часть без оружия, некоторые переоделись в гражданское...» [2, с. 215, 417].

Объективности ради следует сказать, что данные об ослаблении противника, начиная с численности и заканчивая моральным духом, поступали из разных источников, в том числе и от самих перебежчиков-венгров, начиная с рядовых и заканчивая генералами, такими как командующий 1-й венгерской армией генерал-полковник Бела Миклош или начальник венгерского Генштаба генерал-полковник Янош Вёрёш. Последний, бежавший из столицы в связи с салашистским переворотом и сдавшийся советским войскам в плен 1 ноября в Кечкемете, на следующий день в «беседе» с маршалом Р.Я. Малиновским и начштаба 2-го УФ генерал-полковником М.В. Захаровым показывал следующее. Рассказав об оборонительных планах немцев в Венгрии и указав лучшее, с его точки зрения, операционное направление для дальнейшего наступления войск 2-го УФ к границам рейха, Вёрёш на вопрос о перспективах войны для Германии ответил, что «окончательный разгром Германии – это только вопрос крепости нервов у союзников. Германия намерена затянуть войну, надеясь на разногласия в лагере союзников. Германия лишилась значительной части производственной мощи своей военной промышленности, и, даже если бы она и была в состоянии производить танки, пушки и самолеты в достаточном количестве, она не могла бы обеспечить их горючим» [2]. На более конкретный вопрос о составе венгерской армии и находящихся в Венгрии немецких войсках генерал-полковник ответил: «В венгерской армии имеется всего двадцать пять дивизий, включая запасные. В Седмиградье имеется 3,5 немецких дивизии (27-я пд, 4-я гсд и полторы дивизии, составленных из остатков разбитой 6-й армии (н). Помимо этого, на 14.10.1944 г. в Венгрии действовали: 1-я, 13-я, 23-я тд (н), одна полицейская дивизия. Больше на фронте немецких частей не было. В Чонград и Сентеш находились остатки 1 и 2 тд (в), вернее, их запасные части» [2]. Не поспешил высокопоставленный перебежчик и на данные об артиллерии, авиации и флоте венгерских и германских войск: «В венгерской армии вместо 12 полагающихся по штату батарей на дивизию имеется в среднем 5–8 батарей. Помимо этого, в распоряжении корпусов имеется по одному дивизиону 150-мм орудий, и в распо-

ряжении армии по две батареи 210-мм орудий. Немецкие войска располагают 70–80 % штатного состава артиллерии. Венгерская артиллерия боеприпасами пока обеспечена, но с падением Будапешта она лишится основной базы снабжения. Запасы боеприпасов, предположительно, могут обеспечить двухмесячное ведение операции. В немецких войсках положение с боеприпасами не обеспечивает проведения крупных наступательных или оборонительных операций. Как мне известно, объясняется этот недостаток боеприпасов падением производства таковых в Германии или трудностями транспорта» [1. Ф. 240. Оп. 779. Д. 1200]. «Венгрия имеет, по существу, одну авиационную бригаду в составе 80 машин, из которых подавляющее большинство истребители. Немцы имеют на территории Венгрии до 100 боевых машин, из которых большинство также истребители» [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1200.]. «В составе венгерской Дунайской флотилии имеется четыре монитора и несколько бронекатеров. Мониторы вооружены четырьмя 40-мм пушками и одной пушкой ПТО каждый» [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1200. Л. 49–57].

Такие сведения, безусловно, обнадеживали советское командование; особенно был воодушевлен открывающимися перспективами сам Верховный Главнокомандующий, который решил немедленно, без подготовки, начать наступление на Будапешт. Запросив Генштаб на предмет лучшего участка для удара по венгерской столице и получив ответ, что таковым является левое крыло 2-го УФ, где 46-я армия может атаковать с плацдарма в междуречье Тисы и Дуная, а 7-я гвардейская и 1-я румынская армии обеспечат ее правый фланг вспомогательным фронтальным ударом, Сталин 28 октября позвонил Малиновскому и приказал «в самое ближайшее время, буквально на днях» [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1200], овладеть Будапештом. Маршал ответил, что ему требуется пять дней на подготовку, прежде всего, для того, чтобы подтянуть 4-й гв. мк, но его мнение не было принято во внимание ВГК. По воспоминаниям Малиновского, между ними состоялся следующий диалог:

«Верховный Главнокомандующий:

– Ставка не может предоставить Вам пять дней. Поймите, по политическим соображениям нам надо возможно скорее взять Будапешт.

Командующий 2-м Украинским фронтом:

– Я отчетливо понимаю, что нам очень важно взять Будапешт именно по политическим соображениям. Однако следовало бы подождать прибытия 4-го гвардейского механизированного корпуса. Лишь при этом условии можно рассчитывать на успех.

Верховный Главнокомандующий:

– Мы не можем пойти на отсрочку наступления на пять дней. Надо немедленно переходить в наступление на Будапешт.

Командующий 2-м Украинским фронтом:

– Если Вы дадите мне пять дней сейчас, то в последние дни, максимум пять дней, Будапешт будет взят. Если же немедленно перейти в наступление, то 46-я армия, ввиду недостатка сил, не сможет быстро развить удар, она неминуемо ввяжется в затяжные бои на самых подступах к венгерской столице. Короче говоря, она не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

Верховный Главнокомандующий:

– Напрасно Вы упорствуете. Вы не понимаете политической необходимости нанесения немедленного удара по Будапешту.

Командующий 2-м Украинским фронтом:

– Я понимаю всю политическую важность овладения Будапештом и для этого прошу пять дней...

Верховный Главнокомандующий:

– Я Вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт!» [3, с. 82].

В 22.00 того же дня командующий 2-м УФ получил директиву № 220251, которая гласила: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает силами 46-й армии и

2-го гв. мехкорпуса 29 октября перейти в наступление между р. Тиса и р. Дунай с целью свертывания сил противника на западном берегу р. Тиса и выведения 7-й гв. армии за р. Тиса. В дальнейшем, с подходом 4-го гв. мехкорпуса, нанести решительный удар по группе противника, обороняющей Будапешт. Об отданных распоряжениях донести» [4, с. 163].

Распоряжения были даны тут же: разговор со Сталиным Малиновский вел, находясь в штабе 46-й армии, поэтому сразу отдал приказ генерал-лейтенанту И.Т. Шлемину перейти на следующее утро в наступление.

Тем временем противник готовился обороняться. Группа армий «Юг» держала фронт по Тисе в порядке, с севера на юг: 1-я венгерская, 8-я немецкая, 6-я немецкая и 3-я венгерская армии; таким образом, фланги прикрывались венграми, и это всерьез беспокоило командование группы. 27 октября генерал-полковник Фриснер обратился к начальнику Генштаба сухопутных войск генерал-полковнику Гудериану с письмом, в котором сообщал:

«Я испытываю величайшее беспокойство за боеспособность и моральное состояние всех венгерских войск за немногим исключением. Это беспокойство становится сейчас еще более острым, поскольку яснее выявляются признаки того, что закончившие сосредоточение войска и танки противника в ближайшие дни перейдут в наступление против венгерских войск, находящихся на рубеже Тисы и западнее ее.

Уже теперь можно предсказать, что венгры не смогут долго продержаться. Сил 24-й танковой дивизии и 4-й полицейской дивизии СС, находящихся в боевой готовности, будет недостаточно, чтобы не допустить развала фронта обороны венгерских войск. Следовательно, если я не получу в свое распоряжение дополнительно еще какое-либо немецкое соединение для поддержки войск 3-й венгерской армии, то следует ожидать, что противник сомнет венгров и очень быстро овладеет Будапештом.

Венгерские силы, предназначенные для обороны Будапешта, также не являются даже приблизительно достаточными для того, чтобы отразить мощное наступление противника, не говоря уже вообще о низком боевом духе венгерских войск. Одна немецкая пехотная дивизия, будучи включенной в состав 3-й венгерской армии в качестве костяка, смогла бы предотвратить многие беды» [5, с. 160].

Не получив подкреплений, командующий группой армий «Юг» занялся реорганизацией и перегруппировкой своих сил. 28 октября 6-я немецкая и 3-я венгерская армии были объединены в армейскую группу Фреттер-Пико (генерал артиллерии М. Фреттер-Пико командовал 6-й немецкой армией), на которую возлагалась задача держать оборону по Тисе и между Тисой и Дунаем. Согласно журналу боевых действий 6-й немецкой армии, 3-я венгерская армия получила задачу «уничтожить части противника, пробивающиеся по дорогам на Будапешт», а на 6-ю немецкую армию возлагалась задача оборонять линию Тисы. Предполагая, что советские войска нанесут удар в районе Сольнока, Фриснер решил перебросить в район Ясберень танковую группу Брайта по выполнению ей своей задачи в районе Ньиредьхазы [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 7, 46–47].

В перспективе это серьезно меняло ситуацию, но пока преимущество было на стороне 2-го УФ. По отчету о действиях бронетанковых и механизированных войск фронта к началу Будапештской операции противник имел подвижных частей перед всем фронтом: 6 тд, 3 мд и 1 штурмовую дивизию («Родос») с общим количеством танков и самоходных установок 338 единиц. Из них две танковые дивизии, одна мотодивизия и одна штурмовая дивизия находились на будапештском направлении с общей численностью танков и самоходных установок 161 единица. Четыре танковые дивизии и одна мотодивизия были на направлении Ньиредьхазы, Мишкольц. 18-я мд СС находилась в резерве и была сосредоточена в районе Лученец, имея до 50 танков и СУ. С нашей стороны на направлении главного удара был сосредоточен 2-й мк и подтягивался 4-й мк, насчитывавшие в

своем составе 312 танков и 60 СУ, всего 372 единицы. Кроме двух механизированных корпусов, составлявших эшелон развития успеха, в эшелон прорыва (подвижные соединения, поддерживавшие 46-ю армию) входили три самоходных артполка – 991-й, 1897-й и 1505-й сап, располагавшие 53 установками СУ-76. Таким образом, всего в полосе наступления 46-й армии имелось 312 танков и 113 СУ, итого 425 бронеединиц [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1843. Л. 29, 32].

У 7-й гв. армии, вместе с 1-й румынской армией наносившей вспомогательный удар южнее Сольнока, во втором эшелоне должна была вводиться в действие 27-я гвардейская отдельная танковая бригада, в которой по списку насчитывалось 46 Т-34, 16 СУ-85 и 4 СУ-76 (86 единиц), однако в строю было 19 Т-34, 11 СУ-85 и 4 СУ-76 (7 Т-34 и 1 СУ-85 находились в текущем, а 19 Т-34 и 4 СУ-85 – в среднем ремонте) [1. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 749. Л. 9]. Противник имел здесь оборону полевого типа – стрелковые ячейки, открытые и с противоосколочными перекрытиями пулеметные гнезда в районе Сольнок, а северо-восточнее его – траншеи полного профиля. В первой линии стояло до шести неполных дивизий с наибольшей плотностью южнее Сольнок, где тактическая плотность противника доходила до 1 пехотного батальона на 1,3 км фронта; по данным разведки, перед фронтом 7-й гв. армии действовало до 110 танков и самоходных орудий [1. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 857. Л. 28]. В то же время у 7-й гв. армии было решительное превосходство в артиллерии: противник имел 5 150-мм батарей (12 орудий), 15 105-мм батарей (42 орудия), 12 75-мм батарей (39 орудий), 4 зенитные батареи (16 орудий), 22 минометные батареи (77 минометов), ПТО – 10 орудий; всего 196 стволов, что составляло 3,3 ствола на километр фронта. У 7-й гв. армии на огневых позициях стояло 152 мм – 98 орудий, 122 мм – 160 орудий, 76 мм ПА – 60 орудий, 76 мм ДА – 271 орудие, 57 мм – 21 орудие, 45 мм – 120 орудий, 120 мм – 288 минометов, 82 мм – 411 минометов, 37 мм зенитных орудий – 122, 85 мм зенитных орудий – 32; итого 1583 ствола, что составляло 26,4 ствола на 1 км фронта [1. Ф. 341. Оп. 5328. Д. 292. Л. 206–207].

29 октября 1944 г. в 14.00 части 46-й армии при поддержке штурмовых авиакорпусов 5-й воздушной армии пошли в атаку; Будапештская операция началась. К исходу дня наши войска на ряде участков продвинулись на 4–6 км. Германское командование интерпретировало эти действия как разведку боем: в журнале боевых действий 6-й немецкой армии были отмечены «разведывательные поиски на широком фронте, силой до батальона» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 49]. Однако на венгерские части данные действия произвели сильное впечатление: по словам Фриснера, они «не устояли против этих атак противника и отошли на несколько километров назад», а запись в ЖБД 6-й А (н) еще более выразительна: «Бои 29-го октября, а также еще предшествующих дней разбили венгерские дивизии; сплошной линии сопротивления вечером 29 октября уже не существовало» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 10–11].

На следующий день в прорыв устремились бригады 2-го гв. механизированного корпуса, наступавшего вдоль дороги Сегед – Кечкемет – Будапешт. Передовые части 2-го мк, громя отступающих венгров, ворвались в Кечкемет, оборонявшийся частями 15-й зенитной дивизии немцев, на поддержку которых из района Яскараене выдвигалась 24-я тд. В 15.00 приказом командования группы армий «Юг» на армейскую группу Фреттер-Пико была возложена задача обороны Будапешта, для чего в ее состав была введена группа «Будапешт» под командованием обергруппенфюрера СС Пфедфер-Вильденбруха (18-я и 22-я кд СС, 6-й венгерский армейский корпус) [4, с. 166]. В тот же день перешли в наступление закончившие форсирование Тисы соединения 7-й гв. армии; 25-й гв. ск и 1-я румынская армия сбили противника с занимаемых позиций и продвинулись на 4–8 км в северо-западном направлении [1. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 749. Л. 1; Д. 857. Л. 27].

31 октября наступающие соединения 2-го УФ охватили Кечкемет с востока и запада, достигнув районов Лаойшмиже и Надькереш. 24-я тд понесла поражение; согласно ЖБД 6-й армии, «в ходе тяжелых боев 2-й дивизион 24-го противотанкового полка и штаб 24-й тд были раздавлены русскими танками. К вечеру 40 танков противника ворвались в Кечкемет» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 59]. Одновременно на правом фланге фронта 51-й ск 27-й армии освободил Ньиредьхазу. Маршал Малиновский, намечая пути развития обозначившегося успеха, представил на утверждение Ставки план продолжения наступательной операции фронта, имевший целью: силами 40-й армии наносить удар на Мишкольц, центром (27-я и 53-я армии) форсировать р. Тиса и развивать наступление в общем направлении Фюзешабонь и Ясарок-Салаш, а левым крылом фронта овладеть Будапештом и районами восточнее и западнее его. Верховный Главнокомандующий на следующий день (1 ноября) разрешил перевести на Будапештское направление 6-ю гв. ТА в составе 5-го гв. тк и 9-го гв. мк и конно-механизированную группу генерала Плиева в составе 4-го, 6-го гв. кк и 7-го мк и приказал силами 27-й армии нанести удар из района Польгар и южнее в направлении Мишкольц [4, с. 164].

1–2 ноября стремительное наступление войск левого крыла 2-го Украинского фронта на Будапешт продолжалось. Группами по 25–30 танков с пехотным десантом гвардейцы 2-го гв. мк и введенного в бой в середине дня 2 ноября 4-го гв. мк неудержимо двигались вперед. 1 ноября был взят Яскараене; 2 ноября части 4-го гв. мк прорвали оборону 1-й венгерской кавалерийской дивизии и вышли в район Альшономеди и Оча; до Будапешта оставалось 15–20 км. Севернее соединения 7-й гв. армии продолжали наступать на Абонь и Сольнок. 2 ноября в полосе 25-го гв. ск была введена в бой 27-я гв. отбр. Согласно журналу боевых действий артиллерии 7-й гв. армии, если артиллерия и минометы противника в составе 8 артбатарей и 5–6 минбатарей выпустили до 600 снарядов и мин по боевым порядкам наших войск, то расход боеприпасов артиллерии 7-й гв. армии составил: снарядов 152 мм – 492 шт.; 122 мм – 933; 76 мм ПА – 450; 76 мм ДА – 2433; 45 мм – 960; мин 120 мм – 2161 шт.; 82 мм – 3343; М-13 – 313 шт. (всего – 10 772 шт., т. е. в 18 раз больше противника) [1. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 749. Л. 9; Оп. 5328. Д. 292. Л. 6].

Венгерские войска бежали; словами генерал-полковника Фриснера, «от 3-й венгерской армии ничего не осталось, кроме 10-й венгерской пехотной дивизии да нескольких подразделений 20-й венгерской пехотной и 5-й венгерской запасной дивизий. ...15-я венгерская пехотная и 8-я венгерская резервная дивизии в полнейшем беспорядке отходили по дороге на Будапешт, поэтому командование группы армий сочло необходимым затребовать через полномочного военного представителя Германии при венгерском правительстве генерала Грейфенберга венгерскую жандармерию для перекрытия дорог юго-восточнее Будапешта и задержки отступающих венгерских частей» [4, с. 165–168]. Не надеясь, очевидно, на венгерскую жандармерию, германское военное командование прибегало и к более жестким мерам, о чем свидетельствуют записи в ЖБД 6-й армии от 01.11.1944 г.:

«9.05. Начальник штаба армейской группы отдает начальнику штаба 3-го танкового корпуса приказ воспрепятствовать отходу венгерских соединений, действующих непосредственно на Дунае, на западный берег реки.

18.05. Начальник штаба армейской группы дает указание начальнику штаба 3-го танкового корпуса при любых обстоятельствах воспрепятствовать переправе 7-го венгерского ак через Дунафельдвар на западный берег Дуная» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 72–74, 90].

А вот запись от 2 ноября: «Сегодня произошли изменения в порядке подчиненности соединений армейской группы. 3-я венгерская армия, в подчинении которой до сего времени находились танковые группы Брайта и Кирхнера, передала эти соединения в распоряжение армейской группы. Таким образом, танковые группы Брайта и Кирхнера получают теперь свои приказы непосредственно от армейской группы» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 72–74, 90].

Это означало, что немцы больше не рассчитывали на союзника и полностью взяли командование в свои руки. К этому моменту группа Фреттер-Пико, подтянув соединения 3-го тк из района Ньиредьхазы, закончила перегруппировку и создала новую линию обороны между Тисой и Дунаем (держать оборону по Дунаю были направлены части 2-й венгерской армии), разделенную между танковыми группами Брайта (3-й тк) и Кирхнера (57-й тк). В состав группы Брайта входили 7-й венгерский армейский корпус (остатки 23-й пд, 1-я гусарская дивизия и 1-я венгерская танковая дивизия) и 3-й тк (8-я и 22-я кд СС, 12-я тд, мд «Фельдхернхалле»); группу Кирхнера составляли 57-й тк (1-я, 23-я, 24-я тд) и 8-й венгерский ак (части 5-й и 20-й венгерских пд) [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 6]. Как результат, сопротивляемость противника сразу возросла, а над правым флангом наступающей группировки нависла серьезная угроза.

3 ноября части 2-го гв. мк, продолжая наступление на Будапешт, прорвали оборону противника в районе Дяль, вышли к Шарокшарпетери и овладели Юлле. На следующий день здесь разгорелись упорные бои с контратаковавшими немецкими соединениями; сражение шло, как оценивали ситуацию сами немцы, «у ворот Будапешта», «у входа в столицу» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 16]. К утру 5 ноября 2-й гв. мк вышел на рубеж: Илле, Андраши, Дяль; 4-й гв. мк вышел на рубеж: Дяль, г.дв. Дяль Ласло, Алшонемедь, Такшони. В целом войска наступающей группировки вышли на рубеж Монор, Илле, Ракоцилигет, вплотную подойдя к внешнему оборонительному обводу Будапешта, до которого оставалось 10–15 км [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1843. Л. 30; Ф. 243. Оп. 2900. Д. 1572. Л. 43].

Однако последнего шага нашим войскам совершить не удалось. Неблагоприятные погодные условия и трудности со снабжением делали свое дело — наступление замедлилось. Уже 3 ноября ЖБД 6-й армии зафиксировал, что «противник задержал свои танковые соединения непосредственно к югу от города», добавил: «Чем объяснить такое поведение противника — перегруппировкой ли, плохими дорогами, или опасностью под ударом немецких соединений попасть в тиски между Дунаем и Будапештом, — трудно сказать...» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 96–97]. Такая опасность действительно существовала: 4 ноября генерал-полковник Фриснер получил распоряжение ОКХ организовать удар во фланг и тыл наступающей на Будапешт группировке [6, с. 110]. И сам командующий группой армий «Юг», и тем более его подчиненные восприняли это распоряжение без особого энтузиазма — состоявшийся диалог в журнале боевых действий описан так: «Генерал танковых войск Кирхнер сообщает о том, что командиры 1-й и 23-й танковых дивизий считают намеченное на завтра наступление неосуществимым. Начальник штаба армейской группы указывает, что командование группы армий и Главное командование Сухопутных сил никаких сомнений в расчет не принимает» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 106]. В итоге командир 57-го тк собрал боевую группу 1-й тд из 9 «Пантер», дивизиона САУ и 20 бронетранспортеров численным составом 2 офицера, 81 унтер-офицер и 507 солдат, которая 5 ноября, перейдя в наступление из района Пилиш, сумела прорваться через Уйхартян в район Альдобаш к железной дороге Кечкемет–Будапешт [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 112, 116]. (В отчете БТ и МВ 2-го УФ это было описано так: «05.11.44 г. противник сосредоточил в районе Пилиш до 30–40 танков, усилил последние пехотой на бронетранспортерах и нанес контрудар, выйдя на коммуникации наших соединений, действующих в районе Илле, Вечеш» [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1843. Л. 32]). Возникшая в связи с этим прорывом угроза вскоре была ликвидирована, однако оба советских мехкорпуса остановились и, более того, стали отходить от Будапешта на юго-восток в район Цегледа, озадачив этим командование противника: в штабе группы Фреттер-Пико не были уверены, что причиной послужил удар боевой группы «Тунерт», и решили, что «этот отход проведен с целью перегруппировки сил, которая, по всей вероятности, связана с введением в действие группы Плиева» [1. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 128, 133].

Немецкая оценка обстановки была в определенной степени верной: речь действительно шла о перегруппировке и подготовке нового, более масштабного наступления. Вечером 4 ноября маршал Малиновский получил директиву № 220256:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает, что атака Будапешта на узком фронте силами только двух мехкорпусов с незначительным количеством пехоты может привести к неоправданным потерям и поставить действующие на этом направлении войска под фланговый удар противника с северо-востока.

Исходя из этого, Ставка приказывает:

1. Вывести быстрее правое крыло фронта (7 гв., 53, 27 и 40-я армии) на западный берег р. Тиса с тем, чтобы повести наступление широким фронтом и разбить будапештскую группировку противника ударом правого крыла фронта с севера и северо-востока во взаимодействии с ударом левого крыла фронта (46-я армия, 2 и 4 гв. мк) с юга.

2. Для выполнения этой задачи силами группы Плиева не позже 7.11 нанести удар из района Сольнока на север с целью свернуть оборону противника на западном берегу р. Тиса и вывести правое крыло фронта за р. Тиса» [4, с. 165].

Очевидно, что, исходя из опыта только что закончившейся Дебреценской наступательной операции, когда подвижные соединения 2-го УФ (КМГ Плиева) дважды оказывались в окружении, прорыв из которого сопровождался серьезными потерями, Ставка, оценив угрозу возможности флангового удара 3-го тк немцев, решила не рисковать с глубокими прорывами и повести наступление широким фронтом. В связи с этим 2-й и 4-й мк и отводились в полосу 7-й гвардейской армии. Хотя захватить с хода венгерскую столицу не удалось, эти два мехкорпуса успели нанести противнику значительный урон – за время с начала наступления ими было уничтожено: танков и самоходных установок – 73, автомашин – 246, орудий всех калибров – 211, минометов всех калибров – 82, пулеметов – 290, самолетов – 20, повозок – 359, солдат и офицеров – 6600; захвачено: танков и самоходных установок – 11, автомашин – 535, орудий всех калибров – 55, пулеметов – 19, самолетов – 9, складов – 36. Их потери при этом оказались сравнительно невелики: танков Т-34 – 68, танков ИС-122 – 3, артиллерийских установок ИСУ-122 – 1, артиллерийских установок 85 мм – 6, артиллерийских установок 76 мм – 17, орудий разных калибров – 20, минометов – 5, самолетов ПО-2 – 3, бронетранспортеров и бронемашин – 17, автомашин – 90, артиллерийских тягачей – 18, личного состава убито и ранено – 1262 чел. [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1843. Л. 31].

К этому моменту 7-я гв. армия продолжала бои за расширение плацдарма на западном берегу р. Тиса. Удерживая правым флангом прежний рубеж, войска армии центром и левым флангом наступали в северо-западном направлении и в течение первых четырех дней операции продвинулись вперед от 14 до 20 км. 4 ноября были взяты сразу три города – Цеглед, Сольнок и Абонь, вследствие чего немецкие войска были вынуждены отойти на правый берег Тисы и начать постепенное отступление на север [1. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 857. Л. 28]. 7-я гвардейская и 46-я армии продолжали вести бои, но противник, усилив сопротивление, неоднократно переходил в контратаки силою батальон-полк пехоты с 10–20 танками и сумел отбить ряд населенных пунктов (так, 6 ноября противником были предприняты контратаки силами от батальона до полка пехоты при поддержке 17 танков и самоходных орудий в районе Майор, в результате чего противнику удалось ворваться в Майор) [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1300. Л. 18; Ф. 341. Оп. 5312. Д. 749. Л. 23]. С утра 7 ноября войска фронта возобновили наступление с форсированием р. Тиса. Наибольший успех обозначился только на фронте 27-й и 53-й армий, где наши войска отбросили дивизии 9-го венгерского ак и заняли плацдармы на правом берегу Тисы. На следующий день противник предпринял ряд контратак, так что достигнутый успех развить не удалось. В течение 9 ноября войска 2-го УФ силами левого фланга 40-й армии, 27-й и 53-й армиями продолжали наступление, продвинувшись на участке 27-й и 53-й армий на 3–12 км. 7-я гвардейская и 46-я армии в течение дня

производили перегруппировку, вели разведку и готовились к новому – второму – наступлению на Будапешт [1. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1300. Л. 20, 24].

Таким образом, ставка Верховного Главнокомандования пересмотрела свои планы и издала директиву о подготовке нового наступления, в результате овладение Будапештом было задержано на несколько месяцев.

Библиографический список

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО).
2. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981.
3. Будапешт – Вена – Прага. М., 1965.
4. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М., 1999.
5. Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966.
6. Гостони П. Кровавый Дунай. Боевые действия в Юго-Восточной Европе. 1944–1945. М., 2013.

References

1. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (TsAMO) [Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation] (CAMD) [in Russian].
2. Shtemenko S.M. General'nyi shtab v gody voiny [General Staff during the war]. M., 1981 [in Russian].
3. Budapesht – Vena – Praga [Budapest – Vienna – Prague]. M., 1965 [in Russian].
4. Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia. Stavka VG: Dokumenty i materialy 1944–1945. T. 16 (5–4) [Russian Archive: The Great Patriotic War. High Command of the Commander-in-Chief: Documents and Materials of 1944–1945. Vol. 16 (5-4)]. M., 1999 [in Russian].
5. Friessner G. Proigrannye srazheniia [Lost battles]. M., 1966 [in Russian].
6. Gostoni P. Krovavyy Dunai. Boevye deistviia v Iugo-Vostochnoi Evrope. 1944 – 1945 [Bloody Danube. Fighting in South-Eastern Europe. 1944 – 1945]. M., 2013 [in Russian].

*A.G. Mikhailik**

THE FIRST OFFENSIVE OF THE 2ND UKRAINIAN FRONT TO BUDAPEST (29 OCTOBER – 9 NOVEMBER, 1944)

The offensive of the 2nd Ukrainian Front to Budapest was launched Oct. 29, 1944 in haste and without proper preparation. The defense of the enemy was broken and on November 5 mechanized units reached the line of 10–15 kilometers from the Hungarian capital. But the enemy was able to regroup their forces and inflicted flanking counterattack, resulting in mechanized corps moved from Budapest. The Supreme Command revised their plans and issued a directive to prepare a new offensive; the capture of Budapest has been delayed for several months.

Key words: 2nd Ukrainian Front, Budapest, offensive, Germany.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.

The article received 15/XII/2015.

* *Mikhailik Alexander Grigoryevich*, Deputy Head of the Central Department of the Federal Environmental, Industrial and Nuclear Supervision Service of Russia (Rostekhnadzor), Building 1, 3–5, Gazetny Pereulok, Moscow, 125993, Russian Federation.

ХИЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ: ОТ СТРАТЕГИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСЕДНЕВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ К ТАКТИКЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

В статье на основе анализа широкого круга исторических работ и архивных материалов рассматривается проблема хищения общественной собственности в послевоенной колхозной деревне. По мнению автора, в исследуемый период крестьянство осознает жизнестойкость существующей колхозной системы и вместо тактики пассивного сопротивления берет на вооружение стратегию активного приспособления. Одним из проявлений данной стратегии является хищение колхозного имущества, т. к. воровство государственного имущества сельское общество не рассматривало как абсолютное зло.

Ключевые слова: советское крестьянство, хищение социальной собственности, послевоенное село, колхозная деревня, власть, преступление, пассивное сопротивление, тактика приспособления.

Советский аграрный проект стал трагедией советской деревни. Итогом сталинской модернизации сельского хозяйства СССР явился процесс насильственного раскрестьянивания и деформации шкалы нравственных ценностей сельского социума. Трагедия заключается не только в утрате российским обществом своей крестьянской составляющей, но и в том, что советский эксперимент нарушил каналы межпоколенной культурной трансляции. Традиционные механизмы социальной преемственности российского общества были вытеснены идеологическими догматами марксизма и на основе методов партийной пропаганды конструировались новые модели социального поведения. Но крушение идеологической гегемонии марксизма в политическом пространстве российской государственности создало вакуум в духовно-идеологической сфере и породило проблему поиска оснований гражданско-государственной идентичности современной России. Решение данной проблемы невозможно без тщательного анализа предшествующего опыта и механизмов трансформации ценностных установок социальных субъектов в период советского строя, особенно крестьянства.

Анализ механизмов и последствий советского аграрного проекта неоднократно становился предметом специальных исторических исследований. Необходимо отметить, что долгое время в рамках отечественной исторической школы, в силу жесткого диктата правящего режима, коллективизация сельского хозяйства в СССР оценивалось как социально значимое достижение советской власти, давшее возможность крестьянству улучшить свое материальное положение, избавиться от перманентного голода и повысить свой образовательно-культурный потенциал [1; 7; 14; 19; 20]. В зарубежной

* © Хасянов О.Р., 2016

Хасянов Олег Ренатович (Oleg-has@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; кафедра философии и истории, Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия имени П.А. Столыпина, 432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, бульвар Новый Венец, 1.

исторической литературе аграрные преобразования советского правительства оценивались не так однозначно, а чаще всего — негативно. Так, В.З. Голдман, Ш. Фицпатрик, Л. Виола, Р. Конквест причину голода 30-х гг. видят в государственной политике заготовок продовольствия для нужд индустриальных центров [5; 17; 18; 23; 30]. По мнению А. Грациози, коллективизация стала последним этапом войны, которую вела большевистская власть с крестьянством [16]. Именно коллективизация, по мнению П.Р. Грегари, «нанесла смертельный удар по советскому сельскому хозяйству» и сельскому обществу [17, с. 14]. Лишь в конце XX в. на волне демократических преобразований в российской науке появляются работы отечественных историков, рассматривающих историю советского крестьянства с объективных позиций [2; 4; 21; 22; 24]. Демографические последствия коллективизации и Великой Отечественной войны были исследованы О.М. Вербицкой [4]. Она справедливо отмечает, что государственное перераспределение ресурсов в пользу города привело в послевоенном сельском социуме обострению проблемы численного соотношения мужчин и женщин, особенно молодых возрастных групп, что усиливало процесс раскрестьянивания села [4, с. 333–334]. Сами механизмы раскрестьянивания регламентировались государством по средствам налогообложения села, заготовок сельхозпродукции, регулирования землепользования и т. д. [25, с. 4]. Вызванная коллективизацией социальная трансформация крестьянского социума сделала единственной формой выживания на селе полуподпольную жизнь с двойной линией поведения и двойной нормой морали [26, с. 4]. Крестьянство берет на вооружение «оружие слабых», что Дж. Скотт называет стратегией пассивного повседневного сопротивления. Оно выражается в разрушении мер государственной политики не открытым выступлением против власти, а уклонением от работы, мнимым неведением, клеветой, поджогами и т. д. [29, с. 285–288]. Уже в первые месяцы коллективизации отчетливо стало проявляться массовое пассивное сопротивление крестьян колхозному строю. Оно находило выражение в отказе выхода на работу в колхозном хозяйстве, сокращении посевных площадей, невыполнении плановых норм, нарушении трудовой дисциплины [30, с. 10, 75, 81, 235].

Тяжким испытанием на плечи советских крестьян легла Великая Отечественная война, которая ухудшила и до того тяжелое материальное положение колхозников. Труд в колхозном хозяйстве не мог удовлетворить жизненные потребности крестьянства, и колхозники в массовом порядке, нарушая трудовую дисциплину в колхозах, стали уделять основное внимание трудовой деятельности на своем приусадебном участке. Размеры, которых самовольно расширяли, культивировали на них не только овощные, но и зерновые культуры. Данные повседневные практики в крестьянской среде породили надежды на роспуск колхозов по окончании войны, но они оказались беспочвенными.

Вопреки ожиданиям народа жизнь в послевоенной колхозной деревне не только не улучшилась, но своей тяжестью стала превосходить годы военного лихолетья [26, с. 4]. Уже 19 сентября 1946 г. Совет Министров СССР принятием специального постановления «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» объявило о восстановлении довоенных принципов взаимодействия власти с крестьянством. Принятие постановления было вызвано множеством случаев нарушения Устава сельскохозяйственной артели, что выражалось «в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушении демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели — выборности правлений и председателей колхозов, их подотчетности перед собраниями колхозников». Практика реализации данного постановления вылилась в очередную кампанию, направленную на экономическое удушение крестьянской самостоятельности.

В условиях укрепления колхозной системы крестьянство было вынуждено сменить тактику пассивного сопротивления аграрной модернизации стратегией активно-

го приспособления. Таким образом, колхозники искали выгоды от своего зависимого от государства положения. В условиях неэкономического принуждения к труду и постоянной репрессивной угрозы, когда без участия в общественном производстве невозможно было пользоваться приусадебным участком, крестьянство начинает активно практиковать мелкое хищение общественной собственности, что по их представлениям не являлось преступлением, а было лишь компенсацией использования их труда. Воровство «стало наиболее доступным и распространенным «оружием слабых»» [22, с. 132]. Но в крестьянском миропонимании это было вовсе не воровством, а восстановлением справедливости — «забирали свое, заработанное» [22, с. 132]. Необходимо отметить, что, не смотря на эрозию крестьянской морали, воровали только колхозное, как и в предшествующие времена, посягательство на чужое имущество сельским обществом осуждалось и не допускалось.

Архивные документы и материалы периодической печати свидетельствуют о том, что хищение общественной собственности в послевоенной колхозной деревне было массовым явлением особенно в период посевной и уборки урожая. Так, члены колхоза «Красный Октябрь» Радищевского района О. Р-ин и С. Х-ов систематически нарушавшие трудовую дисциплину в артели, летом 1946 г. занимались хищением хлеба с тока пятого отделения Зерносовхоза. В конце июля они были задержаны с 172 кг ржи [3, с. 4]. Хищением зерна также занималась колхозница А. П-ва из артели «Ударник», которая с колхозного поля похитила 50 кг зерна. В колхозе «Свободный труд на земле» Павловского района «лжеколхозницы» Анна А-ва и Ирина З-ва занимались воровством колхозного имущества, в частности, различных кормов [28, с. 2].

В начале сентября 1946 г. Павловским районным судом за хищение колхозного хлеба была осуждена группа колхозников. За кражу 114 кг хлеба в колхозе «Путь Октября к двум годам лишения свободы был осужден С.В. Б-ов. Член колхоза имени Нариманова А.И. А-ев за хищение 26 кг хлеба был осужден к 1,6 годам, за кражу из колхоза «Путь вперед» 28 кг хлеба осужден к одному году лишения свободы — А.Л. А-ов [6, с. 2]. В Астрадамовском районе заведующий током колхоза «Новая Чаботаевка» за хищение 82 кг зерна был осужден к 4 годам «с возвращением похищенного хлеба в пользу колхоза» [15, с. 2].

За период уборки урожая 1947 г. в Старомайском районе Ульяновской области за хищение зерна следственными органами было привлечено к уголовной ответственности 15 человек, которые в общей совокупности похитили из колхозов 591 кг зерна. За совершенные преступления колхозники были приговорены к лишению свободы сроком от 8 до 15 лет [11. Л. 178].

Во время уборочной кампании 1948 г. правоохранительными органами были вскрыты случаи массового хищения хлеба в колхозах Новоспасского и Николаевского районов Ульяновской области. В колхозе «Свободный труд» бригадир полеводческой бригады К-ов совместно с штурвальным Ф-ым, сторожем тока У-ым и возчиком соломы О-ым похитили 270 кг ржи. У семи колхозников из артели «Заветы Ильича», возвращающихся с полевых работ, было обнаружено 1088 кг зерна [9. Л. 70]. Также факты хищения хлеба были установлены в колхозах «Свободный труд», «2-я большевистская весна», «Маяк революции», «Знамя революции» [9. Л. 70].

В ночь с 17 на 18 июля 1949 г. члены колхоза «Большевик» Новоспасского района Б-ов М.Л., Б-в, Ч-ва и Ш-ва, работая на уборке урожая, воспользовавшись «бесконтрольностью правления колхоза и отсутствием охраны» по договоренности между собой, похитили из бункера комбайна 23 кг ржи [8. Л. 17].

Важно отметить, что в хищении общественной собственности участие принимали не только рядовые колхозники, но и различные лица, наделенные властными полномочиями, занимавшие властные должности не только в сельскохозяйственных артелях, но и в сельской администрации, правоохранительных органах, партийных организациях. Так, в колхозе «Путь к социализму» в ночь с 11 на 12 августа 1948 г. председатель Топорнинского сельсовета член ВКП (б) Г-ов вместе с участковым уполномо-

моченным РО МВД С-ым по договоренности с председателем колхоза членом ВКП(б) Н-ым организовали хищение зерна с тока колхоза [10. Л. 73].

В 11 часов ночи Г-ов, С-ев и Н-ин прибыли на ток и в присутствии сторожа насыпали два мешка ржи и, уложив их в телегу, насыпали еще «около центнера пшеницы» [10. Л. 73]. Но их действия привлекли внимание бригадира полеводческой бригады, члена ВКП(б) Г-ва и счетовода Е-ва, которые «установили за ними наблюдение и в момент отъезда задержали» [8. Л. 17]. Вернувшись в деревню, члены преступной группы устроили пьянку, в которую пытались вовлечь бригадира и счетовода. Но последние от приглашения отказались и заявили о совершенном преступлении в районный отдел милиции.

Правление колхоза «13-й год Октября» Павловского района летом 1947 г. пыталось скрыть факт хищения 70 кг колхозной ржи двумя колхозниками, оштрафовав их на 10 трудодней [13. Л. 2 об.]. Такое решение было принято вследствие того, что один из расхитителей был сыном председателя колхоза. Но один из членов правления сообщил в прокуратуру о совершенном преступлении. Воры были привлечены к уголовной ответственности на основе положений Указа от 4 июня 1947 г.

О систематическом хищении общественного имущества бригадиром полеводческой бригады колхоза имени Ленина П.И. Щ-ва сообщала в 1953 г. районная газета «Голос ударника». Он не только пользовался бесплатно колхозной тягловой силой для своих нужд, но и занимался хищением колхозной сломы и строительных материалов, приобретенных артелью для постройки здания телятника [27, с. 2].

В октябре 1947 г. прокуратурой Инзенского района Ульяновской области после проверки 12 колхозов и 4 подсобных хозяйств государственных учреждений было установлено, что «в колхозе и других организациях, возчиками зерна, сторожами его, допущены люди, не внушающие доверия, ранее судимые», тем самым создавались условия для дальнейшего хищения хлеба [12. Л. 6]. Такие случаи не были единичными. Так, в колхозе «Нацмен» Радищевского района во время обмолота хлеба колхозник М.Н. П-ов, пользуясь отсутствием охраны, «из тока уходил позже всех и приносил домой в заранее насыпанном мешке зерно, и прятал дома за печкой» [12. Л. 7]. При обыске в его доме было обнаружено «10 пудов колхозного зерна» [12. Л. 7]. За данные деяния М.Н. П-ов был осужден к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. В колхозе «27-я годовщина Октября» Астрадамовского района сторожа систематически занимались хищением хлеба [13. Л. 2 об.].

При хищении колхозного имущества, в частности зерна, колхозники использовали различные схемы, свою смекалку и весь жизненный арсенал. В колхозе имени К. Маркса Павловского района в течение 10 дней октября 1947 г. у амбара с семенной пшеницей не было «ночного сторожа». За это время неизвестные лица «в полу амбара буравом провернули несколько отверстий, через которые похитили 1 ц. 80 кг пшеницы» [13. Л. 2 об.].

Украденное зерно прятали в снопах в поле, закапывали в укромных местах, навозных кучах, выгребных ямах и т. д. Так, в колхозе имени Молотова Новоспасского района сторож тока во время ночного дежурства похитил и спрятал в различные места омета с соломой 180 кг зерна.

Таким образом, хищение общественной собственности в послевоенном сельском хозяйстве носил массовый характер, а предпринимаемые государством различные меры репрессивного воздействия по отношению к колхозникам не имели действенных результатов. Во многом это было обусловлено безвыходным положением, в которое государство само же загнало крестьян, вынуждая их работать задарма в общественном производстве не обеспечивая материально. Участие в хищениях не только рядовых колхозников, но и лиц, облеченных властными полномочиями, свидетельствует о том, что в данный период это являлось тактикой активного приспособления сельского населения к реалиям жизни. Приходило осознание невозможности сопротивляться режиму и колхозному строю. Государство вынуждало крестьян все более активно

трудиться в общественном производстве. И не случайно, что большинство лиц, привлеченных к уголовной ответственности, являлись работниками, не уклоняющимися от работы в колхозе. Фактически ничего не получая на трудодни, колхозники свой трудовой вклад в общественное производство компенсировали мелкими хищениями результатов своего труда. Даже жесткое наказание за совершенное преступление в виде лишения свободы сроком до 25 лет и конфискация всего имущества не могло остановить процесс массового хищения в сельскохозяйственных артелях.

Библиографический список

1. Абросенко К. О социалистическом перевоспитании крестьянства. М., 1949.
2. Бердинских В. Русская деревня: быт и нравы. М.: Ломоносовъ, 2013. 272 с.
3. Бычков В. За хищение хлеба — к судебной ответственности // Голос ударника. 1946. № 35. С. 4.
4. Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939—1959 гг.: демографические процессы и семья: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
5. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 368 с.
6. Воры колхозного хлеба осуждены // Заря коммуны. 1946. № 51. С. 2.
7. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя: 1946—1958. М., 1976.
8. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 6. Д. 202.
9. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 204.
10. ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 256.
11. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.Р-2520. Оп. 7. Д. 28.
12. ГАУО. Ф.Р-2520. Оп. 7. Д. 33.
13. ГАУО. Ф.Р-2520. Оп. 7. Д. 37.
14. Глотов И.О. О материальной заинтересованности колхозов, колхозников и работников МТС. М., 1954.
15. Говендяева К. За расхищение хлеба — 4 года лишения свободы // Коллективная правда. 1945. № 38. С. 2.
16. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
17. Грегори П.Р. Нужен ли был Сталин? // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Межд. науч. конф. (Москва, 5—7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 10—20.
18. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие. 1934—1941. М.: РОССПЭН, 2011. 233 с.
19. Заславская Т.И. Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах. М., 1958.
20. Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни: 1946—1958. М., 1978.
21. Зима В.Ф. Голод в СССР. 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 265 с.
22. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: РАН, 1999. 208 с.
23. Конквест Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. London, 1988. 620 с.
24. Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
25. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930—1940 гг. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Издательство ИДИМ, 2000. 214 с.
26. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953): сб. документов. М.: Прометей, 1993. 204 с.

27. Призвать к порядку расхитителя колхозного добра // Голос ударника. 1953. № 85. С. 2.
28. Расхитители кормов пойманы // Заря коммуны. 1946. № 7–8. С. 2.
29. Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс, 1992. С. 285–288.
30. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 421 с.

References

1. Abrosenko K. O sotsialisticheskom perevospitanii krest'ianstva [On socialist reeducation of peasantry]. M., 1949 [in Russian].
2. Berdinskih V. Russkaia derevnia: byt i nruvy [Russian village: life and morals]. M.: Lomonosov, 2013, 272 p. [in Russian].
3. Bychkov V. Za khishchenie khleba – k sudebnoi otvetstvennosti [On the count of stealing of bread – to the judicial responsibility]. *Golos udarnika*, 1946, no. 35, p. 4 [in Russian].
4. Verbickaja O.M. *Sel'skoe naselenie Rossiiskoi Federatsii v1939-1959 gg.: demograficheskie protsessy i sem'ia. Dis. ... d-ra ist. nauk* [Rural population of the Russian Federation in 1939–1959 years: demographic processes and family. Doctor's of Historical Sciences thesis]. M., 2003 [in Russian].
5. Viola L. Krest'ianskii bunt v epokhu Stalina. Kollektivizatsiia i kul'tura krest'ianskogo soprotivleniia [Peasant revolt in the epoch of Stalin. Collectivization and the culture of peasant rebellion]. M.: ROSSPEN, 2010, 368 p. [in Russian].
6. Vory kolkhoznogo khleba osuzhdeny [Thieves of kolkhoz bread are condemned]. *Zaria kommuna*, 1946, no. 51, p. 2 [in Russian].
7. Vyltsan M.A. Vosstanovlenie i razvitie material'no-tekhnicheskoi bazy kolkhoznogo stroia: 1946–1958 [Reconstruction and development of material and technical basis: 1946–1958]. M., 1976 [in Russian].
8. Gosudarstvennyi arkhiv Noveishei istorii Ul'ianovskoi oblasti (GANI UO) [State archive of the Newest history of the Ulyanovsk Region]. F. 8. Op. 6. D. 202 [in Russian].
9. GANIUO. F. 8. Op. 6. D. 204 [in Russian].
10. GANIUO. F. 8. Op. 6. D. 256 [in Russian].
11. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO) [State archive of the Ulyanovsk Region]. F.R-2520. Op. 7. D. 28. [in Russian].
12. GAUO. F.R-2520. Op. 7. D. 33. [in Russian].
13. GAUO. F.R-2520. Op. 7. D. 37. [in Russian].
14. Glotov I.O. O material'noi zainteresovannosti kolkhozov, kolkhoznikov i rabotnikov MTS [On material incentive of collective farms, collective farmers and workers of machine and tractor station]. M., 1954 [in Russian].
15. Govendjaeva K. Za raskhishchenie khleba – 4 goda lisheniia svobody [On the count of stealing of bread – 4 years of deprivation of liberty]. *Kollektivnaia Pravda*, 1945, no. 38, p. 2 [in Russian].
16. Grazioci A. Velikaia krest'ianskaia voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'iane. 1917–1933 gg. [Great Peasant's War in USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933 years]. M.: ROSSPEN, 2001, 96 p. [in Russian].
17. Gregori P.R. Nuzhen li byl Stalin? [Was Stalin necessary?] in *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izuchenii. Materialy Mezhd. Nauch. konf. (Moskva, 5–7 dekabria 2008)* [History of Stalinism: results and problems of study. Materials of the international scientific conference. Moscow, 5–7 December, 2008]. M.: ROSSPEN, 2011, pp. 10–20 [in Russian].
18. Devis S. Mnenie naroda v stalinskoj Rossii. Terror, propaganda i inakomyslie. 1934–1941 [Opinion of population in Stalin Russia. Terror, propaganda and dissidence. 1934–1941]. M.: ROSSPEN, 2011, 233 p. [in Russian].
19. Zaslavskaja T.I. Printsip material'noi zainteresovannosti i oplata truda v kolkhozakh [Principle of material incentive and remuneration of labour in collective farms]. M., 1958 [in Russian].
20. Zelenin I.E. Obshchestvenno-politicheskaia zhizn' sovetskoi derevni: 1946–1958 [Social and political life of Soviet village. 1946–1958]. M., 1978 [in Russian].
21. Zima V.F. Golod v SSSR. 1946–1947 gg.: proiskhozhdenie i posledstviia [Famine in the USSR. 1946–1947 years: origin and consequences]. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1996, 265 p. [in Russian].

22. Koznova I.E. XX vek v sotsial'noi pamiati rossiiskogo krest'ianstva [XX century in the social memory of Russian peasantry]. M.: RAN, 1999, 208 p. [in Russian].
23. Conquest R. Zhatva skorbi: Sovetskaia kollektivizatsiia i terror golodom [The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine]. London, 1988, 620 p. [in Russian].
24. Nad'kin T.D. Stalinskaia agrarnaia politika i krest'ianstvo Mordovii [Stalin agrarian policy and peasantry of Mordovia]. M.: ROSSPEN, 2010, 311 p. [in Russian].
25. Politika raskrest'ianivaniia v Sibiri. Vyp. 1. Etapy i metody likvidatsii krest'ianskogo khoziaistva. 1930–1940 gg. / pod red.: V.A. Il'inykh, O.K. Kavtsevich [Policy of defarming in Siberia. Issue 1. Stages and methods of liquidation of peasant farm. 1930–1940 years]. V.A. Il'yinykh, O.K. Kavtsevich (Eds.). Novosibirsk: Izdatel'stvo IDIM, 2000, 214 p. [in Russian].
26. Popov V.P. Rossiiskaia derevnia posle voiny (iiun' 1945 – mart 1953): Sbornik dokumentov [Russian village after the war (June 1945 – March 1953): Collection of documents]. M.: Prometei, 1993, 204 p. [in Russian].
27. Prizvat' k poriadku raskhititelia kolkhoznoho dobra [Call to order the plunderer of kolkhoz welfare]. *Golos udarnika*, 1953, no. 85, p. 2 [in Russian].
28. Raskhititeli kormov poimany [Plunderers of foodstuff are caught]. *Zaria kommuny*, 1946, no. 7–8, p. 2 [in Russian].
29. Scott G. Oruzhie slabykh: povsednevnoe soprotivlenie i ego znachenie. [Weapons of the weak: everyday antagonism and its meaning] in Velikii neznakomets. Krest'iane i fermery v sovremennom mire. Khrestomatiia. / Sost. T. Shanin [*The great unknown. Peasants and farmers in the modern world. Anthology*]. Compiler T. Shanin. M.: Progress, 1992, pp. 285–288 [in Russian].
30. Ficpatrik Sh. Stalinskie krest'iane. Sotsial'naia istoriia sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia [Stalin peasants. Social history of Soviet Russia in the 30-ies: village]. M.: ROSSPEN, 2001, 421 p. [in Russian].

O.R. Hasyanov*

THEFT OF PUBLIC OWNERSHIP IN THE POSTWAR COLLECTIVE FARMS: FROM THE STRATEGY OF PEASANT RESISTANCE TO ROUTINE TACTICS DEVICES

On the basis of the analysis of a wide range of historical works and archival materials the problem of theft of public property in the post-war collective farms is viewed. According to the author, in the analyzed period, the peasantry was aware of the vitality of the existing collective farm system and instead of passive resistance tactics has adopted a strategy of active adaptation. One manifestation of this strategy is the theft of collective property, as long as theft of state property rural society was not regarded as an absolute evil.

Key words: Soviet peasantry, theft of socialist property, post-war village, collective farms, power, crime, passive resistance, tactics of adaptation.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Khasyanov Oleg Rinatovich* (Oleg-has@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Department of Philosophy and History, Ulyanovsk State Agricultural Academy named after P.A. Stolypin, 1, Boulevard New Crown, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation.

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1960-Е ГГ.

В статье рассмотрен процесс развития туризма в Куйбышевской области в послевоенный период, основные виды туристской деятельности, роль официальных структур в организации и контроле за туризмом.

Ключевые слова: туризм, СССР, повседневность, власть.

Многие исследователи склонны видеть в туристическом аспекте советской повседневности стремление к поддержанию порядка, «залог стабильного существования тотальной авторитарной власти» [1, с. 154]. С началом «сталинской модернизации» в СССР начинает распространяться концепция «пролетарского туризма», суть которой сводилась к подчинению путешествий задачам социалистического строительства. Начиная с 40-х гг. и далее на протяжении 50–60-х гг. массовый спортивный туризм постепенно все ближе оказывался к спорту, нежели к идеологии, как это было в предшествующий период.

Работа туристско-экскурсионного управления (ТЭУ) возобновилась сразу после войны в 1945 г. Они были созданы во многих крупных городах. Перед ТЭУ стояла задача восстановления разрушенного войной туристского хозяйства страны, создания условий для широкого развития туризма. В послевоенное время восстанавливалась и налаживалась система туристско-экскурсионных учреждений.

В начале 1960-х годов стала активизироваться туристская деятельность. Во многих крупных городах создавались бюро путешествий и экскурсий. С 1960-х годов получил распространение туристско-экскурсионный отдых в выходные и праздничные дни, организовывались железнодорожные путешествия, отдельно стоит отметить туристские путешествия по путевкам на маршруты, носивших статус Всесоюзных. Все виды туристской деятельности в стране развивались при поддержке государства и профсоюзов [12, с. 31–48].

Это был период, отмеченный послевоенной разрухой и бедностью основной части населения страны. Властью создавались условия для отдыха горожан двумя разными способами: поощрительным – создавались санатории, здравницы, куда направлялись люди за определенными достижениями в работе или безусловную лояльность государству, партийные и комсомольские работники; «разрешительным» – появилась возможность организовывать походы по родному краю, где люди могли проявить свои личностные, спортивные и творческие качества (туристская песня), чаще всего это относилось к интеллигенции.

Работа президиума Куйбышевского областного совета по туризму, как и других властных структур в СССР, была исключительно формализованной. Возникло как бы две параллельно существующие субкультуры, связанные с туризмом: субкультура власти и субкультура походного романтизма простых советских граждан. Каждая субкультура создавала свой дискурс. Если в советской повседневности он определялся романтизмом походов и авторской песней, то протокольный язык властного дискурса в области туризма ничем не отличался от языка всей партийной номенклатуры.

* © Баишев Н.И., 2016

Баишев Никита Игоревич (nikitabaishev@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

В газетных передовицах часто можно было встретить высказывания следующего содержания: «Верный друг и соратник Ленина и Сталина В.В. Куйбышев, чье светлое имя носит наш город, писал: “...Мы должны узнать свою страну... Нужно увлечь этой мыслью миллионы молодых рабочих и колхозников, студентов, школьников и пионеров, туристов и физкультурников”» [6].

В плане мероприятий областного совета профсоюзов по организации отдыха трудящихся Куйбышевской области на 1960 г. были зафиксированы следующие действия: организовать с помощью профсоюзных организаций предприятий 13 постоянных мест отдыха трудящихся, 34 туристических лагеря, куда направить 8 750 чел., 18 домов рыболовов, 11 домов охотника, организовать 675 туристских походов по области, организовать прокат лодок и палаток, в предвыходные и выходные дни организовать массовые выезды в зеленую зону [18. Л. 5]. Начальнику Куйбышевского областного ТЭУ В.В. Патрикеевой начальником ЦТЭУ ВЦСПС В. Орфаницким было предложено решить вопрос с низким качеством и высокой стоимостью городских экскурсий, организуемых местным обществом по распространению политических и научных знаний [19. Л. 45].

В справке о состоянии туристской работы в Куйбышевской области на 1 июня 1960 г. отмечалось, что общее количество туристских баз и лагерей – 29, кроме того, предприятиями области организовано 22 базы отдыха; 6 клубов туристов; 78 туристских и альпинистских секций, подготовлено 1 680 значкистов «Турист СССР» [19. Л. 114–116]. В плане обслуживания туристско-экскурсионной работой трудящихся на 1961 г. отмечалось, что походами выходного дня должны быть охвачены 70 000 чел., должно быть организовано 50 туристско-оздоровительных лагерей, которые бы обслужили 7 500 чел. Планировалось организовать 30 домов рыбака и охотника, которые бы обслуживали 10 000 чел. В 1961 г. должно было быть проведено 5 слетов туристов с охватом 1 300 чел., подготовлено 380 организаторов и инструкторов туризма, охватить походами 1,2,3 категории трудности 3 000 чел. [18. Л. 4].

В отчете в ВЦСПС Куйбышевского областного совета по туризму от 1 марта 1963 г. отмечалось, что под его руководством работает 10 клубов туристов: Куйбышевский клуб туристов, клуб туристов ДСО «Спартак», клуб туристов при ДСО «Буревестник», клуб туристов Кировского района при районном Дворце культуры, клуб туристов спортклуба «Волга», клубы туристов городов Куйбышевской области [20. Л. 12–13].

В постановлении президиума Куйбышевского областного Совета профсоюзов от 9 июня 1966 г. «О мерах по дальнейшему улучшению организации активного отдыха трудящихся и развитию туризма в области» отмечалось, что в «истекшем году в самостоятельных походах, путешествиях и экскурсиях приняло участие более 600 тысяч трудящихся и учащейся молодежи» [21. Л. 1].

Но не все слаженно происходило в структурах власти в отношении туристского движения в области. К примеру, в 1969 г. произошел конфликт, связанный с туристским клубом «Горизонт». Клуб открылся в 1965 г. в Советском районе Куйбышева. При клубе работали филиал центральной школы по подготовке инструкторов, а также комиссии по слетам и соревнованиям, маршрутно-квалификационная, агитации и пропаганды. Советский райисполком предоставил клубу помещение, но неожиданно оно оказалось занятым народным судом. Клуб стал просить помощи у областного совета по туризму, но советские властные структуры никак не могли между собой договориться. Поэтому в «Волжской заре» появилась гневная статья Д. Бакка «“Горизонт” в тумане. Почему прекратил свою деятельность районный клуб туристов» [2].

В Куйбышевской области в рассматриваемый период времени практиковались так называемые «походы одного дня» и «тренировочные походы». К примеру, предлагался маршрут: Куйбышев – Студеный овраг – Коптев овраг – Куйбышев. Целью похода объявлялось «ознакомление с наиболее живописной частью Сокольных гор» [15, с. 7]. Всего было разработано 26 маршрутов [15, с. 11–35]. Также среди жителей области были чрезвычайно популярными туристические походы на майские праздники. Туристические походы организовывались и комитетами комсомола различных предприятий.

В «Жигулёвскую кругосветку» обычно туристы отправлялись в начале мая после открытия навигации на Волге. В 1955 г. она начиналась с Рождественского острова и пляжа. «Жигулёвская кругосветка» была самым заманчивым туристским маршрутом в летний период. В рассматриваемый период это излюбленное место отдыха жителей города: «целыми семьями приезжают сюда трудящиеся с удочками, сетями, ружьями; рыболовы и охотники бродят по заливным лугам, среди болот и озер зеленого острова» [13, с. 138–139]. Участие в данном походе принимали не только местные жители, но и гости из Москвы и Ленинграда. В отношении «Жигулёвской кругосветки» существовали проблемы. Так, в 1969 г. в редакцию «Волжского комсомольца» поступило письмо от жителя Куйбышева с жалобой, что отказывают в лодках для кругосветки, и молодые туристы собираются идти по маршруту пешком. К этому времени на кругосветку стали продаваться путевки по предприятиям стоимостью 30 руб., льготные – 7–8 руб. [10].

В июле 1955 г. в Жигулях проходил II Всероссийский слет туристов. В нем приняли участие 62 команды из 40 городов. Палатки участники съезда разбили на Бахиловой Поляне. Слет проходил 6 дней, с 28 июля по 2 августа. Была предусмотрена программа туристических соревнований [7]. Для слетов туристов был введен специальный приз «Золотая палатка», разжигались «костры дружбы». Туристы собирались в круг, пелись песни: «Ой, ты, родная русская сторонка! Леса, горы и долины рек! Шагает к вам с веселой песней звонкой Задорный, беспокойный человек» [8].

Куйбышевский туристский клуб «Жигули» провел в 1968 г. в Каменной чаше на правом берегу Волги первый фестиваль туристской песни им. Валерия Грушина. Свыше 600 самодеятельных исполнителей пели песни собственного сочинения о счастье туристских дорог, о борьбе за мир, о любви, о Валерии Грушине [11].

Безусловно, город на Волге сосредотачивал основные туристские маршруты именно по великой реке. В многочисленных газетных статьях звучала тема «Туристы на Волге»: «Отдых на Волге – один из лучших. Поэтому наибольшую популярность приобрел туризм на этой великой реке... И сейчас, когда совсем недавно река освободилась ото льда, когда только что открылась навигация, на Волге уже начался туристский сезон» [17]. К концу 60-х гг. многие горожане Куйбышева имели моторные лодки, а туристские маршруты оказывались связанными с путешествиями на лодках по Волге, ее притокам и заводям. Куйбышевский областной совет по туризму организовал туристическую поездку на теплоходе по новому Волго-Балтийскому пути. Работники Куйбышевского обкома профсоюза торговли организовали в 1966 г. свой туристско-оздоровительный лагерь на берегу Жигулевского моря «Турист» [16].

Особая роль в системе организации властью туристической деятельности отводилась пионерским лагерям и туристической работе с детьми. Причем в официальных документах честно сообщалось, что «за последнее время участились случаи гибели детей при проведении школами массовых мероприятий (экскурсии, туристские походы...) и случаи получения детьми травм... В результате преступно-халатного отношения со стороны руководителей школ и органов народного образования города Куйбышева к организации и проведению массовых выездов школьников на реку Волгу 30 мая на городской переправе погибло 4 учеников школ № 66 и 75. Также вследствие проявленной безответственности со стороны учительницы школы № 151 города Куйбышева т. Мяминой и медицинской сестры т. Грулёвой к проведению двухдневного похода учащихся 7 «б» класса этой школы 31 мая в озере у деревни Бовинки утонула ученица Павлова Лиля...» и т. д. [20. Л. 60]

В 1960 г. жителям Куйбышева предлагался и поход на автомашинах, так называемый туристский автопробег. Ранним утром все участники похода собрались у ворот завода КАТЭК на своих автомобилях. В первый день им предстояло добраться до Саратова, проехать почти 500 км. На «Волгах» участников похода висели таблички: «Автомобилеклуб ДОСААФ Куйбышев. Туристский автопробег» [3].

Куйбышевские туристы уходили и в дальние альпинистские маршруты. К примеру, куйбышевский инженер-конструктор К.В. Королёв в составе альпиниады Ка-

бардино-Балкарской АССР совершил в июле 1960 г. восхождение на Эльбрус. В юбилейную «Кировскую альпиниаду» включился отряд куйбышевцев, взойдя на Эльбрус и Казбек. Самым значительным альпинистским достижением 1960 г. стало восхождение на пик Ленина техника центрального телеграфа Д.А. Кузнецова и инженера Волжской ГЭС В.Н. Бочкова [4]. Большую роль в данном виде туризма играли секции, созданные при высших учебных заведениях.

Помимо спортивного туризма в городе активно развивалось направление экскурсионного туризма по различным историческим местам края. В 1967 г. одним из главных маршрутов становятся «Ленинские места» [5]. В этот год СССР отмечал 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В методических указаниях по культурно-массовой и физкультурной работе говорилось: «юбилейный год предъявляет повышенные требования также и к работникам туристских баз... – ко всему комплексу обслуживания туристов» [22. Л. 55].

В Куйбышевскую область приезжали туристы и из других стран и городов. Как отмечала газета «Куйбышевский нефтяник», в июле 1956 г. в Куйбышеве побывало более 400 иностранных студентов [14]. В 1964 г. город посетила почти сотня тысяч туристов, о чем докладывалось в «Волжском комсомольце», при этом выражалась надежда, что «в 1965 г. наш город туристам еще более понравится» [9].

Туризм в городе продолжал активно развиваться – было создано Бюро путешествий и экскурсий. Для зимнего туризма был запущен поезд «Снежинка», с 1969 г. он отправился по расписанию. Он вез горожан на лыжные маршруты [22]. Излюбленным местом лыжников был Золотой Бор.

За период 1940–1960-х гг. туризм в Куйбышевской области активно развивался в качественном и количественном отношении. В области существовал знаковый туристический объект: «Жигулёвская кругосветка». Романтизация туристического образа жизни нашла воплощение в созданном в 1968 г. Грушинском фестивале. Таким образом, сконструированное властью пространство туристической сферы занятости советских людей трансформировалось в повседневности в жизнь, не подчиненную власти, несмотря на внешнее сохранение контроля в виде различных партийных и государственных органов и обязательных агитаторов и пропагандистов.

Библиографический список

1. Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое издательство, 2005.
2. Волжская заря. 1969. 4 января.
3. Волжская коммуна. 1960. 30 июня.
4. Волжская коммуна. 1960. 19 ноября.
5. Волжская коммуна. 1967. 23 сентября.
6. Волжский комсомолец. 1952. 11 июня.
7. Волжский комсомолец. 1955. 27 июля.
8. Волжский комсомолец. 1959. 21 октября.
9. Волжский комсомолец. 1964. 1 ноября.
10. Волжский комсомолец. 1969. 2 августа.
11. Волжский комсомолец. 1988. 3 июля.
12. Долженко Г.П. Экскурсионное дело. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2006.
13. Емельянов М.А. Самарская Лука и Жигули. Куйбышев, 1955.
14. Куйбышевский нефтяник. 1956. 21 августа.
15. Оранко Г.С., Ванчуров А.Ф. Туристские маршруты по Куйбышевской области. Куйбышев, 1956.
16. Советская торговля. 1966. 15 октября.
17. Советский танкер. 1961. 18 мая.
18. СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2.
19. СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 5.
20. СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 12.

21. СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 57.
22. СОГАСПИ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 92.

References

1. Blyum A. Rodit'sia, zhit' i umeret' v SSSR [To be born, live and die in the USSR]. М.: Novoe izdatel'stvo, 2005 [in Russian].
2. *Volzhskaja zaria*, 1969, January 4 [in Russian].
3. *Volzhskaja kommuna*, 1960, June 30 [in Russian].
4. *Volzhskaja kommuna*, 1960, November 19 [in Russian].
5. *Volzhskaja kommuna*, 1967, September 23 [in Russian].
6. *Volzhskii komsomolets*, 1952, June 11 [in Russian].
7. *Volzhskii komsomolets*, 1955, July 27 [in Russian].
8. *Volzhskii komsomolets*, 1959, October 21 [in Russian].
9. *Volzhskii komsomolets*, 1964, November 1 [in Russian].
10. *Volzhskii komsomolets*, 1969, August 2 [in Russian].
11. *Volzhskii komsomolets*, 1988, July 3 [in Russian].
12. Dolzhenko G.P. Ekskursionnoe delo [Excursion business]. М.: IKTs «MarT»; Rostov n/D.: Izdatel'skii tsentr «MarT», 2006 [in Russian].
13. Emel'yanov M.A. Samarskaja Luka i Zhiguli [The Samara Bend and the Zhiguli Mountains]. Kuibyshev, 1955 [in Russian].
14. *Kuibyshevskii neftianik*, 1956, August 21 [in Russian].
15. Oranko G.S., Vanchurov A.F. Turistskie marshruty po Kuibyshevskoi oblasti [Tourist routes in the Kuibyshev Region]. Kuibyshev, 1956 [in Russian].
16. *Sovetskaja trgovlia*, 1966, October 15 [in Russian].
17. *Sovetskii tanker*, 1961, May 18 [in Russian].
18. SOGASPI. F. 927. Op. 1. D. 2. [in Russian].
19. SOGASPI. F. 927. Op. 1. D. 12 [in Russian].
20. SOGASPI. F. 927. Op. 1. D. 12 [in Russian].
21. SOGASPI. F. 927. Op. 1. D. 57 [in Russian].
22. SOGASPI. F. 927. Op. 1. D. 92 [in Russian].

*N.I. Baishev**

DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE KUIBYSHEV REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1940–1960-IES

In the article the development of tourism in the Kuibyshev region during the post-war period, main types of tourist activity, role of official structures in the organization and control of tourism is viewed.

Key words: tourism, USSR, daily routine, power.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Baishev Nikita Igorevich* (nikitabaishev@yandex.ru), Department of Russian History, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 37.013

*И.Г. Баканова****ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ**

В статье показаны преимущества технологии смешанного обучения и ее возможности в формировании коммуникативной компетентности у студентов технических специальностей; мультимедийные учебные комплексы Touchstone и Viewpoint, «облачные» технологии и социальная сеть «ВКонтакте», направленные на увеличение ресурсов как контактной, так и самостоятельной работы и способствующие активной коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, студенты технических специальностей, смешанное обучение, мультимедийные учебные комплексы Touchstone и Viewpoint, «облачные» технологии, социальная сеть «ВКонтакте».

В современных условиях развития мировой экономики, когда наблюдается расширение профессиональных контактов, свободный обмен информацией, формирование единого рынка труда, владение английским языком как инструментом профессиональной коммуникации является залогом успешной карьеры. Однако несмотря на значимость иностранного языка, будущие специалисты технических специальностей зачастую недостаточно хорошо им владеют. Во-первых, наблюдается исходный низкий уровень языковой подготовки (83 % студентов первого курса Самарского государственного университета путей сообщения демонстрируют во время входного тестирования уровень А1–А2 относительно Общоевропейской шкалы уровней владения иностранным языком). Во-вторых, обнаруживается слабая степень мотивированности к изучению английского языка. Студенты, поступающие в технический вуз, прежде всего, нацелены на дисциплины специальности. Большинство обучающихся имеют технический склад ума: для многих гуманитарные дисциплины представляют большую сложность. Поэтому часто иностранному языку не уделяется должное внимание, и данный предмет занимает последнее место в списке значимых дисциплин. Однако

* © Баканова И.Г., 2016

Баканова Ирина Геннадьевна (backanovairina@yandex.ru), кафедра иностранных языков, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, 1-й Безымянный пер., 18.

уже на старших курсах студенты начинают понимать, что специальности технического формата развиваются в глобальном масштабе, и английский язык является средством освоения опыта и передовых знаний, значимым инструментом профессионального развития, а академическая мобильность — способом подготовки к карьере высококвалифицированного специалиста [6]. В-третьих, введение федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, связанное с сокращением объемов аудиторной работы, увеличением форм самостоятельной работы студентов. В связи с этим возникает необходимость поиска новых технологий, форм обучения и разработки «дорожных карт» повышения активности студента в рамках отведенных часов.

Принимая во внимание приоритетные направления модернизации российского образования (информатизация, переход к системе непрерывного образования, создание принципиально новой образовательной среды, основанной на применении информационно-коммуникационных технологий, установка на компетентностный подход, личностно-ориентированное обучение), заметим, что не могут быть в полной мере они реализованы в рамках только традиционного очного обучения в связи с его ограниченными возможностями: необходимо перерабатывать огромные объемы информации, обладая гибкостью и адаптивностью, ориентируясь на индивидуальные запросы студентов и др. [4].

Ученые (С.А. Бешенков, С.Г. Григорьев, В.П. Демкин, А.А. Кузнецов, М.П. Лапчик, Н.В. Мельченкова, С.В. Панюкова, И.В. Роберт, К. Evelin, В. Oliver, J. Higgins, S. Papert, T. Russel и др.) обращаются к рациональному сочетанию традиционных образовательных технологий с современными информационными и коммуникационными технологиями в качестве одного из возможных путей решения задачи модернизации образования. Реализация высокого дидактического потенциала компьютерных и телекоммуникационных технологий является также одной из основных задач развития современной образовательной системы, сформулированной в рамках Концепции модернизации российского образования на период до 2020 года [5]. Модель смешанного обучения (blended learning или hybrid learning) представляет собой комбинацию двух типов учебных сред: аудиторной, где преподаватель и группа взаимодействуют в режиме реального времени, и виртуальной, в которой взаимодействие, синхронное и асинхронное, происходит при помощи электронных тренажеров и инструментов онлайн-общения [2]. Исследование, проведенное Департаментом образования США в 2010 году, показывает, что смешанная модель является более эффективной, чем дистанционная, и в ряде случаев даже более эффективной, чем традиционная аудиторная модель обучения [8].

Несмотря на то, что инструменты для взаимодействия в электронной среде широко распространены в ситуациях ежедневного общения, в российской академической среде данные инструменты задействованы лишь незначительно. Объясняется это в том числе и традиционной моделью обучения, предполагающей, что наиболее эффективным взаимодействием между преподавателем и студентом может быть лишь в режиме личного общения. К объективным факторам относится так называемый цифровой разрыв, существующий не столько между регионами с развитой инфраструктурой и регионами с низким проникновением интернет-коммуникации, но и между поколениями. В системе высшего образования на современном этапе имеет место поколенческий разрыв между профессорско-преподавательским составом, мало использующим технологии электронной коммуникации, и студентами, для которых инструменты электронной среды и инструменты мобильной телефонии во многом естественны.

Применение смешанного обучения в лингвистическом образовании сегодня актуально в связи со спецификой предмета «иностраный язык», который относится в

соответствии с классификацией И.Я. Лернера к группе дисциплин, ведущим компонентом которых являются способы деятельности. Считается, что при обучении речевой деятельности для формирования соответствующих навыков, каждый учащийся имеет практику в этой деятельности в необходимом объеме. Однако научные данные показывают, что во время аудиторной работы приходится не более одной минуты реального времени устной практики на долю каждого обучающегося. Применение виртуального компонента позволяет сделать процесс обучения индивидуализированным, предоставляя возможности для практики каждому в таком объеме, который необходим в соответствии с его индивидуальными возможностями и способностями.

Если традиционно обучение иностранному языку в неязыковом вузе было ориентировано на чтение, понимание и перевод специальных текстов, а также изучение проблем синтаксиса научного стиля, что определялось стандартной образовательной программой, то современная система изучения иностранных языков акцентирует внимание на формирование коммуникативной компетентности. Технология смешанного обучения основана на коммуникативном подходе, задействующим такие методы и приемы, которые преломляются через личность студента, его потребности, мотивацию и способности. Именно при таких условиях студент становится субъектом речевой и учебной деятельности, ее активным участником [3]. Так, контактная работа предусматривает преимущественно коммуникативную деятельность, поэтому студенты работают в основном с речевыми упражнениями, развивающими продуктивные умения, особенно в области говорения. К речевым упражнениям относятся активная (диалог, условная беседа, драматизация текста или ситуации общения) и интерактивная форма обучения (решение речемыслительных или проблемных задач, ролевая игра, дискуссия), а также репликовые высказывания, пересказ прочитанного, описание, устный рассказ, устное выступление.

При этом систематизация грамматических явлений происходит посредством электронных тренажеров, так как данный материал требует большого временного ресурса. Для студентов технических специальностей данный подход целесообразен, так как язык является не целью, а средством общения. При контактной работе не требуется заграмматизированный курс иностранного языка, студенты начинают говорить свободнее, в большем объеме, если не поставлен акцент на грамматике. Будущие профессионалы технических специальностей должны приобрести навыки получения нужной информации в более полном объеме, используя языковые средства лишь как инструмент для достижения поставленной цели. Для решения коммуникативных задач обучающего характера студенты находятся в ситуациях, воссоздающих реальность, поэтому язык является средством, способствующим решению каждой конкретной задачи [1].

Одним из примеров смешанного обучения может быть работа с учебными материалами нового поколения, задействующие возможности информационно-коммуникационных технологий, Touchstone и Viewpoint (авторы Michael McCarthy, Jeanne McCarten and Helen Sandiford). Данные учебные комплексы разработаны издательством Кембриджского университета, содержат пособие для аудиторной работы и расположенные в виртуальной среде электронные тренажеры и интерактивные инструменты, объединенные Кембриджской системой управления обучением (Learning Management System или LMS). Комплекс Touchstone имеет несколько уровней (A1–B2), что является удобным для работы в рамках разноуровневой программы языковой подготовки. Учебный комплекс Viewpoint может быть продолжением, так как охватывает уровни B2–C1.

Отличительной чертой этих материалов является то, что лексико-грамматическая основа разработана на базе большой коллекции образцов реальной разговорной речи

(corpus) и частотности их использования. Основу методологии составляет коммуникативный метод и три принципа освоения материала: иллюстрация, индукция и взаимодействие. Языковой материал составляют реальные примеры из естественной речи (иллюстрация); студенты стараются запомнить примеры употребления языка и учатся на основании своих наблюдений генерировать правило (индукция); обучающиеся отрабатывают новые языковые единицы в осмысленных и персонализированных ситуациях (взаимодействие). Следовательно, данные учебные материалы нацелены не на обучение отдельным лексическим единицам или грамматическим явлениям, а на изучение принципов построения письменной и устной коммуникации. Более того, мультимедийные учебные комплексы Touchstone и Viewpoint предполагают ознакомление студентов с разными ситуациями использования языка (формальное, полужформальное и неформальное).

Электронная Система управления обучением (Learning Management System) предполагает использование инструментов трех типов:

1. Инструменты администрирования и мониторинга (для преподавателя), включающие Calendar (информация о ключевых событиях курса); Announcements (дополнительные материалы с функцией мгновенного уведомления участников группы по электронной почте); Student Progress (показывает работу обучающихся на электронных тренажерах); Gradebook (фиксирует результаты выполнения тех или иных заданий сразу среди всех студентов).

2. Инструменты для индивидуальной работы (для студента) представлены под общим названием Content. Тренажеры для отработки языкового материала и речевых навыков включают такие разделы, как Course, Workbook, Reviews, Checkpoints, Games, Tests.

3. Инструменты для групповой работы (для студентов и преподавателей). Блог, чат, форум, вики и голосовые сообщения нацелены на взаимодействие внутри группы и с преподавателем в электронной среде, что способствует активному развитию взаимного обучения. Традиционная модель обучения ограничена временем и местом и не располагает ресурсами организации взаимодействия внутри группы с целью обсуждения учебных проблем, тогда как именно такое взаимодействие является наиболее эффективным. Акцентирование внимания на групповой работе как в рамках контактной среды, так и виртуальной развивает автономию учащихся, снижая зависимость от преподавателя, что рассматривается как ведущее требование к современному формату образования.

Помимо взаимного обучения смешанная система, реализуемая на основе мультимедийных учебных комплексов Touchstone и Viewpoint, предполагает персонализацию обучения, которая возможна за счет персонализации содержания программы. Новый языковой материал демонстрируется в знакомых контекстах, позволяющих увидеть смысловые связи не только внутри коммуникативной ситуации, но и установить закономерности в применении новых языковых единиц. При этом личная заинтересованность студентов в процессе выявления правил использования языка способствует более активному применению данных правил в дальнейшем. Этап обсуждения в рамках групповой или парной работы предполагает окончательную персонализацию языкового материала, так как новые языковые единицы и структуры зафиксированы в значимом для студентов контексте. Гибкость в использовании электронного контента и интерактивных инструментов общения также способствует реализации персонализации обучения. Обучающиеся несут ответственность за результаты своего образовательного процесса, наблюдая за своим прогрессом с помощью инструментов Progress Chart, Reviews, Checkpoints, и самостоятельно выполняют задания для повторения или выбирают расширенную проработку.

В современных условиях смешанное обучение предполагает применение средств информационных и коммуникационных технологий, выходящих за пределы электронной Системы управления обучением (Learning Management System или LMS), так как помимо большого количества положительных моментов специалисты указывают некоторые недостатки LMS: универсальность в рамках учебного заведения и единообразие в рамках всех учебных заведений [9; 11]; слабые возможности генерации и хранения создаваемого пользователем контента [10]; высокая ценовая категория. Поэтому многие эксперты связывают развитие смешанного обучения не с автономными системами LMS, а с образовательными приложениями к социальным сетям и «облачными» технологиями [8].

Общедоступные средства общения людей в Интернете – социальные сети – увеличивают возможности совместной работы и предполагают процесс обучения более социальным. Использование социальной сети «ВКонтакте» в целях изучения английского языка имеет ряд достоинств, среди которых особенно выделяется направленность на формирование коммуникативной компетентности, позволяющая студентам без стеснения вступать в переписку, обмениваться информацией и мнениями доступными им языковыми средствами внутри своей группы, а также обучение морально-этическим нормам поведения и высказывания в сети [7].

«Облачные» вычисления также увеличивают возможности смешанного обучения посредством предоставления доступа к услугам и вычислительным ресурсам Интернета. Так, на «облаке» имеются специально подготовленные компаниями Google и Microsoft сервисы – «Google Apps для учебных заведений» и «Microsoft Live@edu». Эти сервисы предоставляют участникам учебного процесса аналогичные автономной LMS инструменты размещения контента, контроля обучения и коммуникации. Облачные сервисы позволяют реализовать и мобильное обучение – электронное обучение с помощью мобильных устройств, имеющих международный идентификатор мобильного оборудования, работающих под управлением операционной системы, поддерживающих работу в мобильных сетях и технологию Wi-Fi.

В формате «облачных» технологий есть возможности для реализации принципа «перевернутого» класса, когда на Google-диске размещаются видео и электронные презентации, веб-контент открытых источников, позволяющие студентам заранее ознакомиться с новым грамматическим и лексическим материалом, осмыслить его на индивидуальном уровне, отработать, а на этапе контактной работы продолжить закрепление установленных смысловых связей в ходе обсуждения, активных и интерактивных видов деятельности, что будет способствовать формированию коммуникативной компетентности. Технология смешанного обучения, представляя новый этап в развитии техник преподавания, становится популярной, так как полностью соответствует концепции модернизации современного образования, способствуя формированию коммуникативной компетентности студентов технических специальностей.

Библиографический список

1. Баканова И.Г. Профессионально-личностное развитие студентов–будущих экономистов в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Самара, 2011. 210 с.
2. Бондарева Л.В. Английский язык: методика преподавания иностранных языков: учеб.-метод. пособие. М.: Изд. Дом МИСиС, 2013. 71 с.
3. Вардашкина Е.В. Модель смешанного обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов // Научные труды SWorld. 2011. URL: <http://www.sworld.com.ua>.
4. Евсеева А.М. Смешанное обучение как форма организации учебного процесса по иностранному языку в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-16980.

5. Проект «Информатизация системы образования»: сб. инф.-метод. материалов. М.: Локус-Пресс, 2005. 52 с. URL: <http://www.ict.edu.ru/ft/005463/34873.pdf>.
6. Сиротина О.В. Мотивация в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе // Научные труды КубГТУ. 2015. № 9. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/508>.
7. Фомина А.С. Смешанное обучение в вузе: институциональный, организационно-технологический и педагогический аспекты // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smешанное-obuchenie-v-vuze-institutsionalnyy-organizatsionnotehnologicheskii-i-pedagogicheskii-aspekty>.
8. Evaluation of Evidence-Based Practices in Online Learning: A Meta-Analysis and Review of Online Learning. URL: <http://www2.ed.gov/rschstat/eval/tech/evidence-based-practices/finalreport.pdf>.
9. Feshenko A.V. Social networks in education: analysis of the experience and perspectives of development // Open and distance education. 2014. № 3. URL: <http://huminf.tsu.ru/jurnal/files/vol7/feshenko.pdf>.
10. Solovov A.V. “Golden cage” virtual learning environments // Higher education in Russia. 2014. № 11. URL: <http://vovr.su/upload/11-12.pdf>.
11. Voronkin A.S. Social Networks: evolution, structure analysis // Educational Technology & Society. 2014. № 1. URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v17_i1/pdf/21.pdf.

References

1. Bakanova I.G. *Professional’no-lichnostnoe razvitie studentov–budushchikh ekonomistov v protsesse obucheniia inostrannomu iazyku: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08* [Professional and personal development of students – future economists in the process of foreign language teaching: Candidate’s of Pedagogical Sciences thesis: 13.00.08]. Samara, 2011, 210 p.
2. Bondareva L.V. *Angliiskii iazyk: metodika prepodavaniia inostrannykh iazykov: ucheb.-metod.posobie* [English language: methods of foreign language teaching: study guide]. M.: Izd. Dom MISiS, 2013, 71 p. [in Russian].
3. Vardashkina E.V. Model’ smeshannogo obucheniia inostrannomu iazyku studentov neiazzykovykh vuzov [Model of blended learning of foreign language of students of non-language universities]. “*Nauchnye trudy SWorld*” [Scholarly works SWorld]. Retrieved from: <http://www.sworld.com.ua> [in Russian].
4. Evseeva A.M. Smeshannoe obuchenie kak forma organizatsii uchebnogo protsessa po inostrannomu iazyku v tekhnicheskome vuze [Blended learning as a form of organization of the teaching and learning process on the foreign language in a technical college]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education], 2014, no. 6. Retrieved from: www.science-education.ru/120-16980 [in Russian].
5. Proekt “Informatizatsiia sistemy obrazovaniia” [Project “Informatization of the system of education”]. *Sb. inf.-metod. materialov* [Collection of information and guidance papers on the project «Informatization of the system of education»]. M.: Lokus-Press, 2005, 52 p. Retrieved from: <http://www.ict.edu.ru/ft/005463/34873.pdf> [in Russian].
6. Sirotnina O.V. Motivatsiia v protsesse obucheniia inostrannomu iazyku v tekhnicheskome vuze [Motivation in the process of foreign language teaching in a technical college]. *Nauchnye trudy KubGTU* [Scientific works of KubSTU], 2015, no. 9. Retrieved from: <http://ntk.kubstu.ru/file/508> [in Russian].
7. Fomina A.S. Smeshannoe obuchenie v vuze: institutsional’nyi, organizatsionno-tekhnologicheskii i pedagogicheskii aspekty [Blended learning in the university: institutional, organizational and technological and pedagogical aspects]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development], 2014, no. 21. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/smешанное-obuchenie-v-vuze-institutsionalnyy-organizatsionnotehnologicheskii-i-pedagogicheskii-aspekty> [in Russian].
8. Evaluation of Evidence-Based Practices in Online Learning: A Meta-Analysis and Review of Online Learning. Retrieved from: <http://www2.ed.gov/rschstat/eval/tech/evidence-based-practices/finalreport.pdf>. [in English].

9. Feshenko A.V. Social networks in education: analysis of experience and perspectives of development. *Open and distance education*, 2014, no. 3. Retrieved from: <http://huminf.tsu.ru/jurnal/files/vol7/feshenko.pdf> [in English].

10. Solovov A.V. "Golden cage" virtual learning environments. *Higher education in Russia*, 2014, no. 11. Retrieved from: <http://vovr.su/upload/11-12.pdf> [in English].

11. Voronkin A.S. Social Networks: evolution, structure analysis. *Educational Technology & Society*, 2014, no. 1. Retrieved from: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v17_i1/pdf/21.pdf [in English].

*I.G. Bakanova**

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALITIES ON THE BASIS OF THE MODEL OF BLENDED LEARNING

The article deals with the advantages of blended learning technology, and also with its potential for students of non-linguistic specialties in forming the communicative competence. The studies enable to emphasize a number of aspects such as multi-media based educational complexes Touchstone and Viewpoint, "cloud" technologies and the social network «ВКонтакте», which are directed to increase the resources of both contact and individual work as well as activate communicative work.

Key words: communicative competence, students of non-linguistic specialties, blended learning, multi-media based educational complexes Touchstone and Viewpoint Online Courses, "cloud" technologies, social network «ВКонтакте».

Статья поступила в редакцию 23/XII/2015.
The article received 23/XII/2015.

* *Bakanova Irina Gennadievna* (backanovairina@yandex.ru), Department of English Language, Samara State Transport University, 18, 1-st Bessymanni per., Samara, 443066, Russian Federation.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В статье раскрывается сущность феномена «педагогический конфликт», описаны причины педагогических конфликтов с позиции студентов и преподавателей; рассмотрены причины инновационного педагогического конфликта; представлена структура конфликтологической компетентности преподавателя.

Ключевые слова: педагогический конфликт, конфликтогенность, инновационный педагогический конфликт, конфликтологическая компетентность.

Изучая педагогический процесс, исследователи отмечают присущую ему конфликтогенность, обусловленную позиционной и ролевой асимметрией его участников. За преподавателем закреплена роль носителя и транслятора социального значимого опыта, а за студентом – роль реципиента этого опыта. Различия между преподавателем и студентом обусловлены принадлежностью к разным возрастным группам с различной субкультурой, с отличными психофизиологическими возможностями.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о многогранности дефиниции педагогического конфликта. Педагогический конфликт – это ситуация столкновения и борьбы несовпадающих точек зрения [1]. Педагогический конфликт – это противоречие, возникающее в учебно-воспитательном процессе при столкновении требований, интересов педагогов и учащихся, требующее разрешения и гармонизации отношений [3]. По мнению А.С. Белкина, педагогические конфликты всегда касаются вопросов учебно-воспитательного процесса. Если возникает межличностный конфликт в диаде «преподаватель–студент», не затрагивая учебно-воспитательный процесс, то данный конфликт не является педагогическим.

Педагогический конфликт представляется формой проявления актуализирующихся субъектно-субъектных противоречий участников учебно-воспитательного процесса, вызывающих отрицательный эмоциональный фон общения, что предполагает конструктивный перевод столкновения данных сторон конфликта в заинтересованное устранение его причин [2].

В отличие от педагогического конфликта, используется понятие «конфликт в педагогическом процессе», суть которого выражается острыми эмоциональными отношениями между субъектами педагогического процесса, порожденными трудноразрешимыми противоречиями, которые вызваны разными потребностями, мотивами, целями, взглядами, установками, поведением, и требующими перехода начавшегося столкновения в продуктивную форму, гармонизирующую отношения [6]. Суть педагогического конфликта заключается в отсутствии согласия субъектов образовательного процесса относительно целей образования [4].

В основе педагогических конфликтов лежат два вида противоречий: диалектические и каузальные. Диалектические противоречия, присущие педагогическим систе-

* © Никулина И.В., 2016

Никулина Ирина Вячеславовна (nikulinaiv@yandex.ru), кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

мам, выступают в качестве условия их развития; каузальные противоречия обусловлены профессиональной некомпетентностью преподавателей. Педагогические конфликты являются источником развития учебно-воспитательного процесса, так как конструктивное разрешение конфликтной ситуации способствует личностному развитию его участников.

Большинство конфликтов между преподавателем и студентом происходит при «свидетелях» – в учебной группе, в результате чего срабатывает один из психологических законов «самосохранения» – желание любой ценой «сохранить свое лицо», что приводит к выбору жестких тактик поведения в конфликте и становится причиной большого количества деструктивных конфликтов в педагогическом процессе. Присутствие других студентов делает их участниками конфликта, приобретающего воспитательный смысл. Ответственность за ошибки в разрешении конфликта лежит на преподавателе, осознающем глубину переживаний студента и способном справиться со своими отрицательными эмоциями.

С точки зрения студентов, наиболее распространенными причинами педагогических конфликтов является необъективная оценка и чрезмерная придирчивость преподавателя, неуважительное, пренебрежительное отношение к студентам. По мнению студентов, конфликтный и неконфликтный преподаватель отличаются друг от друга. Неконфликтный преподаватель имеет авторитет в студенческой группе, доброжелателен, способен к децентрации, проявляет терпимость к недостаткам других людей.

По мнению Л.А. Соколова, одной из причин конфликта в диаде «преподаватель–студент» может стать традиционная форма лекционного занятия: с развитием информационных технологий любая информация становится легкодоступной, и студент не испытывает необходимости в ее фиксации с помощью ручного переписывания. Снижение эффективности лекционного занятия обусловлено также особенностями «клипового мышления» современных студентов, не позволяющими им фиксировать длительные информационные сообщения, что приводит к быстрому утомлению студентов [10].

С точки зрения преподавателей, педагогический конфликт возникает из-за нарушения дисциплины на занятиях и правил поведения в вузе. Причины возникающих педагогических конфликтов лежат в сфере дидактического взаимодействия: это иждивенческое отношение студентов к учебе, лень, нежелание учиться, отсутствие интереса к будущей профессии; несоответствие уровня подготовленности студентов уровню заданного учебного процесса в вузе; сохранение в вузе фактически не обучающихся студентов; завышенная самооценка некоторых студентов относительно своих знаний по дисциплине.

Причины педагогических конфликтов также кроются в личностных особенностях студентов: инфантилизм, неадекватное поведение, агрессивная манера общения с преподавателем. Неконфликтному студенту, по мнению преподавателей, присущи следующие качества: вежливость, тактичность; умение прислушиваться к чужой точке зрения и корректировать свое поведение; добросовестное и ответственное отношение к учебе; доброжелательность [7, с. 285].

Личностные особенности преподавателя могут быть причиной конфликтов: ошибка в выборе профессии; повышенная ответственность за качество образования; неудовлетворенность потребности преподавателя в его признании студентами и педагогическим коллективом.

Модернизация системы высшего образования вызывает педагогический конфликт инновационного типа, в основе которого противоречие, столкновение между участниками образовательного процесса на основе различий в целях, ценностях или интересах в ситуации внедрения инноваций [5, с. 132]. Участниками данных конфликтов,

как правило, являются представители администрации образовательных учреждений, которые являются инициаторами инноваций, и преподаватели. Исследователями выявлены причины, лежащие в основе инновационных педагогических конфликтов [9, с. 171–172]:

1. Угроза потребности безопасности. Изменение привычных способов действий в результате инновационной деятельности вызывает психологический дискомфорт, избавление от которого часто переходит в форму конфликтного взаимодействия.

2. Угроза социальному взаимодействию. Изменение в организационных структурах (слияние кафедр) влияет на привычное для преподавателя социальное окружение, нарушение взаимодействия между формальными и неформальными группами могут стать причиной межгрупповых конфликтов.

3. Угроза профессиональному статусу, страх оказаться некомпетентным. Любые инновации оказывают влияние на профессиональный статус работника, провоцируя проявление некомпетентности в новых ситуациях.

4. Большие психологические издержки в процессе освоения новой деятельности. Инновационная деятельность требует от преподавателя усиленной работы восприятия, внимания, памяти, мышления, что приводит к психическому напряжению, отказу от внедрения современных образовательных технологий.

5. Методы проведения инновации. Инициированные администрацией образовательного учреждения инновационные процессы могут вызвать сопротивление со стороны преподавателей.

6. Антипатии к руководителю. Успешность введения инновации определяется личностью лидера инновационной деятельности. Психологическая несовместимость может способствовать переходу инновационного конфликта в межличностный, если не согласованы цели, интересы, потребности его участников.

Конструктивное разрешение преподавателем конфликтных ситуаций является важным условием саморазвития его личности. Способ разрешения преподавателем педагогического конфликта может способствовать его прогрессивному развитию или усиливать уровень невротизации. Конструктивные способы разрешения конфликтных ситуаций способствуют доверительным отношениям со студентами, с коллегами, с администрацией, повышая его конфликтологическую компетентность.

Конфликтологическая компетентность преподавателя является значимой характеристикой профессионализма преподавателя, позволяющей предвидеть возникновение педагогических конфликтов, эффективно ими управлять, осуществлять психологическое воздействие на конфликтующие стороны, минимизируя деструкцию конфликтов. Конфликтологически компетентный преподаватель свободен от конфликтофобии, успешно применяет различные технологии разрешения конфликтов и рассматривает конфликт как источник развития [8, с. 223].

Структура конфликтологической компетентности преподавателя вуза представляется взаимосвязанными компонентами: гностический (конфликтологические знания); проектировочный (умение предвидеть возникновение конфликтных ситуаций; умение предопределять возможные конфликтные действия участников; умение анализировать образы конфликтных ситуаций; умение предвидеть исходы конфликтных действий); регулятивный (способность контролировать свои эмоциональные переживания в конфликтной ситуации; умение оказывать конструктивное воздействие на участников конфликта; умение организовывать профилактику педагогических конфликтов; способность к медиаторству; умение использовать конструктивный потенциал конфликта как возможность разрядки напряжения и оздоровления отношений); коммуникативный (умение организовывать деловое общение в ситуации конфликта, в переговорном процессе); рефлексивный (способность анализировать свои действия

и действия других участников конфликта; способность анализировать конфликт в целом).

Несформированность конфликтологической компетентности негативно отражается на профессиональном становлении и личностном развитии преподавателя вуза. Отношения между преподавателями и студентами приобретают формально-ролевую форму, проявляющуюся в выборе неконструктивных стилей поведения в процессе разрешения педагогического конфликта.

Итак, анализ научной литературы показал, что педагогические конфликты имеют свою специфику, обусловленную конфликтогенностью самого педагогического процесса; неравнозначностью позиций и ролей преподавателя и студента в ситуации конфликта; протеканием педагогического конфликта при «свидетелях»; обязательностью конструктивного разрешения конфликта с целью повышения его воспитательного потенциала и оказания личностно-развивающего воздействия на конфликтующие стороны.

Библиографический список

1. Афонькова В.М. Конфликты в коллективе старшеклассников и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1975. 22 с.
2. Баныкина С.В. Конфликтологическая служба школы: статус и содержание деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1997. 20 с.
3. Куприянов Р.В. Межличностные конфликты в диаде преподаватель–студент: монография. Казань: КНИТУ, 2011. 196 с.
4. Мельничук А.В. Педагогические основы управления конфликтами в поликультурном образовательном пространстве: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2004. 207 с.
5. Митяева А.М. Конструктивное управление в вузе конфликтом инновационного развития // Конфликтология. 2014. № 2. С. 131–142.
6. Наумова Л.Д. К вопросу об определении понятия «конфликт в педагогическом процессе» // Альманах современной науки и образования. 2009. № 4 (23). С. 120–122.
7. Никулина И.В. Преподаватель и студент: причины возникновения конфликтов // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2014. С. 283–287.
8. Никулина И.В. Конфликтологическая компетентность преподавателя вуза // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 222–226.
9. Сянькова М.Г., Сыманюк Э.Э. Управление конфликтами в педагогическом коллективе // Успехи современного естествознания. 2010. № 9. С. 170–176.
10. Соколов Л.А. Внедрение новых методов ведения лекционных занятий как способ нейтрализации педагогических конфликтов при подготовке специалиста // Социосфера. 2014. С. 67–71.

References

1. Afon'kova V.M. *Konflikty v kollektive starsheklassnikov i puti ikh preodoleniia: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Conflicts in the team of seniors and ways to overcome them: Extended abstract of Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Moscow, 1975, 22 p. [in Russian].
2. Banykina S.V. *Konfliktologicheskaiia sluzhba shkoly: status i sodержanie deiatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Conflictological school service: status and content of activity: Extended Abstract of Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. M., 1997, 20 p. [in Russian].
3. Kupriyanov R.V. *Mezhlichnostnye konflikty v diade prepodavatel' – student: monografiia* [Interpersonal conflicts in the dyad teacher–student: monograph]. Kazan: KNITU, 2011, 196 p. [in Russian].
4. Mel'nichuk A.V. *Pedagogicheskie osnovy upravleniia konfliktami v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve: dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical bases of management of conflicts

in multicultural educational space: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Rostov on/D., 2004, 207 p. [in Russian].

5. Mitiyeva A.M. Konstruktivnoe upravlenie v vuze konfliktom innovatsionnogo razvitiia [Constructive conflict management at the university of innovation development]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 2014, no. 2, pp. 131–142 [in Russian].

6. Naumova L.D. K voprosu ob opredelenii poniatii «konflikt v pedagogicheskom protsesse» [On the question of the definition of «conflict in the pedagogical process»]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia* [Almanac of Modern Science and Education], 2009, no. 4(23), pp. 120–122 [in Russian].

7. Nikulina I.V. Prepodavatel' i student: prichiny vozniknoveniia konfliktov [Teacher and student: causes of conflicts] in *Modernizatsiia kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmenenii* [Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural changes]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2014, pp. 283–287 [in Russian].

8. Nikulina I.V. Konfliktologicheskaia kompetentnost' prepodavatelya vuza [Conflict competence of a teacher of a high school]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 9(120), pp. 222–226 [in Russian].

9. Sinyakova M.G., Symanyuk E.E. Upravlenie konfliktami v pedagogicheskom kollektive [Conflict management in the pedagogical collective]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia* [Advances in current natural sciences], 2010, no. 9, pp. 170–176 [in Russian].

10. Sokolov L.A. Vnedrenie novykh metodov vedeniia leksiionnykh zaniatii kak sposob neitralizatsii pedagogicheskikh konfliktov pri podgotovke spetsialista [Introduction of the new methods of lectures as a way to neutralize pedagogical conflicts in the preparation of an expert]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2014, pp. 67–71 [in Russian].

*I.V. Nikulina**

PHENOMENOLOGY OF PEDAGOGICAL CONFLICTS

The article reveals the essence of the phenomenon «pedagogical conflict», the causes of pedagogical conflicts from the perspective of students and teachers are described, the causes of innovative pedagogical conflict are viewed, the structure of conflict competence of the teacher is presented.

Key words: pedagogical conflict, conflictogenity, innovative pedagogical conflict, conflict competence.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.

The article received 15/XII/2015.

* *Nikulina Irina Vyacheslavovna* (nikulinaiv@yandex.ru), Department of Theory and Methods of Professional Education, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТА КОЛЛЕДЖА – БУДУЩЕГО МАСТЕРА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

В статье анализируется феномен «готовность студента колледжа – будущего мастера производственного обучения к профессиональному общению» в качестве важного условия его становления как профессионала. Выявлена значимость профессионального общения для профессионально-педагогической деятельности. Дана авторская интерпретация дефиниций «профессионально-педагогическое общение мастера производственного обучения» и «готовность студента колледжа – будущего мастера производственного обучения к профессиональному общению», а также раскрыта их сущность. Отмечено неудовлетворительное состояние образовательной практики в области готовности выпускников колледжа к профессиональному общению.

Ключевые слова: готовность, профессиональное общение, студент колледжа.

В современной социокультурной ситуации для подавляющего большинства видов профессиональной деятельности значимая роль, несомненно, принадлежит профессиональному общению, что особенно актуально для профессионально-педагогической деятельности мастера производственного обучения. Готовность к профессиональному общению выступает важным условием становления профессионала, свидетельствует об уровне профессиональной подготовки данного специалиста. А целенаправленная подготовка к профессиональному (профессионально-педагогическому) общению студента колледжа выступает неотъемлемой частью целостного воспитательного (образовательного) процесса в средней профессионально-педагогической школе.

Для грамотного проектирования и организации такой подготовки, несомненно, требуется научное осмысление понятий «профессиональное общение», «профессионально-педагогическое общение мастера производственного обучения» и «готовность к профессиональному общению студента колледжа», представление их основных параметров.

Проблема общения не нова, ее корни уходят в историю на двадцать столетий назад. В эпоху античности проблема общения рассматривалась исключительно в рамках риторики. Позднее она нашла свое отражение уже в эвристике, диалектике и других науках. Так, например, О. Кант впервые выделил «общение» в качестве «психологического акта», а Л. Фейербах определил «общение» как механизм человеческой индивидуальности. В XX столетии проблема рассматривалась в философии, социологии, психологии, педагогике.

С философских позиций (Г.С. Батищев, В.Ф. Берков, М.С. Каган и др.) «общение» представляется прежде всего как общественное проявление, что обуславливает

*© Самохвалова Е.М., 2016

Самохвалова Елена Михайловна (esadov@mail.ru), преподаватель, Поволжский государственный колледж, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 80.

его характер, направленность, содержание и формы. С социологических позиций (Г.М. Андреева, Е.С. Кузьмин, В.Н. Панферов, Б.Д. Парыгин и др.) – как взаимодействие людей; как отношение их друг с другом; как взаимовлияние их друг на друга. С психологических позиций (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев) – как познание человека человеком; как познание самого себя; как специфическая форма деятельности. С педагогических позиций (А.В. Мудрик, Б.Т. Лихачев и др.) – как механизм влияния общества на личность и ее социализацию, как «важнейшая среда духовного, общественного и личностного проявления человека, достижение взаимопонимания между людьми; духовно-психологическая основа педагогического процесса; главная сфера, в которой и через которую реализуются законы и принципы, правила воспитания, активно работают механизмы формирования личности, обучения и образования» [2, с. 219].

В современных исследованиях понятие «общение», являясь родовым по отношению к «профессиональному общению», определяется чаще всего как «сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека» [1, с. 213].

Предикат «профессиональное» вместе с родовым понятием «общение» образует специфику понятия «профессиональное общение». Поскольку «профессиональный» – относящийся к какой-то профессии, связанный с профессией [3, с. 813], а «профессия – относительно постоянный вид трудовой деятельности, требующий определенной подготовки [4, с. 381], то «профессиональное общение может осуществляться только в процессе профессиональной деятельности; всегда будет детерминировано не только спецификой профессиональной деятельности, ее целями, задачами, но и психологическими особенностями личностей его участников, социально-психологическими параметрами того социального объединения (коллектива, малой группы), которую они представляют, а также состоянием современного общества» [5, с. 21].

В исследованиях «профессиональное общение» рассматривается как средство профессиональной деятельности (В.С. Грехнев, А.В. Мудрик, Ю.П. Тимофеев, Е.В. Цуканова и др.); система приемов и методов, обеспечивающих реализацию профессиональной деятельности (А.В. Верещак, А.Д. Щербов и др.); официальный контакт с обратной связью (Л.В. Власова, В.К. Сементовская и др.); специфический вид деятельности (Г.М. Андреева, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов). Возникают различные определения этой дефиниции. Например:

– «содержательный (смысловой) процесс взаимодействия субъектов как носителей профессионального опыта с целью: а) обмена информацией в производственной ситуации; достижения согласия (понимания); в) функционирования профессиональной общности (актуализация профессиональной идентичности)» [6, с. 238];

– «общение между специалистами какой-либо области науки, техники, искусства, предполагающее использование профессиональных терминов и профессионализмов» [7, с. 221].

В нашем исследовании, опираясь на исследования ученых (С.Н. Батракова, С.В. Гринько, В.А. Кан-Калик, Н.В. Кузьмина, А.А. Леонтьев, А.К. Маркова, А.В. Мудрик, В.М. Рогинский и др.), «профессиональное общение» рассматриваем как *органичный компонент профессиональной деятельности, включающий систему приемов и методов, обеспечивающих реализацию ее целей и задач*. А «профессионально-педагогическое общение» – как его разновидность, присущая профессионально-педагогической деятельности мастера производственного обучения. Это позволяет дать такую авторскую интерпретацию дефиниции «профессионально-педагогическое общение мастера производственного» – *это система (умения, навыки и приемы) социально-психологического*

взаимодействия мастера производственного обучения и воспитуемых, содержанием которого является обмен информацией, оказание воспитательного воздействия, организация взаимоотношений с помощью коммуникативных средств, причем мастер производственного обучения выступает как активатор процесса, организуя его и управляя им.

Основными параметрами данного педагогического явления являются личностный контакт, возникающий между его участниками и реализующийся в процессе их взаимного восприятия друг другом; обмен информацией между ними посредством вербальных и невербальных средств; взаимодействие и взаимовлияние участников друг на друга. К его ключевым функциям следует отнести информационно-коммуникативную, регуляционно-коммуникативную и аффективно-коммуникативную. В его структуре выделяем коммуникативный, интерактивный и социально-перцептивный компоненты. Первый из них включает в себя цели, мотивы, средства (вербальные и невербальные), умения аргументированно излагать мысли, анализировать, осуществлять передачу рациональной и эмоциональной профессиональной информации, организовывать и поддерживать диалог. Второй связан с непосредственной организацией совместной профессиональной деятельности, содержит в себе соответствующие этому рациональные и эмоциональные факторы, умение управлять групповой динамикой, осуществлять профессиональную беседу, встречу, переговоры, занимать адекватную ролевую профессиональную позицию, формулировать требования, приказ, конструктивно разрешать производственные конфликты. Третий предполагает умение ориентироваться в складывающейся ситуации, умение слушать и слышать, правильно интерпретировать профессиональную информацию, понимать эмоциональное состояние других участников, прогнозировать их возможные реакции.

Отличительной особенностью данного педагогического явления становится его субъектность. Субъекты профессионального (профессионально-педагогического) общения наделены сознанием, опытом, обладают единым терминологическим аппаратом, принятыми в данном профессиональном сообществе, владеют профессиональными нормативами. В силу своей многоаспектности и полифункциональности профессиональное (профессионально-педагогическое) общение образует самые разные виды и формы: устное и письменное; монологическое и диалогическое; материальное, когнитивное, мотивационное, деятельностное; прямое и косвенное.

Обратимся к осмыслению понятия «готовность студента колледжа к профессиональному общению». «Готовность» рассматривается в научных исследованиях как установка (А.Г. Асмолов, А.С. Прангишвили, Д.Н. Узнадзе и др.); психическое состояние (А.Г. Ковалев, Л.А. Кондыбович, Н.Д. Левитов, В.Н. Месяшев и др.); качество, свойство личности (Т.И. Воронова, М.И. Дьяченко, А.А. Емельянова, Е.А. Савченко); интегративное профессионально важное качество (Т.Б. Гершкович, Г.Н. Жуков, Л.В. Кондрашова, Р.Д. Санжеева, С.Н. Фокеева и др.); уровень развития личности (К.Д. Коджаспирова). Существует большое число определений «готовности» к какой-либо деятельности.

Мы понимаем под *готовностью студента колледжа – будущего мастера производственного обучения к профессиональному общению* интегральное, динамическое профессионально-личностное образование, включающее в себя мотивационно-ценностные, когнитивно-познавательные, операционально-поведенческие, психофизиологические характеристики и субъективное состояние личности, осознающей себя, способной и подготовленной к успешному осуществлению профессионального общения в своей будущей профессионально-педагогической деятельности. Структурными компонентами этой готовности выступают мотивационно-ценностный, когнитивно-познавательный, операционально-поведенческий, психофизиологический и социально-психологический, которые имеют между собой прямую и обратную связь. Мотивационно-ценностный компонент включает в себя мотивы, цели, потребности, ценностные установки. Он определяет избирательную направленность личности на профессиональное общение;

потребность в принятии себя и присоединения к какой-либо социально-профессиональной группе; поиск связей с другими людьми-профессионалами; стремление к профессиональному сотрудничеству; отражает сформировавшееся ценностное мировоззрение и требования к профессиональному общению.

Когнитивно-познавательный компонент включает в себя совокупность теоретических знаний о профессиональном общении, способствующих осмыслению его сущности и специфики, пониманию его задач, оценке их значимости, выбору способов решения, а также ориентировочные умения, обеспечивающие выявление потребности в познании посредством профессионального общения.

Операционально-поведенческий компонент содержит конкретные умения, навыки и опыт, обеспечивающие успех в профессиональном общении, что позволяет использовать имеющиеся познания для постановки и решения задач профессионального общения, для конструирования оптимальной последовательности действий по достижению намеченных целей профессионального общения, для поддержания контакта, для оценивания и контролирования этого процесса.

Психофизиологический компонент отражает необходимое функциональное состояние организма, обеспечивающее предпосылки осуществления эффективного профессионального общения: интеллектуальные, эмоционально-волевые, физиологические свойства. Так, для профессионального общения исключительно важны внимание, воображение, эмоциональная устойчивость, эмоциональный отклик, способность подчинять/подчиняться воле других людей, эмпатия, мимика, жестикуляция, сенсорика.

Социально-психологический компонент — это комплекс качеств, связанных с конкретным социальным окружением, определяющих характер общения: коммуникативные, интерактивные и перцептивные качества. Среди них для профессионального общения важны: доброжелательность, уравновешенность, открытость к профессиональному общению, тактичность, доверчивость, стремление к профессиональному сотрудничеству, толерантность, коммуникабельность, ответственность, рефлексивность и другие личностные качества.

Особый научный интерес для нашего исследования представляют мнения исследователей о способах и инструментах обеспечения готовности студентов к профессиональному общению. Так, Е.Дж. Бойер, А. Саймон, Э. Стоунсон, Н. Фландерс предлагают использовать для этих целей образцы поведения педагога. В свою очередь, В.С. Грехов, В.А. Кан-Калик, Г.А. Китайгородская, Е.И. Пассов делают упор в этой связи на говорение, организацию диалогов, создание ситуаций общения. Вместе с тем Х. Алдер, В.М. Букатов, А.Б. Добрович, С.К. Макарова считают, что наибольший эффект в этом вопросе обеспечивают психотехника, социально-педагогические тренинги, нейролингвистическое программирование, имитационно-моделирующие игры.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство современных диссертационных исследований, посвященных формированию готовности студентов к профессиональному общению, имеют отношение к студентам вузов [8; 9], в то время как подобных исследований, применительно к студентам профессионально-педагогических колледжей крайне мало [10].

В реальной образовательной практике среднего профессионально-педагогического образования отмечается низкая готовность выпускников профессионально-педагогических колледжей к профессиональному общению. Так, проведенное нами исследование показало, что около 29 % опрошенных (208 выпускников колледжей) высказали сомнение о связи профессионального общения со становлением их как профессионалов; только 17,4 % из них в рейтинге своих ценностей выделили профессиональное общение. При этом значительная часть выпускников (73 %) с трудом осуществляют профессиональное общение в первоначальный период своей работы. А более 23 % из них не закрепляются на рабочих местах из-за отсутствия у них готовности к эффективному профессиональному общению.

Таким образом, нами установлено, что к настоящему моменту сложились определенные научные основания, сформирован ряд идей, положений и подходов к решению рассматриваемой проблемы. Однако ее научная разработка еще недостаточна. Особенно в той части, которая касается сферы среднего профессионально-педагогического образования, поскольку не содержит анализа специфики профессионально-педагогического общения мастера производственного обучения и готовности студента колледжа – будущего мастера производственного обучения к профессиональному общению как значимого компонента его будущей профессионально-педагогической деятельности и инновационных механизмов ее формирования. Имеющиеся научные результаты, с одной стороны, слабо востребованы образовательной практикой средней профессиональной школы, а с другой стороны, не всегда сопровождаются развернутыми научно-методическими рекомендациями по их использованию педагогами-практиками. Поэтому требуется продолжение исследований в этом направлении и обеспечение внедрения новых научных результатов в образовательную практику средней профессионально-педагогической школы.

Библиографический список

1. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко, под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
2. Лихачев Б.Т. Педагогика: курс лекций. М.: Юрайт-М, 2001. 607 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Изд-во «Оникс»; Изд-во «Мир образования», 2007. 1200 с.
4. Профессионально-педагогические понятия: словарь / сост. Г.М. Романцев, В.А. Федоров, И.В. Осипова [и др.]. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2005. 456 с.
5. Жуков Г.Н. Формирование профессиональной готовности студентов к деятельности мастера производственного обучения: монография. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2003. 336 с.
6. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. 600 с.
7. Словарь лингвистических терминов / сост. Т.В. Жеребило. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. 376 с.
8. Верещак А.В. Формирование готовности к профессиональному общению у курсантов ВУЗов МВД РФ: дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2010. 181 с.
9. Мутовкина О.М. Формирование у студентов технического ВУЗа готовности к профессиональному общению: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1999. 214 с.
10. Жуков Г.Н. Формирование готовности к профессионально-педагогической деятельности будущих мастеров производственного обучения: дис. ... д-ра пед наук. Екатеринбург, 2005. 423 с.

References

1. Kratkii psikhologicheskii slovar' / sost. L.A. Karpenko, pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo [Short psychological dictionary. Compiler L.A. Karpenko. A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky (Eds.)]. M.: Politizdat, 1985, 431 p. [in Russian].
2. Likhachev B.T. Pedagogika: kurs lektsii [Pedagogy: course of lectures]. M.: Iurait-M, 2001, 607 p. [in Russian].
3. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo iazyka [Dictionary of the Russian Language]. M.: Izd-vo «Oniks»; Izd-vo «Mir obrazovaniia», 2007, 1200 p. [in Russian].
4. Professional'no-pedagogicheskie poniatia: slovar' / sost. G.M. Romantsev, V.A. Fedorov, I.V. Osipova, O.V. Tarasiuk [Professional and pedagogical concepts: dictionary. Compilers: G.M. Romantsev, V.A. Fedorov, I.V. Osipova, O.V. Tarasyuk]. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU, 2005, 456 p. [in Russian].
5. Zhukov G.N. Formirovanie professional'noi gotovnosti studentov k deiatel'nosti мастера proizvodstvennogo obucheniia: monografiia [Formation of professional readiness of students to

the activities of the master of vocational training: monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU, 2003, 336 p. [in Russian].

6. Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskiy slovar' / pod obshch. red. A.A. Bodaleva [Psychology of communication. Encyclopedic dictionary. A.A. Bodaleva (Ed)]. M.: Kogito-Tsentr, 2011, 600 p. [in Russian].

7. Slovar' lingvisticheskikh terminov / sost. T.V. Zhrebilo [Glossary of linguistic terms. Compiler T.V. Zhrebilo]. Nazran: Izd-vo «Piligrim», 2010, 376 p. [in Russian].

8. Vereshchak A.V. *Formirovanie gotovnosti k professional'nomu obshcheniyu u kursantov VUZov MVD RF: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of readiness to the professional dialogue at the cadets of higher education institutes of the Russian Federation Ministry of the Interior: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Cheboksary, 2010, 181 p. [in Russian].

9. Mutovkina O.M. *Formirovanie u studentov tekhnicheskogo VUZa gotovnosti k professional'nomu obshcheniyu: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation at students of a technical college of readiness for professional communication: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Volgograd, 1999, 214 p. [in Russian].

10. Zhukov G.N. *Formirovanie gotovnosti k professional'no-pedagogicheskoi deyatelnosti budushchikh masterov proizvodstvennogo obucheniya: dis. ... d-ra ped nauk* [Formation of readiness for professional and pedagogical activity of future masters of vocational training: Doctor's of Pedagogical Sciences thesis]. Ekaterinburg, 2005, 423 p. [in Russian].

*E.M. Samohvalova**

READINESS OF A COLLEGE STUDENT – FUTURE MASTER OF VOCATIONAL TRAINING FOR PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article examines the phenomenon of «readiness of college students – future masters of vocational training for professional communication» as an important condition for its establishment as a professional. The importance of professional communication for professional and educational activities is revealed. The author's interpretation of definitions of «professional pedagogical communication of a master of vocational training» and «readiness of college students – future masters of vocational training for professional communication» as well as the disclosure of their identity is given. The poor state of educational practice in the area of preparedness of college graduates to the professional communication is noted.

Key words: readiness, professional communication, college student.

Статья поступила в редакцию 12/XII/2015.
The article received 12/XII/2015.

* *Samohvalova Elena Mikhailovna* (esadov@mail.ru), teacher, Volga State College, 80, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443099, Russian Federation.

ИЗ ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются результаты, полученные в процессе реализации технологий формирования готовности студентов вуза к смыслообразующей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: готовность, смыслообразование, профессиональная деятельность, самоопределение, формирование.

Проблема формирования готовности студентов вуза к смыслообразующей профессиональной деятельности является основной проблемой профессионального самоопределения, поскольку выбор тех или иных путей в ситуации профессионального самоопределения объясняется как внешними обстоятельствами, так и внутренними факторами. После завершения обучения в университете многие студенты не могут найти себе применение на рынке труда. По данным Росстата [1] за 2014 год, лишь 15 % российских студентов готовы к осознанной профессиональной деятельности в рамках той специальности, которая была ими выбрана на момент поступления в вуз. Следовательно, 85 % студентов имеют низкий уровень готовности к смыслообразующей профессиональной деятельности.

Опрос студентов Пензенского государственного университета, Пензенской государственной технологической академии и Пензенской государственной сельскохозяйственной академии был направлен на определение цели поступления в вуз (выборка составила 200 человек). В результате обработки полученных данных выяснилось, что низкий уровень готовности обучающихся к смыслообразующей профессиональной деятельности обусловлен причинами поступления в вуз:

- готовился со школы, мечтал с детства – 8 % (16 чел.);
- современная профессия – 7 % (14 чел.);
- получение отсрочки от армии – 4 % (8 чел.);
- воля родителей – 10 % (20 чел.);
- необходимость получения высшего образования – 52 % (104 чел.);
- достаточность баллов, полученных на ЕГЭ – 19 % (38 чел.).

Итак, более половины опрошенных студентов (52 %) выбрали ту или иную профессию с целью получения высшего образования, и лишь 8 % опрошенных выбрали осознанно специальность. Предполагаем, что на момент завершения обучения лишь 8 % студентов будут иметь высокий уровень готовности к смыслообразующей профессиональной деятельности. Остальные не смогут найти применения по выбранной специальности на рынке труда, поскольку профессиональная готовность связана с личностным самоопределением. Исследователи (М.Р. Гинзбург, В. Франкл) личностное самоопределение связывают с ценностями, с потребностями поиска и определения смысла жизни, с ориентацией на будущее [2; 3], описывается «самоопределяющая»

* © Борзенко О.В., 2016

Борзенко Ольга Викторовна (olg-borzenk@yandex.ru), кафедра педагогики и психологии профессионального образования, Пензенский государственный университет, 440017, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

яся личность» как ориентированная на групповые, коллективные и общественные ценности [4]. К.А. Абульханова-Славская в самоопределении личности выделяет осознанное стремление занять определенные позиции в жизни, как проявление собственной активности [5].

Для будущего специалиста получаемая профессия выступает в качестве средства жизненного самоопределения, выбора рода деятельности: профессиональная ориентация, профессиональная консультация, профессиональная пригодность. Главной целью профессионального самоопределения, по мнению Н.С. Пряжникова, является «постоянное формирование у обучающихся внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего развития (профессионального, жизненного и личностного), самостоятельному поиску лично значимых смыслов в конкретной профессиональной деятельности» [6]. Исследователь выделяет специфические задачи профессионального самоопределения:

1. Постоянное формирование общей готовности к будущей трудовой жизни и профессиональному самоопределению.
2. Психолого-педагогическая помощь в профессиональном выборе (профессионального учебного заведения, профессии и специальности, места работы).
3. Психолого-педагогическая помощь при овладении уже выбранной профессией в профессиональном учебном заведении, на работе.
4. Самосовершенствование при выполняемой трудовой деятельности.
5. Освоение смежных видов профессионального труда [6, с. 34].

Идеальное представление о себе как будущем профессионале и личности, имеющей определенную социальную роль и общественный статус, базируется на основе профессионального Я: «Для формирования этого образа (Я-профессионального) необходим достаточно высокий уровень самосознания, позволяющий адекватно определять свои способности и возможности для овладения конкретной профессией (специальностью)» [7, с. 76]. Следовательно, профессиональное самоопределение – это определенный способ оптимизации отношений человека с профессией.

Формирование готовности студентов вуза к смыслообразующей профессиональной деятельности предполагает определение смысложизненных ориентаций (методика Д.А. Леонтьева); ценностных ориентаций личности (Ш. Шварц); предрасположенности студента к определенному типу профессий (дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова); профессионально важных качеств (А.В. Батаршев) и др.

В целях выявления основных закономерностей реализации исследуемого процесса более подробно остановимся на ценностных ориентациях личности и смысложизненных ориентациях.

Исследование проводилось на базе Пензенского государственного университета. В эксперименте приняли участие бакалавры 1 года обучения – 44 человека. В ходе проведения исследования были сформированы две группы обучающихся: контрольная и экспериментальная. В обеих группах по 22 человека.

На этапе диагностики по методике Ш. Шварца в контрольной группе наиболее значимыми ценностями являются духовные (7 %); безопасность (8 %); гедонизм (72 %); самостоятельность (13 %). В круг наименее значимых вошли: универсализм (30 %); конформность (32 %); традиции (10 %). В экспериментальной группе наиболее и наименее значимыми ценностями стали те же категории, что и в контрольной группе. Процентное соотношение было практически одинаковым (рис. 1, рис. 2).

Гедонизм с большим процентным соотношением преобладает в обеих группах (контрольная – 72 %, экспериментальная – 77 %), наименьший процент дал показатель «духовность». Наименее значимыми ценностями являются универсализм, конформность и традиции. Следует отметить, что конформность преобладает в обеих группах (контрольная – 60 %, экспериментальная – 48 %).

Рис. 1. Экспериментальная группа. Наиболее значимые ценности (на начало года)

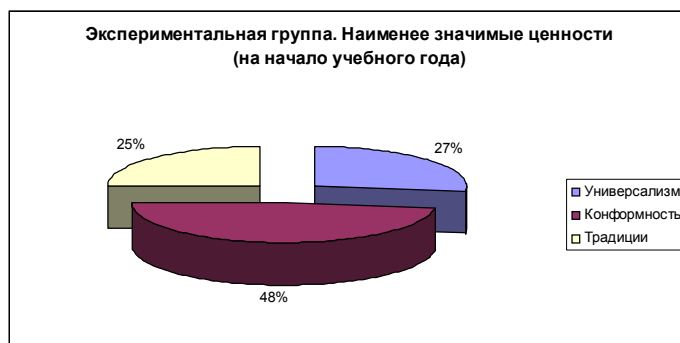

Рис. 2. Экспериментальная группа. Наименее значимые ценности (на начало года)

В течение учебного года в экспериментальной группе создавались социальные проекты, проводились сюжетно-ролевые игры, организовывалась волонтерская деятельность, проводились беседы о нравственно-этических и моральных ценностях, решались задачи «на смысл», задачи «на жизнь» [8, с. 184]. Утверждается, что «сознание формируется в результате решения двух задач: задачи познания реальности и задачи на открытие смысла» [8, с. 184].

В начале учебного года обучающимся предлагались готовые смысловые задачи (Д.А. Леонтьев), во втором полугодии экспериментальная группа делилась на подгруппы, участники которых сами придумывали задачи и обменивались ими для решения, формулируя проблему, находя несколько путей выхода из сложившейся ситуации, отмечая плюсы и минусы каждого решения, давая рекомендации в пользу того или иного предложенного ранее решения.

В середине учебного года в обеих группах было проведено повторное исследование. В контрольной группе результаты остались практически такими же, как и были в начале года. В экспериментальной группе получены иные результаты: наиболее значимые ценности – духовность (31 %); безопасность (9 %); гедонизм (50 %); самостоятельность (10 %). Наименее значимые ценности: универсализм (35 %); конформность (37 %); традиции (28 %). Определяющими ценностями являются: духовные (смысл жизни, истинная дружба, право на уединение, зрелая любовь, здоровье физическое и душевное) – 47 %; безопасность (социальный порядок, безопасность семьи) – 16 %. Итак, для студентов характерно обретение гармонии и стабильности, важной ценностью становится социальный порядок, безопасность семьи, взаимное расположение, взаимопомощь, чистота, чувство принадлежности, здоровье; гедонизм (удовольствие, наслаждение жизнью, потворствие своим желаниям) – 21 %; самостоя-

тельность (креативность, самостоятельность, любознательность, свобода) – 16 %, что свидетельствует о самостоятельности при выборе способов действия, о творчестве и исследовательской активности.

Наименьшую значимость дали такие ценности, как универсализм (единство с природой, мир красоты, защита окружающей среды) – 42 %; конформность (послушный) – 32 %; традиции (скромный, принимающий жизнь, благочестивый) – 26 %. Студенты не проявляют таких качеств, как толерантность, не стремятся придерживаться единых ценностей и правил окружающего их социума, в наименьшей степени проявляют уважение к традициям, обычаям, которые существуют в культуре.

Таким образом, на конец учебного года у обучающихся экспериментальной группы по сравнению с началом года показатель духовных ценностей вырос на 37 %, безопасности – на 11 %, гедонизм уменьшился на 56 %, самостоятельность возросла на 8 %, универсализм с 27 % вырос до 42 %, конформность – с 48 % снизился до 32 % (рис. 3, рис. 4).

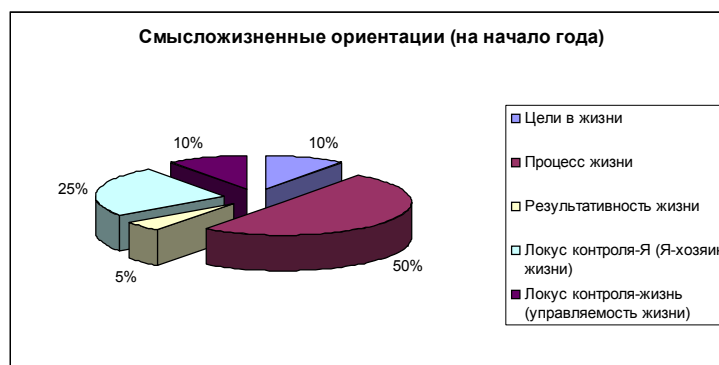

Рис. 3. Смысложизненные ориентации (на начало года)

После проведения эксперимента результаты экспериментальной группы изменились.

Рис. 4. Экспериментальная группа. Смысложизненные ориентации (на конец учебного года)

Итак, в экспериментальной группе вырос на 62 % показатель «цели в жизни, их наличие»; значение показателя «эмоциональная насыщенность» сократилось на 39 % и составило 11 %; «результативность жизни» – рост на 1 %; локус контроля-Я (Я-хозяин жизни) снизился на 20 %, а локус контроля-жизни сократился на 4 % (см. таблицу).

Таблица

Смысложизненные ориентации (экспериментальная группа)

	Начало года (%)	Конец года (%)
Цели в жизни	10	72
Процесс жизни	50	11
Результативность жизни	5	6
Локус контроля-Я	25	5
Локус контроля-жизнь	10	6

Также на протяжении всего учебного года студенты писали эссе и создавали рисунки, в которых отражали собственное видение жизненного мира и истинных, на их взгляд, ценностей. В конце учебного года обучающимися была создана презентация-путеводитель в виде напутствия будущим бакалаврам – «Путеводитель по жизни».

Таким образом, анализ сущностных характеристик самоопределения личности в процессе формирования готовности студентов вуза к смыслообразующей профессиональной деятельности позволяет конкретизировать механизмы смыслообразования: жизненные смыслы как атрибут жизненного мира человека; устойчивая, стержневая система смыслов.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о положительной динамике формирования готовности студентов вуза к смыслообразующей профессиональной деятельности, что снижает риск оказаться невостребованными на рынке труда.

Библиографический список

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>.
2. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–26.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
4. Возвращение к нравственности: в помощь учителю / сост. и науч. ред. Г.П. Ников. Уфа: Башгоспединститут, 1993. 137 с.
5. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 2000.
6. Пряжников Н.С. Теория и практика профессионального самоопределения: учеб. пособие. М.: МГППИ, 1999. 97 с.
7. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и профессиональное самоопределение личности: практическое руководство по психологической диагностике. СПб.: Речь, 2005. 208 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.
9. Юнг К.Г. Эон. 2-е изд. М.: Академический проект, 2009.

References

1. Official site of the Federal State Statistics Service. Retrieved from: <http://www.gks.ru/> [in Russian].
2. Ginzburg M.R. Lichnostnoe samoopredelenie kak psikhologicheskaja problema [Personal self-determination as a psychological problem]. *Voprosy psikhologii*, 1988, no. 2, pp. 19–26 [in Russian].
3. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man's search for meaning]. M.: Progress, 1990 [in Russian].
4. Vozvrashchenie k нравственности: v pomoshch' uchiteliu / sost. i nauch. red. G.P. Nikov [The return to morality: in aid of a teacher. Compiler and scientific editor G.P. Nikov]. Ufa: Bashgospedinstitut, 1993, 137 p. [in Russian].

5. Abul'hanova-Slavskaja K.A. Deiatel'nost' i psikhologiiia lichnosti [Activity and psychology of personality]. M.: Nauka, 2000 [in Russian].
6. Prjazhnikov N.S. Teoriia i praktika professional'nogo samoopredeleniia. Uchebnoe posobie [Theory and practice of professional self-determination. Textbook]. Moscow, MGPI, 1999, 97 p. [in Russian].
7. Batarshhev A.V. Bazovye psikhologicheskie svoistva i professional'noe samoopredelenie lichnosti: Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologicheskoi diagnostike [Basic psychological characteristics and professional self-identification: Practical guide to psychological diagnosis]. SPb.: Rech', 2005, 208 p. [in Russian].
8. Leontiev D.A. Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2-e izd. [Activity. Consciousness. Personality. 2nd edition]. M.: Politizdat, 1977 [in Russian].
9. Jung C.G. Eon. 2nd edition. M.: Akademicheskii proekt, 2009 [in Russian].

*O.V. Borzenko**

FROM THE EXPERIENCE OF FORMATION OF READINESS OF STUDENTS FOR THE SENSE-MAKING PROFESSIONAL ACTIVITY

The article discusses the results and conclusions obtained in the process of realization of the technology of formation of readiness of students for the sense-making professional activity.

Key words: readiness, meaning-making, professional activity, self-determination, formation.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Borzenko Olga Viktorovna* (olg-borzenk@yandex.ru), Department of Pedagogics and Psychology of Professional Education, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440017, Russian Federation.

ИНТЕНСИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – СТРАТЕГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Целью данной статьи является постановка проблемы иноязычного образования студентов неязыковых специальностей. Рассматриваются пути достижения образовательного результата в виде интегративной характеристики – языковая личность. Доказывается актуальность интенсивного образования как вида учебного процесса, повышающего международную конкурентоспособность выпускников вуза, снимающего языковые барьеры; устанавливается приоритетность коммуникативного метода при обучении общению на иностранном языке и интенсивного метода, активизирующего коммуникативную, интерактивную, перцептивную функции общения. Теоретические положения подтверждаются педагогической практикой.

Ключевые слова: интенсивное образование, активные методы, языковой барьер, интенсивный метод, языковая личность.

Вхождение России в глобальное культурно-образовательное пространство ставит перед вузами задачу подготовки студентов к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, языковой культурой. Таким образом, появился запрос на эффективные технологии обучения иностранным языкам. Ответом на данный запрос являются активные методы обучения, применение которых должно осуществляться в соответствии с тенденциями гуманизации и гуманитаризации высшего профессионального образования.

Интенсивное образование. Интернационализация образовательных систем (создание национальных исследовательских университетов), интеграция России в общеевропейское и глобальное образовательное пространство ставят перед преподавателями иностранного языка задачу повышения международной конкурентоспособности студентов. Требуются инновационные подходы к созданию условий (организационных, методических) для обогащения общекультурного кругозора специалиста, чему способствует интенсивное изучение иностранного языка.

Интенсивное образование позволяет строить учебный процесс, вовлекая личностный и психофизиологический потенциал студента, направляя его на качественное достижение образовательных целей при оптимальных затратах ресурсов. Наиболее адекватными интенсивному образованию являются активные методы обучения, среди которых метод социального взаимодействия представляется значительным образовательным ресурсом, интенсифицирующим освоение иноязычной лексики. Исследователями изучена проблема продуктивности этого метода (С.В. Киселев, К.К. Платонов, В.Е. Рожнов, Д.Н. Узнадзе и др.); вскрыты механизмы стимулирования активности личности в процессе изучения иностранного языка (Г.А. Китайгородская, В.В. Петрусинский и др.), доказана сила суггестии. В итоге сделан вывод о том, что продуктивность усвоения информации

* © Храмцова А.Б., 2016

Храмцова Анна Борисовна (ash-wave@yandex.ru), кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

повышается, если применяются методы, опирающиеся на неосознанные компоненты психической деятельности (И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Е.И. Пассов, И.Ю. Шехтер и др.). Изучение сущности суггестии и ее внедрение в различные виды человеческой деятельности доказало продуктивность активизации всех сторон психической деятельности, в том числе и речевой деятельности.

Сегодня дисциплина «Иностранный язык» на неязыковых факультетах выполняет мировоззренческую, коммуникативную, культурно-образовательную, профессионально-ориентированную функции. Вместе с тем качество обучения иностранному языку не соответствует в полной мере заданным уровням: большое количество студентов неязыковых специальностей не владеет им в соответствии с нормами, знают лишь отдельные слова и фразы. Во-первых, это происходит из-за того, что изучение иностранного языка требует много усилий, времени, терпения, усидчивости. Во-вторых, языковая компетентность приобретается постоянной практикой, общением с носителями языка. Таким образом, возникает потребность в поиске других средств, максимально приближающих процесс обучения иностранному языку к реальности, стимулирующих к активной работе в аудитории, и к выполнению домашних заданий [11]. Для некоторых студентов характерным является языковой барьер при изучении иностранного языка, мешающий продуктивному общению, уверенному выражению своих мыслей средствами иностранного языка. Языковой барьер провоцируется преобладанием упражнений на грамматику и правописание, рождающим боязнь сделать ошибку, быть непонятым. Языковой барьер – это прежде всего проблема психологического характера, а уже потом лингвистического. Условия обучения иностранному языку могут вызывать страхи. Так, исправления языковых ошибок студента может создать языковой барьер, для снятия которого необходимо учитывать психологические особенности каждого студента. Потеря уверенности происходит и в тот момент, когда при переводе на иностранный язык длинной и красивой фразы студенту не хватает словарного запаса и знания грамматики.

Мотивация к изучению иностранного языка или ее отсутствие также вызывают языковой барьер. Создание коммуникативных ситуаций на занятиях по иностранному языку, созвучных интересам студента, может способствовать преодолению данного барьера [8; 9]. Ситуации общения, предполагающие высказывание своего мнения, согласия или несогласия с мнением другого, эмоционально воздействуют на студента, выводя его за рамки языкового барьера. Заметим, что не существует единого толкования термина «языковой барьер». Исследователи данной проблемы и люди, владеющие в той или иной мере иностранным языком, расходятся в своих точках зрения.

Неспособность общаться на иностранном языке не является причиной его незнания. Имея большой словарный запас и хорошее знание грамматических структур, можно не уметь выражать элементарные мысли, поэтому исследователи объясняют языковой барьер «трудными ситуациями общения, возникающими как следствие незнания основных правил и норм межличностного общения; незнанием особенностей культуры страны изучаемого языка; неумением и неподготовленностью к речепорождению на иностранном языке; неподготовленностью к самому факту существования трудностей межкультурного общения» [1]. Передающие информацию и получающие ее могут испытывать отрицательное влияние языкового барьера – «непонимание в силу неверного кодирования или неверного истолкования передаваемых сообщений» [4], что делает общение невозможным.

Придерживаясь точки зрения, что языковой барьер обусловлен неспособностью человека, как не владеющего, так и владеющего определенным словарным запасом и грамматическим материалом, воспринимать и продуцировать спонтанную речь в любой иноязычной среде по причине неуверенности в своих знаниях. Наблюдения за студентами неязыковых специальностей показали, что у них отсутствуют навыки устной речи даже на родном языке. Таким образом, приоритетным становится коммуникативный метод обучения общению на иностранном языке. Доказано, что общение в

аудитории только на изучаемом иностранном языке с первого учебного занятия является одним из самых действенных способов преодоления языкового барьера. Главным принципом становится максимальное погружение студента в языковой процесс при минимальном обращении к родному языку. Исключаются механически воспроизводимые упражнения игровыми ситуациями, заданиями на поиск ошибок, сравнениями и сопоставлениями, подключающими не только память, но и логику. Языковой барьер устраняется с помощью игровых технологий обучения [5], работой в группах, когда есть возможность выслушать различные мнения и адекватно на них отреагировать. Эффективным дополнением к занятиям являются ежедневные просмотры англоязычных телепередач или общение в англоязычных чатах, разрушающие языковые барьеры.

Для активного использования языка, как средства общения, необходимо знать его социокультурные аспекты, что позволит преодолеть культурный барьер. Исследователи подтверждают необходимость формирования у студентов чисто практических навыков общения на иностранном языке в ходе приобретения культурологических знаний: «Двусторонняя направленность учебных материалов по иностранному языку, предусматривающая ту или иную степень сравнения двух культур, помогает избежать многих срывов в процессе коммуникации» [5; 6]. Сторонники социокультурного подхода к изучению иностранного языка утверждают, что язык теряет жизнь, когда ставится цель овладеть только лексико-грамматическими формами, поскольку язык, как и личность, является компонентом культуры. Незнание норм и традиций общения носителей другой культуры вызывает культурный шок (culture shock) [3].

Результаты нашего исследования мотивации к изучению иностранного языка студентами неязыковых специальностей показывают, что большинство из них хотят овладеть навыками иностранного языка, понимают его значимость в дальнейшей профессиональной деятельности, но в силу определенных трудностей его изучения теряют желание освоить его продуктивно. Объяснением данных результатов, во-первых, могут быть объективные трудности (недостаточное количество часов, выделенное на изучение иностранного языка; уровень сформированности навыков коммуникативной компетенции у студентов и отсутствие естественной языковой среды); во-вторых, субъективные трудности (стимулы и желание студентов изучать иностранный язык, наличие коммуникативных способностей).

Формы реализации интенсивного метода. Новый статус английского языка – язык международного общения, международного сотрудничества – активизирует функции общения: коммуникативную, интерактивную, перцептивную. Необходимость обучения английскому языку студентов всех специальностей за короткое время (небольшое количество часов в неделю) ставит задачу поиска методов, активизирующих речевую деятельность. В силу обстоятельств особую значимость приобретает интенсивный метод (быстрый, усиленный, напряженный). Востребованный в 80-е годы метод активизации речевых возможностей личности (разработан болгарским психотерапевтом Г. Лозановым, внедряемый в практику обучения английскому языку Г.А. Китайгородской) ставил задачей свободное общение [7].

Данный метод одновременно решает несколько проблем: лингвистическую (словарный объем осваивается для всех видов речевой деятельности, при этом формируется коммуникативное ядро в виде набора фраз и умений их применять в разных ситуациях); социально-психологическую (скорость освоения большого объема лексики требует волевых усилий, неосознанность речи в силу усвоения грамматических и лексических средств формирует речевую потребность и потребность применять их в профессиональной деятельности); психотерапевтическую (преодоление барьера страха перед речепроизводством, свобода в построении фраз).

Среди методов активного обучения имитационные методы на первый план выдвигают задачу погружения в профессиональную деятельность созданием конкретных

ситуаций, стимулирующих сознательное и самостоятельное изучение иностранного языка. Занятие строится на интересе и организации межличностного общения [2]. Значительно усложняется деятельность преподавателя, активизирующего речевые возможности студента, исходя из возможностей студенческого коллектива. Свободное общение на английском языке обеспечивается положительными межличностными отношениями – оптимальным условием для самореализации каждого студента в коллективе. Благоприятный психологический климат обладает психотерапевтическим эффектом, поддержанным преподавателем стимулирующими приемами к овладению устной речью: признание, уважение, внимание каждому, положительная оценка. Однако базовую основу для создания данного климата создают, во-первых, содержание; во-вторых, форма коллективного взаимодействия. Содержание изучаемого иностранного языка отбирается на основе принципов, адекватных сути интенсивной методики: минимизации, коммуникативной ценности, аутентичности.

Коллективное взаимодействие строится по законам ролевого общения, плотность которого обеспечивается высказываниями, сообщениями, вопросами, реакцией на речевое взаимодействие, личностным отношением к происходящему. Ролевая игра, как метод активного обучения, позволяет решать одновременно учебные и психологические задачи, разрушая или предупреждая языковые барьеры. Ролевые игры активизируют опыт общения на иностранном языке, тем самым мотивируя речевую деятельность и повышая интерес к иностранному языку. Участвуя в ролевой игре, студенты оказываются в ситуации, когда приходится говорить, задавать вопросы, выяснять, уточнять, чем-то делиться с собеседником. В силу непредсказуемости содержание беседы может меняться, но ее участникам всегда приходится целенаправленно слушать друг друга, отвечать на вопросы или задавать уточняющие вопросы, начинать беседу и поддерживать ее, прерывать собеседника, соглашаться с ним или опровергать его мнение. В ролевой игре преодолевается барьер неуверенности, когда непроизвольно приходится запомнить и понять реплику партнера, правильно отреагировать на нее, соотнести ее с конкретной ситуацией. Так, для мобилизации знаний и приобретения умений решать профессиональные задачи средствами иностранного языка, для ориентации в профессиональных ситуациях мы применяем на занятиях со студентами юридической специальности игру-инсценировку «Судебное заседание», игру-дискуссию «Выступление в суде защитника-обвинителя, судьи». Стиль поведения специалиста обусловлен правилами-механизмами реализации законодательства, в силу чего студент-юрист должен иметь представление об организации и проведении таких заседаний. С этой целью проводится игра проект «Ступени судебного процесса», стимулирующая активность и волевые усилия, вызывающая интерес к теме. Активная рефлексия способствует повышению мотивации [10].

Однако каждой ролевой игре, с нашей точки зрения, должны предшествовать различного вида упражнения, например: языковые (для формирования фонетических, орфографических, грамматических и лексических навыков); речевые (для развития речевых умений, имеющих коммуникативную задачу, связанную с реальным высказыванием); ситуативные (для развития экстралингвистической задачи, требующей разрешения той или иной ситуации, например, договориться о чем-либо); игровые (для создания на занятии атмосферы естественного общения). Целью упражнений становится подготовка студентов к использованию лексики и речевых структур в высказываниях по теме. Таким образом, активизируется познавательная деятельность каждого студента в отдельности и всей группы, усваивается максимальный объем информации иноязычного характера. Применение упражнений должно быть целесообразным (соответствовать заданным целям и задачам), ситуативно отнесенным (для грамматической или лексической конструкции отбираются ситуации, в которых эти конструкции реально употребляются в речи); соответствующим стадиям становления языковых навыков и умений (переход от имитативных упражнений к самостоятельному их продуцированию, на основе тренировки той

или иной языковой нормы). Трансформированные задачи (перевод, составление монолога) заменяются задачами оценки содержания профессиональной ситуации, задачами-упражнениями на изучение группой профессиональной ситуации с целью выработки плана действий, задачами-разбором научных статей).

Преимущество ролевых игр заключается в том, что речевая деятельность организуется в социальном контексте с учетом темы, времени, отношений между взаимодействующими. Главное – приближение процесса общения к реальной жизни. Отличительные признаки ролевого общения: партнерство, творческая обстановка, проблемность, объем информации, условия самопрезентации. Воображаемые ситуации позволяют создать ситуации когнитивного конфликта, который разрешается речевыми средствами, формирующими у обучающихся следующие умения: выбирать языковые средства в соответствии с ситуацией, отстаивать свою точку зрения, склоняться к компромиссу, находить пути устранения конфликта, менять тактику поведения, употреблять этикетные формулы (благодарность, просьба, согласие, возражение и др.).

Основными методическими постулатами преподавателя иностранного языка становится методический принцип коллективного взаимодействия, способствуя возникновению у студента стимула к учению в результате психологической поддержки (внимание, признание окружающими). Основным средством овладения иностранным языком становится общение с партнерами по группе.

Результат интенсивного обучения иностранному языку. Главный показатель успешности специалиста является способность устанавливать и поддерживать эффективную коммуникацию, в том числе и на иностранном языке. Восприятие, переработка, передача информации – основа интеллектуальной деятельности реализуется в акте речи (письменной и устной). Проблема подготовки специалиста нового типа обусловлена задачей формирования языковой личности. Профессиональное общение выходит за рамки национальной коммуникации. Мировые стандарты предъявляются к качеству продукции и к качеству ее продвижения, что обусловлено языковым воздействием на клиентов и компаньонов. Языковая компетентность способствует успешному профессиональному взаимодействию. Сегодня широко используется междисциплинарный термин «языковая личность». Это прежде всего – носитель языка, способный к речи; это совокупность способностей использовать язык как средство общения; это национально-культурный прототип носителя определенного языка; это способности и характеристики человека, обуславливающие создание и воспроизведение им речевых текстов (Г.И. Боган, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, С.А. Сухих и др.). Формирование языковой личности происходит в результате целенаправленного, методически оснащенного обучения нормам речевого общекультурного и профессионального общения, профессиональной ментальности. Выделяются критерии оценки уровня сформированности языковой личности специалиста: богатство словарного запаса, знание норм профессионального речевого этикета, наличие коммуникативных умений и навыков, готовность к речевому взаимодействию, активное применение умений и навыков в собственной речевой практике. Проблема языковой личности также актуализирует задачу отбора методов обучения иностранному языку. Понимание носителя другого языка может быть достигнуто при условии, что реципиент компетентен не только в языковом, но и социокультурном коде. Языковая личность является носителем не только языка, но и определенной языковой картины мира. Изучение человеческой деятельности с ее культурно-исторической спецификой позволяет войти в инофонное сообщество, понять содержание социального поведения. Главной предпосылкой адекватного межкультурного понимания устной речи становится общность знаний, с этой целью включаем в обучение иностранному языку аутентичные тексты. Так, студенты физики обращаются к аутентичным текстам: «Планета Юпитер», «Оптоволоконный эндоскоп», «Физики с мировым именем». осмысление текстов происходит в разных формах (монолог, диалог, полилог), что позволяет приобрести способности к освоению иностранного языка как предпосылки становления языковой личности.

Таким образом, интенсивное обучение иностранному языку на неязыковых специальностях вуза ставит студента в центр учебного процесса, где он является активным субъектом иноязычной речевой деятельности. Метод активизации речевых возможностей задает практическую направленность учебного процесса, когда изучение иностранного языка соответствует повседневной профессиональной лексике, применение которой при решении коммуникативных задач не вызывает речевых барьеров.

Библиографический список

1. Бернштейн В.Л. Пути формирования межкультурной коммуникативной компетенции на уроке иностранного языка // *Преподавание иностранных языков и культур: проблемы, поиски, решения (Лемпертовские чтения – VII): материалы Международ. науч.-метод. симпозиума (Пятигорск, 19–20 мая 2005 г.)*. Пятигорск, 2005. С. 48–49.
2. Борозенец Г.К. Иновационные технологии суггестивно-коммуникативного обучения иностранному профессиональному общению на аутентичном учебном материале. М.: НТЦ «Развитие»; Тольятти: ТГУ, 2001. 90 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. руководство. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1983. 290 с.
4. Ветрова О.Г. Лингвистические проблемы межкультурной англоязычной коммуникации в крэш-курсе культурного погружения (crash-course of overseas cultural immersion) // *Преподавание иностранных языков и культур: проблемы, поиски, решения (Лемпертовские чтения – VII): материалы Международ. науч.-метод. симпозиума (Пятигорск, 19–20 мая 2005 г.)*. Пятигорск, 2005. С. 54–55.
5. Горбунова Н.В. Формы и методы обучения иностранному языку в саморазвитии культуры профессионально-делового общения // *Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков*. М.: Изд-во Московского университета, 2000. Вып. IV. С. 106–109.
6. Загряжская Т.Ю. Учебные пособия и диалог культур // *Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков*. М.: Изд-во Московского университета, 2000. Вып. IV. С. 5–6.
7. Китайгородская В.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. М.: Издательство Московского университета, 1986. 175 с.
8. Руднева Т.И. Средства формирования коммуникативной компетенции студентов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2012. Т. 14. № 2–3. С. 634–638.
9. Храмцова А.Б. Рациональное и эмоциональное в системе коммуникативного образования студентов // *Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки*. 2015. № 3. С. 166–169.
10. Храмцова А.Б. *Legal English: учебное пособие*. Сызрань: Издательство «Ваш взгляд», 2014. 152 с.
11. Harmer J. *The Practice of English Language Teaching*. England: Pearson Education Limited, 2001, 370 p.

References

1. Bernshtein V.L. Puti formirovaniia mezhkul'turnoi kommunikativnoi kompetentsii na uroke inostrannogo iazyka [Ways of cross-cultural communicative competence formation at a foreign language lesson]. *Prepodavanie inostrannykh iazykov i kul'tur: problemy, poiski, resheniia (Lempertovskie chteniia – VII): materialy Mezhdunar. nauch.-metod. simpoziuma (Piatigorsk, 19–20 maia 2005 g.)* [Teaching foreign languages and cultures: problems, searches, decisions (Lempertovsky readings - VII): materials of International research and methodology symposium (Pyatigorsk, May 19-20, 2005)]. Pyatigorsk, 2005, pp. 48–49 [in Russian].
2. Borozenets G.K. Inovatsionnye tekhnologii suggestivno-kommunikativnogo obucheniiia inostrannomu professional'nomu obshcheniiu na autentichnom uchebnom materiale [Innovative technologies of foreign professional interaction suggestive and communicative training in an authentic training material]. М.: NTTs «Razvitiie»; Togliatti: TGU, 2001, 90 p. [in Russian].
3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Iazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo: metod. rukovodstvo. 3-e izd., pererab. i dop [Language and culture: regional geography through language in teaching Russian as foreign: study guide. 3rd edition, revised and enlarged]. М.: Russkii iazyk, 1983, 290 p. [in Russian].

4. Vetrova O.G. Lingvisticheskie problemy mezhkul'turnoi angloiazychnoi kommunikatsii v kresh-kurse kul'turnogo pogruzheniia (crash-course of overseas cultural immersion) [Linguistic problems of cross-cultural English-language communication in crash-course of overseas cultural immersion]. *Prepodavanie inostrannykh iazykov i kul'tur: problemy, poiski, resheniia (Lempertovskie chteniia – VII): materialy Mezhdunar. nauch.-metod. simpoziuma (Piatigorsk, 19–20 maia 2005 g.)* [Teaching foreign languages and cultures: problems, searches, decisions (Lempertovsky readings - VII): materials of International research and methodology symposium (Pyatigorsk, May 19–20, 2005)]. Pyatigorsk, 2005, pp. 54–55 [in Russian].

5. Gorbunova N.V. Formy i metody obucheniia inostrannomu iazyku v samorazvitii kul'tury professional'no-delovogo obshcheniia [Forms and methods of foreign language training in culture self-development of professional and business communication] in *Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov* [Problems of linguistics and foreign language teaching technique]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2000, Issue IV, pp. 106–109 [in Russian].

6. Zagryazkina T.Yu. Uchebnye posobiia i dialog kul'tur [Study guides and dialog of cultures] in *Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov* [Problems of linguistics and foreign language teaching technique]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2000, issue IV, pp. 5–6 [in Russian].

7. Kitaygorodskaya V.A. Metodicheskie osnovy intensivnogo obucheniia inostrannym iazykam [Methodical bases of intensive training in foreign languages]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986, 175 p. [in Russian].

8. Rudneva T.I. Sredstva formirovaniia kommunikativnoi kompetentsii studentov [Means of formation of communicative competence of students]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, Vol. 14, no. 2–3, pp. 634–638 [in Russian].

9. Khrantsova A.B. Ratsional'noe i emotsional'noe v sisteme kommunikativnogo obrazovaniia studentov [Rational and emotional in the system of communicative education of students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: nauchnyi zhurnal. Seriia «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki»* [Vestnik of Tver State Technical University: academic periodical. Series “Sciences about the society and the humanities”]. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2015, no. 3, pp. 166–169 [in Russian].

10. Khrantsova A.B. Legal English: uchebnoe posobie [Legal English: study guide]. Syzran: Izdatel'stvo «Vash vzgliad», 2014, 152 p. [in Russian].

11. Harmer J. The Practice of English Language Teaching. England: Pearson Education Limited, 2001, 370 p. [in English].

*A.B. Khrantsova**

INTENSIVE EDUCATION – STRATEGY OF STUDENTS VOCATIONAL TRAINING BY MEANS OF A FOREIGN LANGUAGE

The purpose of this article is foreign language education problem statement of non-language specialties students. Ways of educational result achievement in the form of the integrative characteristic – the linguistic identity are considered. Relevance of intensive education as the type of the educational process increasing the international competitiveness of university graduates, removing language barriers is proved; priority of a communicative method when training in communication in a foreign language and the intensive method intensifying communicative, interactive, perceptual functions of communication is established. Theorizes are confirmed by teaching practice.

Key words: intensive education, active methods, language barrier, intensive method, linguistic identity.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Khrantsova Anna Borisovna* (ash-wave@yandex.ru), Department of Foreign Languages and Professional Communication, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С РОДИТЕЛЯМИ

В статье рассматривается разработанная авторами модель подготовки студентов к психолого-педагогической работе с родителями. Обсуждаются подходы к понятию «готовность к профессиональной психолого-педагогической деятельности», его компоненты. Готовность к психолого-педагогической работе с родителями рассматривается как результат подготовки студентов в вузе.

Ключевые слова: модель подготовки студентов, готовность к психолого-педагогической работе с родителями.

В современной научной литературе достаточно часто возникает обсуждение проблем в основных сферах жизнедеятельности детей, подчеркивая, что нарушение прав ребенка приобрело в России масштаб национальной катастрофы [1]. На наш взгляд, одним из важных шагов, которые должны быть сделаны для изменения этой ситуации, является организация работы с родителями. Однако такая работа затруднена как в силу отсутствия мотивации родителей, так и недостаточно продуманной организацией работы по подготовке к ней студентов психолого-педагогических направлений.

Профессиональная подготовка студентов—будущих психологов-педагогов к работе с родителями — это есть процесс и результат освоения субъектами обучения системы профессиональных знаний; формирования основных психолого-педагогических умений (аналитико-диагностических, прогностических, конструктивно-организационных, коммуникативных, рефлексивных); повышения методологической культуры; развития таких важнейших профессионально-личностных качеств, как эмоциональная устойчивость, эмпатия и становления на этой основе профессиональных ценностных ориентаций.

Результатом подготовки является такой уровень готовности личности студента к профессиональной деятельности, который выражается в формировании, развитии и закреплении таких характеристик внутреннего мира и поведения, как когнитивные, мотивационные, коммуникативные, рефлексивные, творческие и нравственно-духовные.

Формирование профессиональной готовности студентов к психолого-педагогической работе с родителями обуславливается следующими идеями:

- современные родители — равноправные участники процесса интеллектуального, физического, нравственного, эстетического и психического развития ребенка на всех его возрастных этапах;
- школьное сообщество испытывает потребность в переходе от массовых форм работы с родителями к индивидуальным и групповым;
- необходимо построение психолого-педагогической работы с семьей на основе сотрудничества и диалога;

* © Долгополова А.В., Черкасова О.В., 2016

Долгополова Анастасия Вениаминовна (avdolgopolova@mail.ru), *Черкасова Ольга Викторовна* (cheregera@yandex.ru), кафедра педагогики, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

- возможность дифференцированного подхода к семье;
- необходимость психолого-педагогического сопровождения семьи, т. е. оказание систематической и целенаправленной психолого-педагогической поддержки как семье в целом, так и каждому члену семьи в отдельности;
- целесообразность психолого-педагогического консультирования родителей по вопросам обучения, воспитания и развития ребенка, основанного на диагностике и совместного анализа ее результатов;
- важность своевременной психолого-педагогической профилактики и коррекции отклонений детей в образовательном процессе.

Исходя из вышеизложенного, мы предполагаем, что процесс формирования профессиональной готовности будущих педагогов-психологов к работе с родителями включает в себя качественное переосмысление содержания подготовки в рамках заявленной проблемы; использование инновационных форм и методов обучения студентов; повышение профессиональной и личностной мотивации к данному виду профессиональной деятельности; введение в процесс обучения как можно большего количества занятий, имеющих практико-направленный характер.

Анализ исследования проблемы готовности к будущей психолого-педагогической деятельности показал, что она осуществляется в рамках таких направлений, как ценностно-мотивационное, психологическое, педагогическое, психолого-педагогическое, затрагивая при этом личностный, функциональный, личностно-деятельностные аспекты.

Например, М.С. Кобзев рассматривает готовность студентов к будущей профессиональной деятельности как состояние личности, вызывающее активную деятельность; наличие качественных характеристик, определяющих установки на решение профессиональных проблем [2].

По определению же А.С. Тарновской, понятие готовности к профессиональной деятельности должно рассматриваться как психическое состояние студента, проявляющееся в предстартовой активизации, которое включает осознание имеющихся целей, оценивание актуальных условий, определение наиболее предпочтительных способов действий в данных условиях; активизацию и прогнозирование интеллектуальных, мотивационных и волевых усилий, а также мобилизацию существенных сил и использование самовнушения при достижении цели [3].

В работе А.К. Марковой «Психология профессионализма» под личным аспектом готовности понимается наличие индивидуально-личностных качеств, обусловленных целями и задачами будущей профессиональной деятельности [4].

В разработанной У.Г. Черепановой модели психологической готовности родителей к поступлению ребенка в школу это понятие представляет собой совокупность таких компонентов, как мотивационный, эмоциональный, когнитивный, организаторский, волевой, для каждого из которых автор определяет содержание уровней их выраженности [5].

По мнению С.А. Черкасовой, определять готовность к профессиональной психолого-педагогической деятельности необходимо шире – как результат формирования совокупности психических личностных образований. К ним она относит понятия и представления, умения, навыки, побуждения, которые обеспечивают мотивационную, ценностную, коммуникативную, личностную, рефлексивную, эмоционально-волевою готовность и способность к ведению профессиональной деятельности [6].

Обобщая имеющиеся представления, готовность студентов–будущих школьных психологов-педагогов к психолого-педагогической работе с родителями мы предлагаем рассматривать как качество личности, которое включает в себя совокупность определенных компетенций, необходимых для реализации на практике разнообразных

методов, форм и приемов деятельности в обеспечении психолого-педагогического сопровождения семьи в образовательном процессе.

Кроме того, понятие «готовность» будущих психологов-педагогов заключается в том, что сформированы умения и навыки, действия и социальные отношения; усвоены предметные и специальные психолого-педагогические знания; профессионально значимые качества личности находятся на высоком уровне, а также выражено субъективное стремление студентов к работе с родителями.

Моделирование процесса подготовки студентов к психолого-педагогической работе с родителями – это, в первую очередь, попытка прогностического видения будущих результатов.

Моделирование – это не только понимание того, как с помощью психолого-педагогических знаний можно повлиять на изменение, улучшение ситуации в области родительско-детских отношений, но оно также позволяет студентам осознавать необходимость подготовки к работе с родителями.

Модель как отражение реальных процессов помогает соединить и интегрировать различные элементы, блоки, этапы, компоненты, а также позволяет проектировать, конструировать и реализовать поставленные цели и задачи.

Таким образом, модель подготовки студентов к психолого-педагогической работе с родителями понимается нами как теоретическое обоснование и характеристика компонентов структуры данного процесса, каждый из которых помогает обеспечить реализацию определенных свойств, а также показателей каждого из них в процессе обучения и воспитания студентов. Все компоненты находятся в определенной связи между собой, имеют четкую структуру, тем не менее автономны во влиянии и перемещении в рамках образовательного процесса (рис.).

Целевой блок подготовки будущих психологов-педагогов определяет ведущие целевые ориентации профессиональной подготовки, заключающиеся в формировании основных компонентов профессиональной компетентности: мотивационно-ценностного, гностического, прогностического, проективночного, конструктивного, организаторского, коммуникативного, диагностического, рефлексивного компонентов, обеспечивающих результативное включение специалиста в работу с родителями.

Для достижения поставленной цели нами были выделены следующие задачи по формированию:

- умения воспринимать, отбирать, критически оценивать информацию, которая будет необходима для успешной психолого-педагогической работы с родителями;
- умения ставить цели и задачи, связанные с взаимодействием с родителями;
- способности развивать личностные качества, умения и навыки в профессиональной деятельности;
- положительного отношения к работе с родителями;
- ориентации на личностные достижения и творческую самореализацию в процессе психолого-педагогической работы с родителями.

Данные задачи определили принципы, необходимые для реализации модели подготовки будущих психологов-педагогов к работе с родителями: гуманизма, фундаментализма, универсальности и альтернативности, преемственности, самостоятельности или субъектности, рефлексивности, развития образовательных потребностей, актуализации результатов обучения, прогностичности [7].

Содержательно-процессуальный блок включает в себя основные понятия и процедуры, связанные с процессом формирования готовности каждого из студентов к работе с родителями. В содержательной части данного блока мы определяем необходимые компоненты готовности студентов к психолого-педагогической работе с родителями, то есть отвечаем на вопрос «чему учить».

Целевой блок	
Цель	Формирование готовности студентов к психолого-педагогической работе с родителями
Задачи	Сформировать: 1) умение воспринимать, отбирать, критически оценивать информацию, которая будет необходима для успешной психолого-педагогической работы с родителями; 2) умение ставить цели и задачи, связанные с взаимодействием с родителями; 3) способность развивать личностные качества, умения и навыки в профессиональной деятельности; 4) положительное отношение к работе с родителями; 5) ориентация на личностные достижения и творческую самореализацию в процессе психолого-педагогической работы с родителями
Принципы	Гуманизма, фундаментализма, универсальности и альтернативности, преемственности, самостоятельности или субъектности, рефлексивности, развития образовательных потребностей, актуализации результатов обучения, прогностичности

Содержательно-процессуальный блок	
<i>Компоненты готовности студентов к психолого- педагогической работе с родителями</i>	<i>Содержательная характеристика компонентов готовности</i>
Гностический	Поиск, восприятие и отбор информации
Прогностический	Прогнозирование успехов, планирование перспектив
Проектировочный	Постановка целей и задач; планирование последовательности действий
Конструктивный	Подбор, сочетание методов и средств
Организаторский	Создание условий, стимулирующих деятельность родителей по самоизменению
Коммуникативный	Осуществление индивидуального подхода; контактность, общение, взаимоотношения; соблюдение конфиденциальности в работе, такт
Мотивационно-ценностный	Стремление работать с родителями; восприятие и критический анализ действий субъектов в процессе оказания помощи; толерантное отношение к различным категориям родителей
Диагностический	Контроль и оценка динамики субъектов и их деятельности
Рефлексивный	Самоанализ собственной личности, анализ деятельности и общения всех субъектов психолого-педагогической работы
Формы и методы подготовки к работе с родителями	
Круглые столы, ролевые игры, тренинговые занятия, диспуты, дискуссии, моделирование педагогических ситуаций, связанных с родительско-детскими отношениями, коллоквиумы, занятия с родителями в школах	

Рис. Модель подготовки студентов к психолого-педагогической работе с родителями

Процессуальная часть данного блока позволяет ответить на вопрос, «как учить», в ней мы отмечаем весь арсенал средств, помогающих эффективно выстроить работу с родителями, а именно: полученные в ходе обучения знания, умения, навыки, а также развитость определенных черт личности студентов.

Основа данной части блока представлена комплексом традиционных и инновационных форм и методов, приемов и средств организации профессионального обучения в процессе академических занятий, психолого-педагогической практики и учебно-исследовательской деятельности.

На наш взгляд, такие формы и методы работы со студентами, как круглые столы, ролевые игры, тренинговые занятия, диспуты, дискуссии, моделирование педагогических ситуаций, связанные с родительско-детскими отношениями, коллоквиумы акти-

визируют познавательную активность студентов, выводя их на новый уровень понимания и овладения психолого-педагогическими технологиями работы с родителями.

Особого внимания заслуживают занятия студентов с родителями в школах в рамках таких дисциплин, как «Педагогическое просвещение родителей», «Тренинг эффективности родителей». Студентам предоставлена возможность встречаться, общаться с родителями учащихся, реализовывать на практике психолого-педагогические умения и навыки в работе с ними.

Формам и методам подготовки студентов к работе с родителями значительное внимание авторами данной статьи уделено в работе «Подготовка студентов психолого-педагогических направлений к работе с родителями» [8].

В критериально-диагностическом блоке модели подготовки выделены три критерия сформированности готовности студентов к психолого-педагогической работе с родителями (когнитивный, операционный и эмоционально-ценностный) и средства их диагностики, которые призваны констатировать наличие целого ряда необходимых знаний, умений, навыков, компетенций, а также отношения студентов к работе с родителями.

В педагогических условиях, направленных на достижение цели, — формирование готовности студентов к психолого-педагогической работе с родителями — логично просматриваются три группы: предметно-научные, организационно-деятельностные и мотивационно-личностные, соотносимые с диагностическими критериями.

Таким образом, реализация предлагаемой модели подготовки студентов к психолого-педагогической работе с родителями предполагает усвоение и использование академических знаний, сформированность базовых компетенций, определение основных компонентов готовности у будущих психологов-педагогов к работе с родителями, а также ориентацию студентов на ценностное отношение к ней.

Библиографический список

1. Горячев М.Д., Моисеева Л.Г. Содержание подготовки будущих бакалавров психолого-педагогического образования // Образование в современном мире: роль вузов в социально-экономическом развитии региона: сб. научных трудов Межд. науч.-метод. конф. / под общ. ред. Т.И. Рудневой. Самара, 2014. С. 63–65.
2. Кобзев М.С. Психолого-педагогические основы профессиональной подготовки учителя // Педагогика. 2000. № 9. С. 68–76.
3. Тарновская А.С. Формирование психологической готовности студентов университета к педагогической деятельности в школе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2001.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 2006. С. 180–182.
5. Черепанова У.Г. Содержание психологической готовности родителей к поступлению ребенка в школу // Митс-наука: международный научный вестник: сетевое электронное научное издание. 2006. № 4. С. 25.
6. Черкасова С.А. Психолого-педагогическая готовность будущих педагогов-психологов к работе в условиях инклюзивного образования // Научные ведомости. 2010. № 24.
7. Александрова А.Л. Теоретические основы профессиональной подготовки социальных педагогов для учреждений социально-педагогической помощи // Вестник СамГУ. 2006. № 10/3(50). С. 5–11.
8. Долгополова А.В., Черкасова О.В. Подготовка студентов психолого-педагогических направлений к работе с родителями // Инновационные процессы в психологии и педагогике: сб. статей Межд. науч.-практич. конф. (Уфа, 20 февраля 2015 г.). Уфа: Аэтерна, 2015. 189 с.

References

1. Goryachev M.D., Moiseeva L.G. Soderzhanie podgotovki budushchikh bakalavrov psikhologo-pedagogicheskogo obrazovaniia [Content of preparedness of future Bachelors of psychological and pedagogical training] in *Obrazovanie v sovremennom mire: rol' vuzov v sotsial'no-ekonomicheskom*

razvitiia regiona: sb. nauchnykh trudov Mezhd. nauch-metod. konf. Pod obsh. red. T.I. Rudnevoi [Education in the modern world: role of universities in social and economic development of the region: collection of scientific works of the International scientific and methodological conference. T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara, 2014, pp. 63–65 [in Russian].

2. Kobzev M.S. Psikhologo-pedagogicheskie osnovy professional'noi podgotovki uchitelia [Psychological and pedagogical bases of professional training of a teacher]. *Pedagogika*, 2000, no. 9, pp. 68–76 [in Russian].

3. Tarnovskaya A.S. *Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti studentov universiteta k pedagogicheskoi deiatel'nosti v shkole: avtoref. dis ... kand. psikhol. nauk* [Formation of psychological readiness of students of the University to the pedagogical activity at school. Extended abstract of Candidate's of Psychological Sciences thesis]. Kazan, 2001 [in Russian].

4. Markova A.K. Psikhologiya professionalizma [Psychology of professionalism]. M., 2006, pp. 180–182 [in Russian].

5. Cherepanova U.G. Soderzhanie psikhologicheskoi gotovnosti roditel'ei k postupleniiu rebenka v shkolu [Content of psychological readiness of parents to the entrance of a child to school]. *Mits-nauka: mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik: setevoe elektronnoe nauchnoe izdanie* [Mits-nauka: international scientific vestnik: network electronic scientific edition], 2006, no. 4, p. 25 [in Russian].

6. Cherkasova S.A. Psikhologo-pedagogicheskaya gotovnost' budushchikh pedagogov-psikhologov k rabote v usloviiakh inkluzivnogo obrazovaniia [Psychological and pedagogical readiness of future teachers-psychologists to the work in conditions of inclusive education]. *Nauchnye vedomosti* [«Scientific Bulletin»], 2010, no. 24 [in Russian].

7. Aleksandrova A.L. Teoreticheskie osnovy professional'noi podgotovki sotsial'nykh pedagogov dlia uchrezhdenii sotsial'no-pedagogicheskoi pomoshchi [Theoretical bases of professional readiness of social teachers for the institutions of social and pedagogical help]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2006, no. 10/3(50), pp. 5–11 [in Russian].

8. Dolgopolova A.V., Cherkasova O.V. Podgotovka studentov psikhologo-pedagogicheskikh napravlenii k rabote s roditel'iami [Readiness of students of psychological and pedagogical direction to the work with parents] in *Innovatsionnye protsessy v psikhologii i pedagogike: sb. statei Mezhd. nauch.-praktich. konf. (20 fevralia 2015 g.)* [Innovative processes in psychology and pedagogy: collection of articles of International research and practice conference (February 20, 2015)]. Ufa: Aeterna, 2015, 189 p. [in Russian].

A.V. Dolgopolova, O.V. Cherkasova*

MODEL OF TRAINING STUDENTS FOR PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL WORK WITH PARENTS

The model of training students for psychological and educational work with parents is developed by the authors of the article under discussion. In the article the authors consider the approaches to the issue of “students’ preparedness for professional psychological and pedagogical activity” and its components. Preparedness for psychological and educational work with parents is seen as the result of training tstudents at the university.

Key words: model of training of students, preparedness for psychological-pedagogical work with parents.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Dolgopolova Anastasiya Veniaminovna* (avdolgopolova@mail.ru), *Cherkasova Olga Viktorovna* (chererepa@yandex.ru), Department of Pedagogy, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются актуальные проблемы иноязычного образования, качество которого обеспечивается уровнем профессиональной компетентности учителя иностранного языка. Представляются формы повышения их квалификации, способствующие преодолению трудностей, возникающих в педагогической деятельности в инновационных образовательных условиях.

Ключевые слова: иноязычное образование, педагогическое мастерство, инновационные средства, повышение квалификации.

«Дух человека обретает свое бытие именно в образовании, именно образование задает содержание и, что более важно, стиль, характер мышления и отношения человека к миру» [2]. Повышение качества образования становится приоритетной задачей современного общества. Особое место в этом направлении отводится иностранным языкам, уровень владения которыми обеспечивает межкультурное общение.

Во все времена уровень преподавания иностранного языка и приоритетность практической образовательной цели определялись социальным заказом общества. С 70-х годов XX века преподавание иностранных языков было ориентировано на развитие коммуникативных умений, коммуникативной компетентности. Стремительно летит по планете XXI век в потоке инновационных преобразований. Успехи очевидны, но остается до сих пор актуальной проблема изучения иностранных языков, иноязычное образование [1]. Проблема требует незамедлительного решения. Традиционное преподавание иностранных языков сводилось к чтению и пересказу текстов, что, к сожалению, осталось приоритетным в методической копилке многих учителей в настоящее время, а также к изучению топики, которые не имеют никакой коммуникативной направленности. Таким образом, реализуется исключительно одна функция языка – функция сообщения, информативная функция. Учителя часто оказываются не готовыми для работы в новых условиях, им не хватает психолого-педагогической и лингвистической подготовки, которая должна постоянно обновляться и быть ориентированной на реалии настоящего времени [6].

Современный процесс модернизации образования, значимый для развития общества, требует от учителя повышения его профессионального уровня, совершенствования педагогической культуры, соответствующей запросам сегодняшнего дня. Повышение квалификации учителей ориентировано на обновление профессиональных знаний, умений, навыков и должно стать частью целостной и долгосрочной программы развития образовательной системы [5].

Система повышения квалификации учителей иностранного языка приобретают все большее значение, выполняя требования федерального государственного образовательного стандарта, что предполагает новые формы проведения семинаров по акту-

* © Кашина Е.Г., 2016

Кашина Елена Георгиевна (e_kashina@mail.ru), кафедра английской филологии, Самарский университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

альным проблемам иноязычного образования, обновления учебно-методических комплексов, использования активных форм и методов обучения.

Инновационные средства организации повышения квалификации учителя иностранного языка предполагают использование разнообразных форм: проблемных тематических курсов, интернет-форумов, фестивалей открытых уроков, методических семинаров, семинаров-практикумов, конкурсов профессионального мастерства. Таким образом, ставится задача повышения педагогического мастерства учителя иностранного языка. Учитель-мастер – явление достаточно редкое, что обусловлено прежде всего недостатками в профессиональной переподготовке, неэффективностью содержания и форм повышения квалификации. Основная мотивация учителей – получить документ для портфолио, а не участие в иноязычном интерактивном общении. Предпринимаются попытки изменить ситуацию. Так, в Самаре зарегистрирована региональная общественная организация «Клуб «Учитель года». В декабре 2015 года в гимназии № 3 прошел Всероссийский семинар «Конкурс профессионального мастерства «Учитель года» как средство повышения квалификации педагогов». Отметим, что проблема подготовки учителя-мастера, формирования его педагогического мастерства рассматривается исследователями в различных аспектах (Ю.П. Азаров, И.А. Аминов, Ф.Н. Гоноволин, В.А. Кан-Калик, Н.В. Кузьмина, Е.И. Пассов и др.). Педагогический профессионализм определяется ими через понятие «педагогическое мастерство», которое несет большую смысловую нагрузку: оно рассматривается и как эталон, содержащий оценку эффективности педагогической деятельности, и как важнейшее профессиональное качество учителя [3]. Мастерство учителя иностранного языка выражается сочетанием его творчества и личных качеств. Учитель иностранного языка должен постоянно совершенствовать свою лингвистическую компетентность, так как в отсутствие естественной иноязычной среды языковые и речевые навыки и умения теряют свою прочность, что приводит к появлению ошибок в речи. Таким образом, особое значение имеет организация лингвистических курсов повышения квалификации, на которых учителя могли бы совершенствовать свой уровень языковой подготовки, учитывая все языковые аспекты и виды речевой деятельности. Однако в их организации недостаточно привлекаются для работы с учителями носители языка.

Система повышения квалификации учителей иностранного языка с учетом их трудностей, вызванных отсутствием естественной языковой среды, должна обеспечивать условия для формирования лингвистической компетентности. Но прежде определяются показатели в ее структуре, подлежащие формированию. Так, фонетическая составляющая предполагает наличие развитых звуковых и интонационных навыков; лексическая составляющая интегрирует способности к усвоению большого объема лексики и способности к ее употреблению в разных речевых ситуациях; грамматическая составляющая характеризуется способностями к грамотному построению речевого высказывания.

В системе высшего образования отмечается особое внимание к изучению иностранного языка не только как средства межкультурной коммуникации, но и как средства профессионального и карьерного роста специалиста. Все проблемные зоны иноязычного образования связаны как с объективными, так и с субъективными факторами. Барьерами в продвижении языковой подготовки студентов является ряд проблем [4]: преимущество между школой и вузом – знания большинства студентов не соответствуют требованиям к уровню владения иностранным языком; кадровый потенциал, ориентированный на линейный поток передачи знаний в ходе традиционной модели обучения, не способствует качеству иноязычного образования. В итоге отмечается потеря мотивации к изучению иностранного языка.

Инновационные технологии обучения школьников и студентов требуют готовности учителя / преподавателя к реализации межкультурной стратегии образовательного процесса. Так, участие в международных конференциях и лингвистических семинарах подтвердило необходимость повышения квалификации учителей и преподавателей иностранного языка с использованием активных форм и методов, стимулирующих процесс формирования их лингвистической компетентности. Наш опыт повышения квалификации учителей иностранного языка подтвердил продуктивность использования инновационных средств. Так, для развития фонетической компетенции нами применяются фонетические игры, фонетический практикум, прослушивание аутентичных текстов с последующим их воспроизведением. Для развития лексической компетенции применяем лингвистические и ролевые игры. Для развития грамматической компетенции создаем методические предпосылки для освоения речевых образцов и на их основе построение речевых высказываний.

Поиск новых методологических подходов к организации инновационной образовательной системы предполагает целостность принципов и методов обучения иностранному языку. Таким научным подходом является продуктивный подход в иноязычном образовании, который включает в себя систему продуктивных лингводидактических технологий, обеспечивающих личностный и профессиональный рост не только обучаемого, но и обучающего.

Библиографический список

1. Кашина Е.Г. Театральный контекст профессионально-педагогической деятельности учителя иностранного языка: монография. Самара: Издательство «Самарский университет», 2003. 116 с.
2. Конев В.А. Человек в мире культуры (культура, человек, образование). URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/konev_chelovek.
3. Пассов Е.И., Кибирева Л.В., Колларова Э. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация): метод. пособие для русистов. СПб.: Издательство «Златоуст», 2007. 199 с.
4. Руднева Т.И., Овсянникова М.Н., Огородников А.В. Профессиональная деятельность в ситуациях риска: коллективная монография. Самара: Издательство «Самарский университет», 2014. 323 с.
5. Руднева Т.И. Педагогическая деятельность в современном социальном контексте // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 191–195.
6. Храмцова А.Б. Методологические основы коммуникативного обучения иностранному языку // Образование в современном мире: инновационные стратегии: сб. науч. тр. Междунар. научно-метод. конф. (Самара, 25 февраля 2016 г.) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 384–387.

References

1. Kashina E.G. Teatral'nyi kontekst professional'no-pedagogicheskoi deiatel'nosti uchitel'ia inostrannogo iazyka: monografiia [Theatrical context of professional and pedagogic activity of a teacher of a foreign language: monograph]. Samara: Izdatel'stvo Samar. gos. un-t, 2003, 116 p. [in Russian].
2. Konev V.A. Chelovek v mire kul'tury (kul'tura, chelovek, obrazovanie) [Human being in the world of culture (culture, man, education)]. Retrieved from: http://sbiblio.com/biblio/archive/konev_chelovek [in Russian]
3. Passov E.I., Kibireva L.V., Kollarova E. Kontseptsiia kommunikativnogo inoiazыchnogo obrazovaniia (teoriia i ee realizatsiia): metodicheskoe posobie dlia rusistov [Concept of communicative foreign language education (theory and its realization): study guide for specialists in Russian philology]. Spb.: Izdatel'stvo Zlatoust, 2007, 199 p. [in Russian].

4. Rudneva T.I., Ovsyannikova M.N., Ogorodnikov A.V. Professional'naiia deiatel'nost' v situatsiakh riska: kollektivnaia monografiia [Professional activity in the situations of risk: multi-authored monograph]. Samara: Izdatel'stvo «Samarskii universitet», 2014, 323 p. [in Russian].

5. Rudneva T.I. Pedagogicheskaia deiatel'nost' v sovremennom sotsial'nom kontekste [Pedagogical activity in modern social context]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 7(129), pp. 191–195 [in Russian].

6. Khrantsova A.B. Metodologicheskie osnovy kommunikativnogo obucheniia inostrannomu iazyku [Methodological bases of communicative foreign language teaching] in *Obrazovanie v sovremennom mire: innovatsionnye strategii: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (Samara, 25 fevralia 2016 g.) / otv. red. T.I. Rudneva* [Education in the modern world: innovative strategies: collection of research works of International research and methodology conference (Samara, February 25, 2016). T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: Izdatel'stvo «Samarskii universitet», 2016, pp. 384–387 [in Russian].

*E.G. Kashina**

INNOVATIVE TECHNIQUES IN FURTHER TRAINING OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

The article deals with contemporary problems of foreign language education, the quality of which depends on the level of professional competence of the teacher of a foreign language. Forms of their further training, which help to overcome difficulties which might occur in innovative educational conditions are presented.

Key words: foreign language education, professional skills, innovative means further training.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.

The article received 15/II/2016.

* *Kashina Elena Georgievna* (e_kashina@mail.ru), Department of English Philology, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 821.161.1

*Г.Ю. Карпенко, Е.А. Щепалина**

**«ЕВХАРИСТИЧЕСКОЕ ПОЧВЕННОЧЕСТВО»:
«ЧЕТВЕРТЫЙ ВОЛХВ» С.Н. ДУРЫЛИНА
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С «МУЖИКОМ МАРЕЕМ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)**

В статье на материале рассказов «Мужик Марей» и «Четвертый волхв» рассматривается специфическое высказывание русской словесности – исповедание личного символа веры, особой «метанойи» Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурылина. Делается вывод о соединении в рассказах «автохтонного» и «детского»: детские духовные воспоминания писателей обретают контекстную религиозную перспективу, наполняются дополнительными – высшими – смыслами, укорененными в народной христианской традиции, и возводятся на уровень онтологической ценности, незыблемого духовного достояния человека и народа, сокровенного Божьего замысла о мире. Мужики Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурылина становятся носителями «жертвенного служения» и выразителями «евхаристического почвенничества»: они призваны возделывать, готовить русского человека к таинству Христова Царства.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Мужик Марей», С.Н. Дурылин, «Четвертый волхв», «метанойя», детские духовные воспоминания, контекстная перспектива, народная христианская традиция, «автохтонное», «детское», онтологическая ценность, «жертвенное служение», «евхаристическое почвенничество».

Казалось бы, в истории отечественной литературы XX века не осталось неизученных и невозвращенных имен, достойных читательского внимания и научного осмысления. Однако, как оказалось, «феномен Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) – писателя, поэта, философа и богослова – еще только подлежит описанию и интерпретации» [9, с. 8]. Стараниями ученых, которым открылся масштаб личнос-

* © Карпенко Г.Ю., Щепалина Е.А., 2016

Карпенко Геннадий Юрьевич (karpenko.gennady@gmail.com), *Щепалина Екатерина Александровна* (katerina-shhepalina@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Московское шоссе, 34.

ти и дарования С.Н. Дурылина, в последнее время не только издаются его сочинения, но и проводятся разнонаправленные исследования: их цель — вернуть в полном объеме творческое наследие С.Н. Дурылина, определить его место в истории русской культуры.

Можно сказать, что затянувшееся «молчание» С.Н. Дурылина объясняется тем, что он «ждал» появления «своего» исследователя и читателя, небезразличного к потаенным христианским ценностям народной жизни. Дело в том, что и научная, и художественная мысль С.Н. Дурылина ориентирована на то, что сам писатель определил как «сокровище народного христианского мифомышления», как «Последнюю реальность» [5, кн. 2, с. 36], причем переживаемую «онтологически» — без «стилизации» и «этнографизма». В работе «Рихард Вагнер и Россия» С.Н. Дурылин сетует на то, что «русское искусство прошло мимо этих сокровищ народного христианского мифомышления, заключенных в народном русском искусстве, в духовных стихах, многих русифицированных житиях из «Четых Миней» и «Пролога», изустных преданиях, памятниках отреченной литературы...» [5, кн. 2, с. 36]. И далее С.Н. Дурылин намечает духовную линию развития русской литературы, определяя тем самым и свою творческую задачу: «Художник, идущий к мифотворческому искусству, должен помнить, что должен он идти не к готовым формам народного искусства, не к пассивному подчинению себя образам и символам народного мифомышления, не к фольклору, не к народопоклонству, — но к религиозному взысканию последней реальности, — и, как человек, взыскавая Ее непрестанно, он неизбежно встретится с народом, непрестанно тоскующим по Последней реальности и ищущим Ее во имя Христа» [5, кн. 2, с. 36].

В этом смысле творчество С.Н. Дурылина уникально и, хотя занимает свое «скромное» место, относится к разряду «мирового события» [8, с. 54–56]. Данную особенность хорошо осознал и сам писатель, когда в предисловии к «Сокольному пупу» специально указал: «Мировое значение предлагаемого творения в том и заключается, что, будучи мировым по содержанию, теме и идее, оно очень скромно и позволяет миру заниматься своими собственными делами и отнюдь не требует мирового внимания к себе. Пусть читатель об этом помнит...» [6, с. 58].

Как видим, для своего постижения творчество С.Н. Дурылина нуждается не столько в расширенном, сколько в углубленном, в «сосредоточенном» контексте, в соотношениях не по культурно-исторической «горизонтали», а по духовной «вертикали».

Интерес С.Н. Дурылина к автохтонному духовному опыту народа сближает его произведения с творчеством Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и И.С. Шмелева. В этой связи хотелось бы обратить внимание на стремление писателей соединить «автохтонное» и «детское»: детское духовное воспоминание, явно и не случайно наполняемое писателями народным опытом христианской любви, веры, чаяний и надежд, возводится на уровень онтологической ценности, незыблемого духовного достоинства человека и народа, сокровенного Божьего замысла о мире. Именно о таком «сдвоенном», органически связанном детском духовном воспоминании, которым делится биографический автор рассказа Ф.М. Достоевского «Мужик Марей» и герой рассказа С.Н. Дурылина «Четвертый волхв», пойдет речь в данной статье.

Нетрудно заметить, что у Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурылина детское воспоминание наполнено религиозным — христианским — содержанием, пронизано глубочайшей правдой о русской жизни и человеке, центрируется категорией Спасения. Такую «сотериологическую» наполненность детского воспоминания хорошо выразил Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства... может послужить когда-нибудь нам во спасение» [4, т. 15, с. 195]. Примечательно, что в обоих рассказах — и в «Мужике Марее», и в «Четвертом волхве» — актуализируемый в зоне детского воспоминания мотив «русского спасения», в свою очередь, связан с образами возделываемой земли, хлеба, русского мужи-

ка, крестьянина или – в уточняющем народном самоопределении «хресьянина» («Русский человек хресьянин. Всегда хресьянин» [6, с. 259]).

С.Н. Дурылин в своем произведении приводит народную легенду о четвертом волхве. Герой рассказа вспоминает, как няня поведала им, детям, «русскую тайну»: оказывается, что волхвов, предузнавших о рождении Богомладенца, «было не три, а четыре», «имя четвертого волхва было русское» [6, с. 258]. Но существенно в этом народном сюжете другое: четвертый волхв не смог поклониться младенцу Христу, «заблудился» [6, с. 258], а дар, который он нес рожденному Спасителю, «у него отняли злые люди» [6, с. 258].

От евангелиста Матфея мы знаем, какие дары принесли три волхва «рожденному прежде всех век»: «Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Марией, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2: 9–11).

В дарах волхвов в символической форме отдельно и слитно выражены «путь и истина, и жизнь» Младенца: в «золоте» – признание Его Царственности, в «ладане» – Его Первосвященства, в «смирне» – Его искупительной жертвы.

Хлеб – дар четвертого волхва – это собирательный дар, отсылающий нас к таинству Евхаристии [10]. Нянина легенда о «даре русского хлеба» [6, с. 259] придает сюжету рассказа живую мистическую наполненность, переводит реальную историю в священную. Рассказ «литургичен». В свете народной легенды история как «Христово таинство» не только продолжается и устремлена к своему высшему свершению, но и, мистически повторяясь, обновляясь, вступает в «канун»: мир находится в состоянии «приготовления» и «собираения», в напряженном ожидании Евхаристического чуда. Няня рассказывает детям, как четвертый волхв принесет Христу-младенцу «дар русского хлеба»: «Со всей земли возьмет, отовсюду по зернышку, ото всех полей, от праведных хресьянских трудов, замесит на ключевой водице, испечет на чистом огне. От всей земли будет хлеб хресьянский... от чистого праведного колоса, чистое зерно...» [6, с. 259]. «Проскомидийное» содержание такого собираия «русского хлеба» очевидно: оно поддержано символикой «чистого» (зерна, колоса, хлеба, огня). В восприятии ребенка мир нуждается и пребывает в ожидании «русского обновления» во Христе: «Я знаю, что было не три, а четыре волхва, и у четвертого волхва было русское имя, – я знаю, впрочем, и еще больше: я верю, что четвертый волхв выйдет из лесов и найдет прям путь до этой голубоокой звезды и принесет Родившемуся в эту ночь Дар земли своей. И Родившийся, Царь Небесный, Сын Человеческий, примет *этот Дар* вместе со златом, ливаном и смирною, *ибо это будет праведный хлеб, он чист*» [6, с. 261]. В литургическом смысле «праведный хлеб», с одной стороны, выражает идею «сотелесности» Христу, с другой – являет собой «приготовленность» «собранного по зернышку» русского народа к таинству Евхаристии и ко всему тому, что с ним связано [10].

По своему содержанию народная история о четвертом волхве, с сердечной радостью рассказанная ребенком, почвенна, сопряжена с землей, органична трудовой природе русского человека и вытекает из образа жизни крестьянина, или, как говорилось ранее, она автохтонна.

Почвенный характер народного апокрифа о четвертом волхве дает основание и повод обратиться к детскому воспоминанию Ф.М. Достоевского, к рассказу «Мужик Марей» из «Дневника писателя». Примечательно, что в рассказе С.Н. Дурылина «Четвертый волхв» ребенок забыл имя русского волхва, «самое простое, обыкновенное русское имя» [6, с. 258]. В воспоминании Ф.М. Достоевского крестьянин, спасший ребенка от «волчьего страха», имеет имя, и, как убедительно показала Т.А. Касаткина, смысл его имени раскрывается через мариологический контекст [7]. Но здесь важно актуализировать другое – почвенное, автохтонное: «пашущий мужик», «бедный крепостной мужик» [4, т. 22, с. 48, 49], возделывающий землю, «приготавливающий

хлеб», породил нежной заботой о ребенке высшее знание о русском человеке. В сердце писателя утвердилась вера в «высокое образование народа нашего»: «Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика» [4, т. 22, с. 49].

Можно сказать, что четвертый волхв С.Н. Дурьлина и есть мужик Марей: вполне вероятно, что про такого же пашущего мужика, наделенного от почвы, от хлеба Христовой любовью, рассказывала няня детям. И тот, и другой готовы нести дары своих физических и душевных трудов, преобразовать мир и человека во имя и ради Христа: «Вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем» [4, т. 22, с. 49], «Когда хлебушка спечет – тогда и путь прям откроется... путь отверзется» [6, с. 260]. Мужики Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурьлина – носители и выразители «евхаристического почвенничества», они возделывают, приготавливают человека к таинству Христова Царства, которое «воспринимается, прежде всего, как откровение о подлинном естестве творения, о мире, который, сколь бы ни был он падшим «миром сим», остается миром Божиим, чающим спасения, искупления, исцеления и преобразования в новую землю и новое небо. Иными словами, Таинство, в православном опыте его, есть откровение прежде всего о *таинственности* самого творения, ибо мир был создан и дан человеку для претворения тварной жизни в причастие жизни Божественной... все творение изначально призвано и предназначено к исполнению Божьего домостроительства...» [10, с. 40].

В рассказах Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурьлина обращает на себя внимание сюжетно реализованная идеальная «парность»: старец – младенец. Мужик Марей и няня в данном случае выступают в роли «младенчествующих мудрецов», которым открыто то, что утаено от «мудрых и разумных» века сего, и которых отличает соприродная Христу любовь к миру: «...на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннотлетни» (1 Кор. 14: 20). Такое сопряжение в рассказах Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурьлина «старческого» и «младенческого» привычно для религиозной повествовательной традиции. Здесь значим сам факт их нераздельной слитности, отсылающей к первообразу высшей мудрости и возводящей изображаемое в статус предвечно истинного. Не случайно поэтому на иконах можно увидеть соединение в рожденном Христе «старческого» и «младенческого». На один из таких ликов указывает С.С. Аверинцев: на иконе Спаса-Эммануила изображен младенец Христос «с печатью таинственной и строгой старческой мудрости на высоком, выпуклом лбу», изрезанном морщинами. Он одновременно и «Отроча Младо», и «Превечный Бог» [1, с. 179].

Скрытая «иконичность» сюжета придает обоим рассказам дополнительное смысловое – символическое – напряжение: свет Иконы, Образа, «падающий» на повествование, выводит его из ряда обычного, только художественного высказывания. Заметим, что такому разрушению «художественного» способствуют и формы рассказов, наполненные воспоминаниями, личным детским впечатлением, народным преданием. Благодаря всему этому рассказы Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурьлина обретают контекстную религиозную перспективу, наполняются дополнительными – высшими, неизбежными – смыслами, исходящими от русской христианской традиции.

Русский волхв, который принесет в дар Младенцу Христу черный, мужицкий хлеб, испеченный на чистом огне, есть образ возрождения России. Хлеб является главным символом Евхаристии и самого Христа: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6: 51, 56). Вкушение евхаристического Хлеба, причастие от одной Чаши есть, по С.Н. Дурьлину, путь устранения всех противоречий, примирения – «да будет Бог всяческая во всех» (1 Кор. 15: 28). Таким образом, хлеб

становится еще и символом соборности. Подобно тому, как в Евхаристии частица несет в себе полноту общения со Святой Троицей, так и «праведный русский хлеб», собранный по крупнице со всей земли, есть приношение, жертва всего русского народа, «за всех и за вся». Четвертый волхв становится своеобразным ходатаем за свою землю, ибо спасти ее может лишь тот, кто сам плоть от плоти «земля». «Земляность», «почвенность» мужика особенно очевидна в рассказе Ф.М. Достоевского: «Он протянул тихонько свой толстый с черным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ» [4, т. 22, с. 48]. Прикосновение к губам земляным пальцем становится сакральным актом отверзания уст, благословения на служение (ср.: в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: «И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык, / И празднословный и лукавый, / И жало мудрая змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой» [2, с. 140–145]). Отверзание уст (души, сердца), обретение нового видения – это таинство Причастия, приобщения к иномирному бытию, соединения с ним.

У Ф.М. Достоевского детское воспоминание становится отправной точкой преобразования души, покаяния и изменения ума («метанойи»), осуществления перехода от ненависти и презрения к всепрощающей любви. Именно в крошечном аду каторги, где с заключенного совлекается образ Божий и где он ведет полускотское существование, автору открывается «другой» лик русского человека. Слова «Je hais ces brigands!» (Ненавижу этих разбойников! (франц.)) [4, т. 22, с. 46] заменяются в его сознании на евангельское «возлюби ближнего своего, как самого себя». Важно, что спасительное откровение приходит именно «на второй день светлого праздника», то есть на Светлой Пасхальной седмице. Подобно тому, как Христос выводит души грешников из темницы ада к Свету Воскресения, сокрушая «верей вечныя», так и душа автора совершает свой переход, торжествует свою Пасху (от др.-евр. «песах» – переход, прохождение мимо): «И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом...» [4, т. 22, с. 49].

В рассказе С.Н. Дурьлина детское воспоминание помогает герою сохранить в своем сердце высшую правду о мире, пронести через всю жизнь Истину: «С тех пор прошло много лет, очень много. Я прочел много книг, не только тех книг, что уверяли, что было только три волхва, но и те, которые утверждали и что не было вовсе волхвов, не было звезды, не было этой ночи, не было и Родившегося в эту ночь. Но вот, вопреки всему, я знаю (и всегда всю жизнь знал) и всегда буду знать, что было все это: и эта ночь, и волхвы, и эта звезда, и Родившийся в эту ночь» [6, с. 261]. В его детской душе сложился своеобразный символ веры, не уничтожимый никаким знанием, – веры в четвертого волхва, в русского мужика, несущего Сыну Человеческому чистый праведный хлеб. От этого Дара зависит судьба человеческая, исполнение жертвенной любовью Христа замысла Священной истории.

Здесь уместно вспомнить признание Ф.М. Достоевского, выраженное в письме к Н.Д. Фонвизиной (январь–февраль 1854 г.): «Я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [4, т. 28, кн. 1, с. 176].

Перед нами удивительные примеры исповедания личного символа веры Ф.М. Достоевским и С.Н. Дурьлиным. Как бы эти детские откровения ни отличались друг от друга, они все же порождены образом Христа, связаны с Ним и по принципу внутреннего сродства выражают сокровенную правду о русском человеке, готовом на жертву ради Христа: «В священнодействии любви человек по благодати рассекается на части и

не распадается, съедается – и никогда не истощается. Он становится Христом по благодати, и поэтому его жизнь питает и напояет брата. Иными словами, он питает и преумножает свое собственное существование» [3, с. 52].

Таким образом, контекстное рассмотрение «Четвертого волхва» С.Н. Дурылина в сопоставлении с рассказом Ф.М. Достоевского «Мужик Марей» позволяет актуализировать устойчивый комплекс «онтологических переживаний», зарождающийся в детстве героев под влиянием «евхаристического почвенничества», которое сюжетно оформлено как встреча с «пашущим мужиком», «хресьянином». Сама эта встреча, ставшая особым «духовным сретением», преобразует героев, дает им знание веры, жизнь превращает в благодарение: «Знание Бога претворяет нашу жизнь в благодарение... благодарение это возносится и из радости и из печали, из глубины счастья, так и несчастья, из жизни и из смерти... знание Бога, нам дарованное как дар чистого благодарения... Благодарение – это опыт рая» [10, с. 218–219, 217]. И – уже с сугубо литературоведческой точки зрения – сами рассказы Ф.М. Достоевского и С.Н. Дурылина становятся формой (жанром) благодарения.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
2. Артамонова Л.А., Карпенко Г.Ю. Мотив преображения в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» и в рассказе Ф.М. Достоевского «Мужик Марей» // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 140–145.
3. Гондикакис Василий, архимандрит. Входное: Элементы литургического опыта таинства единства в Православной Церкви. Богородице-Сергиева Пустынь, 2007. 208 с.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.
5. Дурылин С.Н. Рихард Вагнер и Россия: Вагнер о будущих путях искусства // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. II: Тексты. Библиография. М.: Регнум, 2011. 512 с.
6. Дурылин С.Н. Три беса. Художественная проза, очерки. М.: Совпадение, 2013. 384 с.
7. Касаткина Т.А. Pater Seraphicus и мужик Марей. Достоевский: богословие в имени. URL: <http://novumjournal.ru/index.php/blogs/entry/pater-seraphicus-i-muzhik-marej-dostoevskij-bogoslovie-v-imeni> (дата обращения: 19.01.2016).
8. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. М.: Языки русской культуры, 1999. 216 с.
9. Резниченко А.И. От составителя // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. 512 с. С. 9–10.
10. Шмеман Александр, протоиерей. Евхаристия: Таинство Царства. М.: Паломник, 2006. 311 с.

References

1. Averintsev S.S. Poetika rannevizantiiskoi literatury [Poetics of early Byzantine literature]. SPb.: Azbuka-klassika, 2004, 480 p. [in Russian].
2. Artamonova L.A., Karpenko G.Yu. Motiv preobrazheniia v stikhotvorenii A.S. Pushkina «Prorok» i v rasskaze F.M. Dostoevskogo «Muzhik Marei» [Motive of transformation in the poem by A.S. Pushkin «Prophet» and the story by F.M. Dostoevsky «The Peasant Marey»]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 1(112), pp. 140–145 [in Russian].
3. Gondikakis Vasileios, archimandrite. *Vkhodnoe: Elementy liturgicheskogo opyta tainstva edinstva v Pravoslavnoi Tserkvi* [Input: The elements of liturgical experience of the sacrament of unity in the Orthodox Church]. Bogoroditse-Sergieva Pustyn', 2007, 208 p. [in Russian].
4. Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete set of works: In 30 volumes]. L., Nauka, 1972–1986 [in Russian].

5. Durylin S.N. Rikhard Vagner i Rossiia: Vagner o budushchikh putiakh iskusstva [Richard Wagner and Russia: Wagner about the future paths of art] in *Sergei Durylin i ego vremia: Issledovaniia. Teksty. Bibliografiia. Kn. II: Teksty. Bibliografiia* [Sergey Durylin and his time: Studies. Texts. Bibliography. Book II: Texts. Bibliography]. M., Regnum, 2011, 512 p. [in Russian].

6. Durylin S.N. Tri besa. Khudozhestvennaia proza, ocherki [Three demons. Narrative literature, essays]. M.: Sovpadenie, 2013, 384 p. [in Russian].

7. Kasatkina T.A. Pater Seraphicus i muzhik Marei. Dostoevskii: bogoslovie v imeni [Pater Seraphicus and peasant Marey. Dostoevsky: theology in the name]. Retrieved from: <http://novymirjournal.ru/index.php/blogs/entry/pater-seraphicus-i-muzhik-marej-dostoevskij-bogoslovie-v-imeni> (date of reference: 19.01.2016) [in Russian].

8. Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. Simvol i soznanie: Metafizicheskie rassuzhdeniia o soznanii, simvole i iazyke [Symbol and consciousness. Metaphysical arguments about consciousness, symbolism and language]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 216 p. [in Russian].

9. Reznichenko A.I. Ot sostavitelia [From the compiler] in *Sergei Durylin i ego vremia: Issledovaniia. Teksty. Bibliografiia. Kn. I: Issledovaniia* [Sergey Durylin and his time. Texts. Bibliography. Bk. I: Studies]. M.: Modest Kolerov, 2010, 512 p., pp. 9–10 [in Russian].

10. Shmeman Alexander, archpriest. Evkharistiia: Tainstvo Tsarstva [The Eucharist: Sacrament of the Kingdom]. M.: Pilgrim, 2006, 311 p. [in Russian].

*G. Yu. Karpenko, E.A. Shchepalina**

**EUCHARISTIC POCHVENNICHESTVO: «THE FORTH MAGUS»
BY S.N. DURYLIN (COMPARED WITH «THE PEASANT MAREY»
BY F.M. DOSTOYEVSKY)**

The article deals with a specific utterance of Russian literature, a personal confession of faith, a special metanoia of F.M. Dostoyevsky and S.N. Durylin on the material of the stories «The Peasant Marey» and «The Fourth Magus». The conclusion is made about the connection of the autochthonous and the childish in the stories: the spiritual childhood memories of the writers get a context's religious perspective, these revelations are filled with the additional – the higher – meanings in the line of the popular Christian tradition and raised to the level of the ontological value, the immutable spiritual heritage of a human and a nation, the hidden God's intention of the world. The peasants of F.M. Dostoyevsky and S.N. Durylin become carriers of the selfless service and exponents of eucharistic pochvennichestvo: their vocation is to cultivate, prepare the Russian people for the sacrament of the Christ's kingdom.

Key words: F.M. Dostoyevsky, «The Peasant Marey», S.N. Durylin, «The Fourth Magus», metanoia, spiritual childhood memories, context's perspective, popular Christian tradition, «autochthonous», «childish», ontological value, selfless service, eucharistic pochvennichestvo.

Статья поступила в редакцию 18/XII/2015.
The article received 18/XII/2015.

* *Karpenko Gennady Yur'evich* (karpenko.gennady@gmail.com), *Shchepalina Ekaterina Alexandrovna* (katerina-shchepalina@yandex.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

«ПОБЕДА НАД СОЛНЦЕМ» А. КРУЧЕНЫХ И ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ И ТЕАТРАЛЬНОЙ ПАРОДИИ

В статье рассматривается влияние русской драматической и театральной пародии от В.С. Соловьева и создателей Козьмы Пруткова до Н.Н. Евреинова на произведение А.Е. Крученых «Победа над Солнцем»; устанавливается значение пародийной традиции для становления футуристического театра.

Ключевые слова: футуристический театр, драматическая пародия, театральная пародия, традиция.

В становлении футуристического театра представляется важным влияние на него драматической и театральной пародии конца XIX – начала XX века. Оно прослеживается уже в выборе жанровых форм, нуждавшихся в обновлении и переосмыслении. Так, обращение А.Е. Крученых к жанру оперы выглядит весьма странным и случайным: оперу пишет поэт, никогда прежде с музыкальными жанрами дел не имевший. По его воспоминаниям, автор музыки к «Победе над Солнцем» М.В. Матюшин, имя которого, по стечению обстоятельств, в афише не значилось, «ходил и все недовольно фыркал: “Ишь ты, подумаешь, композитор тоже – оперу написал!”» [1, с. 63]. В голосе Матюшина преобладали интонации традиционализма (оперу пишет композитор – в ней важна музыка, либретто второстепенно), а его взгляд совершенно отчетливо демонстрировал накопившуюся в оперном искусстве инерцию. Крученых в понимании оперы ушел дальше своего соавтора.

Художественное сознание того времени «подозревало» в опере *консервативные* начала, свидетельствовавшие о вырождении жанра: блистательные открытия давно уже иссякли, их сменил воцарившийся в оперном искусстве мертвенный академизм и засилье штампов. Такая участь постигла в XX веке не только «высокое» оперное искусство, но и «высокие» драматические жанры – *трагедию* и *мистерию*, так что даже отчаянные попытки символистов возвести их на прежний Олимп не помогли. Незыблемые в классическую эпоху XVIII века и первой половины XIX века основы «высоких» жанров на рубеже веков пошатнулись. В эпоху, не терпящую абсолютов, они уже не могли сохранить за собой того авторитетного положения, которое занимали ранее, и, отходя на периферию, уступали место так называемым «низким» жанрам. От *трагедии* до *пародии* оставался всего один шаг, и он был сделан.

Осмысляя последствия этого процесса в театре, искусствовед Л.И. Тихвинская приходит к следующему заключению: «Возможно, это покажется парадоксом, но идея “соборности”, которой одержимы были театральные мыслители начала века, осуществилась в реальности лишь на подмостках кабаре, на “нижнем” уровне русской театральной деятельности, разумеется, в форме самой веселой и простодушной, в форме, бесконечно далекой от “башенных” умствований» [2, с. 111]. Накопленные

* © Шевченко Е.С., 2016

Шевченко Екатерина Сергеевна (slash99@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

за многие века в так называемых «высоких» жанрах *клише* и *трюизмы* становились объектом осмеяния в многочисленных *пародиях*, в том числе и *театральных*. Жанр пародии культивировался и процветал в эти годы в самых разных художественных кругах. Квинтэссенцией русской театральной пародии того времени стала легендарная «кривозеркальная» постановка 1909-го года — одноактная опера-пародия «Вампука, невеста африканская, опера, образцовая во всех отношениях» (плод коллективного творчества постановщика Р.А. Унгерна, композитора В.Г. Эренберга и самого руководителя театра-кабаре «Кривое зеркало» А.Р. Кугеля). Интересно, что Кугель видел в ней нечто большее, чем просто пародию на оперные штампы, хотя и блестящую: он считал «Вампуку» «антиоперой», то есть такой пародией, которая посягнула на оперный канон и запустила механизмы реформы оперного искусства. Она стала тем мощным катализатором, который ускорил процессы обновления искусства в целом. Так футуристический театр был вовлечен в «резонансное пространство» (В.Н. Топоров) «Вампуки», и не только ее. Опера Крученых совершенно отчетливо «резонировала» едва ли не со всей традицией отечественной драматической и театральной пародии. В первую очередь нужно назвать пародийные пьесы создателей Козьмы Пруткова — драматическую поговорку «Блонды», мистерию «Сродство мировых сил», оперетту «Черепослов, сиречь Френолог» и другие. Важно при этом заметить, что пьесы Козьмы Пруткова были актуализированы в сознании современников Н.Н. Евреиновым [3, с. 77], поставившим их в сезон 1909-го — 1910-го годов в только что созданном им совместно с В.Ф. Комиссаржевской «Веселом театре для пожилых детей». Зрители впервые увидели на сцене всю драматургию Козьмы Пруткова. Не менее значимы в этом смысле и шуточные пьесы В.С. Соловьева, в особенности его мистерия-шутка «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова»). И наконец, существенное влияние на оперу Крученых оказала пресловутая «Вампука» и последовавшие за ней на сцене «Кривого Зеркала» многочисленные пародии Н.Н. Евреинова. Со времени прихода в «Кривое Зеркало» Евреинова в 1910 году и до первого закрытия театра в 1918-м пародийно переосмыслены были едва ли не все виды зрелищных искусств и зрелищ: балет («Разочарованный лес»), опера («Восточные сладости»), кинематограф («Невинная жертва безумной страсти и кровавая любовь старика»), цирк-шансон («Замечательное представление»), *commedia dell'arte* («Коломба сего дня») и народные национальные театры (украинский — «Грае-грае-воропае» и китайский — «Желтая кофта»); эстетических направлений и жанров: футуризм («Колбаса из бабочек, или Запендя»), французская мелодрама («Жак Нуар и Анри Заверни, или Пропавший документ»), детектив («Пропавшие миллиарды»), а также драма и театр в целом, включая мастерство актера и режиссера («Эволюция драмы», «Гастроль Рычалова», «Ревизор», «Четвертая стена»).

Опера А.Е. Крученых открывала зрителю две стороны одного процесса — гибель старого театра и рождение на его руинах нового, футуристического театра. Не случайно хлебниковский пролог начинался с призыва *Чернотворских вестучек*: «Люди! Те кто родились, но еще не умер. Спешите идти в созерцог или созерцавель» [4, с. 212]. Почва для появления «Победы над Солнцем» была подготовлена и предшествующим творчеством самого А.Е. Крученых — прежде всего написанной в соавторстве с В.В. Хлебниковым поэмой «Игра в аду» и полупародийным лирическим циклом «Старинная любовь», охарактеризованным им как «книга воздушной грусти» (в письме Е.Г. Гуро). По поводу последнего Н.И. Харджиев писал: «Контраст противоположных стилевых планов ощущается в этом цикле настолько слабо, что позволяет его воспринимать и как традиционный жанр любовной лирики, и в аспекте авторской иронии» [5, с. 389]. И если в ранних крученыховских текстах *элемент стилизации* был настолько значителен, что по преимуществу и определял их *структуру*, что само по себе, хотя бы формально, если не сближало, то и не противопоставляло их символистским стилизациям, то в «Победе над Солнцем» со всей очевидностью одер-

живала верх *новая футуристическая эстетика*, в сравнении с предшествующими — *жесткая и аскетичная*. Последнее замечание о характере футуристической эстетики косвенно подтверждается отсутствием в «Победе над Солнцем» женских образов. По признанию А.Е. Крученых, в процессе режиссерской работы он выбросил единственную женскую партию из окончательной редакции оперы, оставив в ней только мужские партии. Отказ от женских партий был для Крученых сознательным шагом, который сам он объяснял следующим образом: «Все делалось с целью подготовить мужественную эпоху, на смену женоподобным Аполлонам и замызганным Афродитам» [1, с. 63]. Единственное упоминание о некоей женщине, точнее, о гибели ее от упавшего аэроплана, встречается ближе к финалу. Даже внесценическому женскому образу автор не позволил «жить» в своей опере. Однако и в мужские образы Крученых и другими футуристами вкладывается скорее «общечеловеческое» или же «сверхчеловеческое» содержание.

После хлебниковского пролога, который исполнял А.Е. Крученых, действие не начиналось. Его предварял *аттракцион с занавесом*: из-под белого коленкорového полотна, на котором были нарисованы три иероглифа, изображавшие, очевидно, автора, композитора и художника, появлялись двое ряженых и разрывали *материю прежней жизни* надвое, открывая свободное пространство, пространство новой жизни. В том виде, в каком задумали и воплотили на сцене аттракцион с занавесом А.Е. Крученых и К.С. Малевич, он был не чем иным, как *кубистической игрой с пространством и его геометрией*: разрывание коленкорového полотна было подобно приемам раздвигания плоскостей, их смещения друг относительно друга или же наложения друг на друга, — приемам, утвердившимся в новой живописи, на открытиях которой и базировались многие эксперименты футуристического театра и других зрелищных искусств.

Не только пространство, но и люди в опере Крученых обретали здесь иные формы, отличные от прежних: *новая геометрия пространства диктовала новую анатомию человеческого тела*. После *аттракциона с занавесом* на сцене появлялись громадного роста *Будетлянские силачи*, одетые в костюмы из проволоки и картона, напоминавшие скафандры; их широкие плечи располагались где-то на уровне человеческого роста, так что головы актеров оказывались прямо под скафандрами, а выше располагались приставные кубы-головы. Они больше походили на цирковых артистов, чем на солистов оперы. Сходство с цирком усиливало то обстоятельство, что и названы они были, подобно паре цирковых клоунов, — *Первый* и *Второй*. Борьба со старым миром за утверждение нового в опере Крученых разворачивалась по законам *площадного театра, спортивного состязания и цирка*. Старый мир лопался по швам, а из треска разрывающейся материи рождались *новое зрелище* и *новое слово*, когда *Первый силач* с оптимизмом провозглашал: «Все хорошо, что хорошо начинается» [4, с. 214], — каламбурно переиначивая и тем самым оспаривая известный афоризм, отмеченный «мудростью» прежних эпох («все хорошо, что хорошо кончается»). Согласно логике футуристов, то, что «кончается», то есть старое и отжившее, «хорошим» быть не может. Новый мир начинался там, где старый заканчивался, а потому его логика была противоположна той, что существовала прежде, — противоположна и так называемому «здравому смыслу». Крученых применил ранее найденный им и Хлебниковым принцип «мирskonца», предвосхитив открытия западноевропейского и американского дадаизма. Крученыховский и хлебниковский принцип «мирskonца» аналогичен балаганному принципу «алогического эксцентризма», который Н.И. Харджиев считал основным принципом футуристического театра. Так *футуристическая идеология и эстетика* смыкались с *идеологией и эстетикой балагана*.

Открытость и однозначность балаганного мира импонировали футуристам, выстраивавшим мир «с нуля». В изображенном Крученых мире нет и не может быть стабильных, прочных связей человека с этим миром и с другими людьми, поскольку

ничего еще не решено и все находится в становлении. Действие в опере очень условно, и общую его динамику можно обозначить как движение от *эсхатологии* (чаемой будетлянами гибели солнца и наступления тьмы) к *футурологии* (путешествию в «Десятый странъ»). Композиционным центром являются третья и четвертая картины первого «дейма» — хор похоронщиков и похороны солнца людьми будущего, пришедшими из «Десятый странъ». Перемещение из прошлого в будущее происходит стремительно, едва ли не мгновенно, после столь же стремительной расправы с прошлым, — сказывается влияние балагана, его непредсказуемых эксцентрических «ходов». Пятая и шестая, заключительная картина второго «дейма» разворачиваются в будущем — столь же условном, как настоящее и прошлое. Расправа с настоящим и прошлым принимала карнавалы-балаганные формы, а именно: выворачивания наизнанку, развенчания, пародирования, глумления над ними, брани в их адрес и т. п. Так, Будетлянские силачи, всем своим видом показывая, что не принимают театральной напыщенности и фальши прежнего искусства, вступали с ним в непримиримую схватку, всячески над ним потешаясь. Пародийному осмеянию подвергались собственные *символизм* и в еще большей степени *модерну паническое* восприятие природы и *дионисийский (оргиастический)* культ, а также его «поклонницы» и «поклонники» («толстые красавицы» и «пьяницы», что «ходят нагишом»), с которыми Будетлянские силачи не церемонились. Они объявляли войну Солнцу — главному культурному субстрату всех времен от античности до современности, вечному символу «вitalного» начала и одному из ведущих символов эпохи символизма. В противоположность символистским Гимнам Солнцу и призывам «Будем как Солнце» в опере А.Е. Крученых звучали будетлянские проклятия в его адрес и обещания неминуемой расправы над ним («Задержем пыльным покрывалом / Заколотим в бетонный дом!» [4, с. 215]).

В *футуристическом балагане* Крученых «старые» люди и внешностью, и поведением напоминают *кукол*, а «новые» — *машины*. Природа всех этих персонажей одна, «кукольно-механическая», лишь проявления разные (в случае с «новыми» она причудливым образом сочетается с научными и техническими достижениями того времени и представлениями футуристов о будущем). Все отношения, в которые вступают между собой «старые» и «новые», сводятся к одному типу — прямому столкновению, состязанию, схватке противников, что напоминает поведение персонажей в балагане, спортсменов на ринге или артистов (клоунов) на арене цирка. В первой картине первого «дейма» Нерон и Калигула, согласно ремарке, появляются «в одном лице» и с одной только левой рукой, «согнутой под прямым углом», — не живые люди, а безжизненной марионетки. На наш взгляд, фигура Нерона и Калигулы является «скрытой» отсылкой к блоковским мистикам, о которых говорится, что они «безжизненно повисли на стульях»; более того — эпизод в целом резонирует с начальной сценой «Балаганчика». В этой же сцене Злонамеренный, Забияка и Неприятель устраивают потасовку, где Неприятель борется с собой, «тащит самого себя за волосы — ползет на коленях» [4, с. 218]. Вторая картина первого «дейма» открывается костюмированным представлением — проходом поверженных «вражеских воинов в костюмах турков», и тот же Злонамеренный «затекает с собою драку» [4, с. 219]. Любопытно, что самого сражения будетлян с «вражескими воинами в костюмах турков» мы не видим, — пленение последних лишь констатируется в ремарке как свершившийся факт. Поскольку в простонародной русской среде образы «турка», «немца», «татарина» традиционно ассоциировались с образами чужестранца, врага, что нашло отражение в некоторых представлениях народного театра и русской кукольной комедии «Петрушка» (в сцене «Петрушка и Немец»), то одного лишь упоминания о «турках» оказывается достаточно, чтобы «механизмы памяти» о «низовых» пластах культуры «сработали». «Костюмы турков», следовательно, активизируют «кукольную» природу этих персонажей и их связь с народным сознанием вообще. Будетлянские силачи, Путе-

шественник, похоронщики – пришельцы «из 10-х стран», Разговорщик по телефону, получающий известие о пленении солнца при помощи этого технического новшества, представляют собой своеобразный сплав человека и техники, своего рода «человека-машину», а их реплики и диалоги выстраиваются по принципу *словесной машины*.

«Победу над Солнцем» можно интерпретировать как *откровение футуристов о будущем*, как *новую – будетлянскую – мистерию*, которая творится на обломках символистской мистерии, футуристами опрокинутой, перевернутой с ног на голову. Будетляне устраивают ритуальное жертвоприношение будущему – хоронят солнце и приветствуют наступление тьмы, после чего их ожидает посвящение в будущее – своего рода мистериальное откровение. Свойственный символизму культ солнца сменяется *культом электричества и машины*, а на место поверженного солнца водружают электрические лампы.

Идея автора и режиссера оперы А.Е. Крученых была поддержана и в декораторском решении К.С. Малевича. Как известно, футуристический театр уничтожил декорации в том смысле, в каком понимал их театр традиционный, приблизившись, тем самым к фольклорному театру, где декорации отсутствуют или же весьма условны – театральные движения или слова актеров могут заменять их [6, с. 75–76], и театру Н.Н. Евреинова, стремившегося избавиться от декораций мертвых и неподвижных, лежащих вне субъекта действия, то есть вне героя, которому должно сочувствовать и сопереживать. *Футуристический театр* двинулся в сторону *условности декораций и костюмов*, поскольку условность для эстетического созерцания обладала большими возможностями, чем бытовая точность, и, следовательно, была способна дать больший простор воображению зрителя. «Смотраны, написанные художником, создадут переодию природы» [4, с. 213], – пояснял Хлебников в «Прологе» к «Победе над Солнцем». Декорации футуристического театра были задуманы как преодоление бытового правдоподобия и преобразование мира, которое совершается прямо на глазах у зрителя. Так, 5-я картина 2-го действа крученыховской «Победы над Солнцем» открывалась ремаркой, подробно описывавшей не только сами декорации, но и «декоративные» превращения, их динамику: «Изображены дома наружными стенами, но окна странно идут внутрь, как просверленные трубы, много окон, расположенных неправильными рядами, и кажется что они подозрительно движутся» [4, с. 222]. Призыв Евреинова уничтожить неподвижные декорации футуристы восприняли буквально и ответили прямым « жестом », подтверждением чему и стал экспериментальный характер декораций Малевича в спектакле. По свидетельству Н.И. Харджиева, в «Победе над Солнцем» «в одной из “ картин ” спектакля впервые в истории театра было показано “ супрематическое действие ” – движение цветных плоскостей (деревянные щиты передвигались невидимыми со стороны зрителей учениками Малевича)» [5, с. 395]. Так футуристический театр вступал в «пограничные» отношения с пространственными и пространственно-временными искусствами, в частности с живописью и кинематографом, воспринимая характерные для них приемы и вырабатывая на этой основе свои собственные, оригинальные. Таким образом, футуристический театр не ограничивался традиционными художественными формами: раздвигая границы искусства, он активно вторгался на территорию новейшей живописи, кинематографа, даже цирка и балагана.

Подводя итоги, отметим, что «Победа над Солнцем», с одной стороны, – «*вампука*» старого театра, его пародийное осмеяние, а с другой – *весть о новом театре*. Опера А.Е. Крученых представляла собой *новую будетлянскую мистерию*, которая творилась «с нуля» на обломках *символистской мистерии*. При этом опыт взаимодействия А.Е. Крученых с популярными драматическими и театральными пародиями конца XIX – начала XX века, а также театральной теорией и практикой Н.Н. Евреинова оказался чрезвычайно важен и для футуристического театра, и для последующих исканий и экспериментов авангардного театра в целом.

Библиографический список

1. Крученых А.Е. Наш выход: К истории русского футуризма. М.: РА, 1996.
2. Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 2005.
3. Шевченко Е.С. Интеллектуальная драма Николая Евреинова // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С.77–81.
4. Поэзия русского футуризма / вступ. ст. В.Н. Альфонсова; сост. и подгот. текста В.Н. Альфонсова и С.Р. Красицкого. СПб.: Академич. проект, 1999.
5. Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых: Избр. работы о русском футуризме / сост. С. Кудрявцев. М., 2006.
6. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

References

1. Krychonykh A.E. Nash vykhod: K istorii russkogo futurizma [Our exit: On the history of Russian futurism]. M.: RA, 1996 [in Russian].
2. Tikhvinskaya L.I. Povsednevnaia zhizn' teatral'noi bogemy Serebriannogo veka: kabare i teatry miniatiur v Rossii. 1908–1917 [Everyday life of theatrical Bohemia of the Silver Age: cabarets and cameo theatres in Russia. 1908–1917]. M., 2005 [in Russian].
3. Shevchenko E.S. Intel'ktual'naiia drama Nikolaia Evreinova [Intellectual drama by Nikolay Evreinov]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 7(129), pp. 77–81 [in Russian].
4. *Poeziia russkogo futurizma* [Poetry of Russian futurism]. Prolusion by V.N. Al'fonsov, compilation and text processing by V.N. Al'fonsov and S.R. Krasitsky. Spb.: Akademich. Proekt, 1999 [in Russian].
5. Khardzhiev N.I. Ot Maiakovskogo do Kruchenykh: Izbr. raboty o russkom futurizme [From Mayakovsky up to Kruchonykh: Selected works on Russian futurism]. Compiler S. Kudryavtsev. M., 2006 [in Russian].
6. Bogatyrev P.G. Voprosy teorii narodnogo iskusstva [Issues of theory of popular art]. M., 1971 [in Russian].

*E.S. Shevchenko**

«VICTORY OVER THE SUN» BY A. KRUCHONYKH AND TRADITIONS OF RUSSIAN DRAMA AND THEATRICAL PARODY

In the article the influence of Russian drama and theatrical parody from V.S. Soloviev and creators of Kozma Prutkov up to N.N. Evreinov on the literary work by A.E. Kruchonykh «Victory over the Sun» is viewed; the meaning of parody tradition for the establishment of futuristic theatre is established.

Key words: futuristic theatre, drama parody, theatrical parody, tradition.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Shevchenko Ekaterina Sergeevna* (slash99@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ОБРАЗ ВТОРОГО «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ» В НОВЕЙШЕМ РОМАНЕ (К. КРАХТ *FASERLAND*, С. МИНАЕВ *ДУХLESS*)

Романы *Faserland* К. Крахта и *Duxless* С. Минаева художественно фиксируют сознание второго «потерянного поколения», целиком сформированного в условиях постмодернистской ситуации. Постмодернистский хаос задает специфический стиль жизни, особое восприятие мира и новую личностную проблематику. Исповедальная форма позволяет героям отчаянно собирать свое диффузное «я», знаки своего присутствия/отражения в этом мире. Характерные черты второго «потерянного поколения» – конформизм, цинизм и неготовность сострадать ближнему – все лишь защитная реакция на свою несостоятельность, отсутствие личностного ядра и невозможность выбора активной жизненной позиции.

Ключевые слова: роман *Faserland*, Кристиан Крахт, роман *Duxless*, Сергей Минаев, образ второго «потерянного поколения», характерные черты, постмодернистская ситуация, новая личностная проблематика, роман-исповедь.

Последнее десятилетие XX века стало значимой эпохой в судьбе Германии и России. Обе страны пережили огромные потрясения: падение Берлинской стены (1989) и распад СССР (1991). Столь масштабные социокультурные процессы в большей степени оказали влияние прежде всего на молодое поколение (годы рождения 1964–1984), находившееся в 1990-е годы на пике своей активности. В критической литературе это поколение именуют по-разному: «внуками третьего рейха» (по аналогии с устоявшимся термином «дети третьего рейха», но уже без идеологической окраски), «поколение Гольф» (так как их духовное становление пришлось на период войны в Персидском заливе), «поколение X» (по аналогии с романом Д. Коупленда), второе «потерянное поколение», «пустое поколение», поколение «брошенных детей» (*Schlüssel kinder generation* в немецкоязычном пространстве).

В поле нашего исследования – два ключевых текста, дебютные романы *Faserland* (1995) немецко-швейцарского автора Кристиана Крахта (Christian Kracht, р. 1966) и *Duxless* (2006) отечественного писателя Сергея Минаева (р. 1975). В этих романах – своеобразных путеводителях по второму «потерянному поколению» – дается собирательный образ поколения 1990-х, его мировоззренческие установки, система ценностей и приоритетов. Хотя роман *Duxless* далек от интеллектуальной глубины и обилия интертекстуальных связей постмодернистского произведения *Faserland*, он представляет для исследователя определенный интерес. Преимущество рассмотрения проблем второго «потерянного поколения» здесь отчетливо прослеживается. Если *Faserland* – это «немецкий

* © Канина С.Ю., Кучумова Г.В., 2016

Канина Светлана Юрьевна (kmasu@ya.ru), кафедра английского языка, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 432700, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4.

Кучумова Галина Васильевна (gal-kuchumova@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ответ» культовому роману Д. Коупленда «Поколение X», то роман *Duxless*, как признается сам С. Минаев, инспирирован именно книгой К. Крахта (цит. по [1, с. 7]).

Faserland и *Duxless* включены в единый дискурсивный текст о трагедии человека-потребителя, бездуховность которого становится объектом саморефлексии героев и других культовых романов (например, Дэвид Коупленд *Generation X*, Брет Истон Элиас *American Psycho*, Ник Хорнби *High Fidelity*).

Выражение *lost generation* приписывают американской писательнице Гертруде Стайн (1874–1946). Ее фраза «Все вы – потерянное поколение» Хемингуэй использовал в качестве эпиграфа к своему роману «И восходит солнце» (1926). Первоначально тема «потерянного поколения» была проникнута пафосом стоического пессимизма (Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, Э.М. Ремарк, Р. Олдингтон).

К первому «потерянному поколению» относят людей, в юном возрасте ушедших на фронты первой мировой войны и не сумевших найти себя в послевоенной мирной жизни. На основные черты первого «потерянного поколения» указывает, в частности, роман Э.М. Ремарка «Три товарища» (*Drei Kameraden*, 1932–1936): травматический опыт, циничность, пессимизм, постоянный возврат в прошлое, безразличие к настоящему, страх перед будущим, жажда настоящей дружбы и любви. Мировоззрение героя того времени – скептическое, циничное, но в то же время глубоко искреннего человека, одинокого, лишённого какой-либо положительной программы. Выбор названия романа не является случайным. Из возможных вариантов писатель выбирает более точный способ выражения взаимоотношения трех друзей, прошедших через войну (*camarada* – исп. *боевой товарищ*) [2, с. 220–227]. Военное братство сплотило трех товарищей, вернувшихся с войны и уже успевших разочароваться в жизни, армии и политике. В послевоенном хаосе они остаются друзьями, способными на мужскую дружбу, нежную любовь и понимание.

Судьба второго «потерянного поколения» освещается современными авторами в новом социокультурном контексте, в хаосе постмодернистском [3, S. 111]. Составляя духовный портрет своего поколения, К. Крахт и С. Минаев воспроизводят нравственные и духовные ценности того времени, образ жизни и способы выживания в постмодернистской ситуации конца XX века, когда трагический пафос сменяется игровой ситуацией, легкой иронией и внутренней пустотой. Семиотический коллапс, вызванный «информационным переворотом», предельно обострил кризис человеческого общения. Новые формы коммуникации и человеческих отношений, опосредованные средствами массовой коммуникации, уже не предполагают живого непосредственного общения. Теперь коммуникация – лишь игра, в которой задействованы знаки, бренды, марки, образы вещей, людей и явлений. «Травма коммуникации» переживается как боль и тоска современного человека по утраченным ценностям, а невозможность полноценного доверительного диалога переводится в сферу проблем онтологического характера – в ситуацию тотального одиночества.

Второе «потерянное поколение» – это «поколение, не достигшее цели». Такое определение дает отечественный исследователь Владимир Соболев, цитируя здесь название рассказа *Target Generation* (1953) американского писателя Клиффорда Саймака (*Clifford Donald Simak*, 1904–1988) [4]. Действительно, романы *Faserland* и *Duxless* звучат как реквием потерявшемуся (пустому) поколению.

Безымянные герои К. Крахта и С. Минаева – представители «золотой молодежи», молодые образованные люди, разочарованные современным состоянием общества, скукой, пошлостью и приземленными идеалами «респектабельного общества». При всем своем внешнем благополучии их проблема лежит за пределами их ежедневного существования, оба они циничны и прагматически ориентированы, но одновременно мучимы отсутствием смысловых координат в своей жизни и томимы высокими идеалами. Их отличают растерянность перед новой усложненной реальностью, понимание абсурда сы-

той и комфортной жизни человека-потребителя, утрата ценностных ориентиров, но вместе с тем жажда подлинного существования. Оба желают испытать настоящую любовь и обрести полноценное общение с миром и с собой. Однако весь прежний коммуникативный опыт героев (полноценное общение в детстве и в студенческие годы) переводится в иное модальное измерение – в виртуальное пространство ночных клубов, наркотических и сексуальных оргий, где нормы человеческого общения неузнаваемо искажаются.

Постмодернистские установки, сама прагматика текстов Крахта и Минаева нацелены на то, чтобы произвести культурный шок, усилить протестные интонации, содержащиеся в исповедях героев. Их романы задают новую «эстетику эксплозивности» [5], «культурного взрыва», провокации с целью расшевелить читателя. Дистанцируясь от старшего, «серьезного» поколения, представители «второго потерянного поколения» пытаются говорить на собственном языке, существенным образом демократизируя художественный язык, насыщая его молодежным сленгом и разговорными оборотами. Своим сарказмом, эпатажем, обращением к табу-темам представители второго «потерянного поколения» выражает отчаянный протест против засилья идеологических кодов и культурных стереотипов, против нивелировки личности в обществе потребления и самой техники проживания. В романах преобладает натуралистическое изображение жизни большого города с его неизменными атрибутами – бездомные, наркотики, алкоголь, система беспредельного потребления.

Крафт нигде не указывает на профессию своего героя, ни слова не говорит о его актуальном социальном положении. Его безымянный герой, сибарит, аристократ, современный денди, говорит о своей пресыщенности миром потребления. Его жизненный девиз: *Ich will mich nicht anstrengen muessen, auf gar keinen Fall* [6, S. 132]. «Я вообще не люблю напрягать себя, ни при каких обстоятельствах» [7, с. 200]. У минаевского героя профессия инженер весьма неожиданная для современной литературы. Если Макс Фриш в романе *Homo Faber* показал крах «человека технического», лишь в конце жизни озадаченного вопросами смысла бытия, то Сергей Минаев дает портрет современного «человека-пользователя» *Homo User*, которого занимают те же экзистенциальные вопросы, те же попытки отделить истинное бытие от неистинного, *Schein* от *Sein*.

Типологическое сходство исследуемых романов проявляется уже в названиях романов *Faserland* и *Duxless*. Английское слово *Fatherland* имеет своим аналогом немецкое *Vaterland* («отчизна»), записанное так, как оно воспринимается на слух. Здесь присутствует явное указание на то, что Германия постепенно утрачивает свою самобытность под натиском англо-американских поп-культурных вторжений и все более превращается в своеобразный «космополитический супермаркет» (М. Уэльбек) с необозримым ассортиментом товаров и услуг. В немецкоязычном культурном пространстве мотив утраты родины становится синонимичным утрате родного языка и духовной культуры. Здесь в полной мере отражена трагедия поколения 1990-х: растерянность, саморазрушение, утрата ценностных ориентиров и Родины как символа надежности, стабильности и защищенности.

Вместе с тем отметим разные основания целостности немецкой и русской культуры. В романе *Faserland* Крафт намеренно акцентирует концепт «немецкости», реанимируя его как через библиографический код (многочисленные интертекстуальные отсылки к текстам Т. Манна, Э. Юнгера, Ф. Дюрренматта и др.), так и через географический код (топонимику местности), через перечисление городов Германии, по которым путешествует безымянный герой. Русскоязычный же автор делает акцент на утрату современным человеком духовного опыта, на утрату книжной культуры, образа идеального героя, настоящего, сильного духом человека (не случаен подзаголовок романа *Duxless*: «Повесть о ненастоящем человеке»). В сложные моменты жизни в попытке обнаружить глубинные смысловые координаты своей жизни герой обращается к вневременному духовному опыту русской литературы (Б. Полевой, М. Булгаков, В. Катаев,

Ю. Бондарев и др.), выступающей нравственной опорой современного общества, теряющего свои координаты в погоне за мнимыми ценностями.

Типологическое сходство романов *Faserland* и *Duxless* проявляется также в структуре исследуемых романов. Если романы о первом «потерянном поколении» отличает повествовательная стратегия от третьего лица, то актуальные романы написаны в жанровой стилистике романа-исповеди. Жанровая форма романа-исповеди и само исповедальное слово — наиболее эмоциональны, поскольку апеллируют непосредственно к внутреннему миру читателя. Так, безымянный герой Крахта рассказывает свою жизненную историю, типичную для его поколения. Исповедь «сына века» звучит здесь в минорных тонах. Внешнее равнодушие позволяет ему, с одной стороны, едва ли ни цинично приспособиться к миру вещей и человеческих отношений, а с другой — выражает внутреннее неприятие им мишуры этого мира. На протяжении всех восьми глав романа герой описывает свое путешествие по городам Германии, которая предстает в культурно-исторических реалиях прошлого и настоящего, но, главным образом, в реалиях современного общества потребления. Современная Германия видится ему то грязным отстойником, то страной романтических исканий, она предстает ему в запахах, цветах, вещах, фотографиях и др. Однако герой романа не растворяется в массе предметного, избыточного и, по сути, безличного бытия. Напротив, он контролирует свой поток мыслей, чувств и воспоминаний, не погружаясь в пучины бессознательного психического и не подменяя живую реальность реальностью воображаемой. Безымянный герой сохраняет «свой текст», свою структуру личности, он пишет «свой текст».

Исповедуется и заглавный герой С. Минаева — успешный молодой специалист, коммерческий директор российского филиала крупной интернациональной корпорации, представитель «золотой молодежи». Он рассказывает о событиях нескольких дней своей напряженной жизни. Работа среди «офисного планктона» его утомляет. «*Желания ехать на работу нет никакого. Зато очень хочется выпить, поехать на природу и поговорить о чем-то высокодуховном*» [8, с. 28]. Он холост, беззаботен, свободен и почти все заработанные деньги и все свободное время тратит на развлечения. Пьет коньяк, курит марихуану, нюхает кокаин, свысока общается с другими, ниже его по социальному статусу. Повсюду он видит скуку и пустоту, его жизнь проходит среди людей, мертвых духом, по его определению, «мумий». Всю суть его отношения к «мумиям» передает внутренний монолог: «*Любой человек имеет цель в жизни. В мире мумий ее нет. Как нет, впрочем, и самой жизни. Есть только существование в атмосфере пустоты*» [8, с. 131]. «*Мумии объединены общим космосом. Общей религией. Имя ей — БЕЗДУХОВНОСТЬ. Воистину, мы все здесь БЕДНЫЕ ДУХОМ*» [8, с. 137].

Авторы романов совершенно точно описывают состояние глобальной душевной Пустоты, охватывающей представителей второго «потерянного поколения», вовлеченных в круговорот яркой, но бесцельной жизни. Их герои пытаются выстроить внутри себя новые опоры (в любви, дружбе и согласии). Так, пытаясь преодолеть духовный тупик, победить «гамлетовскую» болезнь века (*taedium vitae*), пресыщенность и скуку, герой Крахта отправляется в путешествие по стране с целью возобновить прежние связи с тремя товарищами по интернату. Окружающая реальность в судьбах «трех товарищей» предлагает безымянному герою три вероятных финала его личностного развития: стать наркозависимым (как Нигель), раствориться в других людях и чужих интересах (как Александр) или покончить с собой, не выдержав царящего вокруг всеобщего лицемерия и скуки (как Ролло). Жесток и бесчеловечный мир потребления отбирает единственно близких ему в прошлом людей, в новую фазу жизни (финал романа) герой вступает один.

Скольжение по поверхности жизни предполагает и погружение героев в глубину воспоминаний о счастливых минутах детства или в мечты о гармоничном будущем. В этом случае повествование меняет тональность иронического изложения событий на лирический тон. Так, фрагменты-воспоминания, вмонтированные в повествовательную структуру исследуемых романов, нарушают логику повествования, ретардируют, задержи-

вают повествование с целью заставить читателя глубже осмыслить и почувствовать трепетный внутренний мир неустроенных молодых людей. Герой Крахта то плывет в потоке повседневности, то углубляется внутрь, в «царственное» пространство своего детства. Детские воспоминания героя, «маленького принца» (*wie einen kleinen Prinzen*) [6, S. 47], так называли его стюардессы, о том, как он сидел за штурвалом современного лайнера и делал вид, что не знает об автопилотном режиме управления, лишь усиливает трагичность его состояния. В конечном итоге он теряет руль управления, ощущает трагическую утрату авторства своей жизни. Его взрослая жизнь осуществляется в режиме «автопилота».

Герой Минаева, вспоминая свои студенческие годы, по его признанию, самые счастливые в его жизни, преобразается, становится простым, лишенным снобизма человеком. Наедине с собой он снимает с себя маску презрения и становится немного романтиком и ребенком в душе. «*Я очень устал бороться со скукой, устал от бесцельных тусовок, пустых друзей. Мне просто очень нужно поверить. И еще мне хочется, чтобы рядом находился кто-то, кто может сказать мне, что все действительно изменилось к лучшему <...> Я очень хочу, чтобы наступил тот момент, когда мне больше не захочется прятать свои эмоции*» [8, с. 91]. Искренне влюбленный в девушку Юлию, далекую от гламурной жизни и не стремящуюся туда попасть, он отчаянно завидует ей в том, что она абсолютно самодостаточная, ведет настойчивый поиск смысла своей жизни.

Для обоих романов характерен открытый финал. В финальной главе романа Минаева *Ouverture* герой намеренно уезжает на природу, предается там размышлениям и мечтам, горестно признает свое личное поражение и поражение своего поколения. «*Я, вероятно, единственный человек на земле, который, получив возможность реализации любого желания, готов отдать магический “цветик-семицветик” другому. Безграничная щедрость, порожденная безграничной же пустотой и полной атрофией воображения <...> Богатый возможностями и бедный духом <...> Хотя нет, одна мысль у меня все-таки есть. Я попросил бы у цветка обратно в детство*» [8, с. 347].

В финале романа *Faserland* безымянный герой утрачивает привычные очертания картины мира, на зыбкой границе осуществляя переход от мира материального к изначальному, добытийному хаосу, где сознание уступает власть бессознательному. Он долго бродит по кладбищу в Цюрихе в поисках могилы Томаса Манна, затем просит лодочника за двести франков перевезти его на другой берег Цюрихского озера (подобие мифического Стикса). Его стремление добраться до середины озера может означать желание символической смерти как достижение им формы зрелой жизни (своего рода инициация).

Итак, знаковые тексты *Faserland* К. Крахта и *Duxless* С. Минаева художественно воссоздают сознание второго «потерянного поколения», целиком сформированного в условиях постмодернистской ситуации. Постмодернистский хаос задает специфический стиль жизни, особое восприятие мира и новую личностную проблематику. Последняя связана с распадающейся конструкцией субъекта, поверхностным характером межличностных отношений, утратой цели жизни и смысла бытия. Исповедальная форма позволяет героям отчаянно собирать свое диффузное «я», знаки своего присутствия/отражения в этом мире. Выявленные в нашем исследовании характерные черты второго «потерянного поколения» – конформизм, цинизм и неготовность сострадать ближнему – все лишь защитная реакция на свою несостоятельность, отсутствие личного ядра и невозможность выбора активной жизненной позиции.

Библиографический список

1. Балуева А. Сергей Минаев: «И она перетянула жгут...» // Комсомольская правда. 2010. 20 апр.
2. Симян Т.С. О структуре романа Э.М. Ремарка «Три товарища» // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. VII Андреевские чтения / под ред. Н. Т. Пахарьян. М., 2009.
3. Baßler, Moritz. Der Deutsche Pop-Roman: die neuen Archivisten. Muenchen: Beck, 2002.
4. Соболев В. Поколение, не достигшее цели // Звезда. 2007. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/2/so14.html>.

5. Эпштейн М. Нулевой цикл столетия. Эксплозив – взрывной стиль 2000-х // Звезда. 2006. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/2/ep16.html>.
6. Kracht Christian. *Faserland*. Berlin: Der Goldmann Verlag, 1997.
7. Крахт К. *Faserland*: роман / пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Ad marginem, 2001.
8. Минаев С. *Dyxless*, или Повесть о ненастоящем человеке: роман. М.: АСТ: Астрель, 2011.

References

1. Balueva A. Sergei Minaev: «I ona peretianula zhgut...» [Sergey Minaev: «And she overtightened tourniquet...»]. *Komsomolskaya pravda*. 2010. 20 April [in Russian].
2. Simian T.S. O strukture romana E.M. Remarka «Tri tovarishcha» [On the structure of the novel by E.M. Remarque «Three comrades»] in *Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniia. VII Andreevskie chteniia / Pod red. N.T. Pakhsar'ian* [Literature of the XX century: results and prospects of studying. VII St. Andrew's readings]. Edited by N. Pagsarjan. M., 2009 [in Russian].
3. Baßler Moritz. *Der Deutsche Pop-Roman: die neuen Archivisten*. Muenchen: Beck, 2002 [in German]
4. Sobol V. Pokolenie, ne dostigshche tseli [Generation under target]. *Zvezda [Star]?* 2007, no. 2. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/2/so14.html> [in Russian].
5. Epstein M. Nulevoi tsikl stoletii. Eksploziv – vzryvnoi stil' 2000-kh [The Zero cycle of the century. Explosive – the explosive style of the 2000-ies]. *Zvezda [Star]*, 2006, no. 2. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/2/ep16.html> [in Russian].
6. Kracht Christian. *Faserland*. Berlin: Der Goldmann Verlag, 1997 [in German].
7. Kracht, K. *Faserland*. Roman [Faserland. Novel]. Transl. from German by T.A. Baskakova. M.: Ad marginem, 2001 [in Russian].
8. Minaev S. *Dyxless*, ili povest' o nenastoiashchem cheloveke: roman [Soulless. The Story Of The Fake Man: a novel]. M.: AST: Astrel', 2011.

*S.Yu. Kanina, G.V. Kuchumova**

IMAGE OF THE SECOND «LOST GENERATION» IN THE LATEST NOVEL (K. KRACHT *FASERLAND*, S. MINAEV *DYXLESS*)

The novels *Faserland* by K. Kracht and *Dyxless* by S. Minaev artistically capture the consciousness of the second *lost generation*, fully formed in the postmodern situation. Postmodern chaos sets a specific style of life, a special perception of the world and a new personal perspective. Confessional form allows the heroes to collect their signs of their presence/reflection in this world. The characteristic features of the second *lost generation* – conformism, cynicism and unreadiness to sympathize to the near are a defensive reaction to the inconsistency, lack of personality cores and impossibility of the choice of an active life position.

Key words: novel *Faserland*, Christian Kracht, novel *Dyxless*, Sergey Minaev, image of the second *lost generation*, postmodern situation, new personal perspective, novel-confession.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

* *Kanina Svetlana Yurievna* (kmasu@ya.ru), Department of English Language, Ilya Ulyanov State Pedagogical University, 4, Square of 100-years from the date of birth of V.I. Lenin, Ulyanovsk, 432700, Russian Federation.

Kuchumova Galina Vasilievna (gal-kuchumova@mail.ru), Department of German Philology, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443011, Russian Federation.

БРЕХТ И «ЭПИЧЕСКИЙ ОПЫТ» РУССКОЙ СЦЕНЫ

В статье исследуется вопрос о соотношении брехтовской теории эпического театра и повествовательных сценических форм, которые развивались параллельно на отечественной сцене, вводится и анализируется понятие «границы» между иллюзорным действием и повествованием.

Ключевые слова: Брехт, Немирович-Данченко, граница, иллюзорное, повествовательное.

Вопрос о взаимовлиянии тех или иных театральных систем — это не всегда вопрос прямого воздействия: общеизвестно, что отечественный театр и драматургия были «облучены» идеями Брехта лишь в 1960–70-х гг., опыт этот имеет уже достаточно широкое освещение в нашем брехтоведении. Цель моих размышлений — собрать и осмыслить факты, показывающие, что «эпическое» под маской «повествовательного» возникает на русской сцене задолго до начала практик и теоретических размышлений немецкого реформатора, а сегодня — обогащенная брехтианским опытом — русско-говорящая новейшая драма поддерживает и развивает эту традицию.

По мнению Ролана Барта — известного французского филолога и философа-пост-структуралиста, начинавшего свою карьеру в качестве театрального критика, — реформатор немецкой сцены показал, что возможности театра несоразмерно больше, чем рассказ увлекательной истории: «Брехт лишил меня всякого интереса к несовершенному театру и приблизительно с этого момента я в театр больше не хожу», — писал Барт в 1954 году после гастролей Берлинер ансамбль в Париже [1, с. 10]. Сущность революционного брехтианского поворота в технике драмы автор авторитетного сочинения по теории драмы второй половины XX века Петер Шонди определял тем, что к фабуле Брехт добавил т. н. «субъект эпической формы» [2]. Мне же представляется продуктивным рассмотреть брехтианские формулы в контексте сценических выразительных средств, о которых в последнее время часто и много рассуждают теоретики театра, для этой цели необходимо ввести и обосновать понятие т. н. «границы».

Граница — принципиальное понятие для сцены, пространство которой всегда делилось на несколько разнофункциональных частей: зал, где находятся зрители, площадка, где играют актеры, а также интервал между ними — часть, которую видят и зрители, и актеры, пространство «за кулисами» — то, что видят актеры, но не видит зритель. Интервал между «сценой» и публикой в античные времена назывался «оркестра» — пространство, занимаемое хором. Интервал этот в музыкальном театре сохранился и по сей день, он именуется теперь «оркестровой ямой» — в ней находятся музыканты. Но и в драматическом театре есть «атавизм» оркестры — пространство, где вместе со

* © Скороход Н.С., 2016

Скороход Наталья Степановна (naskorokhod@yandex.ru), кафедра драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (СПбГИКиТ), 191119, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, 13; кафедра русского театра, Российский государственный институт сценических искусств (РГИСИ), 191028, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Моховая, 34.

своим оборудованием помещаются свето-, радио-, а теперь еще видеотехники, они в чем-то подобны античному хору: включаются в спектакль в определенные моменты его действия, и *границы* пространств, где они находятся, можно осмыслить драматургически.

Недавно в Театре Наций появился спектакль «#СОНЕТЫШЕКСПИРА» (2014), где режиссер Тимофей Кулябин обыграл подобную *границу* в драматургии зрелища: общая патетика представления ловко снижалась здесь тем, что параллельно с артистами зритель видел бытование монтировщиков, обслуживающих спектакль: режиссер открыл для зрителя их пространство.

Разумеется, сценическая *граница* и задолго до Брехта неоднократно становилась объектом театральной игры. Яркий пример тому — знаменитый «Мудрец» С. Эйзенштейна, получасовой финал которого — десятиминутная «фильма» — первый кинематографический опыт будущего автора «Броненосца “Потемкина”». Действие начатое на сцене, при помощи киносъёмки переносилось на крышу особняка, где помещался театр Пролеткульта, и продолжалось во дворе, на трамвайной остановке, где один из персонажей садился в трамвай и окончательно вырывался *за границу* видимости камеры. Зритель же воспринимал действие в его непрерывности, поддаваясь обману, веря, что границы сцены попросту раздвигаются и сужаются. Несомненно, эта — во многих отношениях новаторская постановка — явилась прообразом самых радикальных сценических опытов игры со сценическим пространством и его *границами*.

С точки зрения сценических средств выразительности граница — важнейшая материя сцены, для драматурга, режиссера, сценографа здесь представлено поле возможностей, и вопрос, какую выбрать стратегию в этом отношении, стоит перед авторами спектакля всегда. Простейший случай традиционного театра — это, конечно же, четвертая стена: персонажи делают вид, что зрителя нет, зритель им подыгрывает, поклон в финале спектакля — единственная точка, где все перестают притворяться. Да, конечно, публика иногда пробует заявить о себе, встречая и провожая аплодисментами известного актера, порой незатейливый простак кричит из зала, что ему ничего не видно или не слышно, однако актеры, как правило, оставляют эти попытки прорвать границу безо всякого внимания. Многие великие пьесы прошлого написаны в расчете именно на такую стратегию, но в истории театра существовали и другие варианты, когда граница между публикой и сценой была прозрачна: на любую акцию с одной стороны границы следовала немедленная реакция. На эти-то стратегии, по общепринятому мнению, во многом опирался, создавая теорию эпического театра, Бертольд Брехт.

Отрицая катарсис и увлечение публики драматическим сюжетом, Брехт вводит в пьесу т. н. зоны *очуждения*, которые должны создать дополнительные границы по ходу действия спектакля. В «Трехгрошовой опере», например, Дженни-Малина, только что сдавшая полиции своего дружка бандита Мэкки-ножа проститутка, исполняет *зонг* «О Соломоне Мудром», суть которого сводится к рефлексии на тему только что произошедшего события: царя Соломона сгубила мудрость, Цезаря — смелость, Брехта — правдивость, а ее дружка-бандита — чувственность. Очевидно, что такая эрудиция и способность к суждению об идеализме с исторических позиций выходит за границы опыта этой героини. Но кто тогда адресует зрителю зонг о «Соломоне Мудром»? Актриса, играющая Дженни? Некий «субъект повествования»? Или сам Бертольд Брехт?

Известнейший российский литературовед и историк театра Борис Зингерман в умном и тонком анализе этой пьесы замечает: «Разрушение органической непрерывности действия усиливается тем, что и без того разрозненные, не спаянные между собой эпизоды прерываются эстрадным пением (зонгом), совершенно не обязательным для развития сюжета... <...> Зонг разваливает сюжет и убивает сценическую иллюзию [3, с. 224–225]. Признав разрыв границ иллюзорного действия, Зингерман однако весьма осторожно рассуждает о феномене «выхода актера из роли»: «В зонге дают себя знать неизвестные

нам нравственные качества героя и его скрытые душевные резервы; им не дано проявиться в узких рамках существующих житейских отношений — в предустановленных границах драматического сюжета» [3, с. 255]. Здесь мы окунаемся в сложную в теоретическом отношении материю — что есть граница персонажа? Как ее определял и понимал сам Бертольд Брехт? Очень часто брехтовский зонг понимается у нас как абсолютный «выход из роли» и обращение в зал от лица самого актера. Но так ли это? У Брехта мы можем прочесть: «Совсем недостаточно разработать образ лишь настолько, насколько это необходимо по ходу действия данной пьесы. В нем должно быть еще что-то конкретное, неповторимое, позволяющее догадываться, что в определенных социальных условиях это лицо может действовать и по-другому» [4, с. 121].

Предположу: выходя за границы иллюзорного действия, актер не вполне «обнуляет» свойства персонажа, и, превращаясь из объекта в субъект истории, то есть в частицу повествования, еще несет в себе «след» героя, в шкуре которого только что побывал. Таким образом он делает *границу* между «событием изображаемым» и «событием изображения» размытой, в этом, как мне кажется, основная загадка брехтианского зонга. И при продолжении рассуждений на тему границ эпического и иллюзорного представляется продуктивным сравнить технологий эпического театра с практиками работы над «большими романами» одного из основателей МХТ Вл.И. Немировича-Данченко¹.

Анализируя истоки брехтовской теории, и зарубежные, и отечественные исследователи справедливо связывают его с практиками советского авангардного театра, но не замечают огромный опыт инсценизации прозы на сценах театров традиционных, но, на мой взгляд, этот опыт имеет к теории эпического театра непосредственное отношение. Общеизвестно, что именно в стенах МХТ еще в начале XX века появились очертания сценического *повествования*. В 1910 году Вл.И. Немировича-Данченко выпустил двухчастный «спектакль-роман» «Братья Карамазовы», этот опыт и стал с моей точки зрения, первой практикой осмысления *границы* между сценической иллюзорной историей и повествованием на основе прозы. Видевший премьеру «Карамазовых» критик Юрий Беляев назвал спектакль едва ли не «первым опытом «инсценированного романа», не побывавшего в лапах у “передельвателей”» [5, с. 313]. Радикализм режиссера состоял в том, что он откровенно признавался зрителю, что переносит на сцену роман, жанр спектакля в афише был обозначен как «отрывки из романа Достоевского». Свой замысел и его воплощение Немирович-Данченко описывал так: «Играли в 2 вечера. Если бы цензура разрешила старца Зосиму — играли бы в три вечера. Там присутствовал т. н. чтец, образованный читатель, филолог, современник зрителей. Чтец будет Званцев. Ему много надо читать, очень тонко, в тон вступать. <...> Чтец иногда выступает среди действия. Кажется, это выйдет эффектно» [6, с. 72].

После первой части «Братьев Карамазовых» другой театральный рецензент — Сергей Яблоновский — начал статью в газете «Русское слово» с описания самого необычного элемента этой постановки — границы между иллюзорным пространством и пространством Чтеца. «Сцена в этот вечер представляла собой большие отклонения от известной картины: большой передний занавес отсутствовал; сама сцена была укорочена: от нее отнята приблизительно четвертая часть в длину. Эта четвертая часть отделена колоннами. <...> На возвышении — задрапированная кафедра; на ней — лапма; за кафедрой г. Званцев и читает своим богатейшим басом... Остающиеся для действующих лиц три четверти сцены также необычны: сцена уменьшена...» [7, с. 279]. Критик подчеркивает, что эта — дотоле нигде не виданная — форма спектакля просто ошарашила публику. Далее он подробно описывает, что партия Чтеца-Званцева и начинала спектакль: «Он сделал крошечное вступление о том, что Алешу послал в мир старец Зосима, и затем он раз пять прерывал действие вставка-

¹ Подробно работа Вл. И. Немировича-Данченко над романами «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «Воскресение» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого описаны автором статьи в книге «Как инсценировать прозу» [10].

ми...» [7, с. 280]. Фигура повествователя и форма его презентации в спектакле, отдельная «выгородка» для Чтеца вызвали оживленную полемику не только среди рецензентов и образованной публики, в дискуссию вокруг инсценизации романа включились такие великие умы, как Вяч. Иванов и Д. Мережковский. Полярность мнений только подтверждала несомненность открытия Немировича-Данченко: одни видели в «Карамазовых» покушение на природу театра, другим — напротив, спектакль казался возвращением к его историческим истокам: в Чтеце Званцева предполагали возрождение античного хора.

Вскоре после премьеры режиссер сравнил успех «Братьев Карамазовых» с триумфом мхатовской «Чайки», Владимир Иванович был уверен, что МХТ стоит на пороге театрального открытия: «Мы все ходили вокруг длинного забора и наконец-то вышли на свет», — писал он Станиславскому. Он полагал, что прием, который он использовал в «Братьях Карамазовых» способен разрушить прежнюю сценическую форму, и отныне великий роман может быть освоен сценой с помощью выхода на сцену Чтеца, возможности которого неограниченны. И что пройдет совсем немного времени, «как вам даже Островский покажется скучным своими театральными условностями... даже Чехов!» [6, с. 71].

Принципиально, что подобная проба «эпизации» театра сделана в 1910 году, когда двенадцатилетний Бертольд Брехт еще не помышлял о своих принципиальных разногласиях с Аристотелем. Интересно, что границу между повествованием и иллюзорной историей режиссер на этом этапе воспринимал буквально: когда звучал бас Званцева, жизнь на соседней площадке, где находились «субъекты истории», замирала. Впрочем, и здесь одномоментно было сделано еще одно открытие. Дело касалось сцены суда над Митей Карамазовым: судьи в те годы не могли появиться на сцене по причине цензуры, так вот — именно Званцев и читал реплики не представимых персонажей, которые были необходимы для нормального течения истории, о чем с недоумением, восхищением или возмущением отмечалось в рецензиях. Надо сказать, что этот прием считается необычным и по сей день: в недавней инсценизации «Войны и мира» (2015), предпринятой московским режиссером Виктором Рыжаковым на сцене БДТ им. Товстоногова персонаж «эпической формы» — наша современница Наталия Ильинична, в исполнении легендарной Алисы Фрейндлих, которая, как когда-то актер МХТ Званцев, ведет нас по роману и иногда «подает реплики» Наташи Ростовской — героиня эта в иллюзорной истории спектакля отсутствует вовсе.

Почему же Немирович-Данченко не стал «русским Брехтом» и не совершил открытия «театра эпической формы»? Думаю, причин можно найти множество, но самая главная из них состоит в том, что Владимир Иванович пришел в режиссуру из литературы и на всю свою жизнь остался убежденным литературоцентристом. После «Карамазовых» его окрылила сама возможность переноса «романа на театр», без неизбежных при драматизации потерь. И применяя при постановке Достоевского радикальнейшие приемы, режиссер не рискнул осмыслить свои практики с точки зрения сценической, театральной. Пришедший через три года неуспех «Ставрогина» (1913) — следующего опыта постановки прозы «разочаровал режиссера в своем открытии.

Однако через двадцать лет — в другую экономическую, социальную и культурную эпоху — Немирович-Данченко вновь берется на постановку «большого романа», на этот раз «Воскресения» Л.Н. Толстого. Один из величайших театральных исследователей и теоретиков прошлого века Константин Рудницкий сравнивал две постановки режиссера именно с точки зрения наличия «субъекта эпической формы»: «Замысел его спектакля “Воскресение” развивал идею, некогда столь удачно реализованную в “Братьях Карамазовых”»: форму спектакля-романа и здесь скрепляла сквозная роль чтеца, выступавшего от имени автора. Но если в “Братьях Карамазовых” чтец сопровождал действие спектакля, то в “Воскресении” “лицо от автора” активно вело за собой весь спектакль, иногда приостанавливало его ход, затем вновь приводило в движение и непринужденно связывало между собою пространство сцены с пространством зрительного зала, персонажей толстовского романа — со зрителями 30-х годов» [8, с. 35].

Мы видим, что идея «границы» между повествованием и иллюзорной историей была осмыслена Немировичем иначе: если раньше она была «твердой», определялась пространством и закреплялась сценографически, то в «Воскресении» граница уже «прозрачна», она создается и разрушается особым положением Лица от автора, роль которого с блеском исполнял В.И. Качалов.

В спектакле по Толстому были построены иные отношения между субъектом эпической формы — Лицом от автора — публикой. Если Званцев, как известно, читал роман беспристрастно, то «Лицо от автора» Качалова было лишено нейтральности по отношению к фабуле. Очевидец спектакля писал, что Качалову «...принадлежали не только слова, авторский текст, но и идея спектакля, вся эмоциональная сила, весь темперамент и нерв автора; необходимо было заразить зрителя своим отношением к происходящему и в то же время помочь действующим лицам раскрыть идейную сущность романа» [8, с. 212].

И в этом — идеологическом — отношении опыт «Воскресения» можно считать более брехтианским, поскольку формальные приемы, и в частности игры с границей между иллюзорным и рассказанным, сочинялись Брехтом с конкретной содержательной целью. «Брехт не захотел облекать революционное содержание в старые театральные формы ... он отвоевал для театральной материи совершенно новый статус, полностью подчиненный действию политических сил» [1, с. 95], — справедливо утверждал Барт.

Надо принять во внимание, что премьера «Воскресения» состоялась 30 января 1930 года, и в том же январе 1930-го Александр Таиров выпускает в Камерном театре первого «русского Брехта»: «Оперу нищих» — «Трехгрошовую оперу» Брехта в переводе Вадима Шершеневича и Льва Никулина. Пьеса, которую Зингерман назвал «Чайкой» эпического театра, дается всего в нескольких кварталах от мхатовской сцены, но никаких параллелей, естественно, никто не проводит: слишком далекие друг от друга типы театра предъявляли миру тогда Таиров и Немирович-Данченко, и мысль о совпадениях могла показаться не просто неверной — кощунственной.

Однако теперь настало время отметить тот факт, что в 1930 году размышления и открытия Немировича-Данченко шли параллельно созданию теории эпического театра. Не касаясь в этой статье собственно таировского спектакля по Брехту и оставляя за скобками тему проникновения и укоренения собственно брехтианских идей на советском театральном пространстве, зафиксируем сходство в формальном и существенном построении *субъекта эпической формы* у Брехта и Немировича-Данченко.

Так, оттачивая свои идеи на «Трехгрошовой опере», Брехт как будто заявлял публике: вот вам трехгрошовая история с пыльной полки истории английского театра, а вот какие мысли вызывает она у нас сегодня, в 1928 году, с точки зрения нашего марксизма. Но приблизительно те же задачи ставит перед собой и режиссер «Воскресения»: «вытряхнув» из романа все богоискательство «дореволюционного» Толстого, Немирович-Данченко, а вернее, его Лицо от автора представляет зрителям трактовку «пыльного» романа как отрицание буржуазных институтов и межличностных отношений и утверждение гуманизма. В схеме такая интерпретация была не чем иным, как «точкой пересечения» отношений к толстовскому роману Немировича-Данченко и советской цензуры: идеологически-выверенной официальной версией «осовещенного марксизма» начала 1930-х гг.

Таким образом, российская сцена в первой половине XX века фактически вела параллельные поиски в области театра «эпической формы»: в одной стороны, развивая практики авангардного театра, с другой — занимаясь воплощением принципиальных для русской культуры повествовательных текстов.

Библиографический список

1. Барт Р. Работы о театре / сост., пер. с фр. и послесл. М. Зерчаниновой. М.: ООО «Ад маргинем пресс», 2014. 116 с.

2. Szondi P. *Theorie des modernen Dramas: 1880–1950*. 18 Aufl. Frankfurt am Main, 1987.
3. Зингерман Б.И. *Очерки истории драмы XX века*. М.: Наука, 1979. 392 с.
4. Брехт Б. *Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания*: в 5 т. Т. 5/2. М.: Искусство, 1965.
5. Беляев Ю.Д. *Статьи о театре*. СПб.: Гиперион, 2003. 432 с.
6. Немирович-Данченко Вл.И. *О творчестве актера*. М.: Искусство, 1984. 623 с.
7. МХТ в русской театральной критике: 1907–1917 / сост. О.А. Радищева, Е.А. Шингарева; вступ. к сезонам и примеч. О.А. Радищевой. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2007. 878 с.
8. Рудницкий К.Л. *Проза и сцена*. М.: Знание, 1981. 111 с.
9. Билинкис Я. *Роман Толстого: спектакль, фильм // Театр и драматургия*. Л.: ЛГИТ-МиК, 1971. Вып. 3. С. 206–222.
10. Скороход Н.С. *Как инсценировать прозу: Проза на русской сцене. История. Теория. Практика*. СПб.: Петербургский театральный журнал, 2010. 344 с.

References

1. Barthes R. *Raboty o teatre [Works on the theater]*. Complier, translation from French and afterword by M. Zerchaninova. М.: ООО «Ad marginem press», 2014, 116 p. [in Russian].
2. Szondi P. *Theorie des modernen Dramas: 1880–1950*. 18 Aufl. Frankfurt am Main, 1987 [in German].
3. Zingerman B. *Ocherki istorii dramy XX veka [Studies on the history of XX century drama]*. М.: Nauka, 1979, 392 p. [in Russian].
4. Brecht B. *Teatr: P'esy. Stat'i. Vyskazyvaniia: V 5 t. T. 5/2 [Theatre: Plays. Articles. Statements: In 5 Vols. Vol. 5/2]*. М.: Iskusstvo, 1965 [in Russian].
5. Belyaev Yu. D. *Stat'i o teatre [Articles on the theater]*. SPb.: Giperion, 2003, 432 p. [in Russian].
6. Nemirovich-Danchenko V.I. *On actor's creative work*. М.: Iskusstvo, 1984, 623 p. [in Russian].
7. МКХТ в русской театральной критике: 1907–1917 [Moscow Art Theatre in Russian drama criticism: 1907–1917]. Compliers O.A. Radishcheva, E.A. Shingareva; introductory words to seasons and notes by O.A. Radishcheva. М.: Artist. Rezhisser. Teatr., 2007, 878 p. [in Russian].
8. Rudnicki K.L. *Proza i stsena [Prose adaptation on the stage]*. М., Znanie, 1981, 111 p. [in Russian].
9. Bilinkis Ja. *Roman Tolstogo: spektakl', fil'm [Tolstoy's novel: the play and the film] in Teatr i dramaturgiia [Theatre and drama]*. L.: LGITMiK, 1971, Issue 3, pp. 206–222 [in Russian].
10. Skorokhod N.S. *Kak instsenirovat' prozu: Proza na russkoi stsene. Istoriia. Teoriia. Praktika [How to adapt prose for the stage. History. Theory. Practice]*. Spb.: Peterburgskii teatral'nyi zhurnal, 2010, 344 p. [in Russian].

*N.S. Skorokhod**

BRECHT AND RUSSIAN «NARRATIVE EXPERIENCE»

The article explores the question of relationship between the Brecht theory and the ideas of the so called “theatre narrative” created in Russian theatre in a parallel. The author introduces and examines the concept of “boundaries” between action and narration in drama and theatre.

Key word: Brecht, Nemirovich-Danchenko, boundary, illusory, narrative.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Skorokhod Natalia Stepanovna* (naskorokhod@yandex.ru), Department of Dramaturgy and Cinematology, St. Petersburg State University of Film and Television, 13, Pravda Street, St. Petersburg, 191119, Russian Federation; Department of Russian Theatre, Russian State Institute of Performing Arts, 34, Mokhovaya Street, St. Petersburg, 191028, Russian Federation.

ПОЭТИКА МОТИВА ГРАНИЦЫ В ПРОЗЕ ИНГЕБОРГ БАХМАН

В данной статье рассматривается феномен границы на материале прозаических произведений И. Бахман. Исследуется смысло- и сюжетообразующий потенциал мотива границы посредством выделения и анализа его семантических вариантов. Мотив границы используется автором для разработки таких экзистенциально значимых аспектов, как «я» и «другой», язык и сознание, слово и смысл.

Ключевые слова: мотив, граница, язык, сознание, утопия, И. Бахман.

Тематизация проблемы границы в творчестве Ингеборг Бахман осуществляется на стыке двух областей — философии и литературы. Непосредственное влияние на ее творчество, оказали, с одной стороны, концепция австрийского логика-позитивиста Л. Витгенштейна, заключившего «границы мира» в «границы языка», с другой стороны, новые принципы работы с художественным текстом, порожденные кризисом европейского гуманизма и утверждающие совершенно иные способы взаимодействия автора с окружающей реальностью. Экзистенциальная «трещина», вышедшая на поверхность на рубеже веков в сознании субъекта и отныне безнадежно отчуждающая его не только от объективной действительности, но и от самого себя, обозначила «точку невозврата» к прежним практикам литературного письма. В творчестве И. Бахман можно обнаружить отголоски произведений таких авторов, как Х. фон Гофмансталь, Ф. Кафка, Р. Музиль, М. Пруст, оказавших, по ее собственному признанию, большое влияние на становление ее художественной концепции.

Понятие границы в представлении Ингеборг Бахман оказывается тесно сопряженным с языком. При этом язык понимается ею предельно широко, а именно как «способ говорения о мире», подразумевающий под собой фактически любую область деятельности, в которой человек вступает в «разговор» с Логосом, и где происходит рождение смыслов. Неслучайно она говорила о литературе как о «в будущее открытом царстве неизвестных границ» [1, с. 290]. В попытке выразить «невыразимое» она нередко переступала границы литературы и прибегала к музыке, инкорпорируя те или иные ее элементы в свои тексты. В частности, Е.О. Съемщикова констатирует в своей диссертации «Музыкальность как особенность поэтики Ингеборг Бахман»: «Язык, несовершенный, по мнению литераторов, обогащается за счет интермедиаций другой сферы и наделяет произведение такими свойствами, каких неспособно достичь ни одно искусство отдельно взятое» [2, с. 161]. Любопытную параллель можно обнаружить в русской литературе XX века. Так, например, О. Мандельштам подчеркивал важность обращения поэта к музыке и призывал «слово вернуться в музыку, ибо именно из музыки оно и вышло» [3, с. 14]. По мнению Л.Г. Кихней, «слово-Логос оказывается связанным с музыкой и тишиной, последние и являются, собственно, его первоосновой» [3, с. 16]. О возможности косвенного влияния русского лирика на творчество И. Бахман судить трудно. Однако известно, что в немецкоязычной среде его произведения, согласно Е. Линдемманн, были представлены благодаря переводам П. Целана, в связи с чем не исключается вероятность знакомства И. Бахман с текстами О. Мандельштама [4, с. 11].

* © Моросеева Д.Д., 2016

Моросеева Дарья Дмитриевна (dachulka18@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Интермедиальность не единственный пример перехода И. Бахман поэтологических границ. Имеет место также прием пересечения границ жанровых, например, использование лирических элементов в прозе, а нарративных или даже драматических – в лирике. В рамках единого текстового пространства И. Бахман может использовать разнородные образные и смысловые структуры, например, одновременно обращаться к греческой мифологии и библейским мотивам. При этом образы, заимствованные ею из столь различных дискурсов, утрачивают свой первичный онтологический статус, становясь при этом знаком, указывающим на те или иные семантические грани художественных смыслов. Именно поэтому данные образы и мотивы могут успешно сосуществовать в пределах одного текста и нисколько не противоречить друг другу, ибо служат единой эстетической задаче.

Осмысление специфики и значимости мотива границы в творчестве И. Бахман становится возможным только в контексте имманентных ее поэтике категорий «утопия» и «абсолютные величины» (“*reine Größen*”). Понятие утопии у И. Бахман коррелирует со знаменитым тезисом Л. Витгенштейна «границы моего языка – это границы моего мира», вследствие чего смысловым стержнем данного понятия выступает взаимосвязь языка и реальности. По мнению И. Бахман, изменение действительности возможно только путем изменения языка. Под изменением языка, в частности, понимается установка автора на поиск аутентичных художественных форм, способных адекватно выразить действительность. Понятие «абсолютные величины» было сформулировано И. Бахман для выделения таких ценностных констант, как «истина» (“*Wahrheit*”), «любовь» (“*Liebe*”) и «свобода» (“*Freiheit*”). Истина, любовь и свобода в их высшем проявлении и понимании выступают в концепции И. Бахман не как наивно возвеличенные, принадлежащие исключительно сфере мысли и не вступающие в контакт с реальной действительностью абстрактно-идеальные конструкты. Они представляют собой действительный и действенный опыт взаимодействия человека и абсолюта, подразумевающий выход за рамки ограниченного социальными нормами и установками сознания, радикальное нарушение всех условностей и пересечение собственных границ возможного и дозволенного. Однако социальная действительность, организованная по законам разума, априори не способна впустить в себя все то, что противостоит любым рамкам и ограничениям, стремится к безграничности и безусловности. Таким образом, стремление героя к достижению «абсолютной» истины, любви или свободы обнаруживает свою утопичность, ибо чем ближе он к ним подступает, тем дальше они удаляются от него. По мнению немецкого исследователя Г. Вебера, целью подобных «негативных примеров» служит «расширение сознания». Такой глубоко личностный, пограничный экзистенциальный опыт внутренне меняет, трансформирует героя, задает новые духовно-нравственные координаты. «*Warum aber stellt Bachmann solche Negativbeispiele und ihr Scheitern immer wieder dar? Sie gehören mit zum Programm der Grenzüberweitung: dem Leser wird der “Grenzfall”, literarisch zum “Ende” getrieben, vor Augen geführt; dadurch erzeugt sich jenes “Spannungsverhältnis”, das zur Bewusstseinsweiterung notwendig ist*» [5, s. 117].

Опираясь на теорию У.М. Ольман, согласно которой выделяются четыре наиболее важных тематических комплекса в творчестве И. Бахман, а именно: бегство/бездомность, любовь, истина и язык, мы выделили в рамках каждого из вышеперечисленных комплексов мотив границы, а также его семантические варианты [6, с. 107].

Так, тематический комплекс «бегство/бездомность» включает в себя следующие семантические варианты мотива границы: «географическая граница» и «граница между прошлым и настоящим». Так, например, мотив пересечения географической границы раскрывает стремление героя, страдающего от внутренней бесприютности и одиночества, обрести себя, свой дом или надежду на исцеление от травматичного прошлого («Паром», «Случай Францы», «Тридцатый год», «Синхронно», «Три дороги к озеру»).

Мотив границы между прошлым и настоящим в тематическом комплексе «бегство/бездомность» наиболее ярко раскрывается в последнем рассказе И. Бахман «Три доро-

ги к озеру». Известная фотокорреспондент Элизабет Матрай на какое-то время прерывает свой насыщенный рабочий график и возвращается в дом к своему отцу. Однако, желая снова пройтись по «дорогам детства» к озеру, она обнаруживает, что путь перекрыт строительством автострады. Д. Затонский усматривает в этом «кафкианский символ», который, согласно его предположению, воплощает «засыпанность» прошлого», «невозможность приобщиться к его канувшим в небытие идеалам» [7, с. 9]. Элизабет, ее отец, представляющий собой «воплощение австрийского духа», а также ее возлюбленный – Франц Йозеф Тротта – внутренне навсегда остались в прошлом, поэтому не могут найти себя в настоящем и повсюду чувствуют свою бесприютность и чуждость новой реальности [7, с. 9].

В тематическом комплексе «любовь» определяющим становится мотив границы между «я» и «другим». Так, например, в романе «Малина» абсолютная, но безответная любовь рассказчицы становится причиной ее смерти. Сила и глубина ее чувства никак не вписываются в контекст повседневной реальности, в которой так органично существует ее возлюбленный, не способный выйти за пределы своего чересчур поверхностного отношения к жизни. Пианистка Шарлотта, героиня рассказа «На пути в Гоморру», стремится освободиться от угнетающего женщину патриархата вступлением в однополую связь. Мечта о гармоничной и справедливой модели отношений обнаруживает, однако, свою иллюзорность и несостоятельность. И. Бахман показывает, что иерархические паттерны доминирования сильного и подчинения слабого изначально встроены в систему человеческих взаимоотношений и их проявление неизбежно независимо от гендерной принадлежности. Наиболее показательным произведением, раскрывающим мотив границы между «я» и «другим», является рассказ «Ундина уходит», представляющий собой развернутый лирический монолог от лица водной девы Ундины, воплощающей, по словам самой И. Бахман, символ искусства. Специфика развертывания данного мотива в рассказе заключается в том, что носителем «я» оказывается не человеческий персонаж, а мифический образ, некая абстрактная сущность. В то время как «другим» становится весь род человеческий и, в частности, представители его мужской половины – творцы, художники, мыслители, ученые, искатели вечного и прекрасного. Эта гендерная маркированность придает взаимоотношениям с Ундиной также особый эротический подтекст. Оба «субъекта» этих взаимоотношений представляют собой своего рода два полюса, которые, как магниты, находятся во взаимном притяжении и в то же время отделены непреходимой границей. В силу того, что Ундина, чем-то родственная по духу героине романа «Малина», является неким абсолютом любви, истины, творчества, красоты, она не может гармонично существовать в человеческом мире, полном разного рода недостатков и несовершенств. Двойственность ее отношения к людям, выраженная, с одной стороны, восхищением и сочувствием, с другой – обидой и негодованием, не дает ей полностью слиться с земной реальностью. Так, посредством мотива границы между «я» и «другим» тематизируется экзистенциальное одиночество субъекта высказывания, неизбежная замкнутость его сознания на себе самом, невозможность пересечения границ на пути к «другому».

В тематическом комплексе «истина» можно выделить мотив границы между истиной и ложью. Он обнаруживает себя там, где субъект повествования наталкивается на границы собственных вербальных возможностей и осознает, что выражаемое не всегда совпадает с подлинным содержанием действительности. Например, судья Вильдермут из одноименного рассказа всю жизнь борется за истину и верит в то, что она всегда может быть высказана, к концу жизни, однако, понимает, что не для каждой истины найдется слово. Герой рассказа сталкивается с тем, что истина может существовать в пространстве молчания, снов и стихии бессознательного, которая далеко не всегда поддается рационализации и вербализации, что соотносится с основополагающей идеей Платона о том, что «видимое не есть реальное» [8]. Мотив границы между истиной и ложью можно также обнаружить в романе «Малина» на примере речевого поведения субъекта повествования [9, с. 324].

Согласно У.М. Ольман, главным тематическим комплексом в творчестве И. Бахман является «язык», так как он так или иначе связан с каждым из вышеназванных тематических комплексов. Ключевым мотивом в рамках данного комплекса выступает мотив границы между выразимым и невыразимым. Понятие «невыразимого» соотносится с термином Л. Витгенштейна "das Mystische" («мистическое»). Это то, что «находится на границе мира ("an der Grenze der Welt") и не подлежит вербализации, так как не может быть закреплено как материальный и безусловный факт «посюсторонней реальности» [10, с. 191]. Так, переводчица Надя из рассказа «Синхронно» сталкивается с тем, что не может перевести библейскую цитату о чуде с итальянского на немецкий, хотя знает каждое слово в отдельности. Проблемой здесь становится не поиск наиболее подходящего языкового эквивалента, а сам смысл в своей первичной эмпирической ипостаси. Не будучи пережитым, прочувствованным изнутри, он не может быть выражен в аутентичной вербальной форме. Форма же при отсутствии содержания становится пустой, выхолощенной, неаутентичной. Именно ощущение этой неаутентичности, неподлинности высказываемого доводит Надю до отчаяния, ей вдруг кажется, что она не знает ни одного языка, хотя основная проблема здесь не лингвистическая, а экзистенциальная.

Таким образом, мотив границы в творчестве И. Бахман обладает смысло- и сюжетобразующим потенциалом, о чем позволяют судить различные семантические варианты данного мотива, выделенные нами в рамках тематических комплексов «бегство/бездомность», «любовь», «истина» и «язык» на материале некоторых прозаических текстов австрийской писательницы. Понятие границы выступает как своеобразное организующее звено, позволяющее проблематизировать и разрабатывать такие экзистенциально значимые аспекты, как «я» и «другой», язык и сознание, слово и смысл, что подтверждает чрезвычайную продуктивность данной категории для поэтики И. Бахман.

Библиографический список

1. Schmitz-Emans M. Spiele an und mit Grenzen: Zu einigen poetischen Experimenten Ernst Jandls und anderer zeitgenössischer Lyriker // Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках / науч. ред. Н.Т. Рымарь. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 271–289 (Серия «Граница и опыт границы в художественном языке»).
2. Сьемщикова Е.О. Музыкальность как особенность поэтики Ингеборг Бахман: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%90%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80.HOMEPC/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/01005554358.pdf> (дата обращения: 15.12.2015).
3. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Осип Манделштам: философия слова и поэтическая семантика: монография. М.: ФЛИНТА, 2013. 200 с.
4. Lindemann E. Über die Grenze: zur späten Prosa Ingeborg Bachmanns. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2000. 161 s.
5. Weber H. An der Grenze der Sprache. Religiöse Dimension der Sprache und biblisch-christliche Metaphorik im Werk Ingeborg Bachmanns. Essen: Verlag Die blaue Eule, 1986. 294 s.
6. Соколова Е.В. Творчество Ингеборг Бахман: понятия «язык» и «молчание»: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/tvorchestvo-ingeborg-bahman> (дата обращения: 16.12.2015).
7. Бахман И. Избранное: сборник / пер. с нем. К. Богатырев, Г. Ратгауз, А. Исаева. М.: Прогресс, 1981. 336 с.
8. Платон. Мир идей и мир вещей. URL: <http://eurasialand.ru/txt/gusev/19.htm> (дата обращения: 20.12.2015).
9. Моросеева Д.Д. Язык между утопией и реальностью в романе И. Бахман «Малина» // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2015. № 3. С. 320–328.
10. Моросеева Д.Д. Утопическое сознание и любовь в новелле И. Бахман «Все» («Alles») // Вестник СамГУ. 2014. № 9(120). С. 190–194.

References

1. Schmitz-Emans Monika. Spiele an und mit Grenzen: Zu einigen poetischen Experimenten Ernst Jandls und anderer zeitgenössischer Lyriker. *Poetika ramy i poroga: funktsional' nye formy granitsy v khudozhestvennykh iazykah* [Poetics of frame and threshold: functional forms of border in artistic languages]. Scientific editor N.T. Rymar'. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006, pp. 271–289 (Series: Border and experience of border in artistic language) [in German].
2. Sijomshchikova E.O. *Muzykal'nost' kak osobennost' poetiki Ingeborg Bakhman. Dissertatsiia kand. filol. nauk* [Musicality as a feature of poetics of Ingeborg Bachmann. Candidate's of Philological Sciences thesis]. Retrieved from: URL: <http://file:///C:/Documents%20and%20Settings/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80.HOMEPC/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/01005554358.pdf> (accessed 15.12.2015) [in Russian].
3. Kikhney L.G., Merkel E.W. Osip Mandel'shtam: filosofii slova i poeticheskaia semantika: monografiia [Osip Mandelstam: philosophy of the word and poetic semantics: monograph]. M.: FLINTA, 2013, 200 p. [in Russian].
4. Eva Lindemann. Über die Grenze: zur späten Prosa Ingeborg Bachmanns. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2000, 161 s. [in German].
5. Weber H. An der Grenze der Sprache. Religiöse Dimension der Sprache und biblisch-christliche Metaphorik im Werk Ingeborg Bachmanns. Essen: Verlag "Die blaue Eule", 1986, 294 s. [in German].
6. Sokolova E.V. *Tvorchestvo Ingeborg Bakhman: Poniatiia "iazyk" i "molchanie": dis. ... kand. filol. nauk* [Ingeborg Bachmann's creativity: Concepts "language" and "silence". Candidate's of Philological Sciences thesis]. Retrieved from: <http://http://cheloveknauka.com/tvorchestvo-ingeborg-bahman> (accessed 16.12.2015) [in Russian].
7. Bachmann I. Izbrannoe: sbornik / per. s nem. K. Bogatyrev, G. Ratgauz, A. Isaeva [Selection: Collection. Transl. from German by K. Bogatyrev, G. Ratgauz, A. Isaev]. M.: Progress, 1981, 336 p. [in Russian].
8. Platon. Mir idei i mir veshchei [World of ideas and prophetic world (Plato)]. Retrieved from: <http://eurasialand.ru/txt/gusev/19.htm> (accessed 20.12.2015) [in Russian].
9. Moroseeva D.D. Iazyk mezhdou utopiei i real'nost'iu v romane I.Bakhman «Malina» [Language between utopia and reality in the novel by I. Bachman «Malina»]. *Vestnik TvGU. Serii «Filologiya»* [Vestnik TvGU. Series: Philology], 2015, no. 3, pp. 320–328 [in Russian].
10. Moroseeva D.D. Utopicheskoe soznanie i liubov' v novelle I.Bakhman «Vse» («Alles») [Utopian consciousness and love in the short story by I. Bachmann "All" ("Alles")]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 9(120), pp. 190–194 [in Russian].

D.D. Moroseeva*

POETICS OF THE MOTIVE OF THE BORDER IN THE PROSE BY INGEBORG BACHMANN

The phenomenon of the border on the basis of I. Bachmann's prose is considered in this article. The potential of the motive of the border to generate senses and plot is researched by means of selecting and analyzing its semantic variations. The motive of the border is used by the author to develop such existential significant aspects as "me" and "the other", language and consciousness, word and sense.

Key words: motive, border, language, consciousness, utopia, I. Bachmann.

Статья поступила в редакцию 25/XII/2015.
The article received 25/XII/2015.

* *Moroseeva Daria Dmitrievna* (daschulka18@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА О ФАУСТЕ
В РОМАНЕ П. АКРОЙДА «ДОМ ДОКТОРА ДИ»**

В статье рассматривается рецепция одного из традиционных сюжетов мировой литературы в романе П. Акройда «Дом доктора Ди». Компаративистский анализ романа, немецкой народной книги о докторе Фаусте и трагедий К. Марло и И.В. Гете позволил сделать вывод о том, что «Дом доктора Ди» является фаустианским произведением, в котором сюжет о докторе Фаусте подвергся существенной трансформации.

Ключевые слова: дискурс, Фауст, Джон Ди, ученый, огонь, символ, Акرويد, Гёте, Марло.

Творчество британского писателя Питера Акройда, и, в частности, его роман «Дом доктора Ди», хорошо исследовано в литературоведении. Среди фундаментальных работ выделяется монография С. Онеги «Метапроза и миф в романах Питера Акройда» (1999), посвященная анализу структурных и тематических черт девяти романов («The Great Fire of London», «Last Testament of Oscar Wilde», «Hawksmoor», «Chatterton», «First Light», «English Music», «The House of Doctor Dee», «Dan Leno and the Limehouse Golem», «Milton in America»). В центре внимания главы о «Доме доктора Ди» – алхимическая составляющая сюжета, иероглифическая монада (термин, введенный в оборот историческим Джоном Ди).

М. Дж. Мартинес в книге «Постмодернизм и онтологическая доминанта: поэтика слияния в романе “Дом доктора Ди” Питера Акройда» (1999) рассматривает роман о Джоне Ди как визуализацию идей Б. Макхейла и Дж. Вернона. Б. Макхейл исследовал эпистемологическую (когнитивную) и онтологическую (посткогнитивную) доминанты, которые, по мнению Мартинес, приобретают в тексте романа форму квеста за знаниями. В течение всего повествования Мэттью Палмер и доктор Ди, одержимые различными идеями, обращаются к прошлому, настоящему, будущему и пытаются отыскать необходимую информацию (для Мэттью это – восстановление жизни таинственного доктора Ди, а для Ди – поиски потерянного города Лондона). Верноновская же концепция существования структур расщепления и цельности, как считает Мартинес, получает выражение у Акройда в образах сада и карты.

В отечественном литературоведении творчеством П. Акройда и, в частности, романом «Дом доктора Ди», основательно занимаются В. Струков, О. Ахманов, И. Липчанская. В диссертации В. Струкова «Художественное своеобразие романов Питера Акройда» (1998) ставится проблема времени и сюжетно-композиционной организации произведения. В диссертации О. Ахманова «Жанровая стратегия детектива в творчестве Питера Акройда» (2011) «Дом доктора Ди» рассматривается как детективный исторический готический роман. В диссертации И. Липчанской «Образ Лондона в творчестве Питера Акройда» (2014) предлагается иное определение специфики романов писателя – историографическая метапроза и отмечается насыщенность романа «Дом доктора Ди» символикой места и пространства.

* © Гумерова Н.Р., 2016

Гумерова Нина Рашидовна (gumerovanina@mail.ru), кафедра зарубежной литературы и художественной культуры, Башкирский государственный университет, 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

При всей разноплановости литературоведческих подходов к тексту романа «Дом доктора Ди» одна из его особенностей оказалась вне поля зрения исследователей. Речь идет о том, что П. Акройд в романе «Дом доктора Ди» трансформирует сюжет о докторе Фаусте. Настоящая статья посвящена этой проблеме, что и обуславливает ее научную новизну и актуальность.

В мировой фаустиане существуют фаустовские и фаустианские произведения. Разграничение этих понятий предложила Г. Ишимбаева в монографии «Русская фаустиана XX века» (2002). Фаустовское включает в себя «литературные и культурные явления, непосредственно посвященные Фаусту, связанные с Фаустом», а также «те произведения, в которых действует Фауст, не являющийся титульным героем». Фаустианское же представляет собой «литературно-культурные явления, близкие фаустовской теме, но не тождественные ей и выходящие за пределы сюжета об историческом и легендарном докторе Фаусте» [3, с. 7].

«Дом доктора Ди», несомненно, близок фаустовской теме и является фаустианским романом, так как в нем действует герой, жизнь и судьба которого типологически близки жизни и судьбе Иоганна Фауста (1480–1540), и используются фаустовские литературные дискурсы немецкой народной книги «История о докторе Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» (1587), «Трагической истории доктора Фауста» К. Марло (1587), трагедии «Фауст» И.В. Гёте (1831). Скажем обо всем подробнее.

Джон Ди (1527–1609) – английский ученый, математик, астролог, которого сопровождала слава мага и фокусника. Известно, что он составлял гороскопы королевам Марии Тюдор и Елизавете I, сооружал для театральных постановок сложные механизмы, способные поднимать артистов в воздух, общался с духами и ангелами при помощи магического кристалла, мечтал приблизиться к запретным знаниям. Все это говорит о том, что исторический Джон Ди был человеком фаустианского типа, и Акройд в романе раскрывает именно фаустианский аспект жизни своего героя. Последнее подчеркнуто благодаря внутренней переключке, как правило полемической, со знаменитыми произведениями мировой фаустианы – немецкой народной книгой, трагедиями Марло и Гете.

Фауст Марло и Фауст Гёте разочаровываются во всех науках: в богословии, философии, юриспруденции, медицине, а затем решаются на договор с Дьяволом ради абсолютного, вечного Знания. Фаустианский герой Акройда, доктор Ди, не разочаровывается в науках. Он гордится своим умом и высоко оценивает результаты своего труда: «Я – ученый, сударь, а не какой-нибудь колдунишка или шарлатан. Чьим мнением, как не моим, интересовались при дворе, услыша глупые предвещения неких так называемых астрономов о громадной комете 1577 года, посеявшие величайший страх и смуту? А кто снабдил наших корабельщиков верными картами и таблицами, позволившими им предпринять путешествия в Китай и Московию и затеять торговлю с сими дальними странами? Кто, наконец, познакомил ремесленников нашего королевства с евклидовыми законами, кои принесли им неизмеримую пользу? Все это сделал я, и только я. Разве шарлатаны способны на такое?» [1, с. 66]. И, главное отличие Джона Ди от Фауста в этой связи: он не заключает договора с дьяволом во имя приобщения к великому знанию, хотя прибегает в своей практике к общению с потусторонними сущностями.

Джон Ди – ученый, который пресыщается астрологией и решает «посетить серьезных ученых и почитателей знания, живущих за пределами нашего отечества» [1, с. 88]. В первую очередь он хочет побывать в местечке под названием Мария-Айнзидельн, где родился великий алхимик Парацельс. По дороге туда Ди попал в город ученых Виттербурге. Отметим, что города с таким названием в реальности не существует. На наш взгляд, Питер Акройд сознательно использовал видоизмененный топоним для обозначения фаустовского Виттенберга для того, чтобы сделать еще более очевидной мысль о том, что при всей близости к фаустовской географии, его герой существует все-таки в своих широтах – фаустианских.

Любопытно при этом и то, что доктор Ди не знал о связи Виттербурга с Фаустом. Прибыв в этот город, он в первую очередь хотел встретиться с астрономом Гегелиусом, который впоследствии и сообщил ему о том, что здесь жил «знаменитый маг доктор Фауст» [1, с. 92]. И только после этого Джон Ди возмечтал увидеть дом великого ученого, но ветхое жилище разочаровало его.

Следующий эпизод романа имеет, на наш взгляд, ключевое значение для понимания жизни английского ученого фаустианского типа. Астроном Гегелиус предложил Ди «посетить лес близ городка, где, по свидетельству молвы, доктор Фауст занимался волшебством и где он умер – или, скорее, был унесен Дьяволом в качестве последнего результата своих трудов» [1, с. 93].

Образ леса не вписывается в гётевский и марловский дискурсы. Он соотносится с народной книгой «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и черно-книжнике». Фауст решил вызвать дьявола, потому что «захотел постигнуть все глубины неба и земли»: «таким образом пришел он в густой лес, который, как некоторые говорят, распложен близ Виттенберга и зовется Шпессерским лесом» [5, с. 52]. После заклинаний и заклятий перед Фаустом появляется ряд пылающих образов: огненная звезда, обращающаяся в огненный шар, огненный столб в человеческий рост, и огоньки, которые в конечном итоге приняли облик огненного человека – Дьявола.

Акرويد трансформировал эту огненную деталь следующим образом. Когда Гегелиус показал Джону Ди растрескавшийся и почерневший пень (с этого места по легенде Акройда и был унесен Фауст), Ди встал на это место и понял, что холод и недомогание, мучавшие его всю дорогу, перестали его беспокоить: «возможно, внутри пня еще теплилась толика дьявольского огня; <...> Мои шаги словно направляла некая потусторонняя сила, и теперь я хотел знать все. Я хотел понять все» [1, с. 94]. Нам представляется, что огонь выступает в этой сцене как амбивалентный символ интеллектуального горения и преисподней, что раскрывает особенности фаустианской судьбы доктора Ди.

Литературная история о Фаусте имеет две версии финала. Согласно первой, сложившейся в эпоху Реформации, это осуждение героя: в «Немецкой народной книге» дается религиозное решение истории богоотступника-чернокнижника, душу которого черти забирают в ад. Близок к такой концепции и Марло, который в финале пьесы говорит, что «смелый ум бывает побежден, когда небес преступит он закон», и подчеркивает в авторской ремарке, что «дьяволы увлекают его» [4, с. 340]). Согласно второй версии финала, получившей программное выражение в трагедии Гете, Фауст удостоен спасения души, потому что обрел высший смысл в идее служения счастью всего народа.

Акرويد видоизменяет этот двойной канон финала и предлагает свою, третий вариант окончания истории фаустианского персонажа. Во многом это связано с тем, что писатель вводит в свою версию сюжета о Фаусте новую тему. Доктор Ди одержим идеей найти божественный «погибший град Лондон», который некогда был частью Атлантиды: «в этом канувшем под землю городе были триумфальные арки, высокие столпы, или колонны, пирамиды, обелиски и тысячи прекрасных зданий, сияющих бесчисленными огнями» [1, с. 255]. Он посвящает свою жизнь поиску мистического города, занимается кристаллоскопией и в конечном итоге находит некую геопозицию, которая, согласно видениям помощника Ди, и является местом силы, потерянным градом Лондоном.

По Акroidу, это попытка возрождения утопии рая, сада философов, что роднит доктора Ди с гетевским Фаустом, который вознамерился построить небесный Иерусалим на земле. Но главное дело жизни Джона Ди приобретает сомнительную окраску, потому что Эдуард Келли, посредник между кристаллом и доктором Ди, оказывается просто шарлатаном и обманщиком, вознамерился обокрасть ученого и сжечь его книги.

Пожар в библиотеке доктора (еще один «огненный» эпизод) имеет важное символическое значение. Здесь содержится прямая аллюзия на финал трагедии К. Марло,

где Фауст отрекается от своих книг и трудов, чтобы избежать гибели: «Я книги свои сожгу!» [4, с. 340]. Доктор Ди, наблюдая за пожаром, спровоцированным Келли и пожирающим его библиотеку, тоже отрекается от своих знаний, размышляя о ничтожности материального. Он вспоминает слова жены, услышанные им в недавнем сне наяву, и приходит к выводу: «... пускай начало мое в природе, конец должен быть в вечности. Нигде более не отыщешь нетленного града. И тогда с души моей спало тяжкое бремя» [1, с. 436]. То есть происходит духовное просветление героя. Недаром после пожара уцелела единственная книга – Библия.

Она раскрывается на странице из книги «Иезекииль. Слова пророка», Акройд цитирует начало двадцатого стиха 26 главы, в которой Господь обращается к Тиру, городу, сброшенному в море: «Тогда низведу тебя с отходящими в могилу к народу давно бывшему и помещу тебя в преисподних земли, в пустынях вечных, с отшедшими в могилу, чтобы ты не был более населен» [1, с. 437]. Вслед за этим стихом, заканчивающимся словами: «и явлю Я славу на земле живых» [26:20], в Книге Иезекииля идет пророчество о будущем Тира: «Ужасом сделаю тебя, и не будет тебя, и будут искать тебя, но уже не найдут тебя во веки веков, говорит Господь Бог» [26:21]. Последние слова, не прозвучавшие, но подразумеваемые (т. к. Акройд цитирует им предшествовавшие строки) чрезвычайно важны и контекстуально наполняет новым смыслом попытку обретения доктором Ди мистического, древнего города Лондона.

Доктор Ди выполняет невыполнимое, добиваясь главной цели своей жизни и, вопреки всему, находит искомое: «И я очутился в городе с ровно вымощенными улицами, под коими тянулись погреба; здесь были храмы и пирамиды, площади и мосты, высокие стены с башнями и воротами, статуи из чистого золота и столпы из прозрачного хрусталя. Он казался порождением какого-то нового неба или новой земли – этот божественный град, не ведавший времени» [1, с. 439]. Этот финал – свидетельство торжества фаустианского героя, который побеждает время и пространство.

Таким образом, П. Акройд существенно трансформирует традиционный сюжет о докторе Фаусте: он отказывается прежде всего от использования главного составляющего мотива – продажи ученым души дьяволу, оставляя тему поиска запретного знания. Именно она оказывается магистральной в романе «Дом доктора Ди», особенностью поэтики которого являются прямые и скрытые аллюзии на немецкую народную книгу и произведения К. Марло и И.В. Гете.

Библиографический список

1. Акройд П. Дом доктора Ди. М., 2009. 448 с.
2. Гёте И.В. Фауст / пер. Б. Пастернака // Указ. соч. М., 1976. Т. 2. 510 с.
3. Ишимбаева Г.Г. Русская фаустиана XX века. М., 2002. 128 с.
4. Марло К. Трагическая история доктора Фауста // Легенда о докторе Фаусте / изд. подг. В.М. Жирмунский. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 340–367.
5. Народная книга о Фаусте // Легенда о докторе Фаусте / изд. подг. В.М. Жирмунский. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 47–165.
6. Мартинес М.Дж. Постмодернизм и онтологическая доминанта: поэтика слияния в романе «Дом доктора Ди» Питера Акройда // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 1999. № 12. P. 105–116.
7. Онега С. Метапроза и миф в романах Питера Акройда. Columbia: Camden House, 1999. 196 p.

References

1. Ackroyd P. Dom doktora Di [The House of Doctor Dee]. Moscow, 2009, 448 p. [in Russian].
2. Goethe J.W. *Faust* [Faust]. Transl. by B. Pasternak in *Ukaz. soch. T. 2* [Op. cit. Vol. 2]. Moscow, 1976, 510 p. [in Russian].
3. Ishimbaeva G. Russkaia faustiana XX veka [Russian Faustian Story of the XX century]. Moscow, 2002, 128 p. [in Russian].
4. Marlowe K. Tragicheskaia istoriia doktora Fausta [The Tragical History of the Life and Death of Doctor Faustus] in *Legenda o doktore Fauste* [Legend about Doctor Faustus]. The edition is prepared by V.M. Zhirmunsky. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958, pp. 340–367 [in Russian].
5. Narodnaia kniga o Fauste [Faust book] in *Legenda o doktore Fauste* [Legend about Doctor Faustus]. The edition is prepared by V.M. Zhirmunsky. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958, pp. 47–165 [in Russian].
6. Martınez M.J. Postmodernism and the Ontological Dominant: the Poetics of Integration in Peter Ackroyd's The House of Doctor Dee. *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, 1999, no. 12, pp. 105–116 [in English].
7. Onega S. Metafiction and Myth in the Novels of Peter Ackroyd. Columbia: Camden House, 1999, 196 p. [in English].

*N.R. Gumerova**

TRANSFORMATION OF FAUSTIAN STORY IN THE NOVEL «THE HOUSE OF DOCTOR DEE» BY P. ACKROYD

This article is about the reception of one of the traditional stories of world literature in the novel “The House of Doctor Dee” by P. Ackroyd. Comparative analysis of the novel by Ackroyd, the Faust book, “The Tragical History of the Life and Death of Doctor Faustus” by K. Marlowe, “Faust” by J.W. Goethe led to the conclusion that “The House of Doctor Dee” is a Faustian story with a significant transformation.

Key words: discourse, Faust, John Dee, scientist, fire, symbol, Ackroyd, Goethe, Marlowe.

Статья поступила в редакцию 28/XII/2015.
The article received 28/XII/2015.

* *Gumerova Nina Rashidovna* (gumerovanina@mail.ru), Department of Foreign Literature and Artistic Culture, Bashkir State University, 32, Validy Street, Ufa, 450076, Russian Federation.

**ДОСТОЕВСКИЙ И ЭЖЕН СЮ:
«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»**

В данной статье исследуются признаки влияния творчества французского прозаика Эжена Сю на роман Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». Автор статьи развивает намеченные Л.П. Гроссманом идеи, согласно которым между романом Сю «Парижские тайны» и романом Достоевского существуют элементы сходства, касающиеся характеров героев, а также рассматривает ряд сюжетных параллелей, свидетельствующий о наличии связи между творчеством русского писателя и поэтикой бульварного романа.

Ключевые слова: Достоевский, Эжен Сю, бульварный роман, «Униженные и оскорбленные», «Парижские тайны».

Достоевского часто обвиняли в подражании авторам романа бульварного, романа-фельетона: этим грешили как современники, так и более поздние исследователи творчества (М.М. Бахтин, Л.П. Гроссман, К.В. Мочульский). Тем не менее детально данной темой занималось не так много исследователей, как кажется; те же, кто был причастен к данной теме, как правило, высказывались о влиянии бульварного романа на творчество Достоевского словно невзначай, не заостряя на этом внимания.

В данной статье мы хотели бы поговорить о чертах бульварного романа, проявившихся в романе Достоевского «Униженные и оскорбленные», особенно сконцентрировавшись на поиске соответствий с романом Эжена Сю «Парижские тайны», несомненно, известном Достоевскому как один из первых романов бульварного жанра. Писатель сам признавался в том, что в романе «выставлено много кукол, а не людей» [1, с. 133], «в нем ходячие книжки, а не лица, принявшие художественную форму» [1, с. 184], а сам он «...написал фельетонный роман» [1, с. 133]. О том, что роман «Униженные и оскорбленные» действительно напоминает роман-фельетон, роман бульварный, писали не только современники Достоевского, но и его исследователи (Л.П. Гроссман, Г.М. Фридендер), а также в бульварности его упрекали и писатели (здесь уместно вспомнить, к примеру, Камила Петреску, который и вовсе прямо назвал Достоевского эпигоном в роде Эжена Сю – «epigon al lui Eugene Sue» [2, с. 8]). Однако исследователи останавливаются лишь на наиболее очевидных чертах, не углубляясь в тему; тем не менее замечание Л.П. Гроссмана о том, что отдельные эпизоды жизни Нелли во многом напоминают ситуации, в которые попадала Лилия-Мария, главная героиня «Парижских тайн» Эжена Сю, очень метко и справедливо; именно оно позволяет нам распространить поиск параллелей с бульварным романом на все произведение.

Герои романа действительно очень похожи на персонажей самого известного произведения Сю, что не должно удивлять нас, ведь Достоевский даже предпринимал попытки перевести его «Матильду» на русский язык. Происхождение Ивана Петровича, рассказчика, лишённого семьи с раннего детства, само по себе заставляет нас вспомнить о сиротах, коими переполнены бульварные романы; мало кто из персонажей произведений Сю и его

* © Шарапова Д.Д., 2016

Шарапова Дарима Данзановна (darimasharapova@gmail.com), кафедра истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119234, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51.

собратьев по жанру может похвастаться полной семьей, ведь практически все главные герои лишены родственных связей, притом одни они остаются при весьма драматических обстоятельствах (например, та же Лилия-Мария, проститутка, не знавшая своих отца и мать, оказывается дочерью Родольфа, герцога Герольштейнского, ее подруги Волчица и Хохотушка попросту лишены родителей, не зная их в принципе, а Жермена, жениха Хохотушки, выкрадывает в детстве его собственный отец у матери; Матильда, главная героиня одноименного произведения, лишается родителей в раннем детстве из-за их смерти и оставлена тетке на попечение и т. д.). То же касается и происхождения Нелли, о котором мы скажем немного позже. Напомним лишь, что она лишена матери, а ее отец, князь Валковский, является ее злейшим врагом — что, к слову, тоже характерно для героев бульварного романа; в целом, сложные и запутанные семейные отношения свойственны для этого жанра, ведь практически в каждом произведении есть элементы детектива, и очень часто интрига состоит не в том, кто является убийцей или похитителем, а в выяснении родственных отношений между героями (к примеру, весь роман «Парижские тайны» стоит на поисках дочери Родольфа, которой является Лилия-Мария).

Что же касается остальных персонажей, то семья Ихменевых весьма напоминает семью Морелей. Разумеется, знак равенства между нищей семьей огранщика камней, где дети умирают от голода, и относительно благополучной семьей из трех человек ставить нельзя, однако сконцентрировавшись на образах Луизы Морель, старшей дочери ювелира, и Наташи, мы видим, что их отношения с отцами в некотором смысле похожи: родители отталкивают дочерей, когда узнают о их бесчестии (Ихменев перестает общаться с Наташей, когда она уходит из дома к Алеше, Морель отрекается от Луизы после того, как она рождает мертвого ребенка). Судебные тяжбы, опутывающие Ихменева и Мореля, в обоих случаях косвенно касаются и их дочерей: долги огранщика заставляют Луизу идти работать к сладострастнику Феррану, изнасиловавшему ее, и именно Ферран затем пытается посадить в тюрьму за долги ее отца, желая отомстить за отвергнутые домогательства; что же касается Наташи, то тяжба во многом направлена и против нее, ставя героиню в сложное положение, когда отец ее любовника судится против ее собственного отца. И Морель, и Ихменев в конечном счете прощают своих заблудших чад, правда, если во втором случае мы видим тяжелую внутреннюю борьбу в душе героя, то в первом отец впадает в состояние, близкое к сумасшествию, после ареста дочери, и прощения как такового мы не видим — видим лишь выздоровление огранщика, окруженного любящей семьей.

Как уже писал ранее Л.П. Гроссман [3, с. 237], Бубнова, содержательница подпольного борделя, во многом списана с героини Сю Сычихи, мучившей Лилию-Марию в детстве; отметим со своей стороны, что при этом она сочетает в себе также черты Людоедки, которая отправила главную героиню «Парижских тайн» торговать своим телом. В целом, обстоятельства жизни Нелли во многом отсылают именно к этой героине; нельзя сказать, что характер Нелли, гораздо более сложный и многогранный, содержащий в себе немало противоречий и претерпевающий изменения к концу произведения, похож на характер кроткой Лилии-Марии, который все же намного более прост и однозначен, однако определенные сходства в жизненных путях обеих героинь мы можем найти: бедное детство, попадание в бордель, чудесное спасение благодаря случайному незнакомцу, встреча с настоящим отцом, затем — относительно покойная тихая добродетельная жизнь и смерть от болезни на руках у любящих родных. Правда, в случае с Нелли настоящий отец, князь Валковский, не является ее союзником и заступником, спасающим ее из публичного дома, как в случае с Лилией-Марией, а напротив, оказывается источником множества проблем; тем не менее, в некотором смысле герцог Родольф, красавец-аристократ, путешествующий инкогнито по Европе, имеет общие черты с князем Валковским, ограбившим мать Нелли и Смита. Действительно, даже их портреты во многом схожи: оба красивы, оба статны и выглядят очень хорошо, несмотря на возраст, оба знатны и оба богаты. Не лишним будет отметить, что хотя родители Нелли состояли

в законном браке, в отличие от родителей Лилии-Марии, однако брак этот был не совсем обычен: скрываемый от всех, заключенный при неясных обстоятельствах, он все равно мыслился как незаконный и постыдный. Если же вернуться к теме смерти Нелли, то она действительно отсылает к последним дням Лилии-Марии, которая умерла от болезни, окончательно искупив все свои невольные грехи.

К слову, и Валковский, и Родольф, каждый по своим причинам, не отказываются от общения с представителями столичного дна и полусвета, и если в случае Родольфа симпатии к маргинальным элементам парижского общества объясняются гуманистическими соображениями, то в случае Валковского интерес подпитывается исключительно соображениями низкого характера – князь предавался разврату («Говорили про него, что он – всегда такой приличный и изящный в обществе – любит иногда по ночам пьянствовать, напиваться как стелька и потаенно развратничать, гадко и таинственно развратничать...» [4, с. 358]). Заметим здесь же и то, что социальная среда, о которой говорится в романе, неоднородна, как и среда в «Парижских тайнах»: аристократы (герцог Родольф, баронесса Сара; князья Валковские) запросто общаются с персонажами, которые не могут похвастаться столь высоким происхождением (Пипле; Ихменевы, Иван Петрович), а порой и вовсе опускаются на самое дно (Лилия-Мария, Хохотушка, Волчица, Грамотей, Краснорукый и др.; Бубнова, Маслобоев, обедневший Смит, Нелли). Подобное смешение в целом очень характерно для бульварного романа, равно как и стремительные перемещения «из грязи в князи»: так Лилия-Мария возносится до аристократических домов Европы, стремительно превращается в маргинала Грамотей, доселе обычный гражданин, резко меняет жизнь Волчица, бывшая проституткой, выбирая вместо нечестного ремесла жизнь праведной жены; у Достоевского так же резко Наташа из добродетельной девицы, невесты литератора, становится женщиной, которой князь Валковский осмеливается предложить после разрыва с его сыном место содержанки у сладострастника-аристократа; так же внезапно Смит из богатого человека, отца нежно любимой матери Нелли, становится покинутым всеми бедняком; так же Нелли превращается из одинокой нищенки, стоящей на пороге карьеры проститутки, в любимую всеми приемную дочь Ихменевых.

Ошибочным было бы предполагать, что влияние жанра бульварного романа на «Униженных и оскорбленных» выражается лишь в сходстве отдельных персонажей; безусловно, здесь играет немаловажную роль и сюжет произведения, и особенности написания. Не секрет, что Достоевский писал романы частями, не имея порой четкого плана в голове, и отдавал только что написанные главы в журналы не представляя, что будет в следующих («Если я написал фельетонный роман (в чем сознаюсь совершенно), то виноват в этом я и один только я. Так я писал и всю мою жизнь, так написал все, что издано мною, кроме повести «Бедные люди» и некоторых глав из «Мертвого дома». Очень часто случалось в моей литературной жизни, что начало главы романа или повести было уже в типографии и в наборе, а окончание сидело еще в моей голове, но *непрерывно* должно было написаться к завтраму. Привыкнув так работать, я поступил точно так же и с «Униженными и оскорбленными»» [1, с. 133]). Это не могло не отразиться на сюжете романа.

Сюжет бульварного романа состоит из множества линий, переплетенных между собой самым тесным образом. Бульварный роман характеризуется высокой степенью насыщенности действием, множество событий происходит параллельно друг другу, заставляя читателя не отрываясь следить за развязкой и побуждая его ожидать следующего номера журнала с продолжением истории. Отчасти и из-за этого бульварный роман характеризуется огромным количеством героев, ведь большое количество сюжетных линий нуждается в персонажах, которых можно задействовать в событиях. Если составить список персонажей романа Сю или «Лондонских тайн» Поля Феваля, то количество позиций будет исчисляться десятками. «Униженные и оскорбленные», в силу своего размера, не могут превзойти «Парижские тайны», однако все герои находятся в постоянном взаимодействии и развивают бурную деятельность, причем практически все они задействованы сразу в нескольких сюжетных линиях.

Кроме того, есть сюжетные штампы, свойственные бульварному роману, к ним относятся: получение наследства, внезапное обретение ребенком потерянных родителей (ср. Лилия-Мария и Родольф или нахождение Жанной детей после долгой разлуки в «Разносчице хлеба» Ксавье де Монтепена), пощечины, некоторые другие театральные жесты (в том числе излишне долгие речи умирающего человека, занимающие десяток страниц), обмороки, припадки или истерики, которые служат порой как некоторый способ остановить стремительно развивающееся действие, сцены дуэлей и драк, где противники обращаются друг к другу с весьма длинными речами, тяжбы, изображение тюрем и суды (ср. арест Луизы, тяжбу против Мореля, пребывание в тюрьме Лилии-Марии и Жермена и т. д.; пребывание в тюрьме Жанны по ложному обвинению в «Разносчице хлеба») и чудесные, не побоимся этого слова, совпадения. Это далеко не все штампы, используемые в бульварных романах, однако многие из них нашли отражение в сюжете «Униженных и оскорбленных»: Ихменев бросает дуэльный вызов Валковскому, Нелли регулярно останавливает набирающее ход действие истерикой или припадком падучей; сцены же ухода ее из дома Бубновой и визита князя к Наташе, когда он предлагает ей стать содержанкой, и вовсе отсылают прямо к бульварному роману: обмороки, швыряние денег, пощечины и драки.

Особо хотелось бы выделить частые резкие сюжетные переходы от полнейшей идиллии к мрачным картинам настоящего. Нельзя сказать, что эти переходы обязательны для всей бульварной литературы, как правило, в ней они немногочисленны в течение повествования (от мрачного начала к счастливому финалу), однако в романе «Парижские тайны» Эжена Сю их весьма много: светлые моменты (пребывание Лилии-Марии на ферме, счастье общения с найденной дочерью, тихая жизнь Хохотушки, смешные, но при этом искренние и нежные отношения семьи Пипле, а также — картины идиллии честного труда на лоне природы, *нарисованные* воображением Родольфа и Лилии-Марии, которые они затем пересказывают заблудшим: Родольф — дочери, а она — Волчице) перемежаются с темными, составляющими основной фон произведения (здесь, пожалуй, мы не будем перечислять все кровавые перипетии сюжета «Парижских тайн»). То же мы видим и в «Униженных и оскорбленных»: светлые моменты (возвращения Алеши к Наташе, минуты, когда Нелли радуется, проявляет нежность к Ивану и по-детски кокетничает с врачом, радость стариков Ихменевых после публикации романа, воспоминания Нелли о жизни с матерью и Генрихом, очень важные для нее самой, наконец, возвращение Наташи домой и недолгая жизнь Нелли в любви и заботе у Ихменевых) чередуются с темными — тяжбами, оскорблениями, сложными выматывающими отношениями Наташи с Алешей, вспышками характера Нелли и проч. Такие резкие переходы, на наш взгляд, служат для дополнительного оттенения, подчеркивания всей мрачности существования униженных и оскорбленных.

Последним же, о чем нам хотелось бы рассказать в данной статье, являются совпадения. Для бульварного романа они весьма характерны: мы бы даже сказали, что и весь сюжет строится исключительно на совпадениях: так, Родольф во многомиллионном Париже натывается случайно именно на свою дочь, не зная даже, что она жива; Лилию-Марию спасает Волчица в озере в самую последнюю секунду; репутацию госпожи д'Арвиль герцог сохраняет только чудом; выживает при выезде из Парижа он тоже чудом, потому что нож, направленный в его грудь, попадает в тело Поножовщика, рыцарски загородившего своего благодетеля и т. д. «Униженные и оскорбленные» состоят из сплошных совпадений, не будь их — сюжет не выстроился бы. Судите сами: в доме Ивана (напомним про многомиллионный Петербург по аналогии с Парижем) встречаются отец и дочь, причем вовсе не специально; в целом, и романа не было бы, если бы не случайная встреча со Смитом; Маслобоев встречается рассказчику тогда, когда необходим, со сведениями, от которых многое зависит, и, разумеется, случайно; Маслобоев же воистину вездесущ, поскольку знает он о данной истории действительно практически все, проводя для разъяснения деталей к тому же свое собственное расследование. Если бы не случайности — роман рассыпался бы.

В заключение хотелось бы сказать, что тема влияния бульварного романа на творчество Достоевского, несмотря на свою актуальность, только сейчас начинает рассматриваться вплотную. Писатель сам многократно указывал на то, что знаком с жанром романа-фельетона и творчеством Эжена Сю, и, более того, признавался в том, что сам пишет в стиле фельетона; несмотря на столь явные указания, работ, аналогичных данной, очень мало, и внимание в них акцентировано на несколько иных аспектах творчества Достоевского; о связи же с бульварным романом говорится вскользь и мало. В данной статье мы говорим лишь о верхушке айсберга, ведь жанр бульварного романа в общем и творчество Эжена Сю в частности повлияли на все произведения Достоевского, а не только на роман «Униженные и оскорбленные». Параллели, которые мы провели между романом Достоевского и «Парижскими тайнами» Эжена Сю, касаются образов персонажей, особенностей построения сюжета и собственно сюжета.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / под ред. А.В. Архипова. Т. 20: Статьи и заметки: 1862–1865. Л.: Наука, 1980. 431 с.
2. Loghinovskaia E. Dostoievski si romanul romanesc. Buc.: Editura F.C. Est-Vest, 2003. 261 p.
3. Гроссман Л.П. Достоевский. М.: Астрель, 2011. 539 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / под ред. А.В. Архипова. Т. 20: Село Степанчиково и его обитатели; Униженные и оскорбленные. Л.: Наука, 1972. 541 с.

References

1. Dostoyevsky F.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. / pod red. A.V. Arkhipova. T. 20: Stat'i i zametki: 1862–1865 [Complete set of works by Dostoyevsky in 30 Vols. A.V. Arkhipova (Ed.). Vol. 20: Articles and notes: 1862–1865]. L.: Nauka, 1980, 431 p. [in Russian].
2. Loghinovskaia E. Dostoievski si romanul romanesc. Buc.: Editura F.C. Est-Vest, 2003, 261 p. [in Rumanian].
3. Grossman L.P. Dostoyevsky. M.: Astrel', 2011, 539 p. [in Russian].
4. Dostoyevsky F.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. / pod red. A.V. Arkhipova. T. 3: Selo Stepanchikovo i ego obitateli; Unizhennye i oskorblennye [Complete set of works by Dostoyevsky in 30 Vols. A.V. Arkhipova (Ed.). Vol. 3: The Village of Stepanchikovo; Humiliated and Insulted]. L.: Nauka, 1972, 541 p. [in Russian].

*D.D. Sharпова**

DOSTOYEVSKY AND EUGENE SUE: «HUMILIATED AND INSULTED»

This article is devoted to the influence of Eugene Sues' works on Dostoyevsky's novel "Humiliated and Insulted". The author of the article explicates some ideas about the connections between the characters of Sue's "The Mysteries of Paris" and "Humiliated and Insulted", that were proposed by L.P. Grossman. Also, the researcher writes about the narrative analogies between these novels, which proves the connections between Dostoyevsky's works and the tradition of the roman-feuilleton.

Key words: Dostoyevsky, Eugene Sue, roman-feuilleton, "Humiliated and Insulted", "The Mysteries of Paris".

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Sharпова Darima Danzanovna* (darimasharapova@gmail.com), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation.

«И РОССИЯ, КАК БЕЛАЯ ЛИРА...»: ОБРАЗ ОСТАВЛЕННОЙ РОДИНЫ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

В основе статьи — образ России как зимней, холодной, северной страны, являющийся символом навсегда оставленной родины в поэзии эмигрантов первой волны. Для образа характерны отсылки к различным литературным традициям, ностальгическая тональность и драматизм.

Ключевые слова: поэзия эмиграции первой волны, образ родины, тема зимы, зимний пейзаж, литературная аллюзия.

«Мы не в изгнании, мы в посланье!» — эта фраза Нины Берберовой стала девизом русской литературной эмиграции первой волны, взявшей на себя великую миссию сохранения русской литературы в изгнании. Осознавая невозможность обратного пути, и, в то же время, не желая смириться с этим, эмигранты в глубине души хотели считать свое изгнание затянувшимся путешествием; мысль об оставленной родине звучала лейтмотивом всей эмигрантской литературы, обретая в творчестве многочисленных авторов различные обертоны и вариации. По словам Петра Вайля, «изгнанник есть путешественник, достигший логического предела. Особость русского путешествия: чужая страна — метафора своей» [1]. Со временем, после осознания неизбежности пути «в один конец», в стихах практически всех авторов нарастает чувство трагизма, глухой тоски, нехватки воздуха. Ностальгия стала главной темой всей эмигрантской литературы. Архетип Одиссея имеет свою интерпретацию в поэзии изгнания, отличающуюся от прототипа самым главным — принципиальным невозвращением. И если в своих снах Одиссей видел родную Итаку как предвестие ее реального появления в конце его долгого и полного опасностей пути к дому, то поэт-эмигрант вынужден был с горечью признать, что его Россия осталась навсегда только в его памяти. Ситуация усугубилась еще и тем, что сама страна стала другой — советской, рабоче-крестьянской, прежняя дореволюционная Россия канула в Лету, но именно она и рождается в стихотворной памяти, именно о ней и грезят эмигранты на «берегах чужого моря» (Г. Иванов).

В творчестве эмигрантов первой волны Россия предстает главным образом как северная страна, хотя практически все они были выходцами из ее европейской части. Но они хранят в поэтической памяти прежде всего облик холодной, заснеженной родины как контраст к принявшим их южным морским странам. Безусловно, это во многом дань пушкинской традиции (вспомним его хрестоматийные «зимние» пейзажные стихотворения), свято сберегаемой в литературе всего русского зарубежья, но особенно первого этапа ее развития. Белое холодное пространство, потрясающее своей ширью и мощью, а также могучей и славной историей — вот хронотопический облик России, ставший фактически каноническим с первых шагов эмигрантской литературы.

Стихотворение К. Бальмонта «Зима» (1927) [2, с. 18] насыщено отсылками к «Зимнему утру» А.С. Пушкина: те же «мороз и солнце», «печь», «сани», «дорога», «лед», «деревья» — приметы пушкинского зимнего пейзажа, известного каждому русскому читателю.

У символиста Бальмонта мы находим приметы уже нового века, нового мировосприятия: астрологический символ (Козерог) («В чертог Зимы со знаком Козерога /

* © Хадынская А.А., 2016

Хадынская Александра Анатольевна (opus2000@mail.ru), кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Сургутский государственный университет, 628417, Российская Федерация, г. Сургут, пр. Ленина, 1.

Вступило Солнце...»), небесный крест («В узорах окон звездный знак креста...»), символистское «просвечивание» небесного в земном, таинственные знаки трансцендентного (синий дым, солнечная сила, дух солнечный). Но в то же время аллюзия на Пушкина абсолютно четко прослеживается: облик Зимы-России, отталкиваясь от пушкинской традиции «домашней зимы у камелька», словно вырастает в масштабе, обретая символистское толкование солнечного возрождения-воспламенения среди снегов, что совершенно естественно у солнцепоклонника Бальмонта. Пушкинский «веселый треск» в печи приобретает у поэта звучание могучего сумрачного хора, печная труба поет как орган, пламя «пляшет цветокрыло / текучую переливая медь» — бальмонтский перепев многоцветной пушкинской зимы (ср.: «прозрачный лес один чернеет», «ель сквозь иней зеленеет», «янтарный блеск»); «вьюга злилась» оборачивается у Бальмонта «ветром нелюдимым» тоже олицетворение, но акцент сделан как раз на непохожести на человека; «блестящий лед» наделяется у поэта звуком и становится «звонким»; привычные березы оказываются средоточием мощной солнечной энергии. Вполне реалистический пушкинский лес становится у Бальмонтом символом заточения, тюрьмы — «Кора дерев, охваченная стужей, / Как дверь тюрьмы, туга и заперта». Окно, в которое лирический герой Пушкина простоудушно предлагает героине «поглядеть», играет у него роль своеобразной рамы — далее следует описание пейзажа за окном; у Бальмонта окно затянуто морозными узорами, сквозь которые герою видно то, что и должен видеть истинный символист — «звездный знак креста».

Таким образом, перед нами явно не реалистическая картина, а символистское видение мощных небесных сил; среднерусский зимний пейзаж разрастается у Бальмонта до масштабов вселенной, заявляющей о себе мощным трубным звуком небесного органа.

В стихотворении Бальмонта мы видим любование мощью мирового пространства, таинственного и непостижимого для человека, еще нет той проникновенной ностальгической тональности, которую мы найдем, например, у И.А. Бунина в его стихотворении «Сириус» (1922) [2, с. 27].

В христианстве Сириус считался звездой-провозвестницей, покровителем путешественников [3], это самая яркая звезда на небе. Астрономы выяснили, что созвездие Большого Пса, к которому он относится, видно в зимнее время года низко над южным горизонтом. Оно проходит меридиан в полночь в конце декабря — начале января. В частности, хотя речь идет о простом совпадении, Сириус проходит главную южную точку в полночь на Новый год [4]. Таким образом, символика Сириуса в народном сознании связана с зимой. Предполагается, что его еще могли связывать с Рождественской звездой (Вифлеемской), отсюда связь Сириуса с восьмиконечной звездой Богородицы. Все аспекты символа мы можем увидеть в бунинской трактовке: это зимняя звезда («снегов и лунной высоты»), путеводная («скитания полночные»), она связана с евангельской историей Рождества и Богородицы («заветная», «думы непорочные», «полночные» — отсылка к священному рождению Иисуса ночью). Для лирического героя зимняя звезда становится символом оставленной родины, сияющей над его предполагаемой забытой Богом могилой на чужбине, единственной его связью с отчим домом. «Скитания» юности, когда Сириус сопровождал героя в них, не оставляя путника без покровительства, обернулись в чужой земле остановкой «навсегда» — могилой. Стихотворение является своеобразной молитвой путника в конце пути, у гроба, о том, чтобы он не был оставлен без небесного покровительства там, в иной жизни, ибо смерть на чужбине — самая страшная доля для эмигранта. Пушкинский «милый предел» оказался недостижимой мечтой для лирического героя, он видит в этой звезде единственное спасение своей потерянной души, упоает на нее в молитвенном благоговении, находя для своего «светского» неканонического моления самые проникновенные поэтические строки.

Совсем другая тональность присуща стихотворениям Вадима Гарднера. Поэт принадлежал к крылу финской эмиграции первой волны, он родился под Выборгом и волею судеб никогда не покидал северную Европу, умер в Хельсинки в 1956 году.

В его стихотворении «Рождество» (1912) шестистопный ямб с обилием пиррихий создает торжественную интонацию, трехстрочная композиция отсылает к символике Святой Троицы, отчетливо видна ориентация Гарднера на русский духовный стих с его тяготением к проникновенности, передаче особого настроения святого дня. Чувствуется атмосфера благодати, умиротворенности, тихой семейной радости от единения с Богом, совместного переживания важного евангельского события: «Торжественно, тепло вокруг свечей зажженных, И личики детей, как елочка, светлы; А в окнах блеск огней, чудесно отраженных... /Светло! И взрослые, как дети, веселы».

Еще одно «зимнее» стихотворение Гарднера, «Завируха» (1936), представляет зиму в иных, фольклорных традициях: народные игрища, забавы детворы, святочные гадания [2, с. 73]. Поэт рисует утопический мир патриархальной русской деревни, маркируя хронотоп старинными диалектными словами: «завируха», «наметы», «курят», «суметы», «заметь», «сечень-белоризец», «звездная крестильница», «ведьмы заметухи», «кура», «Стожары», «Утренница», а также простонародными речевыми оборотами и лексикой: «охоч до пляски», «полумесяц, ...что турок», «взглянувши невзначай», «и стар, и млад», «ворожат», «сулят», «бумажка», «пляска», «краснорожий». Отсылка к самым известным литературным гаданиям очевидна: Пушкин и Жуковский. Но стилизованный фольклорный словарь у Гарднера неожиданно «разбавлен» элегическими литературными штампами: «серебрящийся», «фата метели», «мерцающие ели», «снеговые холмы», «хмелевые чары». Эти диссонансирующие элементы дают понять, что это действительно стилизация, искусственное моделирование идиллического хронотопа при помощи литературной аллюзии. В движении лирического сюжета наблюдается определенная динамика: в начале стихотворения вьюга кружит, напоминая буйство стихии в пушкинских «Бесах», ей вторит хоровод детворы (детские зимние забавы из «Евгения Онегина»), далее следует описание гадания незамужних молодых девиц (отсылка к «Светлане» Жуковского и сцене гадания из «Евгения Онегина»), после чего фокус внимания перемещается на «взрослые» игры, снова кружение, уже в бесовском антураже, под «хмелевыми чарами» («краснорожий бесится кутеж») — это не только аллюзия на бесовскую тему у Пушкина, но и отсылка к карнавальному началу гоголевских «Вечеров...» с их пройдохой-члнртом залихватскими плясками нетрезвых гуляк. В последней строфе движение останавливается, проходит бесовская ночь, и, хотя патриархальная деревня погружается в сон, наступает новый день («Меркнет Утренница в небесах») как начало очередного жизненного цикла, куда русский мир вступает обновленным, как свежесвыпавший снег.

В схожей манере стилизации под русскую патриархальную пастораль описывает Россию и Антонин Ладинский в стихотворении «Архангельск» (1930) [2, с. 109]. Уроженец окраинных земель (род. в с. Общее поле Псковской губернии), поэт хорошо знал суровую природу русского Севера и находил в ней особую самобытную красоту. В его эстетике Архангельск, древний северный город, представлен ярко и многолико: в нем можно заметить причудливое соединение различных литературных традиций, осуществленное поэтом с особой виртуозностью. Одна из них — уже упомянутая в связи с Гарднером традиция русской духовной поэзии, о чем свидетельствует упоминание «бревенчатых церквей», но перед нами не патетическое описание «древности седой», а вполне современный урбанистический пейзаж «с десятком фонарей» — «льдов стеклянных», то есть искусственных. В описании Архангельска подчеркнуто литературно выглядит желание автора уподобить его античным городам, что, вероятно, должно придать ему величия и монументальности («И просит север строя, / Зефиров и колонн»), ибо деревянные церкви и фонари с китовым жиром мало этому способствуют, равно как и близость к природе, подчеркивающая его провинциальность и «домашность» — несмотря на свой урбанистический статус, город занесен сугробами, как обычная русская деревня.

Китобойный промысел — распространенное занятие северных народов — описан у Ладинского в романтических традициях дальних странствий («Там корабли мечтают / О голубых морях»), но одновременно с этим образ отважных покорителей севера снижен весьма прозаическим использованием их «добычи», китового жира для освещения

городских улиц, оказавшегося к тому же не очень качественным («Чадит китовым жиром / Светильник городской»). Образ китобоя описан в традициях западноевропейского байронического романтизма — суровые моряки, как им и положено, выпивают после трудной вахты, но, вопреки нашему читательскому ожиданию, они «хлещут ром» «в барах», а не водку в трактирах, как было бы более естественным в русском городе.

Морская романтическая традиция подкреплена описанием портового города в духе байроновых «пиратских» поэм с привлечением известных романтических штампов, но с учетом северного колорита: «полночный мир сугробов», «меха и тучные рыбы», «большая любовь до гроба» (тема смерти странным образом соединяет ее тематически с предыдущим описанием христианских церквей), «айсберговые глыбы» (полярный вариант средиземноморских скал).

Литературный фон прослеживается и в образе северной Кармен («эскимосской розы», к которой «полярный воздух льнет», автора не смущает географическое несоответствие северных территорий, что еще раз говорит о намеренной искусственности образов), что подчеркивается оксюморонным сравнением: «Ах, жарче дона Хозе / Пылает этот лед», а также сходного свойства упоминанием гибели розы в «арктическом пожаре». Страсти в архангельской провинции кипят не хуже испанских!

Таким образом, вся стилистика стихотворения пронизана тонкой авторской иронией, построенной на литературной аллюзии и рассчитанной на квалифицированного читателя, способного разгадать все «литературные ребусы». В последней строфе перед нами рисуется трогательная картина: ребенок с холодной голубкой в руках, вероятно, взявший ее в дом, чтобы отогреть, и некий абстрактный «мечтатель с трубкой» — симбиотический сентиментально-романтический образ «китобоя на заслуженном отдыхе», сидящего у камелька и вспоминающего свою бурную морскую молодость. Ребенок вкупе с «золотым сном» в четвертой строфе (как в четвертой эклоге Вергилия!) апеллируют к идиллическому Золотому веку, безвозвратно ушедшему, но вечно желанному. В интерпретации Ладинского русский север — утопическое пространство счастья, русский Эдем, холодный и суровый, но всегда согретый особой теплотой человеческого сердца.

Образ России как холодной снежной страны часто встречается и в лирике Г. Иванова, одного из ярчайших представителей эмиграции первой волны. В его художественном мире тема родины тесно сопряжена с темой памяти. Петербург, родной город поэта, вспоминается его лирическому герою в мельчайших подробностях и милых сердцу деталях, понятных, как говорится, только «посвященным». Город приобретает многократно увеличенную ценность для эмиграции именно вследствие утраты его ими как культурного пространства, не говоря уже о переименовании и смене исторической ситуации. Для Иванова и всего поколения петербургских поэтов символом утраченной родины станет тринадцатый год, именно в зимнем его варианте, когда все они были счастливы последний раз:

*Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году —
Лишь призраки на петербургском льду... [5, с. 287]*

Вместе с тем поэт с горечью размышляет о новой России («Россия, Россия «рабоче-крестьянская» / И как не отчаяться!»), закованной в ледяные цепи советского рабства, тем самым словно «аукаясь с Пушкиным» (В. Ходасевич) и его темой крепостной России из «Деревни»:

*Деревни голодные, степи бесплодные,
И лед твой не тронется —
Едва поднялось твое солнце холодное
И вот уже клонится [5, с. 276]*

Для Г. Иванова, тяготеющего к центонной технике и виртуозно «свивающего» поэтические строки из «чужих словес», в стихотворении «Этот звон бубенцов издалека...» (1931) оставленная родина предстает как соединение образов, традиционно связанных в русском культурном сознании именно с «зимним комплексом» [5, с. 313]: «Это звон бубенцов

издалека, / Это тройки широкий разбег, / Это черная музыка Блока / На сияющий падает снег».

В первых двух строках прочитывается известная песня «Бубенцы» («Слышу звон бубенцов издалёка...»), считающаяся народной, но на самом деле имеющая авторов (слова А. Кусикова, музыка В. Бакалейникова). В последующих двух строках поэт создает сложный контаминированный образ «зимней смерти»: это аллюзия на «снежный апокалипсис» из «Двенадцати» А. Блока, а также указание на биографический факт гибели Пушкина на дуэли февральским днем.

Стихотворение продолжается строфой, данной с отточия, что фиксирует временную и пространственную дистанцию лирического героя между Россией из его памяти и нынешним его пребыванием в небытии — именно так воспринимает он свою жизнь в эмиграции — как медленное умирание в «ледяном эфире»: «...За пределами жизни и мира, / В пропастях ледяного эфира / Все равно не расстанусь с тобой!». Последнее двустопище выглядит как эпитафия на надгробье оставленной северной родины: «И Россия, как белая лира, / Над засыпанной снегом судьбой». Для Г. Иванова, поэта трагической судьбы, Россия и поэзия были неразделимы.

Библиографический список

1. Вайль П. Карта родины. URL: <http://www.litmir.info/br/?b=28859&p=80>.
2. Адамович Г.В., Кантор М.Л. Якорь: Антология русской зарубежной поэзии / под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто, А. Устинова. СПб.: Алетейя, 2005. 416 с. (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»).
3. Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Сириус>.
4. Nataspace. URL: <http://nataspace.livejournal.com/126539.html>.
5. Иванов Г.В. Собрание сочинений в 3 т. М.: Согласие, 1994. 655 с.

References

1. Vail P. «Karta rodiny» [«Map of the motherland»]. Retrieved from: <http://www.litmir.info/br/?b=28859&p=80> [in Russian].
2. Adamovich G.V., Kantor M.L. Iakor': Antologija russkoi zarubezhnoi poezii / pod red. O. Korosteleva, L. Magarotto, A. Ustinova [Adamovich G.V., Kantor M.L. Anchor: corpus of Russian foreign poetry. O. Korosteleva, L. Magarotto, A. Ustinova (Eds.)]. SPb.: Aleteia, 2005, 416 p. (Series «Russian émigré community. Sources and studies») [in Russian].
3. Encyclopedia of symbolics and heraldics. Retrieved from: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Sirius> [in Russian].
4. Nataspace. Retrieved from: <http://nataspace.livejournal.com/126539.html> [in Russian].
5. Ivanov G.V. Sbranie sochinenii v 3-kh tt [Collected works in 3 Vols.]. M.: Soglasie, 1994, 655 p. [in Russian].

*A.A. Khadynskaya**

«AND RUSSIA IS LIKE THE WHITE LYRA...»: IMAGE OF THE LEFT HOMELAND IN THE POETRY OF RUSSIAN EMIGRATION OF THE FIRST WAVE

At the core of the article is the image of Russia as the winter, cold, northern country like a symbol of the forever left homeland in the poetry of emigrants of the first wave. References to various literary traditions, nostalgic tone and tension are typical for this image.

Key words: poetry of the first wave of emigration, image of the motherland, theme of winter, winter landscape, literary allusion.

Статья поступила в редакцию 12/1/2016.

The article received 12/1/2016.

* *Khadynskaya Alexandra Anatolievna* (opus2000@mail.ru), Department of Linguistics and Intercultural Communication, Surgut State University, 1, Lenin Avenue, Surgut, 628417, Russian Federation.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РУССКОЙ КЛАССИКИ

В статье рассматривается «онтологический сдвиг», который нашел отражение в художественной картине русской классики по сравнению с древнерусским каноном, говорится о том, как изменились ценностные установки героев, поменялись с онтологических на метафизические. Особое внимание обращается на сюжет испытания, на расширенные философско-этические возможности героев. В целом описывается модель «вынутости» человека из мира, находящегося в поиске нового неба и новой земли, того ценностного места, откуда бы начиналось пространство абсолютного Блага.

Ключевые слова: русская классика, иерархическая последовательность чтения, истина, высшая ценность, утрата, поиск, испытание, горизонт человечности.

Чтобы понять типологические, наиболее устойчивые ценностные закономерности русской классики и представить литературу XIX века как целостную художественную систему, ее нужно осмыслить на фоне предшествующей эпохи, на фоне культуры Средних веков, древнерусской культуры. «Универсальным критерием» такого типологического описания является человек: «Литературное слово должно быть соотносено с историей, с социальными и политическими реалиями истории, но соотносено не иначе как через человека... линия эта не должна миновать человека, его самоощущения внутри истории, его догадки о самом главном – о его месте во веленной» [1, с. 12–13].

Отличительной чертой жизни человека в древнерусский период было его пребывание, ощущение себя в мире с устойчивой, иерархически выстроенной системой духовно-нравственных координат: он жил в сотворенном мире, где ценности воспринимались им как изначально данные и заданные в качестве высших и неустранимых благ, явленных в модусах добра, истины и красоты. Дарителем всех космологических и антропологических благ выступал Господь. Данное «обстоятельство» придавало сформированной картине мира онтологический статус, высветляло в ней неустранимые никакими невзгодами и событиями теоантропные смыслы и ценности. Об этом возвышенно хорошо и проникновенно точно говорится в Библии, которая и была первой читаемой книгой на Руси.

С этой точки зрения человеку, живущему в Божьем мире, нечего было искать: высшее благо ему было уже дано фактом рождения-крещения, он становился «сотелесником» Христа.

Иерархически заданная ценностная вертикаль, соотносящая человека с Богом, определяла и концепцию человека. В человеке выделялось три уровня: тело, душа и Дух. Душа обозначала в человеке «нулевой» горизонт человечности, и сам человек в своем осуществлении мог быть или ниже (предаваясь только страстному, телесному), или выше (переживая неустранимость божественного в себе и в мире) горизонта человечности.

Еще раз подчеркнем: в культуре, где ценности онтологичны, освящены Богом и традицией, человеку нечего было искать: духовная истина уже явлена, воплощена

* © Карпенко Г.Ю., 2016

Карпенко Геннадий Юрьевич (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

(«И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1: 14), «Я есмь *путь* и *истина* и *жизнь*» (Ин.14:6)).

На такое «неискание» древнерусского человека в свое время обратил внимание Д.С. Лихачев. Как-то в начале 1970-х годов тогда еще в Ленинградском университете состоялась творческая встреча Д.С. Лихачева со студентами филологического факультета, и Дмитрия Сергеевича спросили, как он относится к фильму Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (фильм вышел в ограниченный прокат). Д.С. Лихачев сказал: «Фильм хороший, но неправильный, так как А. Тарковский показал Рублева ищущим человеком, перенес на него поиски современного интеллигента. А Рублев жил с верой в Святую Троицу, которую и изобразил». Другими словами, древнерусский человек жил внутри целостного и ценностного мира, поиски — это удел человека другой эпохи.

Русская классика зарождается в ситуации трансформации древнерусской — иерархически выстроенной по вертикале вверх, к Богу — картины мира. Русская классика изображает уже ищущего человека: он живет в расколоте мира, в конфликте с ним: все ценности — от человека до Бога — «пошатнулись», подверглись сомнению (говоря современным языком), проблематизировались. Наиболее выразительно (и уже хрестоматийно) это состояние расколотости мира, «вынутости» описывает Л.Н. Толстой, передавая душевные страдания Пьера Безухова: «С той минуты... в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога. Это состояние было испытываемо Пьером прежде, но никогда с такою силой, как теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнения, — сомнения эти имели источником собственную вину. И в самой глубине души Пьер тогда чувствовал, что от того отчаяния и тех сомнений было спасение в самом себе. Но теперь он чувствовал, что не его вина была причиной того, что мир завалился в его глазах и остались одни бессмысленные развалины. Он чувствовал, что возвратиться к вере в жизнь — не в его власти».

Конечно, в русской классике есть «непошатнувшиеся», «неищущие» герои, которые живут в «лучах Бога». Такова, например, Маша Троекурова. В повести А.С. Пушкина «Дубровский» отец выдает ее замуж за старого князя Верейского. Маша, чтобы избежать брака, пишет записку любимому человеку Владимиру Дубровскому с просьбой спасти ее. Дубровский получает записку с некоторым опозданием. Он мчится спасать Машу, настигает карету, когда Маша и князь Верейский возвращаются из Церкви. Дубровский обращается к Маше со словами: «Вы свободны...

— Нет, — отвечала она. — Поздно — я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите, — закричал с отчаяния Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью, — князь мой муж, прикажите освободить его, и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас».

Удивительная ситуация: Маша просила о спасении и вдруг отказывается. Она не успела доехать до дома, физически еще ничего не случилось. Но Маша отказывается от свободы, от любви. Она уже повенчана, совершилось таинство венчания, ее союз уже скреплен Святым Духом. И долг — обещание Богу — оказался выше чувства любви к Дубровскому. Пушкина волновала эта проблема, как человек может хранить в повседневной жизни верность христианским ценностям. В романе «Евгений Онегин» (1830) воспроизводится вариант подобной ситуации, когда главная героиня Татьяна, вышедшая замуж за другого, признается Онегину, который когда-то отверг ее: «Я вас люблю, к чему лукавить... Но я другому отдана и буду век ему верна». Хорошо, когда в жизни любовь и долг сходятся, но в данной ситуации долг и чувство разошлись. И пушкинские героини верны тому, кто их отдал и в чьей они власти.

Однако в целом для русской классики характерен другой тип героя, поведение которого определяется изменившейся ценностной парадигмой. В русской культуре

XIX века религиозная онтология — то, что идет от Бога, освящено Его именем, — заменяется метафизикой — тем, что идет от человека, от его воли и разума. Все стало относительным, сомнительным, поставленным под вопрос: человек, мир и даже абсолютная ценность — Бог. Высшей ценностью становится уже не сама Истина, а поиск новой человеческой истины, которая может быть какой угодно: от шинели до «благого» замысла уничтожения человечества.

С тех пор в культуре нарушилась иерархическая последовательность чтения. Человек стал читать не первое (не Библию), а последнее (новомодное): «Что ему книга последняя скажет, То на душе его сверху и ляжет: Верить, не верить — ему все равно, Лишь бы доказано было умно!» (Н.А. Некрасов). И как следствие такого иерархически непоследовательного чтения — брожение и шаткость умов, подмена до полного забвения «первой заповеди», антропологизация, психологизация культуры, замещение духовного душевным: и вместо «первой и наибольшей заповеди», на которой утверждался, как говорит Христос фарисеям, «весь закон и пророки», в культуре стали вырабатываться «оправдательные основания» человеческого всемогущества в виде философских, метафизических и прочих концепций. Такого нашествия «интеллектуального варварства» в одеждах новомодной философии русская история до той поры еще не знала. Молодежь, как говорил Ф.М. Достоевский, «уродовалась теориями». Складывалось впечатление «будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей... Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в одном и другом и заключается истина... Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... кололись и резались, кусали и ели друг друга... Все и все погибало».

Крайние формы такой подмены высших ценностей выразил Достоевский: а) в романе «Записки из подполья» для подпольного парадоксалиста высшей ценностью является его хотение: «*Миру провалиться или мне чаю не пить?* Миру провалиться, а мне чаю всегда пить!»; б) в романе «Бесы» такой ценностью в теории Шигалева выступает идея насильственной социальной гармонии, ради осуществления которой раз в тридцать лет человечеству нужно «пускать судорогу», чтобы оно не привыкало к счастью и ценило его. Примеры можно множить. Но их смысл неизменен — человек «в одиночку» взял на себя ответственность за судьбу мира, дерзнул устроить его по своему усмотрению.

Вполне очевидно, что в русской классике мировоззренческие позиции героя и автора неидентичны. Эта «разность» нашла свое отражение в усложнении/трансформации художественных форм, в их диалогизации и полифонизации, в интенсификации не только сюжета героя, но и сюжета автора. Так, в изучении художественного мира актуальным становится обнаружение-описание авторского присутствия: образ автора мыслится как высшая категория. Хотя и сама авторская позиция «пошатнулась»: в ценностном отношении она стала определяться не только онтологией, но и метафизикой, не только христианством, но и пантеизмом. С другой стороны, данное «обстоятельство» («шаткость») расширило поведенческие возможности героев: от падений до взлетов и преобразований. В связи с этим можно наметить типологию испытаний, посмотреть, каким испытаниям подвергают писатели своих героев на пути обретения человечности.

В романах И.С. Тургенева герой испытывается любовью: она меняет внутреннее устройство личности, его мировоззрение. Так, главный герой романа Тургенева «Отцы и дети» Базаров вначале относится к женщинам физиологически: «И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяты, как ты

говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество. Пойдем лучше смотреть жука».

Но с ним происходит то, что он от себя не ожидал: он влюбляется в Одинцову. Базаров злится, топает на себя ногами, грозит кулаком. Он обнаруживает в себе «романтизм», «художество» — то, что раньше отрицал. Так он преодолевает узость своих убеждений, восстанавливает целостность, полноту, цельность натуры.

Герои Ф.М. Достоевского испытываются идеей-страстью. Она полностью поглощает их, руководит ими. Исследователи поэтому даже говорят, что главным героем Достоевского является не человек, а идея. Но Достоевский в своих романах разоблачает идею, которая вне Христа. Вот такая идея-страсть ведет Раскольникова на преступление. Он разработал теорию, в соответствии с которой люди по природе своей делятся на два разряда: 1) на низших (обыкновенных), на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных и 2) собственно на людей, имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово.

В соответствии с этой теорией Раскольников задает самому себе экзистенциальный вопрос, а он кто такой, к какому разряду людей он относится: «Мне надо было узнать... и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...» С этой целью он решил проверить себя, попробовать перешагнуть через кровь — и убивает старуху-процентщицу и заодно «подвернувшуюся под руку» ее сестру Лизавету.

Потом оправдывается перед Соней: «Слушай: когда я тогда к старухе ходил, я только попробовать сходил... Так и знай!— И убили! Убили!

— Да ведь как убил-то? Разве так убивают? Разве так идут убивать, как я тогда шел!.. Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!.. А старушонку эту черт убил, а не я...»

Нужно напомнить, что убийство для Раскольникова было только пробой, проверкой, чтобы узнать, к какому разряду людей он относится. А цель у него была высокая, гуманная: он как «необыкновенный человек» хотел спасти «свежие силы», молодые начинающие жизни, «униженных и оскорбленных». «Гуманность» убийства подкрепляется «арифметической» теорией, которую разделяет Раскольников: «Смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь? Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна».

Можно сказать, что Раскольников со своими теориями спускается в ад, в бездну, откуда нет выхода и спасения. Но его спасает Соня силой кроткой любви, ничего не доказывающая, почти не говорящая, но собой свидетельствующая истину Христа.

Раскольников вопрошает, доказывает, а Соня свидетельствует. Вот как это происходит. Раскольников: «Если бы вдруг... на ваше решение отдали: кому... жить на свете, то есть Лужину ли жить и делать мерзости, или умирать Катерине Ивановне? То как бы вы решили: кому из них умереть? Я вас спрашиваю.

– Да ведь я Божьего Промысла знать не могу...»

И далее на аргумент Раскольникова, что он вошь убил, бесполезную, гадкую, зловредную, Соня почти безмолвно отвечает: «Это человек-то вошь!»

Так Соня в кротости, почти в молчании утверждает истину нерушимого образа божьего в любом человеке. Вслед за Л. Шестовым можно сказать, что в романе «Преступление и наказание» Достоевский создает Евангелие от Сони.

Л.Н. Толстой испытывает своих героев историческими событиями (войной – «Война и мир») и страстью («Анна Каренина», «Крейцера соната»). И только пройдя такое испытание герой Л. Толстого преображается, открывает в себе то, что было закрыто для него под влиянием модных социальных идеалов или страсти.

Так, в романе-эпопее Л. Толстого «Война и мир» для князя Андрея Болконского высшим смыслом жизни в какой-то момент становится стремление к личной славе, и для него кумиром славы является Наполеон. Ради минуты славы он готов пожертвовать самым дорогим: семьей, женой, ребенком. И только пройдя путь испытаний, князь Андрей обретает в своей душе Бога, все его существо освещается духом благодати. Те учительные слова его сестры княжны Марьи, которые были для него пустым звуком, мертвым знанием, вдруг откликаются в его сердце теплым чувством любви к ближнему, к врагу своему. Он прощает Анатоля Курагина, плача «нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями... Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам – да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал...».

В рассказе «Крейцера соната» Л. Толстой показывает, как страсть, ревность ведет героя к женоубийству. И только пройдя такое немислемое испытание, герой внутренне изменяется, обретает другую природу, духовную самоидентичность. Герой обретает духовную идентичность через женоубийство. Это – невозможный предел русской литературы, исследующей глубины человеческого естества.

«Я во все время моей женатой жизни, – рассказывает Позднышев, – никогда не переставал испытывать терзания ревности... зверь ревности сидел у меня в сердце и раздирает меня».

И вот заключительное признание Позднышева: «Я начал понимать только тогда, когда увидал ее в гробу... – Он всхлипнул, но тотчас же торопливо продолжал: – Только тогда, когда я увидал ее мертвое лицо, я понял все, что я сделал. Я понял, что я, я убил ее, что от меня сделалось то, что она была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная и что поправить этого никогда, нигде, ничем нельзя. Тот, кто не пережил этого, тот не может понять... У! У! У!.. – вскрикнул он несколько раз и затих».

Вот это одно из самых страшных испытаний героя русской литературы, слишком дорогую цену ему приходится платить на пути обретения своей утраченной идентичности.

Самым простым испытывает своих героев А.П. Чехов. Они испытываются бытом, повседневностью, самым естественным: чаем, обедами, чтением газет, прогулками, мечтами и т. д. Первые критики и зрители пьес Чехова недоумевали: в пьесах Чехова почти ничего не происходит, герои сидят, пьют чай, мирно разговаривают, играют в карты, строят планы, а потом кто-нибудь «отбегает в сторону и застреливается». Для Чехова самым страшным оказывается нестрашное, повседневное, когда изо дня в день, из года в год происходит одно и то же. Героини пьесы «Три сестры» мечтают «уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и – в Москву... Скорее в Москву». Но проходят месяцы, годы, а они из-за повседневных мелочей все откладывают и откладывают свой переезд, и мечта остается неосуществленной. Если герои Достоевского, Л. Толстого взваливали на свои плечи непосильную ношу, примеривали на себе славу Наполеона, то герои Чехова, как сказал Сергей Булгаков, падают под «тяжестью соломинки», спотыкаются на ровном месте. Чехов словно сомневается в самой природе человека, говорит о прирожденной духовной поврежденности человека: «Чеховым ставится под

вопрос и подвергается тяжелому сомнению, так сказать, доброкачественность средней человеческой души, ее способность выпрямиться во весь свой потенциальный рост, раскрыть и обнаружить свою идеальную природу, следовательно, ставится коренная и великая проблема метафизического и религиозного сознания – загадка о человеке» [2, с. 145].

Если Достоевский и Л. Толстой были проповедниками духа, наделяли героев жаждой исканий, то в мире Чехова духовность существует как «Божья искра», как редкое явление, как свет, идущий «оттуда». В рассказе «В овраге» главной героине Липе ночью вдруг показалось, что «кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды. И как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же в Божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдою, как лунный свет сливается с ночью». В рассказе «Студент» героя, студента духовной академии, охватывает радость, когда он видит, как переживают его рассказ о Христе простые женщины: «Правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле».

Как видим, русские писатели, создавая новую картину мира, во многом отличающуюся от древнерусской, все же окончательно не порывают с «канонами»: они ведут своих героев через ряд разных и разнокачественных испытаний, но цель их одна – привести если не героя, то читателя к точке преображения, откуда бы открывались и новое небо, и новая земля, откуда бы начиналось пространство абсолютного Блага.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
2. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. 750 с.

References

1. Averincev S.S. Poetika rannevizantiiskoi literatury [Poetics of early Byzantine literature]. SPb.: Azbuka-klassika, 2004, 480 p. [in Russian].
2. Bulgakov S.N. Sochineniia: v 2 t. [Works: in 2 Vols]. M.: Nauka, 1993, Vol. 2, 750 p. [in Russian].

*G. Yu. Karpenko**

TYPOLOGICAL MODELS OF RUSSIAN CLASSICS

The article discusses the «ontological shift,» which is reflected in the rhythmic pattern of Russian classics in comparison with Old canon, speaks of how changed the value system of heroes – changed from ontological into metaphysical one. Particular attention is drawn to the trial, on advanced philosophical and ethical possibilities of heroes. In general, the model of «take out» of a person from the world, which is in search of a new heaven and new earth, that valuable space, from where would begin the space of an absolute Good is described.

Key words: Russian classics, hierarchical sequence of readings, truth, the highest value, loss, search, test, horizon of humanity.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.

The article received 15/II/2016.

* *Karpenko Gennady Yurievich* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТ: КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В ДРАМАТУРГИИ А. ВОЛОДИНА

В статье предполагается выявить особенности концепции героя в драматургии А. Володина, исходя из особого типа драматургического конфликта, близкого к экзистенциальному. Несмотря на то что основным материалом для рассуждений о герое стали произведения драматурга конца 1970-х — начала 1980-х годов, понимание этого художественного феномена раскрывается и в контексте драматургических поисков всего XX века.

Ключевые слова: герой и поступок, Александр Володин, экзистенциальный конфликт, «децентрализация» и дегероизация персонажа.

Вместо эпиграфа хотелось бы вспомнить слова М. Туровской: «Вероятно, когда-нибудь драма нашего времени, если и оставит след в общем развитии жанра, то сольется в памяти истории в единое целое, где переломы и рубцы десятилетий уже не будут заметны. Но для нас, современников и участников, острее и драматичнее всего именно эти рубцы и переломы, отличия, а не сходства внутри единого развития определенного типа» [1, с. 106]. Возможно, что у молодых исследователей и просто читателей это уже произошло, и вся драматургия второй половины XX в. слилась в некий общий поток, но в памяти современников все еще видны рубцы и переломы времени, нюансы мировосприятия художниками каждого нового десятилетия. И хотя новейшая драма нового столетия транслирует мысль о принципиально новом подходе к почти всем вопросам поэтики, это не совсем справедливо. При внимательном рассмотрении оказывается, что смена художественных парадигм, проникшая в структуру драматургии XX в., отразила особый образ мира уже во второй половине минувшего века и достаточно сильно повлияла на особенности построения новейшей драмы.

Представления драмы о герое в каждый период своего развития — это вопрос, который ставится перед драматургией и театром, где отражается мера гуманистического начала современного искусства и социума.

Совершенно очевидно, что для драмы понятия «герой» и «поступок» тесно связаны друг с другом. Собственно говоря, герой в драме и начинался с поступка. В античной и ренессансной драме поступки героя должны выглядеть как образцовые, и тогда его судьба — результат свободного выбора. Он своими поступками идентифицирует себя как личность, противостоит оппонентам в борьбе или моральном конфликте, отвечает за свою вину или ошибку. Уже в XIX в. герой утрачивает это свойство — быть образцом. Этот герой может не совершать поступков, может не влиять на события, у него может не быть своей позиции относительно реальности. Он может существовать и в облике своего иронического и гротескного двойника — антигероя. Поскольку ценности, которыми дорожил когда-то герой (протагонист), либо падают в цене, либо

* © Журчева О.В., 2016

Журчева Ольга Валентиновна (janvaro@mail.ru), кафедра русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67.

отброшены. Человек в XX в. «демонтирован», низведен до состояния индивидуума, может быть, внутренне противоречивого. Однако он интегрирован в историю и в социум так сильно, что они определяют его жизнь больше, чем он об этом подозревает.

Если вписывать драматургию Александра Володина в круг этих представлений о герое, то я бы назвала его «последним экзистенциалистом» в изображении особого типа героя, который сложился в литературе XX в. под влиянием художественных и философских идей Сартра и Камю, поскольку герой Володина последовательно существует в рамках экзистенциального жизненного лозунга: «Пока я существую, я отвечаю за все». Может быть, поэтому володинская драматургия стала явлением не только художественного порядка, но и социального: в его пьесах, прозе, стихах прозвучала декларация определенного образа жизни, определенной нравственной позиции, наконец, это своеобразная летопись человеческой судьбы второй половины XX в. Володин в своем творчестве очень точно отмечает движение от иллюзий «оттепели» конца 1950 – начала 1960-х годов до разочарований в гуманистической природе общества 1970–80-х годов.

Для разговора о природе володинского героя точкой отсчета я взяла бы цитату из «Пяти вечеров» (1958). В последнем вечере, возвращаясь к Тамаре, Ильин произносит, подводя итог своей жизни вообще и своей жизни на сцене: «...Если я не ошибаюсь, вам взбрело в голову, что я, так сказать, неудачник <...> Увы, я лично этого не нахожу. Считаю себя полезным членом общества. И, кстати сказать, более полезным, чем вы все, вместе взятые. Так что учтите, друзья, ради вашего удовольствия прикидываться лучше, чем я есть на самом деле, я не собираюсь. Человек должен всегда оставаться самим собой. Самая выгодная позиция... Запомните: я свободный, веселый, счастливый человек. И еще буду счастлив разнообразно и по разным поводам» [2, с. 51]. Герой второй половины такого трагического и героического XX века позиционирует себя в большей степени как неудачник, этим-то он и оказывался интересен. Именно у неудачника, считает драматург Володин, можно обнаружить и желание поступка, и внутреннюю подвижность, и способность к изменчивости. Утверждается в русской драме странный герой – негерой, который нечасто стремится себя проявить – ни словесно, ни действенно, – однако оказывается единственным, способным взять на себя ответственность.

Еще у А. Чехова и М. Горького [3, с. 64] (в драматургии М. Горького эта проблема «героя / негероя» поднимается неоднократно, ей же, по сути дела, почти полностью посвящен цикл рассказов 1922–1924 гг.) возникало сомнение в том, что персонаж целостный, даже целеустремленный, непротиворечивый, самодостаточный – есть хорошо. Пестрота характера, неуверенность человека в своей правоте, в своих поступках, жизнь в сослагательном наклонении – все это стало новым свойством героя новой драмы еще на рубеже XIX–XX вв. Но это же свойство лишило героя поступка. Через весь XX век пролегла оппозиция героическое / негероическое; появился персонаж, не способный на поступок, в чем бы он ни выражался. Поступок сам по себе налагал ответственность за его возможные последствия, поэтому возникшая на рубеже веков идея *недеяния* странным образом отразилась на многих героях советской (и, как выясняется, постсоветской) драмы.

В эпоху смены нравственных и художественных парадигм в конце 1950 – начале 1960-х гг. среди героев, усиленно совершающих поступки, героев цельных, уверенных в своей правоте бескомпромиссных юношей, появляются персонажи А. Арбузова и А. Володина, которые словно бы боятся поступка, события, даже слова, которое могло бы повлечь за собой поступок. В связи с этим было названо одно из основных художественных открытий Володина: дегероизация героя. М. Строева в 1986 писала: «С Володина, собственно, и начался процесс децентрализации героя, который – параллельно прозе – происходил в драматургии шестидесятых-семидесятых годов. Широкая, прежде безголосая среда, из которой выборочно извлекались чаще всего

вершинные образцы, «примеры для подражания», теперь заявила свои равные права на сценическое существование» [4, с. 218]. Вслед за М. Строевой Я. Явчуновский в своей книге «Драма на новом рубеже» [5, с. 149–173] утверждает художественное единство психологической драмы 1960–80-х гг. в специфике героя, определяя его как героя маргинального, однако маргинального не социально, а психологически. Причина появления маргинальности в том, что герой уже пережил ранее, за пределами сюжета исходный конфликт со своим социумом (т. е. совершил поступок), психологическая перестройка уже произошла, она привела героя в его нынешнее состояние. Новое соприкосновение героя с окружающей средой, попытка выйти из своего пограничного положения и является толчком для нового конфликта, внутреннего, движущего непосредственно действие пьесы, требующего от героя совершения нового поступка.

Совершенно определенная общественная ситуация конца 1960-х – начала 1970-х годов сформировала уже новый драматургический конфликт: утверждение «Вот – добро, вот – зло» сменилось вопросом: «Что есть добро? Что есть зло?». Но если раньше возникал процесс исследования души героя, то теперь в большинстве случаев констатировался итог. Однако Володин уходит от внешнего реализма и погруженности в быт. В его творчестве возникают сценарии-сказки, пьесы-притчи, где его не-герои продолжают «отвечать за все» без всякой внешней мотивировки, просто потому что они существуют. В этом смысле своеобразной квинтэссенцией подобной жизненной позиции, подобного характера становится Луис – невольный продолжатель идеи Дон Кихота в «Дульсинее Тобосской» (1968).

В 1970–80-е гг. изменения в духовной атмосфере общества вели к новым жанрово-стилевым пристрастиям в драматургии. На смену популярному володинскому «Стыдно быть несчастливому» пришло иное – «стыдно быть непрофессиональным», «стыдно быть непрактичным». Интересны сопоставления героев Володина с персонажами «нового времени». Например, Лямин из «Назначения» (1961) оказался вписан в круг «производственной драмы» (ср.: Алексей Чешков из «Человека со стороны» И. Дворецкого). В «производственной» пьесе А. Володина назначение Лямина осмысливается не как административный акт, скорее как осуществление нравственного предназначения человека. Он не соответствует своему месту, *он человек не на своем месте* (в отличие от героев 1970-х годов, ср.: сценарий В. Черных «Человек на своем месте»). Человек у Володина оказывается не выше дела, но без человека, без подробностей его жизни дело оказывается никому не нужным [6, с. 235–252].

Другое сопоставление связано с последствиями нонконформистских поступков юности: Ильин из «Пяти вечеров», отчисленный из института перед войной, и Бемс из «Взрослой дочери молодого человека», вместе с дипломом получивший статус, непонятный современному человеку, «инженер без доступа». Но если шофер Ильин ни в чем не уступает своему однокурснику – главному инженеру комбината Тимофееву, то позиция Бемса иная. Его профессиональная несостоятельность требует непомерных нравственных усилий, чтобы сохраниться как личности [7, с. 51–71].

Внешний конфликт героя со средой представляется непреодолимым, субстанциональным и уходит на второй план. Основным становится внутренний конфликт, попытка преодолеть собственный кризис при невозможности преодоления кризиса в обществе.

Период конца 1970-х – начала 1980-х годов отмечен двумя сценариями – «Осенний марафон» (1979) и «Блондинка» (1984), по-своему, по-володински отразившими эпоху застоя. Володинский герой, опутанный бытом и социумом, как Лаокоон змеями, приговоренный этим бытом и социумом, как родовым проклятьем, продолжает в ущерб собственному творческому потенциалу и личной свободе нести свою донкихотовскую ответственность за всех окружающих людей. Вся жизнь его становится,

таким образом, своего рода пограничной ситуацией, герой каждую минуту оказывается перед лицом, может быть, не физической, но моральной, интеллектуальной гибели. У этих героев переживание времени связано с «безмолвной неудовлетворенностью существования» (по К. Ясперсу), что заставляет их прорываться через быт, предметность, вещность обыденной жизни к осуществлению своей экзистенции, проявлению свободной воли, человеческой самости, внеположенной окружающей социально-исторической действительности.

Композиция обоих сценариев кольцевая, но разомкнутая. «Осенний марафон» начинается и заканчивается «ритуальным» диалогом Бузыкина и Билла и оздоровительной пробежкой, которая неизбежна при любой ситуации в жизни героя. «Блондинка» начинается со сцены в студии, где студийцы вместе с Ириной учатся летать, преодолевать земное притяжение, и завершается сценой, когда те же люди, но не летают — бегут и, пробиваясь через них, пытается взлететь Ирина. Кольцевая композиция диктует открытый финал. Если раньше для Володина важна была некая смысловая точка, очевидность решения, которое принял, хотя, может быть, еще не озвучил герой. Открытый финал же создает ощущение неразрешимости конфликта «человек и мир».

Герои «Осеннего марафона» и «Блондинки» гонятся за утраченной свободой, мифической и подлинной. Но не знают, как ее обрести, то ли освобождаясь от внешних обстоятельств, то ли от обстоятельств внутреннего порядка.

В «Осеннем марафоне» появляется мотив «бега». Несмотря на то что герой постоянно бежит, словно нагоняет ускользающую реальность, он никуда не движется, бежит по кругу. Для сюжета сценария тоже характерен «бег по кругу»: циклическая повторяемость эпизодов, встреч, разговоров, которые ничем не разрешаются для героев.

Сюжетообразующий мотив бега противостоит мотиву полета в «Блондинке». Традиция этой метафоры — полет как проявление внутренней свободы или преодоление внутренней несвободы — восходит к классике (Наташа Ростова, Катерина в «Грозе»). Активно он проявляется и в искусстве последней трети XX в., особенно в кинематографе: можно вспомнить фильмы В. Мережко и Р. Балаяна «Полеты во сне и наяву», П. Тодоровского «По главной улице с оркестром», А. Абдрашитова «Парад планет», сценарий и поставленный по нему фильм самого А. Володина «Происшествие, которого никто не заметил».

Герои «Осеннего марафона» и «Блондинки», Бузыкин и Ирина, похожи, в том числе и тем, что их обоих принимают не за тех, кем они на самом деле являются.

Бузыкин — простак, который живет и совершает поступки, как ему подсказывает интуиция и человеческий долг. Его же все принимают за плута. В кульминационный момент, когда его бросили и жена, и любовница, грозят отнять любимую работу, Варвара бахвалится ему по телефону им же переведенным текстом рассказа с названием, повторяющим первоначальное название сценария: «Горестная жизнь плута». Данное в рассказе описание «замусоренной земли» — душевное состояние Бузыкина и одновременно то, что его окружает, с чем ему так трудно мириться.

Ирина представляется окружающим «белой вороной», недаром слово «блондинка» вынесено в название. В ее альтруистических стремлениях все усматривают утилитарные и собственнические интересы.

В «Осеннем марафоне» профессия становится частью характера героя. Бузыкин — переводчик. Его человеческое и профессиональное кредо звучит в разговоре с нерадивым студентом Лифановым: «В хартии переводчиков говорится, что перевод в современном мире должен способствовать лучшему пониманию между народами! А вы будете только разобщать!» [8, с. 292] Бузыкин хочет способствовать лучшему пониманию между близкими ему людьми — задача для простака-идеалиста, а не для плута. У Ирины, напротив, нет никакой профессии, никакой социальной привязанности и

определенности. Но все, что она делает — делает хорошо: моет окна, ухаживает за детьми, чертит, печатает на машинке. Ей кажется, что любой социальный, профессиональный статус, любые личные привязанности помешают осуществлению ее как личности. «Ира (за машинкой, читает текст). “Человеку хочется быть великим, а он видит, как он мал. Ему хочется быть совершенным, он полон недостатков. Эта двойственность его поведения...”» [8, с. 303] Стремление к совершенству и неприятие рутинной жизни диктуют Ирине все ее поступки, она боится малейшего душевного застоя, но существование «в воздухе» делает ее одинокой.

Герой «Осеннего марафона» весь опутан бытом, даже текстуально: новое блюдо к завтраку — хворост — одновременно предмет лингвистических изысканий дотошного Хансена; ремонт, затеянный для примирения с женой; телевизор и телефон — звуковое оформление многих сцен; плавленые сырки, которыми сосед-пьяница сервирует четверговую выпивку. Быт представляется Бузыкину паутиной, которая опутывает его, парализует. Володинскому герою захотелось быть, как все, и вот, оказавшись неожиданно для себя вместе с соседом и Хансеном в лесу, Бузыкин вдруг бунтует: «Нет, постойте! Вот вы, Василий Игнатьевич, простой и цельный человек, вас голыми руками не возьмешь. И вы, Билл, тоже простой и цельный человек, вас тоже голыми руками не возьмешь. Так вот я тоже простой и цельный человек, меня тоже голыми руками не возьмешь! И прошу вас привыкнуть к этой мысли» [8, с. 285].

Именно в тот момент, когда Бузыкин решает прекратить свой безумный бег по кругу, начать новую независимую жизнь, он от быта отрешается. Он совершает решительные поступки, произносит высокие слова, отстраняется от мелочного, обыденного: «Теперь, однако, он шел иначе. Он прихрамывал, как участник больших сражений. Он смотрел на встречных орлино. Он отвечал на приветствия приказным голосом» [8, с. 292]. Но когда он действительно чувствует себя «простым и цельным» человеком, он перестает быть самим собой, теряет свою индивидуальность, несмотря на мнимую свободу поступков. Но все возвращается на круги своя и опять начинается жизненный марафон. Метафора, заложенная в сценарии, достаточно прозрачна: человек бежит по жизни, бежит так быстро, что не успевает насладиться семейным теплом, творчеством, любовью женщины, оставляя самое заветное на потом. Бег становится алгоритмом характера Бузыкина: он бежит по улице короткими перебежками; в самое неподходящее время, утром и вечером, появляется Хансен, заботясь, чтобы Бузыкин не терял спортивной формы; и даже во время занятий со студентами Бузыкин предлагает найти синонимы именно к слову «бежать»:

«Студенты стали припоминать:

- Мчаться.
- Припуститься.
- Носиться.
- Удирать.
- Улепетывать.
- Драпать» [8, с. 274].

Обратная ситуация героини «Блондинки». Она вне быта, выше его, ее ничто не может удержать, она все решает быстро, потому что хочет научиться летать. Ирина жаждет надземной жизни и оказывается единственной верной ученицей своего учителя и любимого: «Какая у него цель? Освободить в человеке такие физические и духовные возможности, о которых он сам и не подозревает. Красота человеческого тела. Но чтобы это была и красота человеческого духа!.. Здесь мы будем просто жить. Учиться ощущать радость существования. Это необходимо для жизни. Для веры в то, что жизнь имеет смысл...» [8, с. 297] Она верит вслед за Львом в безграничные возможности личности, далеко выходящие за рамки обыденной жизни. Хотя сюжет, по сути дела, завязан вокруг бытовых проблем: героиня ищет квартиру для своего

любимого, затем деньги, чтобы заплатить за квартиру, потом деньги, чтобы слетать к нему на самолете. Ее алгоритм — полет. «Ирина бежала. Волосы летели вслед, словно важное происходило не здесь, а где-то впереди» [8, с. 297]. Но Лев ничему не может научить своих учеников, потому что свободе и счастью научить нельзя. Если в начале пьесы он, по словам Ирины, «не-стандартный (не отдельно), не-обыкновенный (не отдельно)», то в финале: «Замахнулся две жизни прожить, обычную, да еще и необычную. А вот удовольствовался одной. Неприхотливо живешь» [8, с. 335]. Возникает типичная для русской литературы ситуация «русский человек на randevу» — мужчина не оправдывает тех надежд, которые возлагает на него любящая женщина.

Ирина уже готова примириться с жизнью, зажить как все, но фантастическая картина, увиденная ею на пустыре, по которому она каждый день пробиралась на работу: художница среди ржавой проволоки и битого стекла рисует совершенно другое — «яркий выпуклый зеленый луг и вот такие преувеличенные цветы...» [8, с. 316] — заставляет в очередной раз сорваться и полететь ко Льву. У Льва уже есть семья, работа и финские обои. «Бунт последних романтиков закончился фарсом» [9, с. 271].

Показателен в обоих сценариях финал: если Бузыкин бежит по вечернему городу за Хансеном, как бы по течению, подчиняясь обстоятельствам, то Ирина «кричала и, казалось ей, пробивалась через толпу тех, кто прежде взлетали, падали, а теперь, как один, стремились все в одну сторону, и пробиваться становилось все труднее» [8, с. 336]. Бег и полет — воплощение обыденности и сопротивление ей.

Подводя итоги, хочется сказать, что последующее развитие отечественной драмы (драматургия А. Вампилова, «новая волна», драматургия «промежутка») шло в русле развития негероического, недейственного героя, намеченного А. Володиным. Однако подобный персонаж, существуя в ряде драматургических образцов в экзистенциальном конфликте человека с миром, больше мыслил себя жертвой, чем субъектом, несущим ответственность за состояние этого мира.

Наследников Володина не нашлось и в новейшей драме. Проблема героя обычно обсуждается в связи с новейшими тенденциями в драматургии только по причине его (героя) социальной экзотики: «дегероизация», социальная и духовная окраинность героя достигла своего апогея. Нынешний герой в самой меньшей степени является образцом для подражания — поскольку его социальная маргинальность уже не предполагает маргинальность психологическую, соответственно, в таком герое не может быть внутреннего конфликта, внутренней двойственности. Поскольку в новейшей драме почти нет события (по крайней мере, события, изменяющего первоначальный порядок вещей в сюжете пьесы), то герой современной драмы не просто существует вне поступка, но и находится в каком-то действенном и словесном анабиозе. Возможно, речь должна идти о каком-то постэкзистенциальном мироощущении человека, но это дело будущих аналитиков.

Библиографический список

1. Туровская М. Вампилов и его критики // Сибирь. 1974. № 1. С. 102–115.
2. Володин А. Пять вечеров // Для театра и кино. Л.: Искусство, 1967. 312 с.
3. Журчева О.В. Образы времени и пространства как средство выражения авторского сознания в драматургии М. Горького. Самара, 2003. 250 с.
4. Строева М. Мера откровенности // Современная драматургия. 1986. № 2. С. 218–228.
5. Явчуновский Я.И. Драма на новом рубеже. Драматургия 70-х и 80-х годов: конфликты и герои, проблемы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. 222 с.
6. Соловьев В. Сопричастность веку. Литературная эволюция и проблема жанра // Новый мир. 1974. № 8. С. 235–252.
7. Москалева Е. Тенденции жанрового развития советской драмы 1970–80-х годов // Мир современной драмы. Л.: ЛГИТМИК, 1988. С. 59–71.

8. Володин А. Осенний марафон. Л.: Советский писатель, 1985. 360 с.
 9. Ланина Т. Александр Володин. Очерк жизни и творчества. Л.: Советский писатель, 1989. 320 с.

References

1. Turovskaya M. Vampilov i ego kritiki [Vampilov and his critics]. *Sibir'* [Siberia], 1974, no. 1, pp. 102–115 [in Russian].
2. Volodin A. Piat' vecherov [Five evenings] in *Dlia teatra i kino* [For theater and cinema]. L.: Iskusstvo, 1967, 312 p. [in Russian].
3. Zhurcheva O.V. Obrazy vremeni i prostranstva kak sredstvo vyrazheniia avtorskogo soznaniia v dramaturgii M. Gor'kogo [Images of time and space as means of expression of author's consciousness in M. Gorky's dramatic art]. Samara, 2003, 250 p. [in Russian].
4. Stroyeva M. Mera otkrovennosti [Frankness measure]. *Sovremennaia dramaturgiia* [Modern dramaturgy], 1986, no. 2, pp. 218–228 [in Russian].
5. Yavchunovsky Ya.I. Drama na novom rubezhe. Dramaturgiia 70-kh i 80-kh godov: konflikty i geroi, problemy poetiki [The drama at a new boundary. Dramatic art of 70-ies and 80-ies: conflicts and heroes, problems of poetics]. Saratov, izd-vo Saratovskogo un-ta, 1989, 222 p. [in Russian].
6. Solovyev V. Soprichastnost' veku. Literaturnaia evoliutsiia i problema zhanra [Interconnectedness to the century. Literary evolution and the problem of genre]. *Novy mir* [New world], 1974, no. 8, pp. 235–252 [in Russian].
7. Moskalyova E. Tendentsii zhanrovogo razvitiia sovetskoi dramy 1970-80-kh godov [Tendencies of genre development of the Soviet drama of the 1970-80-ies] in *Mir sovremennoi dramy* [World of the modern drama]. L.: izd-vo LGITMIK, 1988, pp. 59–71 [in Russian].
8. Volodin A. *Osennii marafon* [Autumn marathon]. L.: Sovetskii pisatel', 1985, 360 p. [in Russian].
9. Lanina T. Aleksandr Volodin. Ocherk zhizni i tvorchestva [Alexander Volodin. Sketch of life and creativity]. L.: Sovetskii pisatel', 1989, 320 p. [in Russian].

*O.V. Zhurcheva**

LAST EXISTENTIALIST: THE CONCEPTION OF A HERO IN A. VOLODIN'S DRAMA

The article is devoted to revealing features of the conception of the hero in the A. Volodin's drama, on the basis of a special type of the existential dramatic conflict. Notwithstanding the fact that the basic material for discussion of the hero became works of the playwright of the end of the 1970 – beginning of the 1980 years, the understanding of this art phenomenon is revealed also in the context of dramaturgic searches of all the XX century.

Key words: hero and action, Alexander Volodin, existential conflict, «decentralization» and «deheroization» of a character.

Статья поступила в редакцию 11/II/2016.
 The article received 11/II/2016.

* *Zhurcheva Olga Valentinovna* (janvaro@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Methodology of Teaching Literature, Samara State Social and Pedagogical University, 65/67, Maxim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.

«ЭКСЦЕНТРИК» ЕРОФЕЕВ («ПРОЗА ДЛЯ ЖУРНАЛА “ВЕЧЕ”»)

В статье проделан анализ системы идей и мотивов эссе Венедикта Ерофеева — «Василий Розанов глазами эксцентрика» («Проза для журнала “Вече”»), в основе которого лежат поиски автором и героем центра («сердцевины») в мире, отвергнутом Богом.

Ключевые слова: Венедикт Ерофеев, Василий Розанов, эссе, метафизика, сюжетно-смысловая структура.

Так сложилось, что эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» стало одним из очень немногих (если не единственным) произведений В. Ерофеева, написанных в 1970-е годы (датировано июнем 1973 г.). Таким образом, если не брать в расчет записные книжки писателя, являющиеся, безусловно, ценным свидетельством творческого развития автора «Москвы—Петушков», но в силу их жанровой специфики не вмещающие в себя и не отражающие целостной системы миропредставления, придется признать, что для понимания образа мира и стиля художественного мышления Ерофеева это эссе имеет исключительное значение, приближающееся к значению поэмы «Москва — Петушки».

Сюжет исследовательских работ, посвященных этому эссе В. Ерофеева, был, в основном, определен самим его автором, вынесшим в название эссе имя Василия Розанова. Нет поэтому ничего удивительного в том, что обращавшиеся к этому сочинению В. Ерофеева стремились, прежде всего, осмыслить, в чем состоит близость позиций В. Ерофеева и В. Розанова, как это сделал, например, Е. Курганов, определивший ерофеевское эссе как «своего рода признание в любви к Розанову, выраженное достаточно необычно, но вполне по-розановски: пусть это мерзкий, противный старикашка, но я без него не могу, ибо все 36 его сочинений вонзились мне в душу. И это была не бравада, а высший предел откровенности» [2]. Из других работ, посвященных этому эссе, выделим также статью В.Г. Моисеевой, в которой предпринята попытка проанализировать соотношение позиций автора и героя «Василия Розанова глазами эксцентрика» [3].

Понимание того, что роднит В. Ерофеева с «ретроградом» В. Розановым, является, безусловно, важным для понимания идейной сферы и поэтики эссе. Но в эссе заявлены и развиты и другие крайне значимые идеи, мотивы и переклички с культурным контекстом, который явно шире розановского, и они тоже должны быть выявлены и проанализированы. На одном из таких смыслообразующих мотивов «Василия Розанова глазами эксцентрика» мы и остановимся в этой работе, посвященной поискам центра («середины», «сердцевины»), лежащим в основе всего, что делает и говорит герой этого эссе, и всего того, что думает его автор.

Но прежде чем обратиться к анализу этого мотива, скажем несколько слов о том, что собою представляет эссе В. Ерофеева в плане развития фабулы.

Эссе состоит из девяти частей, следующих друг за другом примерно в таком порядке: части с первой по третью включительно изображают поиски героя до встречи с Розановым (в частности, это дорога «из дома» в сторону Гагаринской площади, неудачная попытка самоубийства, после которой герой оказывается у фармацевта Павлика, «книжника» и «домоседа», который впервые заговорил о Розанове и дал герою три тома его сочинений), в четвертой-седьмой главах изображается сама эта встреча, представляющая собой достаточно динамично развивающийся сюжет — от «присматриваний»

* © Перепёлкин М.А., 2016

Перепёлкин Михаил Анатольевич (mperpelkin@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

героя к мыслям Розанова до бурных дискуссий и взаимных нежных признаний героя и Розанова, и, наконец, происходящее с героем (а точнее — происходящее в его сознании) после того, как его собеседник «исчез, как утренний туман».

Сюжет интересующих нас поисков «сердцевины» охватывает весь текст «Василия Розанова...» и в целом соотносится с намеченной выше трехчастной структурой сюжетно-смысловой концепции эссе.

В первой главе мир вокруг героя «погружен во тьму и отвергнут Богом». Он состоит из бесконечного числа повторов, исключающих любую возможность единичности, неповторяемости. Копийность всего и вся в этом мире носит тотальный характер и включает в себя все, из чего состоит мир, изображаемый в первой главе. Это касается, например, «дождя», который «моросил отовсюду», а, может, ниоткуда не моросил». Пистолетам, которые один за другим оказываются за одной и той же (?) «пазухой», в общем, далеко до этого дождя, моросившего «отовсюду» и «ниоткуда», поскольку в случае с этими пистолетами дело касается исключительно героя, а когда речь идет о дожде, она идет о мире в целом. И в этом мире, взятом в целом, «отовсюду» и «ниоткуда» оказываются тождественными явлениями, даже не разными сторонами одного и того же, а просто — одним и тем же.

Чудовищная симметрия, овладевшая э т и м миром, в котором находится герой, проникает далее в самого героя, у которого теперь не только одинаковым образом (симметрично?) размещены спрятанные им «первый» и «второй» пистолеты, но и «щемило слева от сердца, справа от сердца — тоже щемило», слезы текли у него «и спереди, и сзади», а он сам был в одно и то же время «смешон и горек».

Мир безвыходно симметричен, душа — «пронзена навывлет»: ни в ней, ни в нем нет ничего, что обладало бы цельностью, завершенностью и неотменяемой единичностью смысла. В таком мире не за что ухватиться и не к чему прибегнуть как к абсолютной подлинности. Более того, в мире, оставшемся без Бога и тем самым лишенном того, что обеспечивало бы этому миру присутствие единичного и подлинного хотя бы как отсутствующую величину, присутствие п е р с п е к т и в ы п о д л и н н о с т и, даже сам разговор об абсолютном невольно обретает пародийный характер.

Во второй главе тьма отвергнутого Богом мира сгущается еще больше. Теперь это не просто механическое повторение любого явления, предмета или действия, а смешение всего со всем, «клубящаяся мгла», в которой невозможно ничего разобрать и ни на чем нельзя остановиться.

Самому мотиву смешения в данной главе принадлежит одна из ключевых ролей, о чем свидетельствует многократное акцентирование этого мотива как в характеристике, которую дает один герой другому, так и в разных фрагментах диалога двух героев.

В этом мире все так зыбко и относительно, что «смешиваются» Аристотель и Аверинцев («Не помню кто, не то Аверинцев, не то Аристотель сказал...»), «лучший из комсомольцев, Николай Островский» и Шопенгауэр, высказывания которых следуют одно за другими, безо всякого ранжирования или хотя бы видимости иерархии. Неопределенность и смутность проникают в суждения и оценки героя, касаются всех его поступков и реакций.

Апогея густоты и плотности эта мгла достигает в следующей, третьей главе. Данная глава представляет собой развернутый диалог героя с Павликом, происходящий «в дверях», пока прощающийся с Павликом герой «сжимал под мышкою три тома Василия Розанова и вбивал бумажную пробку в бутылку с цикутой».

Диалог между героями носит абсурдно-трагедийный характер: в мире, где все смешалось, все ценности превратились в антиценности и наоборот, здесь ничто не должно пониматься буквально, во всем подобает видеть обратный смысл и другую сторону. На этом языке «обратного смысла» и разговаривают герои, прощаясь на пороге квартиры Павлика. В этом разговоре герои подбрасывают друг другу идеологические штампы, которые подменили собой истины и ценности, нигде не обнаруживая, что они с ними согласны или ставят их под сомнение. Напротив, нагромождение штампов как будто бы свидетельствует о том, что истина именно такова, как следует из обмена реплик между героями и Павликом.

Таким образом, если в двух предыдущих главах постепенно сгущающаяся тьма отвергнутого Богом мира настораживала, потом — ужасала и казалась безвыходной, то теперь она вроде бы стала тотальной, но вместе с тем локализовалась настолько, что с ней стало возможно играть. А это, в свою очередь, уже ставит под сомнение ее тотальность, которая пока не разрушается, но принципиальная возможность такого разрушения уже есть. И появляется она, заметим, еще в завершение второй главы вместе с первым произнесением имени Розанова.

Четвертая глава — начало диалога с Розановым, по мере развития которого хаос окружающего героя мира и хаос его собственного мировосприятия постепенно упорядочивается, «тьма» разветвляется, и из «фекальных вод» и «водоворота из помоев» проглядывают контуры новой гармонии. Процесс становления этой гармонии — длительный и напряженный, а начинается он еще одной констатацией того факта, что мир, в котором человек живет, и сама жизнь человека в этом мире — бесцельны, неструктурированы, представляют собой ничем не упорядоченную цепь случайностей, которые герой пытается хоть как-то иерархизировать, но сделать это ему не вполне удастся. В мире, погруженном во тьму, в которой все смешано и неотличимо друг от друга, принять решение о том, что сделать «сначала», весьма непросто, а когда такое решение все-таки принимается, оно так и остается немотивированным и, по существу, случайным.

Со «случайного» места начинает герой и чтение Розанова («я развернул наугад и начал читать с середины»), правда, здесь он впервые попытался мотивировать свой интерес к «середине» тем, что «так всегда начинают, если имеют в руках чтиво высокой пробы». Дело в том, что существующий порядок не устраивает героя, который видит в нем «водоворот из помоев» и «сокрушение сердца» — и только. Он ищет другой порядок и другое начало, и н у ю середину, не имеющую ничего общего с горизонталью этого миропорядка. «Середина», искомая героем В. Ерофеева, находится между отвергнутым миром и отвергнувшим его Богом, между сотворенным и Творцом; это — середина вертикали, соединяющей небо и землю. Мир без этой середины кажется герою «погруженным во тьму», и, не зная, как найти ее, герой находит ее «наугад», избегая чтения книги от первой страницы к последней.

Все дальнейшие, так же выхваченные «наугад», розановские размышления служат тому, чтобы утвердить преимущество этой новой, вертикальной системы ценностей над горизонтальной. То, что с точки зрения «горизонталей» — не более, чем «галиматья», в системе ценностей, утверждаемой Розановым, полно значения и смысла, надо заметить, далеко не сразу становящихся очевидными для читателя розановских сочинений.

Розановская ревизия оказывается выходом из тотального смешения всего со всем, о котором мы говорили выше. Эта ревизия, которую герой В. Ерофеева проделывает вместе с Розановым, позволяет им обоим расставить все точки над «и», определиться с предпочтениями и, главным образом, с тем, что они оба считают «унылой дичью».

Следующая, пятая глава посвящена практическому закреплению сформулированных выше теоретических тезисов, проснувшийся «раньше их всех» Розанов манерой своего поведения, своими поступками утверждает сказанное выше в виде умозрительных постулатов.

Поступки Розанова неожиданны, парадоксальны, лишены логики и не поддаются пониманию с точки зрения так называемого здравого смысла. Но самый «безумный» изо всех поступков Розанова — это эпизод с монетами, рассекающий пополам причинно-следственные связи и логику э т о г о мира — мира горизонтальных, само собою разумеющихся отношений между людьми, предметами и т. д. В обдувании старых монет отсутствует здравый смысл, но та системность, которую задает сам процесс перебирания монет, и глубочайшая убежденность того, кто эти монеты перебирает, в том, что это занятие «интересно», открывает собеседнику Розанова, что поступками «безумного нумизмата» руководит и н о й смысл.

Прикоснувшись к розановскому иному, герой начинает упорядочивать мир вокруг себя и выстраивает новые взаимоотношения с миром. Этому посвящена седьмая глава,

в которой герой до этого, как мы помним, живший в мире, где все «смешано» и страдавший от этой «смешанности», впервые совершает попытку определенным образом упорядочить хаос смешения. Для этого он осуществляет деление мира на «мы» и «они».

Бинарная оппозиция («мы—они»), которую выстраивает герой, проста, даже примитивна и имеет пока не слишком большое отношение к тому, что составляет существо розановского «учения» и поступков. Именно поэтому Розанов предпринимает попытку заставить героя «перестать говорить околесицу».

Слабость этой оппозиции состоит в том, что, вызванная к жизни смыслом другого порядка, сама она целиком принадлежит этому, горизонтальному миру, организует его структуру и отношения между составляющими его элементами. Герою данная оппозиция необходима, чтобы, разобравшись в этом мире, начать свое восхождение к т о м у. Розанова же тревожит, что из всего сказанного и сделанного его собеседник сумеет извлечь только самый минимум смысла и ограничиться упорядочением своих взаимоотношений с э т и м миром.

Тот и этот мир не исключают друг друга и не могут существовать один без другого, и место человека — не в том (духовном) или в этом (бренном), а там, где два этих мира пересекаются, скрещиваются. Таков вывод Розанова, который он делает из всего сказанного и услышанного.

«Путь к почитанию Креста, по существу, только начинается», — говорит Розанов незадолго до своего исчезновения. Про какой Крест он говорит? Очевидно, что дело не в абстрактном символе, а в том, что имеет прямое и непосредственное отношение ко всему, что до сих пор было сказано и сделано им самим либо в отношении него.

Крест — и есть символ взаимодействия того и этого миров, вертикали духа и горизонтали плоти, символ соединения сотворенной природы и творящего духа. Почитание же этого символа, в конечном счете, и делает человека человеком.

С чем остается герой после исчезновения Розанова? Идет ли он дальше выстраивания той банальной оппозиции, с которой начинается его пересмотр взаимоотношений с миром, или этой оппозицией все и завершается? Полагаем, что идет, и именно это позволяет ему на предлагаемый вопрос, чувствует ли он, как его «поганая душа понемногу теитезируется», ответить положительно («Чувствую. Теитезируется»).

Необходимость в оппозициях отныне тоже отпала, так как герой понял главное, и отстаивать это главное он будет в восьмой главе. Данная глава представляет собой синтез противоположностей, который осуществляет герой, обладающий теперь новым опытом мировосприятия. Если ранее Розанов и система его оценок позволяли герою выстроить систему оппозиций, то есть разделить мир, то теперь при помощи Розанова же герой скрепляет рассыпавшиеся части целого, образуя таким способом новую гармонию.

Найденная «сердцевина» в лице Розанова, по словам героя, не дала ему «полного снадобья от нравственных немощей», но спасла «честь и дыхание (ни больше, ни меньше: честь и дыхание)».

Чего не дал Розанов герою, и чему последний у него научился? Ответить на этот вопрос значило бы ответить на вопрос, с чем остался герой В. Ерофеева в итоге всех своих исканий, споров и размышлений.

Не получив «полного снадобья от нравственных немощей», герой не уподобился Розанову, то есть не превратился сам в абсолют, свободный от «нравственных немощей». Он не перестал принадлежать э т о м у миру, но с этого момента ему больше не грозит раствориться в нем, смешаться с его сумбуром и хаосом. Абсолют свят, он находится вне нравственности; герой продолжает быть в мире, для которого нравственные категории не утратили своего значения, в мире *неабсолютном*. Но теперь герой живет в виду той «сердцевины», которая спасла ему «честь и дыхание».

Подведем итоги сказанному. Как показал проделанный анализ логики сюжетно-смыслового развития «Василия Розанова...», эта логика может быть представлена следующим образом. Развитие сюжета начинается в тот момент, когда мир, в котором

существует и с которым вынужденно взаимодействует герой, представляет собой «погруженный во тьму и отвергнутый Богом» хаос, в котором каждое событие и действие немедленно дублируется и таким образом уничтожается в своей уникальной значимости. В этом мире все смешано, неопределенно, смутно, все вывернуто наизнанку, искажено до неузнаваемости. Встреча с Розановым оказывается вместе с тем началом выстраивания нового порядка – нового, потому что речь идет не просто об упорядочении дисгармоничного горизонтального мира соприродными ему средствами, а о построении порядка принципиально нового типа – по вертикали «человек – Творец». Для вертикального упорядочения не нужно принимать в расчет законы и логику э т о г о мира – напротив, оно рассекает э т о т мир пополам, кажется изнутри него гримасой и чудачеством, но вместе с тем именно оно касается сути. Соприкоснувшись с Розановым и представляемым им смыслом вещей, герой упорядочивает мир вокруг себя и строит новые отношения с ним. Это упорядочение начинается с выстраивания системы бинарных оппозиций (я, мы – они), которые становятся все более сложными с точки зрения своей внутренней содержательной структуры, и из элементарных горизонтальных оппозиций превращаются в оппозиции, выстроенные по вертикальному принципу.

В дальнейшем необходимость в оппозициях отпадает, и от разделения мира герой переходит к синтезу, основанием для которого становится обретенная в лице Розанова сердцевина э т о г о мира, являющаяся в то же время той точкой, где соединяются горизонталь и вертикаль. Обретение этой сердцевины является главным итогом встречи героя с Розановым, а сама обретенная сердцевина не освободила его от необходимости быть в э т о м мире, но спасла ему «честь и дыхание».

Рассыпавшийся, случайный и «отвергнутый Богом» мир в итоге всех поисков, сомнений и страданий героя В. Ерофеева становится миром диалога и гармонии.

Библиографический список

1. Ерофеев В.В. Оставьте мою душу в покое: Почти всё. М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1997.
2. Курганов Е. Венидикт Ерофеев и Василий Розанов. URL: <http://old.russ.ru/journal/culture/98-11-11/kurgan.htm>.
3. Моисеева В.Г. Венидикт Ерофеев о Василии Розанове (эссе В. Ерофеева «Василий Розанов глазами эксцентрика» // *Stephanos*. 2014. № 3. С. 178–187.

References

1. Erofeev V.V. *Ostav'te moi u dushu v pokoe: Pochti vse* [Leave my soul in peace: Mostly everything]. M.: Izd-vo AO «Kh.G.S.», 1997 [in Russian].
2. Kurganov E. Venedikt Erofeev and Vasily Rozanov. Retrieved from: <http://old.russ.ru/journal/culture/98-11-11/kurgan.htm> [in Russian].
3. Moiseeva V.G. Venedikt Erofeev o Vasilii Rozanove (esse V. Erofeeva «Vasilii Rozanov glazami ekstsentrika») [Venedikt Erofeev about Vasily Rozanov (essay of V. Erofeev «Vasily Rozanov by the eyes of an eccentric»)]. *Stephanos*, 2014, no. 3, p. 178–187 [in Russian].

*M.A. Perepelkin**

«ECCENTRIC» EROFEEV («PROSE FROM THE JOURNAL “VECHE”»)

In the article the analysis of the system of ideas and motives of the essay by Venedikt Erofeev “Vasily Rozanov by the eyes of an eccentric” («Prose for the journal “Veche”») which is based on the search by the author and the hero of the center (“core”) in the world, negated by the God is carried out.

Key words: Venedikt Erofeev, Vasily Rozanov, essay, metaphysics, narrative and semantic structure.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.

The article received 15/XII/2015.

* *Perepelkin Mikhail Anatolievich* (mperepelkin@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Данная статья посвящена проблематизации идентичности в литературе XX века. Авторы рассматривают социально-культурные причины этого процесса и его репрезентацию в литературе. В центре внимания исследователей – гендерный аспект «я» художественного субъекта.

Ключевые слова: литературоведение, идентичность, литература XX века, литературный андеграунд, женская литература, проблема личности в литературе.

Любое искусство, будучи результатом творческой деятельности отдельного сознания, носит субъективный характер, а значит, наполняет художественный мир своими собственными, интимными переживаниями. Автор, выражая себя в художественной деятельности, зачастую озабочен поиском ответа на самый первичный для человека вопрос «кто я?».

Этими размышлениями пронизаны многие произведения как русской, так и зарубежной литературы. Поиск себя, попытки «примерить» существующие культурные роли, достичь в них самовыражения или отрицать их и в этом отрицании открыть собственную идентичность – все это нередко являлось импульсом поступков героев, основным художественным нервом.

Социокультурные изменения на рубеже XIX и XX вв. приводят человека к осознанию своей дезориентированности в мире. Все системы и иерархии, порожденные XIX веком, оказываются нежизнеспособными в новых изменившихся обстоятельствах. Потеряв опору, «я» субъекта ищет себя заново, переосмысляя предыдущие готовые модели и отталкиваясь от них. И на протяжении всего XX века эта проблема, трансформируясь, меняя акценты под влиянием различных революций (социальных, технических, гендерных, сексуальных), становится центральной для творчества многих писателей.

Проблема идентичности возникает в литературном дискурсе именно в связи с проблемой модернизации России, ухода от традиционных социальных ролей и сценариев, существовавших и укоренившихся в XIX веке. Узловым моментом многих произведений становится вопрос «кто я?». Этот вопрос решается в нескольких плоскостях: социальной, культурной, сфере национальной идентичности, гендерном аспекте и в др.

Герои многих произведений нацелены на поиск собственной ниши в новой модели социума. Одной из доминантных становится идея взаимодействия людей. Появляется концепция автономного существования личности. Возникают работы М.М. Бахтина, в которых ключевой становится мысль о необходимости непрерывного диалога между сознаниями. Ученый считает, что «только другое видение завершает мое “я”» [1, с. 128].

* ©Левченко С.О., Саморукова И.В., 2016

Левченко Светлана Олеговна (vebka@mail.ru), Саморукова Ирина Владимировна (samorukov@inbox.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Рождается концепция диалога: у М.М. Бахтина, позже – у Р. Барта, у Ю. Кристевой и других теоретиков постмодернизма. Они вслед за М.М. Бахтиным подчеркивали важность воспринимающего сознания в существовании текста во времени. Например, Ю. Кристева писала: «повествование всегда конституируется как диалогическая матрица, причем конституируется получателем, к которому это повествование обращено» [2, с. 427].

В зарубежной литературе в XX веке появляются тексты, где проблема принципиального разобщения становится основной идеей. Своей крайней степени эта концепция достигает, например, в произведении «Лысая певица» Э. Ионеско. Внимание обращено на проблему языка как инструмента понимания, а в данном случае – непонимания людей. Теоретически эту идею осмыслял Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Дегуманизация искусства» [3], где утверждается идея того, что искусство принципиально не стремится быть понятно, модернизируется в сторону усложнения.

Одной из плоскостей решения вопроса идентичности становится гендерный аспект. В XX веке в гуманитарных науках появляется понятие «гендер». В поле гендерно ориентированного литературоведения попадают такие вопросы, как специфика т. н. «женской литературы», вопросы гендерных стереотипов и их преодоления в литературных текстах, а также сюжеты произведений, где действие сконцентрировано вокруг проблемы поиска собственной гендерной идентичности. Не всегда, но зачастую последняя из упомянутых проблем связана с эротическим контекстом.

Гендер, по мысли исследователя Н.И. Абубиковой, это «<...> социальное отношение: не биологический пол, а представление (репрезентация) каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений. Говоря словами Лорети, система пол – гендер (гендерная система) является одновременно и социокультурным конструктом, и семиотическим инструментом, системой представлений, которая приписывает значения (идентификацию, престиж, статус в социальной иерархии) индивидуумам в обществе» [4, с. 123]. Иначе говоря, гендер – это некая модель самоидентификации в социуме.

В центре внимания гендерных исследований в литературоведении стоит вопрос о социальных стереотипах: «Гендерное литературоведение направлено на изучение социальных и культурных конфигураций «женского» и «мужского», разных форм сексуальности в литературных текстах» [5]. Литературоведение в своем гендерном аспекте преимущественно останавливается на констатации существующей в произведении оппозиции «мужчина / женщина». Мысли эти зарождаются еще на рубеже веков в творчестве русского философа В.В. Розанова («Люди лунного света», «Уединенное»).

Вопросом «кто я?», а следовательно, вопросом поиска идентичности задаются героини женской литературы. Сама женская проза нередко направлена на разрешение вопроса о месте конкретного субъекта в оппозиции мужского/женского. Современное литературоведение предлагает три точки зрения на проблему женской прозы.

1) Женская проза – это любая проза, написанная женщиной, так как обладает определенными характеристиками, присущими именно ей. Импульсом для формирования так называемого «женского письма» часто называют именно самоидентификацию «от противного» – женская проза отталкивается от того, что она принципиально «не мужская». Например, у исследователя Ровенской читаем: женская проза «решает целый комплекс поставленных перед собой идейно-эстетических задач, таких как самоидентификация, преодоление сложившихся культурно-идеологических стереотипов и собственных комплексов, поиск, так называемого, материнского языка» [6].

2) Женская проза – искусственное понятие, в литературоведении термина «женская проза» не может существовать. Например, эту точку зрения рассматривает исследователь Т. Мелешко: «...женской прозы как литературно-эстетического феномена не

существует, так же как и «женственного стиля», откуда следует, что произведения писательниц нужно исследовать индивидуально, в контексте именно их творчества» [7, с. 79]. Здесь разрабатывается теория о бесполости и андрогинности творческого субъекта как гения, прозревающего нечто, находящееся за пределами половой и гендерной дихотомии.

3) Женская проза – это литературоведческий термин, прием или шире – явление, обладающее набором определенных критериев, которое может быть применимо к произведениям, созданным как женщиной, так и мужчиной. Последняя точка зрения представляется нам наиболее продуктивной.

Итак, один из аспектов взгляда на поиск идентичности в русле гендерных теорий – это рефлексия творческого субъекта над вопросом «кто я?» в значении «Кто я как автор-творец? Связан ли мой пол с тем, что и как я пишу?».

Второй аспект разработки проблемы идентичности с точки зрения гендера – это проблема гендерных стереотипов (в значении «готовые модели идентичности»), рефлексия над этой проблемой в литературе.

Здесь мы вновь обращаемся к готовым идентичностям, например, к типу «русская женщина». Переосмысление гендерных стереотипов, а также проблема поиска себя в культурном пространстве анализируются в романах В. Ерофеева «Русская красавица» и В. Сорокина «Тридцатая любовь Марины». Само название романа В. Ерофеева отсылает нас к упомянутому концепту. В обоих произведениях одной из центральных тем становится рефлексия над собственным «я», над своей гендерной ролью, своим положением в обществе. Преодоление готовых идентичностей связано не только и не столько с гендерным аспектом, сколько с переосмыслением эстетики предыдущего века, с убежденностью в том, что модели, выработанные культурой XIX в., в культурной и исторической ситуации века XX оказались нежизнеспособными и потеряли свою актуальность.

Последний аспект гендерно ориентированного литературоведения – это собственно проблема «очерчивания» себя как субъекта, принадлежащего к определенному гендеру. Наиболее репрезентативно в этом случае творчество Е. Харитоновна.

Е. Харитонов – представитель литературного андеграунда семидесятых годов. Как художник в широком смысле слова он известен в основном благодаря его работе в театре и для театра. Однако существует и другая сторона его творчества, почти неизвестная широкому читателю: не изданная при его жизни проза. Проблема идентичности в прозе Е. Харитоновна связана с проблемами мужской идентичности в культуре. Эта проблема решается писателем в нетрадиционном ключе, то есть здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда мужское является не только субъектом рефлексии, но и ее объектом. Харитонов один из первых в русской литературе затронул тему именно «запретной любви», поиска «родственной души» в условиях довлеющей нормативной культуры. В рассказах Харитоновна идентичность проблематизируется особенно ярко, потому его герои – это «маргинальные» субъекты, не вписывающиеся в каноны официальной морали.

Нерв творчества Харитоновна – невозможность реализовать себя внутри жесткой оппозиции мужского/женского. Художественный субъект его творчества постоянно ищет ответ на вопрос «кто я?», пытаясь вписать себя в существующие системы социальных моделей, переживает мучительные поиски собственной идентичности. Речь идет именно о психологической самости героя в связи с его сексуальностью, ведь сексуальность, понимаемая как психоэмоциональный комплекс, а не только как половое взаимодействие, является важной частью субъективности.

Художественный субъект в творчестве Е. Харитоновна позиционирует себя как носителя некоего проклятья, которое обрекает его на вечное одиночество и нереализо-

ванность своих чувств. В связи с невозможностью реализовать свое «я» в мире «прописанных» гендерных стереотипов в творчестве этого писателя главной становится тема дистанции, принципиального разобщения «я» («мы») и «вы» («они»): «Дайте нам побыть одним и создать свою культуру. И уснуть друг с другом на груди» [8, с. 217]. Е. Харитонов выстраивает своеобразный миф (особенно в произведении «Листовка»), подчеркивает принципиальную оппозицию между носителями нормативной культуры и теми, кто не вписывается в ее установки. Первых он связывает с образами семьи и душевного тепла, а вторых — с обреченностью на вечное одиночество, но тем самым — с мотивом избранности.

Проблема идентичности в творчестве Е. Харитонova решается всегда трагично, художественный субъект связан с особым типом героя, переживающего чувство и невозможность его счастливой реализации. Выстраивание образа героя Е. Харитонova продолжает традиции русской литературы (образ «маленького человека», образ «лишнего человека») и представляет собой их модификацию, связанную с проблематизацией идентичности героя.

Таким образом, проблема может быть осмыслена как проблема гендерных стереотипов — как в отношении героев, так и в связи с проблемой так называемого «женского письма». В творчестве отдельных авторов проблема поиска идентичности и проблема оппозиции «мужское»/«женское» может стать главным художественным импульсом, что рассмотрено нами на примере произведений Е. Харитонova.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. 800 с.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман (Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму). М., 2000. С. 427–457
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 592 с.
4. Абукирова Н.И. Что такое «гендер»? // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 123–125.
5. Гречушникова Т.В. «Женский язык»: бесперспективная утопия или путь к гармонии [Электронный ресурс]. URL: <http://university.nversu.ru/person.cgi?personid=564>.
6. Ровенская Т.А. Переход от личности к культурному феномену. К проблеме рассмотрения женской прозы 80–90-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biophys.msu.ru/scripts/trans.pl/rus/cyrillic/awse/CONFER/NLW99/084.htm>.
7. Мелешко Т. Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2001. 88 с.
8. Харитонов Е. Слезы на цветах: Сочинения: в 2 кн. Кн. 1. Тексты. Комментарии. М.: Журн. «Глагол», 1993. С. 234–248
9. Саморукова И.В. Дискурс — художественное высказывание — литературное произведение: Типология и структура эстетической деятельности. Самара: Издательство «Самарский университет», 2002.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 1960–1970 gg. [Problems of Dostoevsky's Poetics. Works of 1960–1970 years]. M.: Russkie slovari; Iazyki slavianskikh kul'tur, 2002, 800 p. [in Russian].
2. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman (Frantsuzskaia semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu) [Bakhtin, word, dialog and novel (French semiotics: from structuralism to poststructuralism)]. M., 2000, pp. 427–457 [in Russian].

3. Ortega y Gasset J. Degumanizatsiia iskusstva [The dehumanization of art] in *Estetika. Filosofiiia kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. M.: Iskusstvo, 1991, 592 p. [in Russian].
4. Abubikirova N.I. Chto takoe «gender»? [What is «gender»?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1996, no. 6, pp. 123–125 [in Russian].
5. Grechushnikova T.V. «Zhenskii iazyk»: besperspektivnaia utopiia ili put' k garmonii [«Woman's language»: futureless Utopia or the way to the harmony]. Retrieved from: <http://university.nversu.ru/person.cgi?personid=564> [in Russian].
6. Rovenskaya T.A. Perekhod ot lichnosti k kul'turnomu fenomenu. K probleme rassmotreniia zhenskoi prozy 80-90-kh godov [Transition from personality to the cultural phenomena. On the problem of consideration of the female prose of 80–90-ies]. Retrieved from: <http://www.biophys.msu.ru/scripts/trans.pl/rus/cyrillic/awse/CONFER/NLW99/084.htm> [in Russian].
7. Meleshko T. Sovremennaia otechestvennaia zhenskaia proza: problemy poetiki v gendernom aspekte [Modern native female prose: problems of poetics in the gender aspect]. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 2001, 88 p. [in Russian].
8. Kharitonov E. Slezy na tsvetakh: Sochineniia: v 2 kn. Kn. 1. Teksty. Kommentarii [Tears on the flowers: Writings: in 2 books. Book 1. Texts. Commentaries]. M.: Zhurn. «Glagol», 1993, pp. 234–248 [in Russian].
9. Samorukova I.V. Diskurs — khudozhestvennoe vyskazyvanie — literaturnoe proizvedenie: Tipologiia i struktura estetieskoi deiatel'nosti [Discourse — artistic utterance — literary work: Typology and structure of aesthetic activity]. Samara: «Samarskii universitet», 2002 [in Russian].

*S.O. Levchenko, I.V. Samorukova**

GENDER ASPECT OF PROBLEMATIZATION OF IDENTITY IN THE XX CENTURY LITERATURE

This article is devoted to the problematization of identity in the XX century literature. The authors examine the sociocultural causes of this process and representation of this trend in literature. In the focus of the researchers is the gender aspect of comprehension and identifying of the individual self boundaries of an art subject.

Key words: literature, identity, literature of XX century, the literary underground, women's literature, the problem of identity in literature.

Статья поступила в редакцию 15/1/2016.
The article received 15/1/2016.

* *Levchenko Svetlana Olegovna* (ve6ka@mail.ru), *Samorukova Irina Vladimirovna* (samorukov@inbox.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 811.11-112

*Л.М. Леонович, А.А. Харьковская****ИРОНИЯ КАК МАРКЕР ГЕНДЕРНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПЕРСОНАЖЕЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

В данной работе исследуются особенности функционирования иронических высказываний в речи мужских и женских персонажей современного англоязычного драматургического дискурса. Приближенность текста драматургического произведения к живому языку позволяет проанализировать когнитивные особенности процесса реализации речевых актов представителей англоговорящего сообщества в соответствии с их гендерной принадлежностью. Цель работы заключается в выявлении и сопоставлении стратегических аспектов иронических высказываний в коммуникативном пространстве мужских и женских персонажей современного британского, американского, канадского и австралийского драматургических дискурсов.

Ключевые слова: ирония, драматургический дискурс, коммуникативные стратегии, речевое поведение, когнитивный анализ, гендер, вариативность английского языка.

Исследование речевого поведения персонажей современного драматургического дискурса представляется одним из перспективных направлений изучения когнитивных аспектов формирования речевой деятельности отдельного индивида. Авторы драматургических произведений осознанно прибегают к имитации речевого поведения, характерного для представителей описываемого ими сообщества. «Одной из основных задач драматурга следует признать необходимость добиться верности жизненной ситуации, что подкрепляется стремлением авторов максимально приблизить художественный диалог к реальной разговорной речи, как можно полнее отобразить ее особенности и оттенки» [4, с. 26]. Иными словами, для воссоздания реалистичного действия на сцене авторы должны учитывать основные отличия речевых стратегий мужчин и женщин, принадлежащих к разным возрастным, профессиональным, социальным, культурным, этническим группам. Принимая во внимание приближенность текста драмы к реальному языку, исследователи, работающие в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, обращаются к драматургическим произведениям с целью исследования мыслительных процессов «производства живой речи».

* © Леонович Л.М., Харьковская А.А., 2016

Леонович Лариса Михайловна (laura.leonovich@gmail.com), *Харьковская Антонина Александровна* (aax2009@mail.ru), кафедра английской филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

«Диалогические фрагменты пьесы можно рассматривать как письменную фиксацию разговорной речи, особенности которой драматурги стремятся воссоздать в своих произведениях в стилизованном формате, максимально точно воспроизводя лексические и грамматические особенности разговорной речи...» [3, с. 226].

Анализ драматургических произведений, написанных в период с 2000 по 2014 гг. британскими, американскими, канадскими и австралийскими авторами, позволил выявить некоторые закономерности употребления иронических высказываний мужскими и женскими персонажами, что, в свою очередь, позволяет судить о когнитивных процессах в речевом поведении представителей различных в гендерном отношении социумов. В выборку исследования включены около 80 реплик персонажей современного англоязычного драматургического дискурса, содержащих иронические высказывания.

«Обращение к языковой личности, которое сегодня признается и активно разрабатывается представителями ведущих научных лингвистических школ и направлений, дает принципиально новую картину реального функционирования современного языка социума, позволяя проанализировать широкий круг вопросов, касающихся проблем общего и индивидуального в языке, открывает новые горизонты во многих сферах практической деятельности» [5, с. 124]. Работы современных лингвистов, посвященные исследованию специфики гендерного речевого поведения, доказывают, что один и тот же языковой прием в речевом поведении мужчин и женщин, как правило, несет различную стратегическую направленность. По словам Е.В. Ждановой, одна и та же фраза может интерпретироваться по-разному мужчинами и женщинами, «поскольку они будут руководствоваться разными мотивами и рассматривать их с разных позиций» [1, с. 2]. Реплики персонажей современного англоязычного драматургического дискурса подтверждают, что мужчины и женщины в момент использования иронических высказываний преследуют различные цели.

Примеры иронической дискредитации собеседника были замечены еще в работах греческого философа Сократа, т. н. «ирония Сократа», позволяющая философу доводить точку зрения оппонента до абсурда. Таким образом, уже в античные времена ирония использовалась в целях отстаивания своей позиции посредством высмеивания вступившего в спор собеседника. Анализ современного драматургического материала позволил выявить некоторые закономерности употребления иронии в речи персонажей мужского и женского пола в драматургических работах американских, канадских, британских и австралийских авторов. Важно отметить, что во всех вариантах английского языка ирония занимает важное место: она не только часто встречается в речи персонажей, но также может выстраивать сюжетную линию произведения. Ярким примером построения линии повествования, основанной на ситуативной иронии, служат драматургические произведения британских авторов: Джона Чемберса «Мир маленьких людей», Дастина Баукотта «Все о Дженет». Например, главный персонаж пьесы британского автора Джона Чемберса «Мир маленьких людей» — молодой человек, живущий с матерью, которая мечтает о семье для своего сына несмотря на то, что сын еще не определился по поводу своей гендерной принадлежности. В самом начале пьесы мать застаёт сына в женском образе и принимает его за девушку. Ввиду сложившихся обстоятельств, персонаж Джимми склонен к самоиронии:

JIMMY: (ASIDE) Every young man's worst dream. *Well not every young man's — I'm probably the only person who parades in his parent's panties every Tuesday night* [12, с. 2].

Нелепость ситуации персонаж подчеркивает глаголом «to parade», который привносит особый комический эффект благодаря переосмыслению значения. Ответная реакция его матери Линды также иронична, однако ее ирония строится на противоречивости реальности и желания:

LINDA: I thought... seeing those legs you'd got a hairy girlfriend... I didn't like saying — *even a hairy girlfriend is better than...* [12, с. 3].

В речевом поведении женских персонажей ирония — средство оценивания и критики, при помощи которого женщины стараются смягчить или обыграть неприятные для себя

ситуации. Данное наблюдение справедливо в отношении женских персонажей каждого из рассматриваемых вариантов современного англоязычного драматургического дискурса:

MARGE: Who do you think I am? Oh, of course. *Silly me. I'm your unpaid barmaid.* (Gets beer from bar fridge, opens it and passes it to PETE). There you are. Now go on. Dump the lot on me [17, с. 4].

Персонаж австралийского драматургического произведения Марджи в данном примере использует антииронию, с помощью которой, с одной стороны, критикуется манера общения собеседника, а с другой – защищается чувство достоинства Марджи.

Аналогичные примеры иронических замечаний были обнаружены:

1. в произведении «Все о Дженет» британского автора Дастина Баукотта:

DONALD: You hateful bitch.

DESDEMONA: (CHUCKLES) *My, you do have a way with words. Charm the birds from the trees* [9, с. 24], где усиление иронического эффекта достигается при помощи поддержки смыслового глагола «have» вспомогательным глаголом «do», а также сравнением грубой лексики с пением птиц. В данном примере метафорическое значение способствует созданию иронического эффекта, что позволяет согласиться с мнением Михаэля Поупа: «I hold that the phenomenon is then one of ironic metaphor, which puts a metaphorical meaning to ironic use... / Я придерживаюсь мнения, что данный феномен является иронической метафорой, которая позволяет метафорическому значению служить ироническому...» [7, с. 1].

2. в произведении канадского автора Уильяма Эллена Брукса «Хоуп и Фьюри», где персонаж Хоуп в ответ на замечание своей сестры Фьюри использует антифразис:

FURY: Ah hah! Exactly! You are such a hypocrite. You go on all day about my name, but you won't even tell me why you left.

HOPE: Figure it out! *You're the smart one* [10, с. 26].

3. в пьесе американского автора Джона Клайна «Желая хорошего» персонаж Кэлли иронизирует над предположением своей собеседницы:

MRS CAUTHEN: So what kind of wish was this? Something horrible, I suppose.

CALLIE: Shameful. Wicked [16, с. 14].

Следует подчеркнуть, что во всех примерах, вошедших в выборку данного исследования, ирония в речи женских персонажей – ответная реакция. В ходе анализа материала не было обнаружено ни одного примера, в котором женские персонажи начинали бы разговор с иронии, что является основным отличием женского речевого поведения от мужского. В коммуникативном пространстве мужских персонажей современного англоязычного драматургического дискурса ирония – средство атаки, с которого мужчины обычно начинают общение. Исследователи-гендерологи отмечают, что мужской стиль общения направлен на соперничество: «... the male type of speech behavior is known as “competitive”, which assumes competitiveness, autonomy, striving for possession» [6, с. 32].

JOHN: Don't even think about it. If I thought I had to spend ten minutes alone in a car with you *I'd blow my head off.* When I think what three weeks would be like...

MARCUS: I'm not exactly your *biggest fan* either you know [14, с. 15].

Персонаж пьесы британского автора Джонатана Джоя «Американский стандарт» по имени Джон намеренно гиперболизирует свои чувства, чтобы подчеркнуть особую неприязнь к собеседнику. В ответной реакции Маркуса также прослеживается иронический оттенок в словосочетании «the biggest fan / самый большой фанат», которое явно используется в переносном значении. Аналогичные случаи иронической издевки над своим собеседником обнаружены в коммуникативном пространстве драматургических произведений канадских и британских авторов:

SIMON. (looking around the room) Yeah. I can tell. How long you been “working” here any way?

EVERETT. About a week.

SIMON. And what have you got to show for a week's worth of sweat? Huh? Or are you just punching the clock and doing crosswords? [8, с. 11]

Графическое выделение слова “working” позволяет автору передать интонационную иронию персонажа. Не достигнув желаемого результата, интонационная ирония в последующей реплике обретает лексическое оформление – лексическая единица “working” перефразируется в более саркастическое выражение “a week's worth of sweat” с целью уничижения достигнутых результатов конкурента. В следующем фрагменте диалога персонажей британского драматургического произведения «Вызов» иронический эффект достигается посредством риторического вопроса, а также саркастическим повторением фразы «Oh dear»:

PASTOR MICHEL One more word, I will slap you.

HAROLD Oh dear, oh dear, oh dear. I did not know pastors could do that? [18, с. 10].

Вступая в коммуникацию с представительницами противоположного пола, мужские персонажи меняют иронический оттенок на более позитивный, цель которого состоит в акценте внимания на нелепости женских реплик:

FURY: I would like to remind you that you are not under oath, but if I ever find out that anything you say in the next ten minutes is a lie, you'll be fishing your manhood out of a ditch. Deal?

CHRIS: Do I have a choice?

FURY: No.

CHRIS: I guess it's all good then 28

LILY: Mmm. You don't stink of fish guts.

GEORGE: It's called a shower [10, с. 7].

Мужские персонажи традиционно склонны к самоиронии по отношению к своему внешнему виду. В пьесе американского автора Элена Хэвиса «Стрела в сердце» мужской персонаж иронизирует над своим лишним весом:

SON: What's your weight today?

DAD: Just a little above my *bowling average*. If you dress in blacks and vertical stripes, no one knows you're fat [13, с. 10].

В речевом поведении женских персонажей не было обнаружено примеров иронических высказываний относительно своего внешнего вида, однако нередки случаи высмеивания внешнего вида других:

Helena: Ready? You look like you've been dragged backwards through a nightclub bombing.

Peter: Yeah, well – it's the style [11, с. 6].

Приведенный пример интересен не только ироническим замечанием женского персонажа, но также реакцией собеседника, которая еще раз доказывает безразличное отношение мужчин к мнению об их внешнем виде. Это утверждение можно считать верным только по отношению к персонажам, не имеющим проблем с гендерной ориентацией. В произведении австралийского автора Ст. Кекеволиса «Кинастон» главный персонаж – актер, исполняющий женские роли, напротив, стыдится своего настоящего «Я»:

KYNASTON: They don't want me. They want her. As she was on stage. (*Mimics the role*) With her *light, sensual voice*. Her *heavy lidded eyes* and her *languid gestures*. That is what they want [15, с. 6].

Без сомнения, персонаж иронизирует над собой и своим сценическим образом, что подчеркивается яркими определениями и эпитетами, которые дискредитируют его мужественность.

Итоги анализа реплик, содержащих иронические высказывания, позволяют судить о мотивах использования иронии представителями разных гендерных групп, а также о значении иронии в лингвокультурном пространстве англоязычного общества. Ирония – не только основной языковой прием, помогающий персонажам строить коммуникативную тактику, но и способ построения сюжетной линии произведения, что особенно ярко представлено в произведениях британских авторов. Ирония позволяет судить о различии ком-

муникативных стратегий персонажей мужского и женского пола. Ввиду особенностей женского общения, направленного на собеседника, их иронические высказывания нацелены на смягчение и обыгрывание неприятных для участниц общения ситуаций, где ирония используется как средство защиты. В речевом поведении мужских персонажей ирония, напротив, разжигает или поддерживает конфликт между собеседниками мужчинами.

Библиографический список

1. Жданова Е.В. К гендерным аспектам психолингвистического типажа коммуникантов. URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/319.pdf> (дата обращения: 29.02.2015).
2. Кожанова В.Е. Ирония в современной английской литературе: гендерный аспект. URL: <http://sibac.info/2009-07-01-10-21-16/50-2011-12-21-06-47-18/2011-12-21-06-47-43/2772-2012-05-25-16-14-43> (дата обращения: 26.01.2016).
3. Лимановская И.Б. Взаимодействие англоязычного драматургического дискурса с функциональным потенциалом авторской ремарки // Вестник СамГУ. 2011. Вып. №1/1 (82). С. 225–230.
4. Старостина Ю.С., Харьковская А.А. Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе: монография. Прага, 2014. 140 с.
5. Харьковская А.А., Штепо С.В. Гендерные аспекты речевого поведения персонажей в романах Т. Парсонса “Man and Boy” и “Man and Wife”: материалы Всерос. науч.-практич. конф. (Оренбург, 29 октября 2010 г.). Оренбург, 2010. С. 123–128.
6. Malyuga E.N. Gender Factor in National Varieties of English // International Journal of English Linguistics. 2011. № 1. P. 30–36.
7. Popa M. Ironic Metaphor Interpretation. Toronto: Working Papers in Linguistics (TWPL), 2010. 17 p.
8. Belke D. Next Year’s Man of Steel // Samuelfrench. 2012. URL: <http://www.samuelfrench.com/Download/GetFile?downloadId=101589> (дата обращения: 28.01.2016).
9. Bowcott D. All About Janet. URL: <http://www.simplyscripts.com/scripts/AllAboutJanet-Radio.pdf> (дата обращения: 28.01.2016).
10. Brooks W. Hope and Fury // Singlelane. 2005. URL: <http://proplay.ws/scripts/hopefury.pdf> (дата обращения: 28.01.2016).
11. Butler M. Between These Lines. URL: <http://australianplays.org/extract/ASC-1085> (дата обращения: 28.01.2016).
12. Chambers J. Small’s World // Singlelane. 2009. URL: <http://proplay.ws/scripts/smallworld.pdf> (дата обращения: 28.01.2016).
13. Havis A. Arrow to the Heart. New York: Broadway play publishing inc. 2010. 22 p.
14. Joy J. American Standard // Singlelane. 2002. URL: <http://proplay.ws/scripts/standard.pdf> (дата обращения: 28.01.2016).
15. Kakavoulis S. Kynaston. URL: <http://australianplays.org/extract/ASC-1301> (дата обращения: 28.01.2016).
16. Klein J. Wishing Well. New York: Broadway play publishing inc, 2006. 23 p.
17. McAra P. One Day This Will All Be Yours. URL: <http://australianplays.org/extract/ASC-902> (дата обращения: 28.01.2016).
18. Nambombe T. The Challenge. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:ugEUay3W4CIJ:www.simplyscripts.com/scripts/ComedyThechallenge2.docx+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 28.01.2016).

References

1. Zhdanova E.V. K gendernym aspektam psikholingvisticheskogo tipazha kommunikantov [On the gender aspects of psycholinguistic type of communicants]. Retrieved from: <http://www.lingvomaster.ru/files/319.pdf> (accessed 29.02.2015) [in Russian].
2. Kozhanova V.E. Ironiia v sovremennoi angliiskoi literature: gendernyi aspekt. [Irony in modern English literature: gender aspect]. Retrieved from: <http://sibac.info/2009-07-01-10-21-16/50-2011-12-21-06-47-18/2011-12-21-06-47-43/2772-2012-05-25-16-14-43> (accessed 26.01.2016) [in Russian].
3. Limanovskaya I.B. Vzaimodeistvie angloiazynchnogo dramaturgicheskogo diskursa s funkcional’nym potentsialom avtorskoj remarki [Interaction of the English-language drama discourse with the functional potential of the author’s remark]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2011, no. №1/1(82), pp. 225–230 [in Russian].

4. Starostina Ju.S., Kharkovskaya A.A. Dinamika negativnoi otsenki v angloiazychnom dramaturgicheskom diskurse: monografiia [The dynamics of a negative assessment of the dramatic discourse in the English language: monograph]. Praga, 2014, 140 p. [in Russian].
5. Kharkovskaya A.A., Shtepo S.V. Gendernye aspekty rechevogo povedeniia personazhei v romanakh T. Parsonsa "Man and Boy" i "Man and Wife": materialy Vseros. nauch.-praktich. konf. (Orenburg, 29 oktiabria 2010 g.) [Gender aspects of speech behavior of characters in T. Parsons's novels "Man and Boy" and "Man and Wife": materials of all-Russian research and practice conference (Orenburg, October 29, 2010)]. Orenburg, 2010, pp. 123–128 [in Russian].
6. Malyuga E.N. Gender Factor in National Varieties of English. *International Journal of English Linguistics*, 2011, no. 1, pp. 30–36 [in English].
7. Popa M. Ironic Metaphor Interpretation. *Toronto: Working Papers in Linguistics (TWPL)*, 2010, 17 p. [in Russian].
8. Belke D. Next Year's Man of Steel. *Samuelfrench*, 2012. Retrieved from: <http://www.samuelfrench.com/Download/GetFile?downloadId=101589> (accessed 28.01.2016) [in English].
9. Bowcott D. All About Janet. Retrieved from: <http://www.simplyscripts.com/scripts/AllAboutJanet-Radio.pdf> (accessed 28.01.2016) [in English].
10. Brooks W. Hope and Fury. *Singlelane*, 2005. Retrieved from: <http://proplay.ws/scripts/hopefury.pdf> (accessed 28.01.2016) [in English].
11. Butler M. Between These Lines. Retrieved from: <http://australianplays.org/extract/ASC-1085> (accessed 28.01.2016) [in English].
12. Chambers J. Small's World. *Singlelane*, 2009. Retrieved from: <http://proplay.ws/scripts/smallworld.pdf> (accessed 28.01.2016) [in English].
13. Havis A. Arrow to the Heart. New York: Broadway play publishing inc., 2010, 22 p. [in English].
14. Joy J. American Standard. *Singlelane*, 2002. Retrieved from: <http://proplay.ws/scripts/standard.pdf> (accessed 28.01.2016) [in English].
15. Kakavoulis S. Kynaston, 2009. Retrieved from: <http://australianplays.org/extract/ASC-1301> (accessed 28.01.2016) [in English].
16. Klein J. Wishing Well. New York: Broadway play publishing inc., 2006, 23 p. [in English].
17. McAra P. One Day This Will All Be Yours. Retrieved from: <http://australianplays.org/extract/ASC-902> (accessed 28.01.2016).
18. Nambombe T. The Challenge. Retrieved from: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:uGEUay3W4CIJ:www.simplyscripts.com/scripts/ComedyThechallenge2.docx+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (accessed 28.01.2016) [in English].

*L.M. Leonovich, A.A. Kharkovskaya**

IRONY AS A MARKER OF THE PERSONAGES' SPEECH BEHAVIOR IN MODERN ENGLISH DRAMA DISCOURSE

This article is aimed at describing the peculiarities of ironic utterances of male and female English drama personages. The proximity of drama language to real speech provides a platform for cognitive analysis of the English-speaking personages' speech acts in terms of their gender characteristics. The aim of the article is to identify and compare the strategic aspects of ironic utterances in the communicative space of male and female characters in modern British, American, Canadian and Australian drama discourses.

Key words: irony, dramatic discourse, communicative strategies, verbal behavior, cognitive analysis, gender, English language variation.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Leonovich Larisa Mikhailovna* (laura.leonovich@gmail.com), *Kharkovskaya Antonina Alexandrovna* (aax2009@mail.ru), Department of English Philology, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖУРОВНЕВОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье исследуется роль различных структурных типов межуровневой транспозиции языковых единиц в оформлении дискурса и интенсификации заложенных в нем прагматических интенций. Рассматриваются такие значимые аспекты исследуемой проблемы, как номинация окказионально-актуализуемых концептов, семантическая компрессия, экспликация структурной типологии языка, языковая игра, актуализация идиостилевой специфики текста.

Ключевые слова: единицы языка, уровни языка, транспозиция, концепт, компрессия, прагматика речи.

Языковеды с широким метанаучным кругозором отмечают необходимость радикального обновления современной лингвистикой своих предметно-парадигмальных основ. На это указывает, например, выдающийся гуманитарий нашего времени В.В. Иванов: «Хотя научное языкознание, достаточно строгая система которого была представлена уже у Панини, существует более 3 тысяч лет, главные его проблемы только начинают формулироваться» [1, с. 13]. Думается, что концептуально значимым шагом в движении к указанному обновлению является выдвигание в фокус лингвистической рефлексии эпистемологической модели, построенной на постулате о функционально-процессуальной природе языка, о неизбежной динамической сущности лингвистического знака. В конкретном вопросе о функционировании языка представляются актуальными две комплементарные исследовательские перспективы: функциональность понимается не только как инструментальная включенность языка в дискурсивно-деятельностную практику человека, но и как фактор, генерирующий интенции к развитию и изменению языка. Потребности коммуникации находятся в диалектическом противоречии с рутинной практикой экспликации концептов или ресурсными возможностями языка, что и является основным движущим стимулом для поиска новых форм и способов языкового выражения.

В числе механизмов, лежащих в основе процессов эволюции дискурсивной практики, а также субстанции и структуры языка, следует назвать прежде всего транспозицию (перенос языковой единицы из одной системно-релевантной области знаково-номинативного бытования в другую); периферийное место в систематике явлений, относимых к этому ключевому для понимания диалектики языка феномену, занимает такая ее разновидность, как межуровневая транспозиция языковых единиц, форм и структур. Структурно-типологическое описание этого явления представлено в работе [2]; задачей данного исследования является выявление дискурсивно-прагматических эффектов, порождаемых в текстах различной типологии употреблением единицы одного уровня языка в функциональном модусе единицы другого уровня. Для раскрытия заявленной темы представляется существенным обратить внимание на следующие аспекты функционального развертывания приема межуровневой транспозиции.

* © Халиков М.М., 2016

Халиков Магомед Магомедович (magomed_samara@mail.ru), кафедра иностранных языков, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, 1-й Безымянный пер., 18.

Номинация окказионально-актуализованных концептов

Известно, что язык не всегда обеспечивает потребности коммуникации возможностью вербализации концептов, выражающих существенные для описания той или иной предметно-речевой ситуации элементы смысла, путем использования системно-узуальных однословных номинативных единиц. К числу центральных можно отнести в когнитивной лингвистике положение о том, что «концепт необязательно имеет языковое выражение — существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия и при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения» [3, с. 35]. В случае когда некоторый концепт, не зафиксированный в данном языке в виде дискретно позиционированного элемента лексико-номинативной системы, становится дискурсивно релевантным, функцию его вербальной презентации принимают на себя различные по своей структурности и знаковой сущности языковые средства. К числу этих средств можно отнести и номинацию по модели межуровневой транспозиции:

(1) Подростковая неполноценность, агрессия, «хочу быть как взрослый», неуверенность, но в то же время ощущение собственного превосходства — юная душа будет всегда на это откликаться (Виктор Гольшев, www.m24.ru, 14.06.2015).

В данном примере (курсив здесь и далее мой. — М.Х.) типичная для ментальности и дискурсивного обихода подростка прецедентная речевая формула, в синтаксическом плане представляющая собой неполноструктурное предложение, выступает в перечислительном ряду с именами существительными в функции элементной номинации в составе коммуникативной единицы более высокого порядка и в значительной степени уподобляется им по своей номинативно-дискурсивной функциональности (кумулятивный эффект субстантивного уплотнения текста). Концепт «Хочу быть как взрослый» является в психологическом плане ключевым для указанного возраста и вполне четко структурируется когнитивным сознанием носителей языка в виде системно мобилизованного дискретного ментального феномена, но, несмотря на очевидную его социокультурную значимость, он не представлен в лексико-семантической системе русского языка в виде автономного однословного номинативного события. Автор текста окказионально меняет коммуникативно-функциональный статус предложения, употребляет его в роли существительного с абстрактным значением в одном ряду с другими существительными, образующими семантически консолидированный номинативный ряд для экспликации различных частных аспектов генерального для них концепта «психологическая характеристика подростка».

Межуровневая транспозиция может осуществляться автором речевого произведения и в рамках реализации индивидуально-авторской нарративной стратегии, отмеченной стремлением к переформатированию системы номинативных ресурсов языка, к инноватизации и креативному усилению выразительных возможностей языка. Рассмотрим пример:

(2) Ich wurde kraftlos, und im Alter von einem halben Jahr wurde mir das AUFDERWELTSEIN über... (E. Strittmatter).

В контексте описания болезни ребенка в момент крайнего ослабления организма особую коммуникативную актуальность приобретают концепт жизнеспособности, идея выживания, проблема сохранения жизни. Имеющийся в номинативной системе немецкого языка фразеологизм *auf der Welt sein* со значением „*geboren sein und leben*“ („родиться и жить“) актуализован в языковом сознании и коммуникативном обиходе немцев в структурном облике раздельнооформленного глагольно-именного словосочетания. В данном употреблении он представлен в виде цельнооформленной номинативной единицы (лексикализация) и стал объектом эксцентричной прагматико-смысловой актуализации, сопровождающейся окказионально релевантным изменением структурно-уровневого статуса языковой единицы. Концепт «быть/жить на земле», центральный для данного контекста в содержательном плане, выделен автором и в плане структурно-визуального оформления речи — путем слитного и заглавного написания. Словосочетание в целях зрелищной интенсификации смысла и усиления прагматического эффекта преобразовано писателем в цельнооформлен-

ное слово. Этот прием вполне органичен для художественно-стилевой манеры писателя, характеризующейся высокой плотностью обращений к иронии и языковой игре.

Семантическая компрессия

В динамике языковой функциональности особое место занимает компрессия, интенсификация знаковой содержательности языковой единицы по формуле «часть замещает целое». В разнообразии способов структурного редуцирования языкового материала, при котором, однако, по законам компрессии в полной мере сохраняется объем коммуникативно-релевантной когнитивной и семантической информации, вербализуемой в исходной цельноразвернутой лексико-синтаксической группировке, можно выделить и прием межуровневой транспозиции языковых единиц. Огромное множество транспонированных по этой модели речевых фрагментов перешло в узус, ограничимся единичными примерами: *Good morning!* → *Morning!*; *There is no problem* → *No probs*; Головная боль прошла? → *Голова* прошла?; *die elektrische Bahn* → *die Elektrische*. Заметим, что эта техника номинации органично вписывается в универсально-лингвистическую стратегию уменьшения объема плана выражения языковых форм, ср.: *professor* → *prof*, *Regenschirm* → *Schirm*, компьютер → *комп.*

В актуальном коммуникативном обиходе можно выделить функционально-стилевые области, особенно продуктивные в отношении реализации приема компрессии на базе межуровневой транспозиции: разговорная речь, публицистика, художественные тексты. Прагматический эффект такого употребления обеспечивается экспрессивностью более краткой формы языкового выражения, коннотацией новизны, сгущением знаково-семантического потенциала транспонируемых единиц; ср.: Подготовка к Олимпиаде в Коре → Подготовка к *Коре* (Собеседник 14/2014). Наиболее ярко и экспрессивно прагматический потенциал этого приема проявляется в случаях, когда отдельно взятое слово надеется функцией экспликации повествовательного сюжетно-событийного содержания, полное развертывание которого возможно только в рамках некоторого фрагмента дискурса:

(3) Сегодня сколько денег вниз ни бросай, сколько полномочий ни давай, получишь *Красногорск* (Собеседник 45/2015).

Этот подмосковный город осенью 2015 г. часто упоминался; происшедшие там трагические события вошли в прецедентно-актуализованную семантику топонима и легко восстанавливаются в сознании при его воспроизведении. Функционально-коммуникативная значимость слова существенно усиливается его транспонированием на уровень текста. Примеры данного типа показательны и в отношении актуализации в них требования идентичности когнитивной базы коммуникантов как условия для адекватного восприятия текста, усложненного «сущностными сигналами, направляющими процесс рекурсивного обогащения номинации, которую они представляют» [4, с. 56].

Экспликация системно-структурной (и иной) специфики языка

Как известно, от развитости флексий и системно-релевантной очерченности их функций в языке зависит специфика линейно-строевой организации речи. Типологическое разнообразие и категориально-ролевая акцентированность прилагательных в русском языке становятся предпосылкой для их регулярной транспозиции по компрессионной модели, когда прилагательное субстантивируется и поглощает семантику синтаксически интегрированного с ним имени существительного:

(4) А потом в *обеденный* сядут подружки в цеху за рюмочкой (Л. Гитерман. Серфинг по жизни); ср. также узуальные транспонированные номинации: *скорая* помощь → *скорая*, *столовая* комната → *столовая* и др.

В англоязычном дискурсе частотны структурные типы транспозиции интертекстуального характера; аналитический строй, исключая необходимость координации по флексиям, позволяет, например, свободно имплементировать в авторскую речь структурно аморфные субстантивированные фрагменты речи персонажей:

(5) *Word spread fast that he was back, and throughout the morning the same colleagues dropped by with a quick hello, welcome back, sorry about your loss* (J. Grisham. The summons).

В русском языке подобные цитации также распространены, но почти во всех случаях они производят впечатление аграмматичности и получают разговорно-речевую стилевую окраску:

(6) Воспринимать эту выволочку как «наконец-то добрались до генералов» смешно (Собеседник 36/2012).

Легкость, с которой в английском реализуется прием межуровневой транспозиции (про-воцирующая мысль об особом характере применимости здесь теории языковых единиц и уровней), позволяет представить в виде субстантивно транспонированных структур синтаксические комплексы, представляющие собой объединения нескольких предложений:

(7) It was a nobody-home sign; it was an *I'm-not-in, don't-call-me-I'll-call-you* signal (J. Irving. The Hotel New Hampshire)

В качестве предварительного наблюдения можно отметить, что в русском языке относительно высока в типологии транспонированных структур доля графически фокусированных лексикализаций локально-контекстуального характера, когда раздельно оформляемые по законам узуса синтаксические группировки пишутся монолитно:

(8) Фразы бессильны. *Слова слились в одну фразу* (А. Вознесенский)

Под влиянием интернет-технологий эта форма графической презентации текстовой информации в последние годы получила широкое распространение; ср. *Самизна-еткто* (имя сетевого персонажа), *Прожектор перисхилтон* (телепередача).

Языковая игра

Игровые интенции питают многие сферы коммуникации, они существенным образом трансформируют и обогащают семантико-прагматическую сторону текста. Транспозиция также располагает к реализации игровой стратегии дискурса. Одной из форм является здесь пародирование, ироническое или гротесковое использование самого приема транспозиции, когда, например, транспонированная структура создается по принципу синтаксического расширения, путем стягивания множества элементов когнитивного содержания в гипертрофированную единоподчиненную номинативную конструкцию:

(9) Johnny Swanson is very much of the *plot-exposition-as-dialogue-overheard-by-an-vesdropper-conveniently-under-the-table-at-the-time* school of detective fiction (Guardian, 08.05.2010).

Обычно метасемиотически неосложненные, нейтрально-ориентированные предложения, транспонируемые в функциональную позицию «классического» атрибута, значительно более лаконичны и просты в своей референтной конфигурации. В данном примере экстраординарное удлинение синтаксической цепочки служит средством реализации игровой интенции, позволяющим элегантно уходить от акцентированного выражения юмора и иронии.

Языковая игра нередко принимает эксцентрические, особо колоритные в отношении техники номинации и прагматической действенности, формы; в качестве иллюстрации можно привести следующий пример, который одновременно демонстрирует потенциал флективного строя русского языка в плане создания новых структурно-релевантных окказиональных смыслов и коннотаций путем нетривиального расширения функции аффиксального словообразования:

(10) Костя — это ее четвертый по счету официальный жених. До него были Митя, Петя и Витя. Их всех почему-то зовут на «тя». Все четыре «тя» хотели на ней жениться, и она каждый раз готова была выйти замуж, и я каждый раз бесцеремонно вмешивалась в эти перспективные отношения. И Машка каждый раз ненавидела меня и готова была прошить из автомата, если бы таковой оказался под руками. Но до истребления дело не доходило, так как на смену приходил очередной «тя» (В. Токарева. Звезда в тумане).

Заместительная антропонимическая метонимическая номинация «тя» построена на морфологическом розыгрыше, на провокативно-комическом манипулировании лингвистическим тезаурусом читателя: в структуре финально идентичных имен вычленяется квазиморфема, и ей приписывается статус самодостаточной номинативной единицы

(слова) и некоторый набор «категориальных» семантических признаков, связанных с характеристикой персонажа (заурядность, ординарность и т. д.). Юмор, нередко реализуемый посредством языковой игры, составляет одну из ведущих черт стиля писателя.

Актуализация идиостилевой специфики текста

В тексте все средства вербализации взаимодействуют друг с другом, выступают единым ансамблем, подчинены повествовательной макростратегии. Фигуры речи, содержащие прием межуровневой транспозиции, не являются исключением, они также синхронизированы с другими средствами речевой выразительности и могут служить в этом компонентном статусе для целей индивидуально-стилевой идентификации автора или произведения. Например, обращает на себя внимание неординарная плотность приемов межуровневой транспозиции лингвистических единиц и структур в романе Дж. Фаулза «Коллекционер», раннем его произведении, отмеченном, среди прочего, тягой к креативной экспрессивности повествования. Роман может служить хрестоматией по экспрессивному английскому синтаксису, в нем с избытком представлены все обнаруженные автором в языковом узусе или угадываемые им в стадии укоренения приемы линейно-строевой интенсификации выразительности художественного текста.

Примечательная особенность обращения писателя к приему межуровневой транспозиции – употребление синтаксических структур для номинации единичного контекстуально тематизируемого концепта (когнитивного признака концепта), т. е. ментальной сущности, функционирующей в качестве операционально-структурирующей единицы сознания для выделения отдельного коммуникативно значимого дискретного фрагмента действительности. Такие структуры характеризуются интенсивностью образной энергетики номинации, поэтому отличаются высокой прагматической действенностью и запоминаемостью:

(11) He's the most tremendous stander-around, I've ever met. Always with that *I'm-sorry* expression on his face;

(12) ...an extraordinary selection of *weekend-in-Paris* underwear.

В тексте романа транспонированная структура часто обособляется, выводится за формальные рамки предложения-высказывания, информативной и семантической частью которого она является. Традиционный прием экспрессивного синтаксиса в таком оформлении получает дополнительную прагматическую выразительность: усиленный наглядно-чувственной образностью номинируемый признак оказывается в фокусе внимания, становится центром, формирующим интонационную линию восприятия сюжетно-характеризующего содержания текста:

(13) They were like naughty children. *Happy-with-a-secret*.

(14) He was one of those ever-so-cultured types with a plum in their throat. The *I'm-a-friend-of-the-boss* type.

Для творчества писателя характерна тяга к колоритному экспериментированию с языковым материалом, потребность в окказионально-инновативной актуализации семантики слов и конструкций – например, путем преобразования пропозициональной структуры (предложения) в единицу номинации когнитивно-обособленного признака (слово):

(15) I know he was right; it would have been ridiculous if he hadn't said exactly what he thought. If he'd just *kind-uncled* me.

Эффектная компаративная номинация (персонажи – не родственники), построенная на лексикализации пропозиционального трюизма *The uncle is kind/a kind person* и установлении для него новой контекстной функциональности – в качестве элементной номинации в составе другой пропозиции.

Рассмотренный выше материал служит иллюстрацией к положениям о процессуально-динамической онтологии языка, условности и транспарентности границ между его категориями и таксономическими стереотипами, приоритетности функциональной парадигмы для системного языкознания. Лингвистические дефиниции и систематизации эвристически сильны только тогда, когда они диалектичны в своих основаниях, в частности? построены на идее о возможности критической рефлексии над собственными основаниями. Вне

этой предпосылки невозможно найти объяснения многим явлениям противоречивой природы языковых фактов и употреблений. Языковые состояния и единицы существуют в энергетическом взаимодействии и взаимоотражении, в интенции к отрицанию собственной синхронической идентичности и даже к восстановлению утраченной генетической сущности. Например, важнейшая и очевидная для актуального когнитивного сознания единица языка, слово, при рассмотрении в проекции на диалектику языковых процессов и состояний предстает как явление, тождественное единице принципиально иного таксономического статуса – предложения: «...слово есть понятие вторичное и, до некоторой степени, по крайней мере, генетически совпадающее с предложением» [5, с. 100].

Библиографический список

1. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Халиков М.М. О системном статусе межуровневой транспозиции языковых единиц // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 108–115.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
4. Кострова О.А. Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015.
5. Щерба Л.В. О далее неделимых единицах языка // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 101–105.

References

1. Ivanov V.V. Lingvistika tret'ego tysiacheletia: Voprosy k budushchemu [Linguistics of the Third Millennium: Questions to the Future]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004 [in Russian].
2. Khalikov M.V. O sistemnom statuse mezhurovevnoi transpozitsii iazykovykh edinit [On the System Status of Inter-level Transposition of Linguistic Units]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya* [Vestnik of Samara State University. Humanitarian series], 2014, no. 1(112), pp. 108–115 [in Russian].
3. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. M.: AST: Vostok–Zapad, 2007 [in Russian].
4. Kostrova O.A. Diskursivnye stereotipy: mezhkul'turnyi aspekt kontseptosfery [Discourse Stereotypes: Intercultural View of Concept Sphere]. Samara: Izd-vo PGSGA, 2015 [in Russian].
5. Shcherba L.V. O dalee nedelimykh edinitakh iazyka [On the Further Indivisible Units of Language]. *Voprosy Jazykoznanija*, 1962, no. 2, pp. 101–105 [in Russian].

*M.M. Khalikov**

DISCOURSE AND PRAGMATIC POTENTIAL OF INTER-LEVEL TRANSPPOSITION OF LINGUISTIC UNITS

This paper explores the role of various structural types of inter-level transposition of linguistic units in processing of discourse and intensifying its substantial pragmatic intentions. Attention is focused on such relevant aspects of the subject as nomination of occasionally actualized concepts, semantic compression, explication of structural specific of language, language game, actualization of idiosyncratic peculiarities of text.

Key words: linguistic units, levels of language, transposition, concept, compression, pragmatics of speech.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Khalikov Magomed Magomedovich* (magomed_samara@mail.ru), Department of Foreign Languages, Samara State University of Railway Transport, 18, 1-st Besymanniy per., Samara, 443066, Russian Federation.

СМЫСЛОВОЙ СИНТЕЗ В ДИСКУРСЕ

В статье предложено понимание дискурсивного смысла как продукта функционального и смыслового синтеза, определяющих процесс рождения смысла как концептуальной системы, которая формируется в ходе языковых операций, реализующих авторский замысел. Способность языковых единиц и категорий выполнять одновременно целый ряд функций создает в дискурсивном процессе эффект «синкретизма форм», описанию которого посвящено данное исследование.

Ключевые слова: дискурс, смысловой синтез, «синкретизм форм».

Смысл представляет собой явление, исследованию которого посвящено значительное количество работ в самых разных науках. Источники, строение и условия рождения смысла получают описание как результирующие от множества различных факторов, в игре которых причудливо смешиваются объективные и субъективные начала. Предлагаемая статья посвящена языковой природе смысла, основной акцент в дальнейших рассуждениях будет сделан на активности субъекта речи в этом процессе.

Утвердившееся в современной науке представление о смысле как мыслимом образе вещи и ее свойств, трактовка смысла как продукта употребления языковой единицы в речи позволяют рассматривать его как концептуальную систему, понимание смысла, связывающее его с целями и мотивами субъектов общения. Двойственная природа смысла определена его положением между индивидуальным сознанием личности и миром, и его источником всегда остается творческая деятельность человека, осваивающего действительность [2].

Поворотным моментом в современной науке о языке становится признание процессуальности смысла, его рождения в дискурсивном процессе. Одно из оснований для этого образуют концепции смысла в философии и теории языка конца XX века, связанные с рождением философии субъекта. Феноменология субъекта, полагает один из ведущих представителей этого направления П. Рикер, проявляет себя в сфере языка, субъект есть начало означающей жизни. Само понимание, по мысли Рикера, рождается только в языке, что позволяет ему говорить о способе существования субъекта как *интерпретированном* бытии [3, с. 49].

Один из вопросов философии субъекта содержит размышление о том, является ли язык бессознательным инструментарием, с помощью которого говорящий субъект берется понять бытие, существующих людей и самого себя, или в самом языке содержатся возможности, позволяющие утверждать, что прояснение функции означивания и «показывания» возможно только на пути синтеза. Основания для смыслового синтеза в дискурсе П. Рикер усматривает в полисемии, выводя суть этого явления не из системных связей, а из отношений внутри дискурсивного процесса, утверждая, что

* © Данилова Н.К., 2016

Данилова Нина Константиновна (danilova_nina@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

полисемия представляет собой результат воздействия смысла, порожденного в дискурсе [3, с. 115–127].

Металингвистическая концепция смысла П. Рикера выделяет в качестве сущностного признака акта коммуникации в нарративе *способ обозначения субъекта дискурса*, всегда связанного с выбором и новизной. В нарративе, послужившем П. Рикеру источником сведений о языковой природе повествовательной идентичности, вопрос о субъекте речи отмечен двойственностью, сформулированной П. Рикером в утверждении о том, что в этом случае вопросы «кто говорит?» и «кто делает?» оказываются взаимно переплетенными [4, с. 33]. Разнообразие возможностей задавать вопрос «кто?» опирается на способность языковых структур к *синкретичному* способу воплощения субъективности в языке, о чем пойдет речь в предлагаемой статье.

В лингвистической перспективе текст получает освещение как комплекс целого ряда коммуникативных явлений, как особый вид социального взаимодействия [5, с. 22]. Речевой акт, неотъемлемой составляющей которого является текст, выступает в качестве двуединого комплекса событий, процесса продуцирования говорящим высказывания и процесса интерпретационного восприятия готового речевого продукта. В этом случае в поле зрения оказываются оба полюса процесса синтезирования смысла: процесс производства и процесс восприятия текста.

Исследование языковых механизмов процесса смыслопорождения исходит из ряда положений современной науки о языке, имеющих уже характер аксиом, речь идет о многослойности структурной организации текста, в которой находит отражение многообразие факторов, служащих формированию готового речевого продукта. Одним из параметров текста, в котором находит отражение феномен многослойности, является позиция субъекта высказывания, языковое заполнение которого находится в зависимости от конфигурации семантического пространства текста. Выделение субъектных позиций в дискурсе как функций от «пространства корреляции» (Фуко) не только следует принципам дискурсивного анализа, но и отвечает постулатам диалогической грамматики, возвращающей субъекту его права, утраченные в исследованиях пропозициональной семантики [7, S. 17–18].

Грамматический субъект в диалогической грамматике приобретает статус центральной фигуры и выступает в функции «базиса детерминации», определяемого предикатом как детерминирующим элементом. Отношения детерминации, формирующие поверхностную синтаксическую структуру, обнаруживают тесную связь с ситуацией общения и ролями участников. Коммуникативным ролям говорящего и слушающего свойственны достаточно стабильные позиции, в отличие от референтной роли третьего лица, обретающего четкие контуры только в конкретной ситуации. С помощью ролей определяется *информационный профиль* текста, минимум организации которого получает название «горизонт», максимум — «фокус» [7, S. 109].

Грамматика прагматической ориентации выделяет, кроме того, роли деятеля, или актанты, комбинация которых становится определяющей для конфигурации смысла. Конфигурацию смысла определяют комбинации отношений между коммуникативными ролями и актантами, в которых определяющей остается позиция грамматического субъекта, обладающая референтной устойчивостью. В системе субъектных отношений выстраивается, таким образом, определенная корреляция между структурой интеракции (набором коммуникативных ролей) и актантов, что находит отражение в синтаксической структуре высказывания.

В диалогической грамматике коммуникативные и синтаксические роли остаются языковыми категориями, формирующими систему коммуникации с социально-коммуникативными стратегиями и определяющими вербальное поведение индивидуумов в любой сфере общения (совокупностью локутивных позиций, которые создают возможность быстрой смены ракурсов изложения). Определенная степень гомологии между синтакси-

ческой и коммуникативной структурами (триада) не исключает возможности рассматривать оба уровня организации высказывания как относительно автономные структуры, функционирующие по собственным правилам в качестве системных образований.

Обозначенная Г. Вайнрихом область синтаксических процессов, формирующих смысл, получает описание только в плоскости выражения, что настоятельно требует решения проблемы того, как формируется семантическое пространство текста. Принципиально существующая связь между коммуникативной и синтаксической организацией высказывания (понимаемого как структурная единица дискурса) принимает в исследовании Н.Н. Болдырева иное направление, чем в коммуникативно-текстовом анализе.

Выделяя два типа пространства, участвующих в моделировании высказывания, *пространство деятеля (событийное пространство)* и *пространство наблюдателя*, Н.Н. Болдырев рассматривает последнее как сферу действия говорящего, слушающего и третьего лица, не участвующего в коммуникации [1, с. 212]. Качества стабильности/мобильности пространства соотнесены в исследовании с ориентацией относительно наблюдателя или деятеля, изменение пространственных характеристик отражает определенную интерпретацию события с учетом точки отсчета. Н.Н. Болдырев выделяет *онтологический вектор события*, направленный от активного источника события к его объекту, и *интенциональный вектор*, отражающий определенный способ передачи события с точки зрения говорящего, слушающего или третьего лица. Способность вектора высказывания принимать вид денотативного или интенционального зависит от совпадения его с онтологическим вектором событий, отражающим направленность от источника действий к объекту.

Одна из возможностей отсылки к наблюдателю реализуется, по мнению автора, в модальном компоненте оценки. Наличие субъекта-каузатора может быть выражено отрицательной формой модального глагола. Концептуализация событий в языке определяется, на взгляд автора, выделением объектов через пространственные ориентиры, при этом особая, активная роль отводится автору высказывания, именно он ограничивает событие благодаря выделению этих ориентиров. Принадлежность ориентиров либо пространству деятеля, либо пространству наблюдателя создает такое качество моделирования речи, как мобильность. Противоположное качество, столь же необходимое для процесса создания «образа мира», – стабильность – создается, по мнению Н.Н. Болдырева, семантикой используемых глаголов, несущей в себе определенную программу интерпретации события в качестве обязательных и факультативных валентностей.

Синтаксические способы выдвижения элементов событийного пространства или пространственных ориентиров наблюдателя фиксируют языковую интерпретацию события, а следовательно, изменение интенции, сопровождающееся, в терминологии Н.Н. Болдырева, *перемещением концептуализаций*, отражающих изменение способов репрезентации действительности.

Возможность формирования более дифференцированной картины происходящего может быть, по нашему мнению, дана выделением тех моментов организации, которые указывают на связь функционирования системы ориентации с моделями деятельности и различными способами представления объективной действительности. Перемещение концептуализаций и проявления динамики системных связей в акте рассказывания обеспечиваются, по нашему мнению, наличием в системной организации высказывания самостоятельного интенционального уровня, связанного со способами интендирования «положения дел» и получающего реализацию в тексте (в нашем случае – художественном) через последовательную смену ракурсов изложения (*когнитивных перспектив*). Интенциональный уровень организации отмечен использованием предикатов с чувственными, эмоциональными и аксиологическими значениями. Основания для этого вытекают из того обстоятельства, что понятие «наблюдатель» характеризуется двой-

ственностью, им обозначают как субъекта восприятия (перцептора), так и коммуникативную роль, позволяющую занять объективированную позицию в условиях дискурса.

В соответствии с выдвинутой нами гипотезой строение акта рассказывания (повествовательного дискурса) рассматривается нами как процесс развертывания системы смысла, которой свойственно линейное динамическое развитие (режим on-line). Целью процесса является включение повествования («истории») в дискурсивную (коммуникативную) ситуацию особого рода в художественной практике. Акт рассказывания исследуется нами как повествовательное высказывание, предназначение которого состоит в создании «прагматической матрицы» для системы речевых действий, отбор и использование которых отражает вариации субъекта высказывания. Развитие повествовательного высказывания и отдельные фазы его становления фиксируют изменения в «семантических ситуациях», прогнозируемых и определяемых авторской интенцией и получающих выражение в смене *когнитивных перспектив, рефлексивной или перцептивной*.

В «операциональном поле говорящего» направленность вектора интенциональности, как показывает наблюдение, определена выбором типа действующего субъекта. Деятельностная ориентация субъекта рефлексии характеризуется направленностью вектора интенциональности от внутреннего мира к внешнему. Субъекту восприятия (перцептору) свойственен вектор интенциональности, направленный от внешнего мира к внутреннему. Субъект действия включен, как правило, в один из этих двух основных способов индендирования, полагания событийного мира в акте рассказывания.

Субъект повествовательного высказывания исследуется нами как знак художественного кода, значение которого является продуктом вторичной концептуализации. Процессы, предшествующие и сопровождающие акт вторичного семиозиса и измерения, свойственные «семантическому означиванию» (термин Э. Бенвениста), не являются прерогативой художественной коммуникации, однако именно в условиях литературной практики трансформации знаков естественного языка в знаки художественного кода совершаются наиболее регулярно. В структуре дискурса субъект высказывания образует дискурсивную позицию, которая получает функциональное определение в каждой фазе развертывания смысла нарратива, являясь, с одной стороны, «следами деятельности» субъекта письма и образуя, с другой стороны, определенные ориентиры для деятельности понимания субъекта чтения.

Рассказ Г. Гессе «Karpelle» открывается секвенцией, единство которой обеспечивается когнитивной перспективой рефлексора: (1) Die rosenrote Karpelle mit dem kleinen Vordach muss von guten und zart fühlenden Menschen erbaut sein, und von sehr frommen Menschen (Hesse, S. 87). Модальный глагол müssen использован со значением предположения и включается в игру предикатов в следующей секвенции: (2) Mir ist oft gesagt worden, es gäbe keine frommen Menschen mehr. Man könnte ebensogut sagen, es gäbe heute keine Musik und keinen blauen Himmel mehr. Ich glaube, es gibt viele Fromme. Ich selbst bin fromm. Aber ich war es nicht immer. Субъект говорения вводится в повествования последовательно, так как в первом высказывании доминирует коммуникативная перспектива наблюдателя, получающая выражение с помощью пассивной конструкции со значением предположения (muss erbaut sein). Последующее высказывание содержит акцент на семантической позиции экспериенцера (Mir ist oft gesagt worden), вводимой пассивным залогом и конъюнктивом в предложении с неопределенно-личным местоимением man. Эксплицитная когнитивная представлена высказыванием с выраженным эпистемическим субъектом Ich glaube. Внутри начальных секвенций рассказа прослеживается «модусный шов» (термин О.Е. Фроловой), так как коллективная рефлексия сменяется личностной, а ретроспектива (модус воспоминания) – актуальным модусом представления «положения дел».

Следующая секвенция рассказа (3) Der Weg zur Frömmigkeit mag für jeden ein anderer sein. Für mich lief er über viel Irrtümer und Leiden... Ich bin Freigeist gewesen und wusste,

dass Frömmigkeit eine Seelenkrankheit ist завершает переход от авторской рефлексии к событийному пространству. Экспозиция и открываемое ею событийное пространство изложения («история») вновь демонстрируют наличие модусного шва между генерализированным высказыванием, вводящим этическую норму (*mag ein anderer sein*), и перспективной рефлектора, объединенной с коммуникативной перспективой субъекта речи, а на семантическом уровне — ролью агенса (*Ich bin Freigeist gewesen*). Способность персонализированного грамматического субъекта, идеальной формы индикатора иллокуции, вмещать несколько перспектив (коммуникативную перспективу субъекта речи, когнитивную перспективу рефлектора и семантическую роль агенса), позволяет ему выступать, с одной стороны, как сигнал смены перспективы, с другой — обеспечивать плавный переход от одного ракурса представлений событий к другому. Использование морфологических форм времени и форм залога в качестве модусных характеристик выделяет факт синкретичности языковой семантики, что обеспечивает высокую степень ее мобильности в процессе смыслового синтеза.

В том случае когда в фокусе изложения оказывается ситуация непосредственного восприятия, текст организован перспективой перцептора: (4) *O liebe, innige Kapellen dieses Landes! Ihr blühet aus dem Grün hervor, gelb oder weiß oder rosig, wie Frühlingslieder junger Menschen* (Hesse, S. 88). Структура интеракции, представленная императивом с импликацией объекта-адресата, включает оценочную характеристику через сравнение. В тексте выстраивается тем самым дейктическое (коммуникативное) пространство, наглядно-чувственное в своих основах, местоимение *ihr*, имплицитно присутствующее субъекта речи, характеризует коммуникативные роли по их ситуационным условиям, отражая телесную конфигурацию участников общения.

Завершающая рассказ секвенция сформирована событийным пространством и несет в себе «следы» интенциональной структуры благодаря аллюзии *fromm*: *Ich pflücke Blumen in der nächsten Wiese, Primel, Klee und Hahnenfuß, und lege sie in der Kapelle nieder. Ich setze mich auf die Brüstung unterm Vordach und summe mein frommes Lied in der Morgenstille* (Hesse, S. 90).

Подводя итоги, можно отметить, что модусы, получающие внутри перспектив выражение с помощью временных залоговых форм и системы ориентации субъекта, демонстрируют взаимодействие грамматических категорий, призванных участвовать в создании следующих уровней отношений: отношения между объектами, отношения между субъектом и объектом, отношения между субъектами. Использование форм времени, залога и местоименной системы ориентации субъекта для синтеза смысла определено их изначальным синкретизмом, способностью служить средствами реализации установок субъекта, связанных с временной перспективой и маркировкой нарративного или речевого регистра. Матричное строение интенционального уровня позволяет средствам реализации когнитивных рефлексивной или перцептивной перспектив включаться в процесс смыслообразования в зависимости от необходимости актуализации одного из указанных типов отношений и от способа репрезентации событий.

Библиографический список

1. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212–216.
2. Кравец А.С. Теория смысла Ж. Делеза: *pro* и *contra* // Логос. 2005. № 4 (49). С. 227–258. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/12.pdf>.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
4. Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
5. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 20–27.

6. Фролова О.Е. Содержание и методическая интерпретация категории «пространство» при обучении толкованию русского прозаического художественного текста. М.: АКД, 1996.

7. Weinrich, Harald. Textgrammatik der deutschen Sprache. Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. 1111 s.

Источник фактического материала

Hesse Hermann. Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 128 s.

References

1. Boldyrev N.N. Otrazhenie prostranstva deiatelia i prostranstva nabliudatelja v vyskazyvanii [Reflection of space of a doer and the space of an observer in the utterance] in *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. М.: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 212–216 [in Russian].

2. Kravets A.S. Teoriia smysla Zh. Deleza: pro i contra [Theories of meaning of G. Deleuze: pro and contra]. *Logos*, 2005, 4(49), pp. 227–258. Retrieved from: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/12.pdf> [in Russian].

3. Ріснь Р. (a) Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike /Per. s fr. I.S.Vdovinoi [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics. Translation from French by I.S. Vdovina]. М.: Akademicheskii Proekt, 2008, 695 p. [in Russian].

4. Ріснь Р. (b) Ia-sam kak drugoi/Per. s fr. [Oneself as another. Transl. from French]. М.: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2008, 416 p. [in Russian].

5. Tarasov E.F. Problemy teorii rechevogo obshcheniia [Problems of theory of communication]. *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics], 2010, no. 2(12), pp. 20–27 [in Russian].

6. Frolova O.E. Soderzhanie i metodicheskaia interpretatsiia kategorii «prostranstvo» pri obuchenii tolkovaniu russkogo prozaicheskogo khudozhestvennogo teksta [Contents and methodological interpretation of the category of «space» at teaching interpretation of Russian prosaic literary text]. М.: АКД, 1996 [in Russian].

7. Weinrich, Harald. Textgrammatik der deutschen Sprache. Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993, 1111 p. [in German].

Source of factual material

Hesse Hermann. Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984, 128 p. [in German].

*N.K. Danilova**

SEMANTIC SYNTHESIS IN DISCOURSE

In the article the understanding of discursive meaning as the product of functional and semantic synthesis defining the process of birth of meaning as a conceptual system which is formed in the process of language operations, realizing artist's intention is suggested. The ability of linguistic units and categories to perform simultaneously a variety of functions creates in the discursive process the effect of «syncretism of forms», to the description of which the given research is devoted.

Key words: discourse, semantic synthesis, «syncretism of forms».

Статья поступила в редакцию 14/II/2016.

The article received 14/II/2016.

* *Danilova Nina Konstantinovna* (danilova_nina@mail.ru), Department of German Philology, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443011, Russian Federation.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются такие ключевые понятия, как антропоцентризм, дискурс и медиадискурс. Также анализируется антропоцентрический характер медиатекстов англоязычных СМИ.

Ключевые слова: антропоцентризм, дискурс, медиадискурс.

В последнее время исследователи уделяют большое внимание человеческому фактору в языке, антропоцентризму. Антропоцентризм стал одним из ведущих направлений лингвистических исследований на рубеже XX–XXI веков. Антропоцентрический принцип занимает особое место в науке о языке. Согласно данному принципу, говорящий человек способен проявить себя в языке в процессе его употребления. Человек растет в определенной социальной группе и приобретает знания и навыки в группе и социуме в целом. Они образуют наследие, которое принято называть культурой группы. Большинство антропологов единодушно выделяют среди всех аспектов культурного наследия два наиболее фундаментальных: орудия труда и речи. Важно понимать, что язык находится в тесной связи с человеком, его сознанием, деятельностью. Человек играет главную роль в процессе порождения и восприятия речи.

Е.С. Кубрякова относит антропоцентризм к отличительным чертам современной лингвистики. В процессе интеграции гуманитарных наук изучение человека становится многоаспектным и более полным [5, с. 197]. Современная лингвистическая парадигма ориентирована на человека как *homoloquens* и *homolingualis*, что активизирует исследование человеческого фактора в языке и языковой картине мира в целом. Описание тела и души человека, его мыслей и эмоций, вкуса и предпочтений и т. п. в сферах жизнедеятельности, процесса познания мира и его осмысления позволяет выявить не только образ человека, но и особенности его мировосприятия. Данный подход носит явный отпечаток идиозотического понимания бытия и самого человека.

Антропоцентризм в языке может отражать перцептивные, эмотивные, ментальные, прагматические и иные модусы отражения человека в языке. Кроме того, национальный язык как система миропонимания народа является той призмой, сквозь которую видят мир и самих себя его представители. «Человеческое присутствие» проявляется на всех уровнях языка в виде национально значимых концептов и категорий, в выражении оценки и экспрессивности, объективной и субъективной модальности, в формировании интерпретационного поля архетипических смыслов и т. д.

Антропоцентрические исследования в лингвистике напрямую связаны с исследованием такого сложного и многогранного явления, как дискурс. Это связано с тем, что человек, как объект антропоцентрических исследований, проявляет себя прежде всего в языке, используемом в рамках определенной социокультурной ситуации общения, т. е. в дискурсе. Понятие «дискурс» на протяжении уже нескольких десятилетий изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Согласно Т.А. ван Дейку, понятие «дискурс» следует рассматривать в узком и широком смысле.

* © Денисов Н.В., 2016

Денисов Никита Вячеславович (slash99@mail.ru), кафедра английской филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Рассматривая дискурс в широком смысле как комплексное коммуникативное событие, Т.А. ван Дейк говорит о том, что дискурс — это коммуникативное событие, которое происходит между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном контексте. В узком смысле Т.А. ван Дейк рассматривает как текст или разговор [2]. Исследователи выделяют только вербальную составляющую коммуникативного действия и говорят о ней как о «тексте» или «разговоре». В этом смысле термин «дискурс» обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия.

Н.Д. Арутюнова даёт следующее определение дискурса: «дискурс — это речь, погружённая в жизнь. Дискурс в данном случае — процесс, который приводит к образованию текста» [3].

С развитием СМИ и расширением объёмов размещения информации в сети исследователи выделяют такой подвид дискурса, как медиадискурс. Медиадискурс — достаточно новое явление, представляющее собой связанное информационное поле СМИ и распространяющее свое воздействие на различные социальные группы. Мы можем говорить о различных типах понимания медиадискурса, исходя из когнитивных установок адресанта (идеологическая направленность того или иного текста, идеи и отношение, которые в нем заложены), характеристик целевой аудитории, лингвистических и экстралингвистических стратегий подачи информации и т. п.

Медиадискурс сегодня не только отражает особенности массового сознания, но и организует его. Он организует массовое сознание за счёт формирования социально значимых смыслов. Слово медиадискурса само по себе обладает огромной воздействующей силой. Однако способ воздействия зависит от особенностей культуры. Многие события, происходящие в общественной жизни, считаются значимыми только при условии их освещения в СМИ. Журналисты могут задавать определённый тон сообщения и воздействовать на ход мыслей реципиента. Медиадискурс является сегодня ведущим типом дискурса, проникающим во все типы институционального общения, что обусловлено его тематической неограниченностью и стремлением в условиях быстро меняющегося мира осветить его значимые события.

Средства массовой информации не только передают информацию, но и путем осознанного отбора выделяют и субъективно интерпретируют события окружающей действительности, влияя на сознание личности и формируя общественное мнение. Особенность адресата медиадискурса состоит в его вовлеченности в прагматическую ситуацию. Тексты СМИ служат средством формирования и изменения ментальной модели мира в сознании адресата, т. е. носят воздействующий характер. Важно отметить, что таким адресатом в настоящее время является не отдельная личность, а социальные группы, члены которых имеют сходные социокультурные характеристики. В рамках нашего исследования мы обращаемся к проблеме изменения элементов ментальной модели мира [7].

Рассмотрим, каким образом англоязычный медиа-дискурс влияет на формирование и трансформацию такой составляющей ментальной модели мира, как человек, специфика языкового представления которой находит свое отражение в антропоцентрической лингвистике.

В анализируемой статье из журнала “Newsweek” на первый план выходит девиантное поведение человека, являющееся одним из компонентов ментальной карты человека, подверженной постоянным изменениям. Заглавие данной статьи звучит следующим образом: “Britain’s Youngest Terrorist Sentenced to Life”. Заглавие подсказывает нам, что речь пойдет о не обычном преступнике, а о самом молодом террористе Великобритании [4].

На скамье подсудимых оказался четырнадцатилетний гражданин Великобритании, обвиняемый в терроризме; его имя не разглашается. Автор статьи называет его не

иначе, как мальчишка, акцентируя внимание на его возрасте (*A 15-year-old British boy who plotted to behead police officers; the boy, from Blackburn, Lancashire, was 14 at the time he was arrested; the judge has ruled the boy will remain anonymous due to his age*). Он планировал и давал советы другому террористу из Австралии по тому, как лучше обезглавить полицейских во время проведения церемонии в память о жертвах Первой мировой войны. В ходе следствия было выяснено, что самый молодой террорист в истории Британии был связан с Исламским государством (организацией, запрещенной в России) – террористической организацией, с которой сейчас борется весь мир (*In March this year he used his smartphone to contact Australian SevdetBesim, an alleged jihadi, sending him advice about how to behead police officers during the World War I commemorations. The defendant became radicalized by Islamic State propaganda online*).

Такая характеристика человека, как жестокость, обозначается в медиадискурсе не эксплицитно, а путем указания на его намерения и советы (*taste of beheading – жестокое преступление рассматривается малолетним террористом как положительное действие путем употребления в высказывании слова с положительной коннотацией taste*).

На самом деле жестокость подростка не знает границ, поскольку он предложил своему «коллеге», перед тем как отправиться на свое первое дело, ворваться в любой дом и «почувствовать вкус обезглавливания» на обычных, ни в чем не повинных людях (*The defendant also suggested that Besim should “break in to someone’s house and get your first taste of beheading”*).

Во время судебного заседания адвокат обвиняемого пытался выгородить своего подзащитного, говоря о том, что тот поддерживал террориста из Австралии только морально и эмоционально, что он во всем раскаивается и признает, что поступил аморально и неправильно (*It is apparent that the defendant provided no more than emotional support. He accepts his crimes were barbaric, immoral and wholly wrong*).

Сторона обвинения, наоборот, пыталась убедить суд и предоставила доказательства того, что обвиняемый осознанно пошел на контакт с ИГИЛ (организацией, запрещенной в России), поскольку его привлекала идея джихада (*He was thoroughly and dangerously radicalized and committed to ISIS and the idea of violent jihad, and was, moreover, wired into the Isis network*). В данном случае говорится о его действиях, попытках связаться с ИГ – организацией, известной своей кровожадностью. Таким образом, такая составляющая ментальной карты человека, как «черта характера», заполняется посредством имплицитных средств и путем прямой номинации конкретным содержанием.

Во время разговора с психиатром малолетний террорист признался, что был бы очень рад, если бы его план удался (*He told a psychiatrist that he «would become notorious» if the crime succeeded*). Принимая во внимание все улики, судья приговорил обвиняемого к содержанию в исправительном сооружении [6, с. 49].

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что в рамках данной статьи, относящейся к британскому медиа-дискурсу, на первый план выходит такая составляющая когнитивной карты человека, как девиантное поведение.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Общая лингвистика. 1974. 322 с.
2. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.
3. Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994.
4. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. 317 с.

5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во II половине XX века // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. 420 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 182 с.
7. Stubbs M. Discourse Analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983.

References

1. Benvenist E. O sub»ektivnosti v iazyke [On subjectivity in language] in *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. M., 1974, 322 p. [in Russian].
2. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach [On the definition of discourse. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach]. London: Sage, 1998 [in English].
3. Vernadsky V.I. Zhivoe veshchestvo i biosfera [Living material and biosphere]. M.: Nauka, 1994 [in Russian].
4. Vinogradov S.I. Iazyk gazety v aspekte kul'tury rechi [Language of newspaper in the aspect of culture of speech] in *Kul'tura russkoi rechi i effektivnost' obshcheniia* [Culture of Russian speech and effectiveness of communication]. M.: Nauka, 1996, 317 p. [in Russian].
5. Kubryakova E.S. Evoliutsiia lingvisticheskikh idei vo II polovine XX veka [Evolution of linguistic ideas in the II half of the XX century] in *Iazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the end of the XX century]. M.: RGGU, 1995, 420 p. [in Russian].
6. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1990, 182 p. [in Russian].
7. Stubbs M. Discourse Analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983 [in English].

*N.V. Denisov**

ANTHROPOCENTRIC PATTERNS IN MEDIA DISCOURSE

The article deals with such key definitions as anthropocentrism, discourse and media discourse. The influence of a human factor in texts of foreign mass media was also analyzed.

Key words: anthropocentrism, discourse, media discourse.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* Denisov Nikita Vyacheslavovich (slash99@mail.ru), Department of English Philology, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА»

Статья посвящена проблеме определения стратегии перевода. Анализируются взгляды отечественных и западных переводоведов, касающиеся столь многомерного феномена, как «стратегия перевода». Делается попытка обоснования эффективности применения коммуникативно-функционального подхода к переводу в области выработки логически обоснованного определения исследуемой категории.

Ключевые слова: стратегия перевода, текстоцентрический подход к переводу, коммуникативно-функциональный подход к переводу, термин, дефиниция, определение.

Понятие «стратегия перевода», с одной стороны, очень популярно на современном этапе развития науки о переводе, а с другой стороны, «является одним из наименее определенных понятий переводоведения» [1, с. 110]. На самом деле под переводческой стратегией рядом исследователей понимаются и поведенческие характеристики переводчика, и тактика перевода, и конкретные переводческие операции, применяемые для достижения адекватности перевода. Говоря об особенностях процесса перевода как такового, такие ученые, как И.С. Алексеева, И.В. Войнич, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, оперируют терминосочетаниями «стратегия перевода» и «переводческая стратегия» как синонимическими понятиями. Более того, различные исследователи вкладывают разное содержание в понятие «стратегия перевода», вероятно, именно этим фактом во многом и вызвана проблема определения этого термина.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, сделав краткий обзор существующих научных позиций по изучаемой проблеме, представить те точки зрения современных отечественных переводоведов, касающиеся содержательной наполняемости термина «стратегия перевода», которые бы отличались логичностью и обоснованностью и в дальнейшем могли быть признаны в качестве точного определения такого дискуссионного феномена, как «стратегия перевода».

Прежде всего отметим тот факт, что, несмотря на свою широкую используемость в научной и учебной переводоведческой литературе, термин «стратегия перевода» до сих пор не зафиксирован в «Толковом переводоведческом словаре». Современные исследователи озабочены сложившейся ситуацией в области отсутствия четкой дефиниции этого понятия. Эта озабоченность наблюдается в книге Б. Димитровой «Expertise and Explication in the Translation Process», в которой исследователь обращает внимание на то, что существующие подходы к определениям «стратегии перевода» могут быть расклассифицированы следующим образом: классификации, основанные на исключительно текстовых характеристиках, и классификации, основанные на других критериях (например, при использовании метода «think aloud»). К числу первых ученых относит разграничение стратегий доместикации и форенизации. Ко вторым – разграничение стратегий преобразования переводного текста (ПТ) по сравнению с исходным текстом (ИТ), предложенное Честерманом. Димитрова обращается к глобальным стратегиям, выведенным Яаскелайнен, которые выполняют функцию направления переводческого процесса, приближая

* © Ивлева А.Ю., 2016

Ивлева Алина Юрьевна (trp_chair@mail.ru), кафедра теории речи и перевода, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

стратегии к принципам перевода. Дансетт, как полагает Димитрова, рассматривает стратегии как перечень неких предписаний, на основе которых осуществляются действия. Последние направлены на решение конкретной переводческой проблемы. Ученый заинтересован и подходом, проповедуемым Крингсом и Лершером, которые рассматривают стратегию перевода, исходя из принципа выработки коммуникативных стратегий в процессе изучения иностранного языка [2].

Названные нами выше научные подходы к определению содержания понятия стратегии перевода отличаются разнообразием. Однако еще более полифоничный обзор дефиниций рассматриваемого нами понятия можно обнаружить в статье А.Г. Витренко «О стратегии перевода». Анализируя точки зрения по проблеме определения стратегии перевода, высказанные в трудах А.Д. Швейцера, Н.А. Крюкова, А.Р. Миньяр-Белоручева, автор статьи приходит к мнению о том, что «стратегия перевода» как научное понятие при всей его наукообразности, «по сути дела обозначает не научное, а бытовое понятие, и вследствие этого терминологически неправомерно» [3, с. 15]. Вероятнее всего, исследователь приходит к столь пессимистическому заключению из-за того, что анализируемый термин используется учеными — теоретиками перевода в очень широком контексте. Например, А.Д. Швейцер употребляет термин стратегия и в значении программы переводческих действий, и в значении глобальных задач отдельных видов перевода. Кроме того, это же понятие используется корифеем отечественного переводоведения как принципиальный подход к решению частных проблем в рамках общей задачи [4]. А.Г. Витренко замечает, что употребление термина «стратегия» в значении общих переводческих подходов, как то: «стратегия девербализации», «стратегия буквального (вольного) перевода», «стратегия жанровой поэтической стилизации» — является достаточно частотным. В противовес такому пониманию исследователь указывает на случаи, когда «стратегия перевода» обозначает конкретные переводческие приемы, которые Швейцер включал в понятие «технология перевода», как, например, «стратегия ожидания», «стратегия подстановки прямых и синтаксических соответствий». Еще дальше в процессе фактического приравнивания стратегии перевода к методу перевода, по мнению Витренко, идет Р.К. Миньяр-Белоручев. Ученый действительно определял стратегию как целенаправленную систему «взаимосвязанных приемов, учитывающую вид перевода и закономерно существующие способы перевода» [5, с. 155].

Сделав обзор научных воззрений по проблеме определения стратегии перевода, А.Г. Витренко приходит к выводу о том, что «переводческая стратегия» — это некое переводческое мышление, мотивирующее действия переводчика. При этом понятие стратегии слишком амбигуентно, чтобы считаться научным, оно, по мнению ученого, носит бытовой характер [3, с. 9].

Считаем необходимым упомянуть тот факт, что разнообразные точки зрения на содержательную составляющую понятия «стратегия перевода» развиваются в рамках текстоцентрического, или лингвистического, подхода к переводу. То, что современные переводоведы отмечают в качестве слабых сторон классического подхода не является секретом и служит пищей для научного анализа сложившейся ситуации в области современной науки о переводе, когда явно назрел момент пересмотра ряда научных позиций во имя дальнейшего плодотворного развития отечественного переводоведения. Однако именно лингвистический подход позволил развиваться полифонии мнений и позиций по обсуждаемому вопросу, порой противоречащих и исключающих научное функционирование друг друга. В связи с этим представляется плодотворным продолжить обзор точек зрения, существующих по проблеме определения содержания термина стратегии перевода, имеющих место быть в рамках лингвистического подхода к переводу.

Если говорить огрубленно, то текстоцентрическому подходу к определению обсуждаемого понятия свойственны попытки экспликации стратегии как совокупности действий, осуществляемых переводчиком, либо как набору переводческих операций, направленных на решение конкретной переводческой проблемы. По мнению Т.А. Волковой, стратегия перевода сводится к совокупности взаимосвязанных переводческих приемов.

В позиции Д.Н. Шлепнева отсутствует приравнивание стратегии перевода к его тактике, обнаруживается понимание стратегий как набора переводческих операций, направленных на разрешение переводческих проблем [6]. Другой авторитетный исследователь в области теории перевода, И.С. Алексеева, воспринимает стратегию как постоянно изменчивую величину, которая изменяется в зависимости от специфики этапа перевода. Ученый считает, что стратегия перевода складывается на этапе предпереводческого анализа. На данном этапе переводчик решает ряд важнейших задач: сбор экстралингвистических сведений; определение источника, реципиента и цели перевода. Представляется несколько дискуссионным положение, высказанное ученым о том, что на этапе предпереводческого анализа текста можно точно определить, какие конкретно операции нужно будет осуществлять при собственно переводе и в какой последовательности они выстроятся. В сознании переводчика, безусловно, именно на этапе предпереводческого анализа возникают некие прогнозы относительно своей будущей деятельности, могут появиться некоторые вопросы, однако вряд ли на этом этапе возможно предположить всю последовательность переводческих действий.

Большой интерес представляет концепция стратегий перевода, предложенная В.Н. Комиссаровым. В принципе можно считать, что ее исходные постулаты применимы к переводческой деятельности в целом и составляют понимание переводческого мышления как такового. Ученый считает, что именно переводческое мышление формирует определенные стратегии; таким образом, теория как общее представление реализуется посредством стратегически оформленного действия [7]. Механизм разработки стратегии перевода связан с обращением к некоторым компонентам коммуникативной ситуации, но Комиссаров обращает наше внимание на то, что стратегия связана с переводом вообще, т. е. со всеми существующими переводческими актами. Следовательно, концепция ученого предполагает как элементы планирования, так и элементы реализации этого плана, поэтому становится очевидным, что стратегия перевода ученого носит «расширительный характер» [1].

Определение стратегии перевода, предложенное Н.К. Гарбовским, ориентировано на условия осуществления данного конкретного акта перевода. Стратегия Гарбовского, во-первых, основана на осознании переводчиком конкретной цели перевода, во-вторых, соотносена с генеральной линией поведения переводчика. Именно осознание переводчиком конечной цели перевода приводит его к выработке оригинальной переводческой концепции [8]. В предложенном определении нет указания на значимость роли коммуникативной ситуации, в которой используется перевод. Эта ситуация во многом формирует как переводческую концепцию, так и стратегию перевода. Необходимо отметить, что понимание стратегии перевода Гарбовским несколько не вписывается в рамки традиционного лингвистического подхода к переводу. Его концепция в большей степени, чем рассмотренные нами выше, соответствует основным принципам коммуникативно-функционального подхода к переводу, окончательное оформление которого можно наблюдать в монографии В.В. Сдобникова «Перевод и коммуникативная ситуация». Концепция стратегии перевода, предложенная Гарбовским, учитывает реальные условия, в которых протекает переводческая деятельность, осознает все многообразие возможных условий, продиктованное коммуникативными ситуациями, в которых используется перевод.

Краткий обзор основополагающих взглядов, отражающих основные моменты текстоцентрического подхода к определению содержательной наполняемости понятия «стратегия перевода», позволяет сделать следующие выводы: 1. Существующие определения стратегии перевода в полной мере не отображают механизм формирования стратегии перевода; 2. В существующих определениях роль экстралингвистических факторов сведена к минимуму; 3. Существующие определения во многом противоречат друг другу, этот факт приводит к возникновению их бесконечно возможного количества, лишая понятие четкой дефиниции.

Внимательно изучив современные научные работы, целью которых является анализ понятия «стратегия перевода», мы хотели бы остановить свое внимание на главе из монографии В.В. Сдобникова, о которой мы уже говорили выше, «Типы стратегий перевода. Тактики перевода, переводческие операции», посвященной выработке дефиниции стратегии перевода в рамках коммуникативно-функционального подхода.

Отличительной чертой авторского подхода к разрешению поставленных перед исследователем задач являются четкое последовательное изложение материала, всесторонний анализ абсолютного большинства научных работ, существующих по избранной тематике, подкрепление выводов значительным иллюстративным материалом, почерпнутым из собственной практической деятельности. Прежде всего В.В. Сдобников определяет понятие «стратегия» в принципе. Детально обсудив все проблемы, связанные с размытостью семантики термина, исследователь опирается на определения, данные в словарях С.И. Ожегова, русского языка, и выводит из них следующие семы: «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах», «...содержащий общие основные установки, важные для подготовки и осуществления чего-либо» [1, с. 124]. Дефиниции существительного (стратегия) и прилагательного (стратегический) объединяет указание на наличие семы подготовки, планирования какого-либо действия. В этом, по мнению автора, заключается сама суть стратегии. Таким образом, стратегия подразумевает планирование будущих действий, их соотнесение с определенными условиями и конкретной целью. Придя к выводу о том, что содержание общего понятия «стратегия» коррелирует с содержанием военного термина, исследователь обращает наше внимание на планирование деятельности, согласно конкретным условиям, в которых эта деятельность будет протекать.

В отличие от многих лингвистов, не злоупотребляющих обращением к достижениям других областей гуманитарного знания, кроме как к собственно лингвистическим, В.В. Сдобников широко использует в своих научных исследованиях междисциплинарные данные. Так, для наиболее точного представления о сути понятия деятельности, без которого дефиниция стратегии перевода, безусловно, будет неполной, ученый обращается к работам известного психолога А.А. Леонтьева. Последний, определяя «деятельность», называет ее основные составляющие: мотив, цель, средство. Предложенную Леонтьевым модель деятельности автор считает возможным экстраполировать на деятельность, которая включает в себя такие этапы, как: ориентировка в ситуации, формирование мотива, формирование цели деятельности, планирование деятельности, осуществление деятельности. Отсюда исследователь делает вывод о том, что «механизм выработки стратегии осуществления деятельности включает... уяснение специфики ситуации, формирование ее образа и планирование поведения субъекта в определенной ситуации» [1, с. 127]. Согласованность рассуждений с точкой зрения, предлагаемой психологией, приводит автора к осознанию того, что основными составляющими (компонентами) стратегии можно считать ориентировку в ситуации, формулирование цели, прогнозирование и планирование. Что касается первого компонента, то переводчик устанавливает того, кто является инициатором перевода, определяет его ожидания в отношении перевода и действий самого переводчика. Следующий компонент, связанный с формулированием цели, трактуется В.В. Сдобниковым как формулировка цели перевода, как некое руководство к последующим действиям. Компонент прогнозирования включает в себя ориентирование переводчика в коммуникативной ситуации, которое служит основанием для осуществления деятельности прогнозирования относительно возможных изменений коммуникативных ситуаций и реакций со стороны коммуникантов. Четвертый компонент — планирование, направлен на достижение определенной цели. Автор полагает, что специфика коммуникативной ситуации позволяет переводчику запланировать осуществление того или иного вида перевода. Цепь рассуждений приводит исследователя к утверждению о том, что на этапе планирования осуществляется не только планирование определенного вида перевода, но и предполагается определенная линия поведения переводчика. Отсюда автор делает вывод о том, что стратегичес-

кое планирование характера поведения переводчика — необходимый элемент достижения цели перевода. Это и делает компонент планирования основополагающим звеном стратегии перевода. Сравнив характеристики поведения переводчика с общим определением поведения, данным в психологическом словаре, В.В. Сдобников интерпретирует характер поведения переводчика с точки зрения тех особенностей деятельности на этапе осуществления перевода, которые проявляются в совершении конкретных действий, служащих для успешного достижения цели перевода. Считая профессиональное поведение неотъемлемым элементом стратегии перевода, ученый предлагает рассматривать это поведение, исходя из трех составляющих его компонентов. Это общее представление переводчика о специфике коммуникативной ситуации, в которой протекает перевод; технологический аспект перевода; поведенческий аспект. Таким образом, по мысли ученого, стратегия перевода должна быть выработана с учетом ориентировки переводчика в коммуникативной ситуации. Важнейшим параметром коммуникативной ситуации выступает цель осуществления перевода, которая в значительной степени определяет стратегию перевода. Стратегия, в свою очередь, диктует линию поведения переводчика в процессе осуществления перевода, которая наблюдается в совершении некоторых действий и использовании определенных тактик, благодаря которым достигается цель перевода.

В качестве итога своих рассуждений В.В. Сдобников предлагает следующее определение стратегии перевода: «стратегия перевода — это общая программа осуществления переводческой деятельности в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [1, с. 135].

На наш взгляд, данное определение стратегии перевода является наиболее аргументированным, четким и логически выстроенным. Ориентирование исследователей на эту дефиницию позволит теоретикам и практикам перевода выйти из поля многозначности понятия «стратегия перевода», которое существовало до сих пор, и быть предельно внимательными в формулировании тем своих научных изысканий, избегая такого некорректного применения термина «стратегия», как, например, «стратегии перевода безэквивалентной лексики». Кроме того, данное определение вбирает в себя основные прогрессивные моменты лингвистического подхода к переводу, делая переход от текстоцентрического подхода к коммуникативно-функциональному не революционным, а эволюционным шагом, что является несомненным плюсом, если принять во внимание предыдущий опыт развития как человеческой истории, так и научной мысли. Предложенное В.В. Сдобниковым определение стратегии перевода окончательно развенчивает все еще существующий миф о том, что «... на настоящий момент еще нет абсолютно ясного представления о том, какие стратегии и тактики имеют право назваться таковыми» [9, с. 31].

Выработка четкого определения содержания понятия «стратегия перевода» является залогом познания закономерностей перевода. Определяя понятие, ученый и его последователи начинают разрабатывать определенный подход к изучению (в нашем случае) перевода. И если последний мыслится не как самоцель, а как вид человеческой деятельности, то открываются очевидные перспективы дальнейшего развития науки о переводе. Остается надеяться на то, что научное сообщество признает предложенный подход и примет выработанное определение стратегии перевода.

Библиографический список

1. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 464 с.
2. Dimitrova Birgitta Englund. Expertise and Explicitation in the Translation Process. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. 297 p.

3. Витренко А.Г. О «стратегии перевода» // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 536: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода / отв. ред. Д.И. Ермолович. С. 3–17.
4. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 280 с.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
6. Шлепнев Д.Н. Стратегия переводчика // Проблемы языка, перевода и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. Серия: Язык. Культура. Коммуникация. Вып. 3. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. С. 211–229.
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
8. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
9. Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода. М.: Флинта: Наука, 2010. 128 с.

References

1. Sdobnikov V.V. *Perevod i kommunikativnaia situatsiia: monografiia* [Translation and communicative situation: monograph]. М.: Flinta: Nauka, 2015, 464 p. [in Russian].
2. Dimitrova Birgitta Englund. *Expertise and Explication in the Translation Process*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005, 297 p. [in English].
3. Vitrenko A.G. О «strategii perevoda» [About «translation strategy»]. *Vestnik MGLU.. 2008. Vyp. 536: Sopostavitel'naia lingvistika i voprosy perevoda / отв. red. D.I. Ermolovich* [Vestnik of MSLU, 2008, Issue 536: Comparative linguistics and questions of translation]. D.I. Ermolovich (Ed.), pp. 3-17 [in Russian].
4. Shveitser A.D. *Teoriia perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status, problems, aspects]. М.: Nauka, 1988, 280 p. [in Russian].
5. Minyar-Beloruhev R.K. *Obshchaia teoriia perevoda i ustnyi perevod* [General theory of translation and interpreting]. М.: Voenizdat, 1980, 237 p. [in Russian].
6. Shlepnev D.N. *Strategiia perevodchika* [Strategy of translator] in *Problemy iazyka, perevoda i mezhkul'turnoi kommunikatsii: sb. nauch. tr. Seriya «Iazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia». Vyp. 3* [Problems of language, translation and intercultural communication: collection of research papers. Series: «Language. Culture. Communication». Issue 3]. N. Novgorod: NGLU im. N.A. Dobroliubova, 2002, pp. 211–229 [in Russian].
7. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie* [Modern theory of translation: textbook]. М.: ETS, 2001, 424 p. [in Russian].
8. Garbovsky N.K. *Teoriia perevoda: uchebnyk* [Theory of translation: textbook]. М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004, 544 p. [in Russian].
9. Volkova T.A. *Diskursivno-kommunikativnaia model' perevoda* [Discursive and communicative model of translation]. М.: Flinta: Nauka, 2010, 128 p. [in Russian].

А.Ю. Ивлева*

ON THE PROBLEM OF «TRANSLATION STRATEGY» DEFINING

The article deals with the problem of translation strategy defining. The approaches of both Russian and foreign specialists in translation connected with this question are analyzed. The attempt to reason the effectiveness of the communicative-functional approach usage towards the understanding of the translation strategy is made in order to work out a logical and full definition of the analyzed phenomenon.

Key words: translation strategy, linguistic approach to translation, communicative-functional approach to translation, term, definition.

Статья поступила в редакцию 12/II/2016.

The article received 12/II/2016.

* *Iвлева Алина Юрьевна* (trp_chair@mail.ru), Department of Speech Theory and Translation, Foreign Languages Department, Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

ЦИФРОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

Статья посвящена проблеме манипуляции информацией в российских СМИ. Рассматривается один из манипулятивных приемов – включение в текст цифровой информации. Особое внимание уделяется изучению целей использования и описанию средств выражения данного приема. Приводятся примеры из современных общественно-политических изданий («Российская газета», «Известия», «Новая газета», «Московский комсомолец»).

Ключевые слова: язык СМИ, цифровая информация, медиатекст, манипуляция информацией, политическая лингвистика.

Средства массовой информации – важнейший инструмент воздействия на широкую аудиторию. С развитием телевидения, радио, печатных изданий и Интернета влиять на адресата стало гораздо легче. Зачастую СМИ не просто информируют нас о случившихся событиях, но и искажают объективную картину мира. Интерпретация и подача информации зависят непосредственно от политики того или иного издания. А аудитория пока не привыкла критически воспринимать медиатексты, считая их достоверным источником информации. Это приводит к тому, что «путем манипулирования в сознание адресата внедряются идеи, образы, стереотипы, ассоциации, которые могут незаметно для объекта воздействия полностью изменить его отношение к определенным явлениям» [1, с. 12]. Под манипуляцией понимается «воздействие на адресата без осознания им этого воздействия, то есть навязывание автором с помощью определенных языковых и неязыковых приемов авторской точки зрения как достоверной и единственно возможной» [2, с. 25].

Манипулируя информацией, СМИ создают необходимый образ действительности. Различные средства, способы, приемы, стратегии и тактики позволяют им смещать акценты в нужную сторону незаметно для адресата. Одним из способов манипуляции является введение в текст цифровой информации. В современной российской прессе довольно часто встречаются цифры. Они передают результаты разнообразных опросов, статистических исследований социально значимых событий. Мы попытаемся проанализировать случаи, когда цифры в газетном тексте используются в манипулятивных целях. Материалом послужили статьи общественно-политической тематики, опубликованные в «Российской газете», «Известиях», «Московском комсомольце», «Новой газете». «Цифровая информация придает материалам большую объективность, наглядность, доказательность» [3, с. 76]. Следует отметить наметившуюся тенденцию: наглядность в газетном тексте проявляется особым образом – цифровая информация все чаще принимает форму инфографики. «Под инфографикой понимается

* © Навасартян Л.Г., 2016

Навасартян Лариса Гагиковна (chaika115@mail.ru), кафедра русского языка и речевой коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

справочная или иллюстрированная статистическая информация, представленная различными методами визуализации: при помощи графиков, диаграмм, гистограмм, ментальных карт (mind map — карты памяти), временных шкал (один из основных принципов анимированной инфографики) и т. д. Такая форма подходит для быстрого представления большого количества информации» [4, с. 220]. Инфографика показывает и отношения между сообщаемыми фактами. Цифры становятся сильным аргументом при обсуждении какой-либо проблемы. «Мы верим в то, что если доказательство сопровождается формулами, цифрами, подсчетами разного рода, оно бесспорно. <...> Цифра — символ того, что аргумент выдвигается не просто так, а он научно проверен, проведены некие исследования, подведены их итоги, а результаты выражены в цифрах» [2, с. 26]. На эту доверчивость и опираются журналисты, когда прибегают к манипулированию. В этом случае цифры выступают как средство воздействия. Во-первых, они привлекают внимание читателя, так как выделяются при восприятии текста, тем самым лучше откладываются в сознании [5]. Во-вторых, искусно преподнесенная статистика способна исказить реальность, создавать сенсации, преувеличивать или преуменьшать значение события, а также вызывать необходимую адресанту эмоциональную реакцию. Непредвзятость и объективность результатов зависят от многих факторов — формулировки вопроса, ответов респондентов, личности журналиста, репрезентативности выборки. К примеру, если выборка неправильно отобрана или невелика, то и результаты не дадут точного представления о ситуации, а «единственным достоинством будет разве что иллюзорное впечатление научной точности» [6, с. 21]. Опираясь на такие как будто бы объективные данные, адресат приходит к неправильным выводам. Тем самым он становится объектом манипулятивного воздействия. Наш материал показывает, что данные статистики, опросов не всегда придают точность информации. Перепроверить их зачастую невозможно, так как необходимая информация об источнике, респондентах умалчивается.

В предвыборный период статистика помогает выявить предпочтения избирателей. Но в то же время здесь важна объективность данных, поскольку они могут повлиять на тех, кто не определился с выбором. Так, например, в период президентских выборов 2012 года в Москве проходили митинги в поддержку кандидатов. Об их масштабе читатель мог судить по количеству участников: *«23 февраля, в День защитника Отечества, трое из пятерых кандидатов в президенты провели свои протестные акции и шествия. Лидер ЛДПР Владимир Жириновский собрал 3,5 тысячи сторонников в центре столицы. Примерно в одно время с либерал-демократами в Театральном проезде собрались коммунисты. Из заявленных 5 тыс. человек, по данным полиции, пришли около 2 тыс.; самым многочисленным оказался митинг в Лужниках в поддержку Владимира Путина — около 130 тыс. человек. Эта акция оказалась еще и самой длительной по времени и максимальной по километражу: около 30 тыс. человек прошли до Лужников от Фрунзенской набережной»* (Известия. 23.02.2012).

Данные о численности участников массовых акций от организаторов и полиции зачастую сильно разнятся. Источником информации в примере является полиция, однако в достоверности количества участников акции можно усомниться, поскольку не уточняется подразделение («по данным полиции»). Сведения об источнике являются довольно обобщенными и неопределенными. Цифры подчеркивают, что у В. Путина гораздо больше сторонников, чем у его оппонентов. При описании митинга в его поддержку используются прилагательные в превосходной степени («самый многочисленный», «самый длительный по времени и максимальный по километражу»), что также усиливает воздействие на адресата. На наш взгляд, в преддверии выборов эти данные могут повлиять на избирателей, склонить их на сторону того кандидата, которого поддерживает большинство. По количеству сторонников следом за В. Пути-

ным идет В. Жириновский. На третьем месте оказался лидер коммунистической партии Г. Зюганов.

В эти же дни на сайте «Новой газеты» проводился опрос: «Как бы вы проголосовали, если бы выборы состоялись сегодня?». Результаты опроса показали совершенно иную картину: 2 % читателей проголосовали бы за Жириновского, 11 % – за Зюганова, 13 % – за Миронова, 17 % – за Прохорова, а всего лишь 4 % – за Путина. 47 % ответили, что испортили бы бюллетень, а 6 % решили и вовсе не ходить на выборы. Указано количество проголосовавших – 108 071 человек.

Согласно этим данным, наименьшее количество голосов набрали В. Жириновский и В. Путин (напомним, что, по данным «Известий», у них было много сторонников). Лидирует среди кандидатов М. Прохоров. Опрос также показывает настрой избирателей. Многие читатели никого не поддерживали, следовательно, не готовы были отдать свои голоса за данных кандидатов: **Более 47 % наших политизированных читателей ответили: раз нет графы «против всех», то они придут на участки и испортят свои бюллетени.** <...> Похоже, сейчас партия «Против всех» легко бы преодолела семипроцентный барьер на выборах в Думу, а 4 марта сильно попортит кровь претендентам на президентский пост» (НГ. 24.02.2012).

Возможно, на результаты опроса «Новой газеты» повлияла оппозиционность издания. Ведь, как мы знаем, в действительности итоги выборов были совсем иные. С большим отрывом, без препятствий победил В. Путин: «По результатам обработки 99,79 % протоколов премьер набрал 63,66 % голосов; на втором месте – лидер КПРФ Геннадий Зюганов, для которого это уже четвертая предвыборная кампания. У главы Компартии – 17,18 %. Третье место – у самовыдвиженца Михаила Прохорова (7,92 %). Следом с небольшим отрывом идет либерал-демократ Владимир Жириновский (6,22 %). Замыкает пятерку кандидатов лидер «Справедливой России» Сергей Миронов – у него 3,85 %. Явка, по последним данным, составила 65,3 % избирателей, что соответствует почти 72 млн проголосовавших» (Известия. 05.03.2012). Таким образом, цифры в данных статьях не передают реальное положение дел. Они носят больше воздействующий характер, т. е. используются, чтобы ввести читателя в заблуждение, подвести его к нужным выводам.

В прессе появляется множество версий, которые расходятся с действительностью. Статистические данные могут быть политизированы. Например, проправительственные издания, полиция занижает численность участников на оппозиционных мероприятиях. Так, 27 февраля 2015 г. видный российский политик Борис Немцов был застрелен в центре Москвы (на Большом Москворецком мосту). Он был одним из организаторов оппозиционного марша «Весна», который должен был состояться 1 марта в Марьино. Его убийство вызвало широкий общественный резонанс, и вместо марша было проведено траурное шествие в центре Москвы. Это было крупнейшее событие, однако его значимость сознательно занижается: «**Благодаря смерти Бориса Немцова в первый раз за всю историю протестного движения оппозиция прошла маршем в максимальной близости к стенам Кремля; по опросам социологов, 81,2 % респондентов даже не слышали о готовящейся акции, из чего можно сделать вывод о довольно небольшой численности участников в случае его проведения. Но после случившейся трагедии почтить память политика пришло, по разным оценкам, от 16,5 тыс. до 23 тыс. человек**» (Известия. 01.03.2015).

Смерть политика преподносится как благоприятное условие («благодаря смерти»), которое позволило оппозиции пройти «в максимальной близости к стенам Кремля» и предопределило многочисленность шествия. В качестве аргумента приводятся результаты опроса («81,2 % респондентов даже не слышали о готовящейся акции»). Однако они искажают представление о событии, так как о марше было известно из публика-

ций в Интернете, в социальных сетях, а за несколько часов до убийства Б. Немцов лично в эфире популярной радиостанции «Эхо Москвы» приглашал на него всех слушателей. Цифра 81,2 % явно преувеличена. А количество участников (*от 16,5 тыс. до 23 тыс. человек*) преуменьшается, что подтверждается информацией из «Новой газеты»: *«по данным проекта “Белый счетчик”, на воскресный марш памяти Бориса Немцова пришло 52,3 тыс. человек — изначально они объявили другую цифру, на тысячу меньше, но потом нашли опечатку в своих таблицах. Впрочем, эта ошибка — в пределах погрешности: она составляет 3–3,5 % (НГ.04.03.2015).* Проект «Белый счетчик» занимается подсчетом людей на митингах с помощью волонтеров и программы автоматического анализа видео. На сайте проекта можно проверить данные, посмотрев отчет. А в первом случае в объективности и достоверности данных можно усомниться, так как их невозможно проверить и не указывается, какого рода были опросы, чьи это оценки (*«по опросам социологов», «по разным оценкам»*).

Необходимо внимательно вчитываться в газетный текст, так как не всегда выводы, к которым подводит журналист, совпадают с реальными фактами. В другой статье, где речь идет об улучшении демографической ситуации в стране, автор приходит к выводу, что в России смертность населения снизилась, а рождаемость возросла: *«Россия впервые обогнала Советский Союз по числу новорожденных граждан. Больше всего детей с 1990 года появилось на свет в России за минувшие 12 месяцев. В 2012 в стране родилось 1 896,3 тысячи младенцев, что на 102 400 больше, чем годом ранее. Еще одна впечатляющая цифра — естественная убыль населения. В 2012 году она составила 2 573 человека. “Это в 51 раз меньше, чем в 2011 году”, — сообщил министр труда и соцзащиты Максим Топилин. Таким образом, число рождений и смертей в России практически сравнялось».* Однако в этой же статье чуть ниже написано: *«Ежегодная скорбная статистика такова: в 2012 году в России за год умерло 1 898,8 тысячи человек. Но все же это на 26,2 тысячи человек меньше, чем в 2011 году» (РГ. 07.02.2013).*

Цифры здесь отражают важную социальную проблему. Сравнение сначала идет с несуществующим Советским Союзом, а потом с предыдущим годом, хотя разница между ними составляет 13 лет (*«на 102 400 больше, чем годом ранее», «в 51 раз меньше, чем в 2011 году», «на 26,2 тысячи человек меньше, чем в 2011 году»*). Читателю ничего не остается, кроме как верить подсчетам на слово, так как данные за 2011 год в статье не приводятся. Учитывая, что естественная убыль населения — разница между смертностью и рождаемостью, и если вычтешь из количества умерших за год число родившихся младенцев, то получится 2 500 человек, а в статье указано 2 573. Информация некорректно подается автором статьи, который, говоря об улучшении демографической ситуации в стране, пытается доказать эффективность государственных проектов в сфере медицины и программ поддержки молодых семей. Возможно, есть прогресс в этой сфере по сравнению с 2011 годом, но приведенные данные не позволяют утверждать, что в России установился баланс между уровнем рождаемости и смертности.

Манипуляторы выбирают те данные статистики, которые им нужны для подтверждения своей точки зрения. Примером может служить статья, где речь идет об открытии в аэропорту Шереметьево Центра по борьбе с аэрофобией. Сначала читателю предлагается провести вычисления и самому убедиться в том, что самолет — самый безопасный вид транспорта, которого не стоит бояться: *«По статистике в мире ежегодно в авиакатастрофах погибает 1–2 тысячи людей. На дорогах же только в одной России каждый год уходят из жизни 35 000 человек. А в мире это число зашкаливает за один миллион! То есть на одного пассажира, погибшего в результате авиакатастрофы, приходится 1 000 человек, погибших в результате дорожной аварии» (РГ. 14.03.2013).* По какой статистике? Откуда она взята? Как она высчитывалась? Почему сравниваются именно авиа- и автокатастрофы? Естественно, на эти и

другие возникающие вопросы мы не найдем ответа, поскольку сведения статистики никак не комментируются. Отметим, что манипуляция предполагает создание иллюзии самостоятельности принятия решений у адресата. В данном случае такая статистика меняет отношение к полетам.

Далее данные другой статистики используются для обоснования необходимости открытия Центра по борьбе с аэрофобией: *«В том, что курсы для аэрофобов необходимы, усомниться сложно: по данным статистики, боязнь полетов страдают около 30 процентов авиапассажиров. И как раз одна из причин организации подобных курсов — попытка заставить пассажиров отказаться от употребления алкоголя на борту самолетов. Ведь многие пассажиры пьют перед полетом и во время него только для того, чтобы “погасить” свой страх»* (РГ. 14.03.2013). Пассажиры боятся летать на самолетах, поэтому пьют и, как следствие, дебоширят. Подтверждением этой мысли служит цифровая информация, причем не указывается ее источник: *«За два первых месяца 2013 года к административной ответственности за пьянство в самолетах и аэропортах России было привлечено более трех тысяч человек. Еще 305 путешественников задержали за мелкое хулиганство. Масштабность пьяных выходок наших туристов завораживает. Только в январе, в московском международном аэропорту “Шереметьево” по решению капитанов экипажей лайнеров было снято 15 пассажиров. В “Домодедово” из самолетов пришлось высадить еще 9 путешественников. И это не считая тех туристов, которых не пустили на борт за пьяные драки или разрешили лететь, несмотря на скандалы и пьяные выходки. Статистика пьяных дебошей российских путешественников за год еще печальнее: в 2012 году к ответственности было привлечено 22 тысячи пьяных туристов, а за мелкое хулиганство заставили заплатить 2 тысячи человек»* (РГ.14.03.2013).

В связи с присоединением Крыма (март 2014 г.) в отношении РФ были введены экономические санкции. Прекращение импорта многих европейских товаров, падение цены на нефть привели к серьезным трудностям в российской экономике. Но в прессе дается разная оценка этим событиям: *«Недавний социологический опрос «Левада-центра» показал, что 69 % россиян уверены в том, что Россия в ответ на санкции Запада должна продолжать свою политику. При этом число тех, кто считает, что санкции создали для них проблемы, составило 34 % от числа опрошенных. В то же время 57 % заявили, что никаких проблем санкции для них не создали. Санкции Запада по-прежнему тревожат меньшую часть населения»* (Известия. 03.02.2015).

Однако еще в ноябре 2014 г. в «Московском комсомольце» были опубликованы совсем другие данные: *«Эйфория по поводу присоединения Крыма сменяется тревогой: по последним данным “Левада-центра”, более половины россиян в той или иной степени опасаются снижения уровня жизни и экономического кризиса из-за присоединения Крыма к России. 64 % опрошенных уже отметили для себя рост цен в связи с западными санкциями, 61 % ожидает роста цен и ухудшения уровня жизни в будущем. Судя по этим данным, около 5 % кризиса ждут, но с событиями на Украине его не связывают. И только 23 % полагают, что бояться нам нечего»* (МК. 12.11.2014).

Данные противоречат друг другу. В первом случае больше половины опрошенных (57 %) не ощутили последствия санкций, т. е. не заметили ни роста цен на продукты и услуги, ни резкое падение рубля, ни рост безработицы. А во втором — совершенно противоположная картина (*«64 % опрошенных уже отметили для себя рост цен в связи с западными санкциями»*). Одна и та же ситуация оценивается по-разному. Интерпретация информации зависит от политики издания. В «Известиях» стараются подчеркнуть консолидацию населения с властью (*«69 % россиян уверены в том, что Россия в ответ на санкции Запада должна продолжать свою политику»*). А в «МК» вывод выносится в заголовок статьи *«Крым выходит боком каждому второму»*, а комментарии к цифрам вовсе отсутствуют.

Таким образом, цифровая информация в медиатекстах выполняет и информативную, и воздействующую функцию. «В журналистике всегда важно сообщить аудитории количественные показатели: политические, экономические, демографические, культурные. Поэтому тексты СМИ насыщены цифрами, процентами, сравнениями» [7, с. 182]. Цифры дают представление о масштабе события, определяют степень важности социальных проблем. Цифры служат аргументацией авторской позиции и оценки события. Однако в современной прессе они могут использоваться в манипулятивных целях и выступать как средство воздействия. Необъективные, недостоверные данные влияют на восприятие информации, приводят адресата к неправильным выводам, представляют картину лучше или хуже, чем она есть на самом деле. Для наглядности и привлечения внимания вводится инфографика: результаты опросов даются в виде диаграмм.

Цифры не всегда свидетельствуют о достоверности фактов. Статистические данные необходимо проверять с помощью простых вопросов: Кто это говорит? Откуда ему это известно? Чего не хватает? Не подменен ли объект исследования? Есть ли в этом смысл? [6]. Необходимо учитывать, что данные могут быть неверно собраны, интерпретированы и представлены под определенным углом зрения. Манипулируя информацией, СМИ искажают реальность и создают необходимый им образ действительности в сознании адресата.

Библиографический список

1. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2009. 234 с.
2. Виноградова С.А. Манипулятивный характер числительных в рекламном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6(25). С. 24–27.
3. Тertychnyy A.A. Цифра – материя тонкая // Журналист. 2006. № 1. С. 76–78.
4. Симакова С.И. Инфографика: визуализация цифрового контента // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 3. С. 219–226.
5. Симакова С.И. Цифра в газетном тексте (на примере рекламно-информационной газеты «Интересное предложение») // Вестник Челябинского университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 48. № 32(213). С. 128–131.
6. Хафф Д. Как лгать при помощи статистики. М.: Альпина Паблишер, 2015. 163 с.
7. Бондарчук Н.Н. Число в журналистском тексте // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25–27 сент. 2008 г.): в 2 т. / под ред. М.Ю. Казак [и др.]. Белгород: БелГУ, 2008. Т. 2. С. 182–187.

Список источников выборки и принятые сокращения

1. Известия.
2. Новая газета – НГ.
3. Российская газета – РГ.
4. Московский комсомолец – МК.

References

1. Danilova A.A. Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii [Manipulation by a word in mass media]. M.: Dobrosvet, Izdatel'stvo KDU, 2009, 234 p. [in Russian].
2. Vinogradova S.A. Manipuliativnyi kharakter chislitel'nykh v reklamnom diskurse [Manipulative character of numerals in advertising discourse]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The world of science, culture and education], 2010, no. 6(25), pp. 24–27 [in Russian].
3. Tertychnyy A.A. Tsifra – materiia tonkaia [A number is a delicate thing]. *Zhurnal'ist* [Journalist], 2006, no. 1, pp. 76–78 [in Russian].

4. Simakova S.I. Infografika: vizualizatsiia tsifrovogo kontenta [Infographics: visualization of digital content]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev], 2012, no. 3, pp. 219–226 [in Russian].

5. Simakova S.I. Tsifra v gazetnom tekste (na primere reklamno-informatsionnoi gazety “Interesnoe predlozhenie”) [Number in the newspaper text (on the example of advertising and information newspaper “Interesting proposal”)]. *Vestnik Cheliabinskogo universiteta. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser.: Philology. Study of art], 2010, Issue 48, no. 32(213), pp. 128–131 [in Russian].

6. Huff D. Kak lgat’ pri pomoshchi statistiki [How to lie with statistics]. M.: Al’pina Pabliisher, 2015, 163 p. [in Russian].

7. Bondarchuk N.N. Chislo v zhurnalistskom tekste [A number in the journalist text] in *Zhurnalistika i mediaobrazovanie-2008: sb. tr. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Belgorod, 25–27 sent. 2008 g.): v 2 t. Pod red. M. Iu. Kazak [i dr.]* [Journalism and mediaeducation-2008: collection of research papers of the III International research and practical conference (Belgorod, 25–27 Sept. 2008): in 2 Vols. M.U. Kazak [et al.] (Eds.)]. Belgorod: BelGU, 2008, Vol. 2, pp. 182–187 [in Russian].

List of references links and abbreviations used:

1. Izvestia.
2. Novaia Gazeta – NG.
3. Rossiiskaia gazeta – RG.
4. Moskovskii komsomolets – MK.

*L. G. Navasartyan**

DIGITAL INFORMATION AS MEANS OF MANIPULATION IN THE MODERN PRESS

The article is devoted to the manipulation of information in the Russian mass media. It is dealt with one manipulative method – introduction of digital information into the text. Special attention is drawn to the study of purposes of using and to the description of the expression means of this method. Examples from modern social and political publications (“Rossiiskaya Gazeta”, “Izvestia”, “Novaya gazeta”, “Moskovskiy Komsomolets”) are given.

Key words: language of mass media, digital information, media text, manipulation of information, political linguistics.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.

The article received 15/XII/2015.

* *Navasartyan Larisa Gagikovna* (chaikal15@mail.ru), Department of Russian Language and Speech Communication, National Research Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье предпринята попытка проанализировать фразеологические синонимы агульского языка, определить понятия фразеологического синонима, типов фразеологических синонимов, а также характерные особенности, отличающие фразеологическую синонимию от лексической.

Ключевые слова: синоним, фразеологизм, агульский язык, значение, фразеословосочетания.

Анализируя фразеологический материал агульского языка, необходимо рассмотреть вопросы синонимии фразеологических единиц (ФЕ). В научной литературе по данному вопросу встречаются самые различные мнения. Прежде всего, следует определить понятия фразеологического синонима, типов фразеологических синонимов, а также характерные особенности, отличающие фразеологическую синонимию от лексической.

Известно, что в лексике есть слова с различной звуковой оболочкой, которые имеют одинаковое или близкое предметно-логическое содержание. Такое же явление наблюдается и во фразеологии, где во многих устойчивых словосочетаниях значение либо полностью совпадает, либо имеет определенные семантические или стилистические оттенки.

Определение фразеологических синонимов несколько сложнее, чем лексических, что объясняется, прежде всего, многогранностью самого явления синонимии и, кроме того, сложностью природы ФЕ, их разнородностью по грамматической структуре и по степени спаянности входящих в них компонентов. Как и среди лексических синонимов, среди фразеологических синонимов агульского языка имеются единицы, отличающиеся друг от друга семантическими оттенками. Эти оттенки, например, могут характеризовать степень интенсивности протекания действия, показывать характер протекания действия. Например, соматические ФЕ агульского языка *сивилрукъалиф* «рот держать на замке» и *сивихъедайеф* «в рот воды набрать» обозначают разные оттенки понятия «молчать».

Фразеология располагает также определенным количеством синонимических единиц, отличающихся сферой употребления. При одинаковых значениях они могут употребляться в разных стилях языка. Такие фразеологические синонимы могут быть названы стилистическими. Одной из основных внешних причин возникновения фразеологических синонимов у различных видов идиоматики является постоянно действующая в языке тенденция к созданию дополнительных оттенков, например, повышенной экспрессии. Подавляющее большинство синонимов возникает в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний. Такие ФЕ обладают повышенной эмоциональностью, чему способствует яркая образность, присущая словосочетаниям данного вида [4, с. 84].

* © Исрафилов Н.Р., 2016

Исрафилов Нариман Рамазанович (nariman-israfilov123@yandex.ru), кафедра дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет, 367003, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57.

Внутренняя форма фразеологизма мотивирует его значение. Но встречаются случаи расхождения значений при одной внутренней форме. Обращает на себя внимание важность различения двух планов – плана описания и плана порождения. В плане описания, когда исследование проводится по форме, значение ФЕ заранее известно, и между ним и значением предметно-реальной ситуации довольно легко устанавливается логическая связь (мотивирующая). В результате констатируется факт мотивированности большей части фразеологического фонда.

В плане же порождения фразеологического значения (от формы к значению) та же часть фразеологизмов оказывается немотивированной, т. к. их значения непредсказуемы, а значит, они не могут быть поняты без словаря.

Такие соматические ФЕ, как *лек хъит лас* «ногу связать», несмотря на прозрачность лексико-грамматической формы словосочетания, не содержат никакого указания на их значения. Они являются немотивированными с точки зрения порождения значения. Дело в том, что для установления мотивированности ФЕ в отличие от мотивированности слова требуется не соотношение их значения с прямым значением исходных оборотов, а разъяснение истории их возникновения.

История возникновения фразеологических оборотов во всех языках, как известно, разнообразна. Это мифологические сюжеты, литературные источники, изречения великих людей, обычаи народа и т. д. Следовательно, в плане порождения значения таких ФЕ внутренняя форма не имеет мотивирующей функции, она ее имеет лишь в плане описания. В этом отличие внутренней формы метафорических слов, которые сохраняют связь с прямыми значениями слов, в рамках которых они существуют.

Кроме того, ФЕ имеет генетическую и стилистическую функции. Генетическая функция заключается в том, что внутренняя форма является источником существования ФЕ. Генетическая функция проявляется в создании не только новых ФЕ, но и новых значений существующих ФЕ, что приводит к образованию параллельной и последовательной полисемии.

Стилистическая функция внутренней формы реализуется во фразеологической синонимии как внутри одного языка, так и между языками. На межъязыковом уровне исследование фразеологической синонимии представляет интерес для изучения этнического характера фразеологии. Присущие таким синонимам яркая образность, экспрессивность, оценочный характер не позволяют им взаимно исключать друг друга, что способствует их длительному и параллельному сосуществованию.

Во фразеологической синонимии большое место занимают так называемые структурные синонимы, представляющие собой ФЕ одного структурного типа, где синонимической замене может подвергаться компонент, составляющий семантическую основу выражения [2, с. 76].

Группы структурных синонимов обычно включают два-три фразеологизма: агул. *ибуралияс* – слушать//ся (букв. «ухо положить»); агул. *ибур майиц лан* – не слушай, не придавай значения (букв. «ухо не давай»); агул. *келайиъачикас* – втолковать, объяснить, вдолбить в башку (букв. «в башку (голову) закинуть»); агул. *келагъуруцуф, гьударкеф* – дурак, глупый (букв. «головой повернутый»); агул. *йирк лурал алгъархъефагъаф* – о человеке, который говорит не подумав, все, что на язык придет (букв. «на сердце что всплыло уговорящего»); агул. *хил хилис ярх луна* – дружно, рука в руку, совместно, согласованно (букв. «рука об руку взявшись//за руки взявшись»); *лекункумуларсуман* – все вместе дружно, как единое целое (букв. «как пальцы на ногах»); агул. *лекар мут ли вейдава* – не может нормально ходить, ноги болят, человек плохо ходит (букв. «ноги не слушаются, не подчиняются»).

Структурные синонимы с чередованием именного компонента встречаются значительно реже в силу малочисленности слов с соматической семантикой: агул. *келайиънехъвар//сумараеф* – дурак, тупой (букв. «имеющий в голове солому»); агул. *хилис-кьутурфас* – ждать что-либо; ждать помощи (о нищих, бедняках, нуждающихся);

ждать взятки (букв. «на руку смотреть»); агул. агул. *лекулалдава* — не может на ногах стоять; стоит шатаясь (букв. «его нет на ногах»).

Приведем примеры фразеосочетаний, в которых стержневой и зависимый компоненты представляют собой ФЕ: *к Илна-руджадаваттарингзильачархъас* («попасть в руки не имеющим голову-хвост») — оказаться в руках у не очень осведомленных людей; *сивизасаттар-хъегилди Ту лек ккеттархъасттегъенгъуккай вес* (букв. «как только [повеление] изо рта выскочит, бежать, пока обе ноги не отвалятся») — быть исполнительным. В качестве стержневого компонента в глагольных фразеологических сочетаниях выступают глагольные фразеологизмы различных тематических групп, валентность которых в основном совпадает с сочетаемостью соответствующих глаголов [1, с. 206].

Явления структурной фразеологической синонимии возникают в связи с заменой субстантивных или вербальных компонентов ФЕ.

Компоненты ФЕ не могут заменяться произвольно. В каждом отдельном случае количество взаимозаменяемых компонентов является строго определенным, и в них, как и во всякой ФЕ, взаимозаменяемые компоненты не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в речи. Явление структурной фразеологической синонимии свойственно словарному составу многих языков. Структурные фразеологические синонимы возникают в связи с заменой субстантивных, адъективных и глагольных компонентов ФЕ. Большой интерес представляет анализ взаимозаменяемых компонентов в составе структурных синонимов.

Особенность функционирования словарных единиц в устойчивых или фразеологических словосочетаниях в данном случае проявляется в том, что, выступая в качестве компонента такого словосочетания, отдельные словарные единицы, растворяясь и переосмысляясь во фразеологическом целом, приобретают иное значение по сравнению с тем, которое присуще им в словарном составе языка. Это объясняет причину того, что одни взаимозаменяемые компоненты являются синонимами и вне данной соматической ФЕ, другие же составляют вне фразеологической единицы тематический ряд или же слова, совершенно различные по значению.

Можно предположить, что структурные синонимы возникают двумя путями. С одной стороны, происходит совпадение в структуре двух самостоятельных соматических ФЕ, возникающих независимо друг от друга. С другой стороны, в структурной синонимии наблюдается вариация внутри одной и той же соматической ФЕ. Структурные синонимы, как и собственно синонимы, могут быть полностью равнозначными и стилистически. Большое количество равнозначных структурных синонимов образуется при помощи глагольных компонентов. Эти глаголы на основе конкретного значения, присущего им в свободных словосочетаниях, могут в соединении с другими компонентами соответствующей соматической ФЕ образовать новое фразеологическое значение.

Следовательно, структурная синонимия является одним из источников расширения фразеологического состава любого языка. Многие фразеологические ряды в агулском и русском языках группируются вокруг лексических групп, способных развивать сложную систему переносных значений (названия частей тела). Многозначность подобных лексем требует конкретизации контекстом, что нередко создает фразеологизмы путем «наращивания» распространенной метафоры. Так, широкий семантический диапазон слова «голова» вызывает необходимость фразеологически маркировать даже отдельные переносные употребления.

На основе его употребления для характеристики умственных способностей человека (*умная голова — глупая голова*) рождается целый ряд выражений со значением «тупой, глупый человек»: *келакъая* — умный, способный (букв. «голова есть»); агул. *келакъуруцас* — помешаться, сойти с ума (букв. «голова повернулась»).

Таким образом, семантический сдвиг в сторону отрицательных значений может быть объяснен более острой и дифференцированной эмоциональностью и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, т. е. резко отрицательных, эмоциональных состояний тенденцией к использованию готовых речевых форм, в том числе и устойчивых словесных комплексов.

Библиографический список

1. Гасанова С.Н. Синтаксис фразеологических единиц агульского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. Вып. 1(63). С. 204–208.
2. Гюльмагомедов А.Г. Фразеология лезгинского языка. Махачкала, 1990.
3. Исрафилов Р.С. Фразеологический словарь агульского языка. Махачкала, 2014.
4. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

References

1. Gasanova S.N. Sintaksis frazeologicheskikh edinitz agul'skogo iazyka [Syntax of Aghul phraseological units]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal]. 2012, Vol. 1(63), pp. 204–208 [in Russian].
2. Gulmagomedov A.G. Frazeologija lezginского iazyka [Phraseology of Lezghian]. Makhachkala, 1990 [in Russian].
3. Israfilov R.S. Frazeologicheskii slovar' agul'skogo iazyka [Phraseological Dictionary of Aghul]. Makhachkala, 2014 [in Russian].
4. Molotkov A.I. Osnovy frazeologii russkogo iazyka [Basics of Russian Phraseology]. L., 1977 [in Russian].

*N.R. Israfilov**

PHRASEOLOGICAL SYNONYMY OF AGHUL

This article attempts to analyze Aghul phraseological synonyms. One needs first to define phraseological synonyms, their types and specific features, which characterize phraseological synonyms in comparison with lexical ones.

Key words: synonym, phraseological unit, Aghul, meaning, phraseological phrases.

Статья поступила в редакцию 25/1/2016.
The article received 25/1/2016.

* *Israfilov Nariman Ramazanovich* (nariman-israfilov123@yandex.ru), Department of Dagestan Languages, Dagestan State Pedagogical University, 57, M. Yaragsky Street, Makhachkala, 367003, Russian Federation.

СЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена проблеме возникновения письменности у восточных славян. Предлагается лингвистическая трактовка данной проблемы, на основании текстологического анализа источников и лингвистических данных обосновывается ошибочность утверждений о докирилловской восточнославянской протоглаголице и докирилловских переводах библейских книг на русском языке.

Ключевые слова: восточнославянская книжная традиция, докирилловская письменность, славянизмы, старославянский язык, русский язык.

Произошедший в советский период пересмотр позиций отечественной науки по вопросу происхождения восточнославянской письменности, обусловленный поисками «местных корней», стал поводом для продолжающейся дискуссии, в центре которой находятся вопросы об истоках восточнославянской книжной традиции, о т. н. «докирилловской древнерусской письменности» и «русских письменах». В разной степени и в разных ракурсах они затрагивались в трудах Д.С. Лихачева, Е.Э. Гранстрем, Э. Георгиева, А.С. Львова, П.Я. Черных, В.А. Истрина, Т.А. Ивановой, А.А. Гиппиуса и других исследователей. До сих пор они рассматривались в контексте исторических, археологических и эпиграфических реконструкций, но в силу недостаточности последних нуждаются в более широком анализе с привлечением лингвистических фактов. Цель статьи — показать на основании текстологических и лингвистических данных ошибочность утверждений о докирилловской восточнославянской книжности, в том числе о существовании русских переводов библейских книг.

Одним из важнейших исторических свидетельств начального этапа славянской письменности является «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, написанное болгарским книжником в конце IX века [1]. В этом памятнике, как и в других славянских и латинских источниках, совершенно определенно утверждается мысль о том, что именно св. Кирилл впервые создал собственное оригинальное письмо для славян, а о времени, которое предшествовало моменту появления «своего» письма, сказано, что «прежде» письмен (т. е. букв) не было, но по «чертам и резам» вели счет и гадали; крестившись же, какое-то время пользовались греческим и латинским письмом «без устройства». Весьма часто в публикациях об истории письменности свидетельства Храбра используются произвольно и искажаются. Распространенный мифосюжет, связанный с неверной интерпретацией «Сказания о письменах», построен на первой фразе, где упоминаются черты и резы. В.А. Истрин (а вслед за ним и некоторые современные авторы) использует строки о чертах и резах как свидетельство о докирилловском письме, но смысл фразы Храбра прямо противоположный, утверждаю-

* © Карпенко Л.Б., 2016

Карпенко Людмила Борисовна (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ший отсутствие букв у славян в эпоху язычества: «Прежде оубо словяне еще суще погани не имяху писмень...» [2]. Дальнейшее развертывание текста как раз и объясняет, как и когда св. Кирилл создал первые славянские письмена.

Другой мифосюжет — о старшинстве кириллицы, — как уже отмечалось нами, связан с ошибкой прочтения выражения «по чину греческих» в тексте «Сказания о письменах». В тексте Храбра о св. Кирилле сказано: «и сотвори имъ письмена ова убо по чину греческих писмень, ова же по словенской речи». Ошибка связана с неправильным пониманием слова **чин**. В библейском смысле употребленное Храбром слово **чин** не имеет в древнеславянском языке значения «образ», оно означает «ряд», «порядок следования» (ср.: И евангелие чтется по чину (Миняя праздничная. 23 апреля). Но если переводить «по образу греческих писмен», смысл искажается, на чем и основывается ошибочное представление о том, что Кирилл создал кириллицу, буквы которой «по образу» соответствуют греческим. Однако уникальность и ценность «Сказания о письменах» состоит в том, что оно (в совокупной целостности всего текста) дает ряд аргументов, бесспорно свидетельствующих о том, что Храбр пишет о глаголице, и подтверждающих ее атрибуцию Кириллу. Среди прочего на глаголицу указывает и названный Храбром состав букв: многократно Храбр повторяет, что Кирилл создал 38 букв. Однако «вопреки подсчетам Храбра» [3] некоторые авторы без серьезных оснований полагают, что их было не 38, а 36 или 32.

Не только «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, но и другой уникальный источник славянского средневековья — Пространное житие Константина-Кирилла — используется для подкрепления «оригинальных» версий о начале письменной истории славян. Фрагмент VIII главы Пространного жития в его обнаруженных списках содержит краткий сюжет о найденных в Херсонесе Кириллом Евангелии и Псалтыри, будто бы «писанных русскими письменами». Основываясь на этом фрагменте, П.Я. Черных в свое время решительно утверждал, что корсунские книги были написаны не только древнерусскими буквами, но и на древнерусском языке. Высказывалось предположение, что древним алфавитом корсунских книг могла быть глаголица [4].

Неоднократно в связи с этим указывалось, что в VIII главе Пространного жития в сюжете о знакомстве Кирилла в Херсонесе с восточными языками содержится дефект текста — описка при переписывании слова *сурьскы*, заключающаяся в перестановке букв и написании *русьскы*, откуда произошел миф о «русских письменах» (А. Вайан, Р. Якобсон, В. Кипарский и др.). Эта — очевидная ошибка, какие не редкость в древних памятниках, также никоим образом не согласуется с общим содержанием памятника, в котором не только не сказано об использовании Кириллом в качестве образца для своей азбуки каких-либо русских букв, но, напротив, подчеркнута его заслуга как первосоздателя славянской азбуки. Подробный разбор мнений содержится в опубликованных комментариях Б.Н. Флори и др. [5]. Однако сторонники идеи «русских писмен» полагают, что Евангелие и Псалтырь сначала были на древнерусском языке, и Кирилл использовал уже существовавший древнерусский перевод. Вопрос о «русских письменах» Т.А. Иванова называет «дискуссионным» и «неразрешимым» при отсутствии корсунских книг [6].

Однако свидетельством книжной традиции и того, как она развивалась у восточных славян, являются факты русского и церковнославянского языков. Удивительно, что историки письменности не обратили до сих пор на лингвистическую аргументацию. При отсутствии «корсунских книг» предположение о «русских письменах» может быть верифицировано или отвергнуто исходя из языковых фактов. К тому, что уже было сказано по поводу «русских писмен», добавим следующее: язык является важнейшим и наиболее доказательным свидетельством начала книжной традиции у славян. С лингвистической точки зрения нет оснований для дискуссии на тему, были

ли Евангелие и Псалтырь на русском языке до Кирилла. Их не могло быть потому, что для перевода библейского текста нужен был не только алфавит, но прежде всего разработанный книжный язык — с религиозными и философскими номинациями вроде *апостольство*, *крещение*, *восходящий*, *нисходящий*, *единородный Сын*, *первородный* и под., с переведенной на славянский язык библейской фразеологией (*глас вопиющего в пустыне*, *глаголы уст*, *ищите и обряцете* и пр.), со сложными стилистическими фигурами и регистрами, с разработанным синтаксисом. Такого книжного языка у славян до Кирилла и Мефодия не было. Главная заслуга братьев в том, что именно ими были разработаны основы общеславянского книжного языка — старославянского (в другом терминологическом обозначении — древнеболгарского, древнецерковнославянского), и этот язык впервые получил свое выражение в осуществленных братьями переводах Евангелия, Псалтыри и Апостола. Запечатленный в первых переводах, язык обладал всеми достоинствами классического языка — строгой системностью, выразительностью и отточенностью грамматических форм и богатством словаря. В дальнейшем все славянские литературные языки формировались под влиянием старославянского языка, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные модели. Этот невероятный по сложности и нацеленности в будущее «проект» могли осуществить только выдающиеся филологи, которых и прославила славянская Церковь и Церковь Рима в документах, сообщающих непротиворечиво об одном и том же: создателем славянской письменности были Кирилл и Мефодий.

Опыт двух с половиной столетий изучения всех имеющихся источников свидетельствует о том, что до миссионерской деятельности равноапостольных святых братьев Константина-Кирилла Философа и Мефодия у славян **развитой** письменности не было. Развитой, то есть приспособленной для фиксации текстов, соответствующих понятию *книжности*. Исторической реальностью является именно то, что древнейшие славянские рукописи, дошедшие до нас (они условно датируются X веком), написаны глаголическим письмом на древнецерковнославянском языке, иначе называемом. Объективно существует двусторонняя связь между понятиями «древнецерковнославянский язык» и «глаголица». Эта связь обнаруживает себя в следующем:

- 1) древнейшие церковнославянские тексты написаны на глаголице;
- 2) древнеславянская глаголица периода старославянской книжности X–XI вв. (и позднее — древнерусской) имеет характер исключительно **сакрального христианского** письма, что подтверждается как содержанием рукописей, так и традицией их хранения в монастырях Афона и Синае вплоть до XIX–XX вв.

Древнейшими глаголическими памятниками (они преобладают над кириллическими — как рукописные, так и эпитафические — и по языку старше кириллических) являются памятники церковнославянской книжности, своим происхождением связанные с кирилло-мефодиевской традицией. Это — известные эпитафические памятники (глаголический алфавит на стене крестильни в Круглой церкви Преслава, столицы Болгарии эпохи царя Симеона, надписи из болгарского села Равна) и памятники рукописные богослужебного содержания (Ассеманиево евангелие, Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Синайская псалтырь и др.).

Существует известное различие между старославянским и восточнославянским языками, отмеченное еще А.Х. Востоковым в «Рассуждении о славянском языке» (1820). Обратимся далее к славянизмам как важнейшему свидетельству книжной традиции. Языковые особенности, последовательно отраженные в древнейших старославянских памятниках глаголического письма (рефлексы, присущие только диалектам древнеболгарского языка, в виде сложных звуков [ш'т'] на месте *tj и [ж'д'] на месте *dj; [ш'т'] на месте *kt(i) *gt(i); свойственного именно болгарским диалектам согласного [дз']; отражение широкого произношения гласного звука [м]; сохранение носовых;

лексические болгаризмы, воспринятые из протоболгарского языка и отраженные в глаголических памятниках (бисъръ, ковчегъ, коумирьскъ, чрътогъ и др.); заимствования из народного греческого языка; грамматические болгаризмы (использование кратких форм личных местоимений в притяжательном значении; использование форм существительных с постпозитивным указательным местоимением (работъ); появление да-конструкции вместо инфинитива; использование да-конструкции в функции желательного наклонения (да му зъло не сътвориши); образование сложного будущего с модальным глаголом желания и др. — со всей определенностью указывают на южнославянскую болгаро-македонскую народно-разговорную основу старославянского языка. И поскольку эти языковые особенности отражены в древнейших славянских памятниках, написанных на глаголице, восточнославянское (древнерусское) происхождение глаголицы исключается.

Из двух традиций та старше, которая оставила следы влияния в смежной традиции. Именно такой и является созданная Кириллом и Мефодием старославянская (древнеболгарская по народно-языковой основе) книжно-письменная традиция. Славянской исторической филологии не известны никакие памятники книжности (тем более христианские богослужбные) на древнерусском языке, которые не являлись бы продолжением кирилло-мефодиевской традиции и не были бы вторичны по отношению к ней. Все, что у восточных славян появляется на глаголице (включая граффити храмов св. Софии в Киеве и в Новгороде Великом), — вторично по отношению к южнославянской традиции и имеет сакральный, христианский характер. Древнейшие кириллические датированные рукописи, написанные на Руси, — Остромирово евангелие (1056–1057), Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г. и др. — представляют собой списки со старославянских оригиналов. Они в значительном количестве содержат славянизмы — следы влияния старославянского языка на древнерусский. Если бы раньше существовал древнерусский книжный язык, то сказалось бы влияние древнерусского языка на старославянский. Тогда в старославянских текстах мы наблюдали бы полногласие, начальное *po-* на месте *pa-*; начальное *y*, а не *ю*; [ч'] из *kt(i) *gt(i) на месте [ш'т']; [ж'] из *dj; на месте [ж'д']; [ч'] из *tj вместо [ш'т']; наблюдали бы утрату носовых, сохранение редуцированных и т. д. Но старославянский язык не содержит ни единого следа влияния со стороны древнерусского языка. Тогда как в русском даже спустя тысячелетие обильно представлены славянизмы. Многие из них потеснили древнерусские лексемы: *время*, а не *веремья*; *просвещение*, а не *просвечение*; *хождение*, а не *хожение*, *осужденный* а не *осуженный*; *рождение* — *рожденный*, а не *рожение* — *роженный* и т. д. Примечательно, что в русском языке фонетический рефлекс [жд] представлен даже шире, чем в старославянском языке, влиянием которого он обусловлен. Следствием прихода на Русь старославянской книжности стало взаимодействие древнерусского и старославянского языков, в значительной степени близких друг другу в силу их принадлежности к одной группе славянских языков. Русский литературный язык на протяжении многих столетий формировался в условиях русско-славянского двуязычия, когда в его функциональную парадигму родственный церковнославянский язык входил на правах основной системы. И здесь мы сталкиваемся с поразительным феноменом установившегося исторического преемства восточнославянского русского литературного языка от церковнославянского языка, созданного на болгаро-македонской южнославянской языковой основе. В силу исторических обстоятельств — большей самостоятельности и независимости Руси, России — русский литературный язык стал прямым воспреемником церковнославянской традиции.

Таким образом, лингвистические характеристики древнеславянских языков и современного русского литературного языка, свидетельствующего о значительном влиянии на него старославянского языка, являются самым значимым и неоспоримым

аргументом в дискуссиях и о так называемых «русских письменах» и о природе глаголицы. Не только до Кирилла и Мефодия восточные славяне не имели своей книжности, они не располагали и собственным литературным языком, на котором могла бы быть создана книжность. Как и в более поздний период русского Предвозрождения, о котором пишет Д.С. Лихачев, «русские читали болгарские и сербские произведения, как свои» [7]. Ничего не меняют в вопросе о формировании письменной традиции эпиграфические находки на фрагментах керамики, пряслицах и других предметах, а также надписи с использованием греческих букв. Разрозненность этих находок, характер эпиграфики (знаки, метки, монограммы), единичность надписей [8] согласуются с общепринятым в палеославистике положением, что развитая письменность у славян, вылившаяся в книжную традицию, связана была с филологической деятельностью славянских первоучителей.

Библиографический список

1. Карпенко Л.Б. «Сказание о письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы // Преславска книжовна школа. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2004. Т. 7. С. 172–183.
2. О письменехъ Чръноризца Храбра. Усовский список. Л. 62. Цит. по: Я. Трёмбовольский Древнеболгарский памятник «О писменехъ Чръноризца Храбра» на Руси // *Palaeobulgarika*. 1989. № 4. С. 72.
3. Иванова Т.А. Глаголица: Новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // ТОДРЛ. 2004. Т. 56. С. 85.
4. Лихачев Д.С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности // Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 21.
5. Флоря Б.Н. Комментарии к Житию Константина // Сказания о славянской письменности. М.: Наука, 1981. С. 115–117.
6. Иванова Т.А. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950–1960) // Известия АН СССР Отделение литературы и языка 1963. Т. XXII. Вып. 2. С. 132.
7. Лихачев Д.С. Обращение к своей античности // Из истории русской культуры. М.: Изд-во «Языки русской культуры». Т. I. С. 725–731.
8. Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 176–195.

References

1. Karpenko L.B. «Skazanie o pis'menakh» Chernoriztsa Khrabra kak istochnik izucheniia glagolicheskoi problemy [«An Account of Letters» by Chernorizets Hrabar as a source of study of Glagolitic problem] in *Preslavska knizhovna shkola*. T. 7. Shumen: Universitetsko izdatelstvo «Episkop Konstantin Preslavski», 2004, pp. 172–183 [in Russian].
2. *O pis'menekh» Chr'noriztsa Khrabra. Usovskii spisok. L. 62* Cited by: J. Trembovolsky *Drevnebolgarskii pamiatnik «O pismenekh» Chr'noriztsa Khrabra» na Rusi* [Old Bulgarian monument «An Account of Letters by Chernorizets Hrabar» in Russia] in *Palaeobulgarika*, 1989, no. 4, p. 72 [in Russian].
3. Ivanova T.A. *Glagolitsa: Novye gipotezy (neskol'ko kriticheskikh zamechanii po povodu novykh issledovaniy o pervoi slavianskoi azbuke)* [The Glagolitic alphabet: New hypotheses (some critical remarks about the new studies about the first Slavic alphabet)]. *TODRL*, 2004, Vol. 56, p. 85 [in Russian].
4. Likhachov D.S. *Neskol'ko zamechanii o vzniknovenii russkoi pis'mennosti* [Some remarks about the emergence of Russian writing] in *Likhachov D.S. Vozniknovenie russkoi literatury [The emergence of Russian literature]*. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1952, p. 21 [in Russian].

5. Florya B.N. Kommentarii k Zhitiuu Konstantina [Comments to the Life of Constantine] in *Skazaniia o slavianskoi pis'mennosti* [Legend on the Slavic Literature]. M.: Nauka, 1981, pp. 115–117 [in Russian].

6. Ivanova T.A. Voprosy vozniknoveniia slavianskoi pis'mennosti v trudakh sovetskikh i bolgarskikh uchenykh za poslednee desiatiletie (1950–1960) [Issues of emergence of Slavic Literature in the works of Soviet and Bulgarian scientists in the last decade (1950–1960)]. *Izvestiia ANSSSR. Otdelenie literatury i iazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of SSSR. Department of Language and Literature], 1963, Vol. XXII, Issue 2, pp. 132 [in Russian].

7. Likhachov D.S. Obrashchenie k svoei antichnosti [Appeal to our own antiquity] in *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the history of Russian culture]. M.: Izd-vo «Iazyki russkoi kul'tury», Vol. I, pp. 725–731 [in Russian].

8. Medyntseva A.A. Nadpisi na amfornoi keramike X – nachala XI v. i problema proiskhozhdeniia drevnerusskoi pis'mennosti [Inscriptions on the amphora ceramics of the X – beginning of the XI century and the problem of the origin of old Russian literature]. *Kul'tura slavian i Rus'* [Culture of the Slavs and Russia]. M., 1998, pp. 176–195 [in Russian].

*L.B. Karpenko**

CHURCH SLAVONICISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS A REFLECTION OF BOOK TRADITION

The article deals with the emergence of writing in the eastern Slavs. It proposes a linguistic interpretation of the problem, based on the analysis of textual sources and linguistic data, substantiates the allegations of inaccuracy of East Slavic proto Glagolitic alphabet and translations of biblical books in the Russian language before Cyril.

Key words: Eastern Slavic book tradition, writing before Cyril, Church Slavonicisms, Old Slavonic, Russian language.

Статья поступила в редакцию 24/II/2016.
The article received 24/II/2016.

* *Karpenko Ludmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ШКОЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ МАЛОФОРМАТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются малоформатные тексты на материале школьных административных приветствий. Административные приветствия по ряду признаков можно отнести к рекламному дискурсу, однако у них также обнаруживаются черты, характерные для образовательного дискурса, что обеспечивает постоянный интерес к исследованию такого рода малоформатных текстов.

Ключевые слова: малоформатный текст, школьный сайт, персуазивные функции, образовательный дискурс, рекламный дискурс.

Яркой чертой современного общества является особое социальное пространство, предполагающее новую форму коммуникации, а также широкие возможности накопления и переработки информации в глобальных масштабах. Всемирная компьютерная сеть Интернет является своеобразным каналом общения, «в рамках которого сложилось множество разнообразных форм: электронная почта, ICQ (служба обмена мгновенными сообщениями), форум, чат, блог и др» [3, с. 21]. Электронное общение настолько прочно вошло в повседневную жизнь, что теперь уже никого не удивляет, что у любой зарубежной или российской организации есть свой сайт, электронная страница, на которой размещается вся необходимая информация. К числу таких организаций относятся и учебные заведения – школы, колледжи, университеты и т. д.

В Великобритании у каждой школы имеется свой сайт, который создается для привлечения внимания и информирования потенциальных клиентов – учащихся и их родителей. Отличительной особенностью британских школьных сайтов является наличие административного приветственного слова, что, по мнению А.А. Харьковской, является «самым первым компонентом, привлекающим посетителей на сайте» [14, с. 383]. Эти небольшие по размеру тексты (самое объемное обращение из выборки состоит из 846 слов) можно отнести к так называемым «малоформатным текстам», широкое распространение которых является следствием одного из основных требований, предъявляемых к современному обществу, – мобильности. По мнению Г.И. Лушниковой и Н.В. Потаповой, «определить с количественной стороны понятие «малоформатный текст» в жестких границах невозможно из-за неопределенности (в количественном аспекте) значения прилагательного «малоформатный» – «имеющий небольшой формат» [9, с. 192]. В последние годы было выполнено значительное количество работ по проблематике малоформатных текстов (МФТ) [6, 7, 13, 14], что, по мнению Е.В. Турловой, внесло определенную ясность прежде всего в понимание структуры отдельных видов малоформатных текстов и их прагматической ориентации» [13, с. 104]. В современной науке о языке имеются достаточно многочисленные

* © Гагина Ю.А., 2016

Гагина Юлия Александровна (gatina80@bk.ru), кафедра английской филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

дефиниции МФТ, но нам представляется целесообразным использовать определение, предложенное Е.С. Кубряковой. «МФТ – есть текст обозримый и наблюдаемый в самых мелких деталях, обладающий такими важными характеристиками, как отдельность, выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность. Более того, у подобного рода текстов ясна их информативность, их когнитивная подоплека – смысл его создания, общий его замысел и реализованный в особой языковой форме итог создания в виде особого семантического пространства» [7, с. 77]. Таким образом, целью нашего исследования является выделение и описание особенностей МФТ в рамках административного приветственного слова на британских школьных сайтах. Для достижения поставленной цели требуется решить ряд задач:

1. определить тип дискурса, к которому относятся МФТ, являющиеся объектом нашего исследования;

2. систематизировать и описать особенности дискурсов, к которым относятся МФТ, представленные административным приветственным словом на сайтах британских школьных учебных заведений.

Новизна исследования заключается в том, что, насколько нам известно, подобного рода исследования на материале приветственного слова директоров на британских школьных сайтах ранее не проводились. Материалом выборки послужили 44 директоровских приветствия, размещенные на британских школьных сайтах.

М.С. Дудникова наряду с общими характеристиками и типологическими параметрами текстовой единицы (целостность, коммуникативная установка, принцип прагматической достаточности, референтная соотнесенность с внеязыковой ситуацией, концептуальная когнитивная платформа, культурологические компоненты) выделяет набор характеристик, присущих МФТ. Это – «малый объем, интертекстуальность, синкретизм, информационная недостаточность, прагматическая функциональность особого рода и смысловая неоднозначность» [5, с. 114]. В ходе исследования было обнаружено, что характеристики директоровских приветственных обращений могут быть дополнены следующими параметрами:

1. интертекстуальность и информационная недостаточность, которые вытекают из «малого объема», потому что «ключевой задачей при построении такого типа текста является наиболее адекватная передача коммуникативного замысла при сообщении минимум информации [5, с. 114]. Как утверждают Ю.Г. Синельников и Е.В. Толстолуцкая, «задача автора малоформатного текста состоит в том, чтобы передать основную идею текста в максимально сжатой и интересной форме», [12], а для получения более подробной информации необходимо просмотреть текст сайта в полном объеме;

2. прагматическая функциональность, т. к. приветственная речь директора – это не просто дань моде или традиция, а попытка заинтересовать, привлечь внимание потенциального клиента;

3. синкретизм или языковая экономия, «компрессия» или «структурно-семантическое свертывание», по Н.А. Винокурову [1], представлены в основном аббревиатурной вербализацией названий учебных заведений.

“At LVS Ascot, Senior School students are challenged and inspired inside and outside of the classroom (The Licensed Victuallers’ School).

The support our pupils experience at PGS and the challenges they encounter have a shared purpose: that each individual should be happy and successful, in that order (The Portsmouth Grammar School).

Mrs Pascoe said, “I am absolutely delighted to be joining HMSG, a school that champions all-round development of each girl” (Haberdashers’ Monmouth School for Girls)”.

Языковая экономия является прямым следствием малого объема текста, поскольку, по мнению И.Б. Лимановской, он «неизбежно влечет использование емких средств языкового воплощения» [8]. Кроме того, по мнению А.А. Харьковской, «это может

привести к смысловой неоднозначности, с одной стороны, и активизации имплицитных межтекстовых ассоциаций, — с другой» [15, с. 77].

Смысловая неоднозначность в исследуемых МФТ не была обнаружена, что вполне объяснимо, поскольку выбор учебного заведения для ребенка — слишком ответственное мероприятие, в рамках которого не предполагается множественное толкование реалий.

Директорское приветствие — это своеобразный персуазивный текст. «Персуазивным называют любое речевое действие, нацеленное на то, чтобы вызвать определенное отношение/действие реципиента» [17, с. 65]. Цель директорского приветственного слова — воздействовать на реципиента, установить с ним контакт, сформировать определенное отношение к информационному потоку, составляющему смысловое содержание этого текста. Иными словами, «функция воздействия получает преимущество над функцией информирования» [16, с. 70]. В нашем случае речь идет об убеждении потенциального клиента выбрать конкретное учебное заведение для своего ребенка, а такое воздействие на адресата «с целью побуждения к совершению им выгодных для адресата действий, является главной целью рекламного сообщения», по мнению И.В. Приваловой [11, с. 97]. Таким образом, приветственное административное слово можно отнести к разновидности рекламного дискурса. Кроме того, базовые стратегии, используемые в приветственной речи школьного администратора-руководителя, могут быть охарактеризованы как «контактоустанавливающая, информативная, воздействующая, оценочная, аргументативная, контролирующая (регулирующая действия адресата)» [4, с. 10]. Однако необходимо помнить, что административное приветствие — это своеобразная реклама учебного заведения, поэтому вполне возможно предположить, что директорское приветственное слово относится и к образовательному дискурсу, к текстам, так называемой «образовательной направленности», по определению Е.В. Копшуковой [6, с. 104]. Как утверждает Н.В. Денисова, «целью образовательного дискурса является социализация нового члена общества, при этом получение профессиональных знаний и квалификации выходит на первый план» [4, с. 10]. Она же выделяет базовые стратегии, характеризующие данный дискурс, — «контактоустанавливающая, информативная, объясняющая, оценочная, контролирующая, содействующая и организующая» [4, с. 10]. Сопоставив основные характеристики образовательного и рекламного дискурсов, мы обнаружили, что они практически совпадают. В исследуемых текстах нами были отмечены следующие стратегии вышеназванных типов дискурсов:

1. контактоустанавливающая, которая используется для привлечения внимания потенциальных клиентов, родителей и их детей, вызывая их доверие. Причем есть МФТ, где обращение адресовано только родителям. Есть сайты, где обращение адресуется как родителям, так и детям одновременно. Также встречаются тексты, где администрация обращается непосредственно к детям.

“Welcome to the Girls’ Division online! I hope that this website will give you a flavour of our vibrant and dynamic community and of the nurturing environment in which our bright, well-motivated girls blossom and thrive». « On our website we can only give you a glimpse of the life pupils enjoy in the Girls’ Division. If you haven’t visited us yet, please do come and see the school for yourselves!” (Girls’ Division Senior School)

“To fully appreciate what is special about Burgess Hill School for Girls you really need to visit us and talk to the girls themselves. Please do come and see for yourself — we will be delighted to show you around” (Burgess Hill School for Girls).

Dear Visitor, King William’s College is a unique school in a very special environment (King William’s College).

Такой тип обращений (и к детям, и к родителям одновременно) составляет 52,2 % от общего объема выборки. Наиболее часто такого рода обращения встречаются на сайтах смешанных школ (31,8 %), а наиболее редко — на сайтах школ для девочек (18,1 %). 38,6 % составляют сайты, где идет непосредственное обращение к родителям.

“There has never been a more exciting time for your daughter to join our wonderful, vibrant community” (Headington School).

“If you choose Charterhouse for your son or daughter, you will be choosing a school with four centuries of history behind it, but also one committed to being at the forefront of educational progress in the twenty-first century” (Charterhouse School).

“I warmly encourage you to visit us, with your son, to see what we have to offer and to speak with me, my colleagues and especially the boys” (Hampton School).

Непосредственное обращение к родителям присутствует, в основном, на сайтах начальных школ – 35,2 %, что легко объяснимо: дети, планирующие обучение в начальной школе, вряд ли самостоятельно будут интересоваться подобными сайтами, поэтому целесообразно обращаться к их родителям.

И, наконец, примеры МФТ, где используется непосредственное обращение к детям – 9,2 %.

“I look forward to meeting you and will be delighted to introduce you to our staff and students” (Moir House Girls School), “ I do hope you will visit us soon and see for yourself why our wonderful senior school for girls will soon feel like your second home” (Westonbirt School), “Then, if you think that you would be interested in joining The Purcell School, please do come and see us” (Purcell School), “I would like to take this opportunity to wish you well in your studies and I look forward to meeting you here at LCM” (London College of Music).

50 % примеров были зафиксированы на сайтах школ для девочек, 25 % – на сайтах школ для мальчиков и 25 % – на сайтах смешанных школ.

Следующая стратегия – информативная, она содержит информацию об учебном заведении и обусловлена целями дискурсов – просто сообщить, что собой представляет то или иное учебное заведение, «модифицировать речевое или неречевое поведение ориентируемого субъекта, снизить уровень его неопределенности в отношении сообщаемого/обсуждаемого объекта [2, с. 70].

“St Catherine’s in Twickenham combines nearly 100 years experience of Independent education” (St Catherine’s School)

“We are not a large school so everyone is someone” (Leicester High School for girls)

“For over 450 years, Hampton School has been helping boys to fulfil their potential and realise their aspirations” (Hampton School)

“The Leys is one of England’s premier independent schools” (The Leys School).

We celebrate each individual pupil; everyone has a special place at Kilgraston and everyone is part of the school (Kilgraston School).

Д.Е. Гербер поясняет, что «для успешной реализации данной стратегии в дискурсе присутствуют: точные цифры, даты, факты, что можно подтвердить следующими примерами:

Bedford is a school steeped in history, having been founded by Royal Charter back in 1552 (Bedford School).

For over 450 years, Hampton School has been helping boys to fulfil their potential and realise their aspirations (Hampton School).

Harrow was founded in 1572 under a Royal Charter granted by Queen Elizabeth I to a local landowner, John Lyon. (Harrow School).

2. цитаты:

They are encouraged to discern their purpose in life and to learn “to listen with the ear of the heart” (The Rule of St Benedict) (Worth School).

3. упоминания имен выдающихся людей, судьбы которых связаны с учебным заведением [2, с. 71].

Famous Old Harrovians include Winston Churchill and six other British Prime Ministers, the first Prime Minister of India, Pandit Nehru, as well as poets and writers as diverse as Byron, Sheridan and Trollope (Harrow School).

The school was founded by William Waynflete (Magdalen College School)

Эти даты, значимые имена собственные, цитаты являются прецедентными именами, «вербализованными кодами культурной информации», которые позволяют считать МФТ «целостными культурными образованиями» [10].

Вся информация излагается аргументированно и доступно, что позволяет клиенту максимально сосредоточиться на предлагаемой услуге, а также создать положительный образ учебного заведения. Оценочная стратегия, по мнению Н.В. Денисовой, «направлена на освещение достоинств, предоставляемых образовательных услуг и их преимуществ перед другими сходными услугами» [4, с. 11]. Эта характеристика представляет субъективную оценку сообщаемой информации, помогает доказать превосходство этого учебного заведения над другими. При реализации этой стратегии широко используются оценочные прилагательные с положительной коннотацией:

“It is a privilege to be the Head of such a wonderful school” (Burgess Hill School for Girls)

There has never been a more exciting time for your daughter to join our wonderful, vibrant community. (Headington School)

Прилагательные в превосходной степени:

“I am absolutely delighted to be joining HMSG, a school that champions all-round development of each girl” (Haberdashers’ Monmouth School for Girls)

We understand that the best learning takes place when girls feel cherished, understood and secure (Bolton School)

Following the motto “There is more in you than you think”, the school aims to develop every facet of every individual to its fullest extent (Cobham Hall)

Кроме того, оценочная или аксиологическая стратегия может реализоваться посредством восклицательных предложений, глаголов в повелительном наклонении.

Welcome to the Girls’ Division online! (Bolton School)

Welcome to our website! (Trinity School)

Please do come and see for yourself - we will be delighted to show you around (Burgess Hill School for Girls).

I warmly encourage you to visit us, with your son (Hampton School).

Наконец, контролирующая/регулятивная стратегия направлена на контроль поведения потенциальных клиентов и координирования учебного процесса.

My responsibility is to ensure that we fulfil our aims and build on our achievements so as to enable current and future Alleynians to be well prepared for the challenges of life in the 21st century (Dullwich College).

We encourage a respect for learning whilst developing in every pupil a close interest in a remarkably broad number of extra curricular interests (Magdalen College School).

We deliver an education that challenges, stretches and develops young men and women into leaders and assured young adults (Milton Abbey School).

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что МФТ, представленные директорскими приветствиями, относятся как к рекламному, так и к образовательному дискурсу, имеют «многомерную, гетерогенную природу», несмотря на различные цели этих дискурсов [2, с. 72]. Иными словами, в подобного рода МФТ имеет место корреляция образования и рекламы, по определению В.Д. Шевченко «наложение одного дискурса на другой, в результате чего происходит их комбинирование, взаимодействие и взаимовлияние», так называемая «интерференция дискурсов» [18, с. 3].

Таким образом, наряду с общими характеристиками и типологическими параметрами текстовой единицы в результате проведенного изучения фактического материала, представленного обращениями британской школьной администрации на сайтах,

были обнаружены наборы характеристик, присущих только малоформатным текстам (МФТ). К ним можно отнести интертекстуальность и информационную недостаточность, а также прагматическую функциональность. Директорское интернет-приветствие является своеобразным персуазивным текстом, цель которого – воздействовать на реципиента, установить с ним контакт, сформировать определенное отношение к информационному потоку, составляющему смысловое содержание текста обращения. Отнести подобные МФТ можно к рекламному дискурсу, а также и к образовательному, более того – базовые стратегии этих дискурсов практически полностью совпадают. Основными стратегиями являются контактоустанавливающая, информативная, оценочная и контролирующая. МФТ в рамках административного приветствия в результате маркетинга образования имеют интердискурсивную, многомерную, гетерогенную природу, несмотря на различные цели дискурсивных составляющих.

Библиографический список

1. Винокуров Н.А. Компрессия как стилевая черта немецкой научной прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 1984.
2. Гербер Д.Е. Гетерогенность дискурса университетских веб-сайтов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 8. С. 67.
3. Горшкова Е.И. Реализация приемов уклонения в интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. № 2. Т. 7. С. 21.
4. Денисова Н.В. Рекламные тексты в научно-образовательной сфере (к проблеме междискурсивных взаимодействий) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 10.
5. Дудникова М.С. Заглавия англоязычных телевизионных развлекательных передач в парадигме малоформатных текстов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 2–1. Т. 13. С. 143.
6. Копшукова Е.В. Лингвистические особенности англоязычных экзаменационных демоверсий текстов для чтения (на материалах международного сертифицированного экзамена IELTS) // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 29(103). С. 101–106.
7. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 77.
8. Лимановская И.Б. Динамика авторских ремарок в англоязычной драме XVI–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2011.
9. Лушникова Г.И., Потапова Н.В. Языковая игра в английских загадках-шутках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4. С. 192.
10. Непомнящих Е.А. Синтаксические конструкции малоформатных текстов в современном русском языке: лингвокультурный аспект. URL: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref6038.pdf>.
11. Привалова И.В. К определению понятия «языковые маркеры национально-культурного сознания» / Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 91.
12. Синельников Ю.Г., Толстолюцкая Е.В. Стилистические способы компрессии информации в малоформатных текстах современной французской периодике // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 6. Т. 9.
13. Турлова Е.В. Прагмалингвистические характеристики номинативной парадигмы названий англоязычных учебно-методических пособий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11(130). С. 100.
14. Харьковская А.А. Виртуальные «визитные карточки» современных американских и британских школ: опыт дискурс-анализа. Актуальные проблемы английского языкознания: сб. науч. статей / под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухоротова. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 383–391.
15. Харьковская А.А. Дискурсивный мир англоязычных и русскоязычных бестселлеров // Вопросы прикладной лингвистики. 2013. № 10. С. 75–88.

16. Харьковская А.А., Ефремова Т.В. Лингвосинергетический потенциал функциональной парадигмы названий произведений американского изобразительного искусства XX–XXI вв // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 11(29). Ч. 1. Тамбов: Изд-во «Грамота». С. 69–72.
17. Чернявская, В.Е., Логинова И.Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // *Известия Российского государственного педагогич. ун-та им. А.И. Герцена*. 2005. № 11. С. 64–75.
18. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов: монография. Самара: СамГУПС. 2008. С. 203.

References

1. Vinokurov N.A. *Kompressiia kak stilevaia cherta nemetskoj nauchnoi prozy / N.A. Vinokurov: dis. ... kand. filolog. nauk: 10.02.20* [Compression as a stylistic feature of German learned prose: Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.20]. М., 1984 [in Russian].
2. Gerber D.E. Geterogenost' diskursa universitetskikh veb-saitov [Heterogeneity of discourse of university web-sites]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], 2014, Issue 8, p. 67 [in Russian].
3. Gorshkova E.I. Realizatsiia priemov ukлонeniia v internet-kommunikatsii (na materiale angloiazychnykh blogov) [Realization of procedures of evasion in Internet communication (on the material of English-language blogs)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2013, no. 2, Vol. 7, p. 21 [in Russian].
4. Denisova N.V. Reklamnye teksty v nauchno-obrazovatel'noi sfere (k probleme mezhdiskursivnykh vzaimodeistvii) [Advertisement copies in academic sphere (on the problem of interdiscourse interactions)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2007, no. 302, p. 10 [in Russian].
5. Dudnikova M.S. Zaglaviia angloiazychnykh televizionnykh razvlekatel'nykh peredach v paradigme maloformatnykh tekstov [Titles of English-language TV entertainment events in the paradigm of small-scale texts]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, no. 2-1, Vol. 13, p. 143 [in Russian].
6. Kopshukova E.V. Lingvisticheskie osobennosti angloiazychnykh ekzamenatsionnykh demoversii tekstov dlia chteniia (na materialakh mezhdunarodnogo sertifikirovannogo ekzamena IELTS) [Linguistic peculiarities of the texts for reading based on IELTS exam demo papers]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2013, no. 29(103), pp. 101–106 [in Russian].
7. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriiakh ego opredeleniia [About text and criteria of its defining] in *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and semantics]. М., 2001, Vol. 1, p. 77 [in Russian].
8. Limanovskaya I.B. *Dinamika avtorskikh remarok v angloiazychnoi drame XVI–XXI vekov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04* [Dynamics of stage directions in English-language drama of the XVI–XXI centuries: Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.04]. Samara, 2011 [in Russian].
9. Lushnikova G.I., Potapova N.V. Iazykovaia igra v angliiskikh zagadkakh-shutkakh [Language game in English riddles-jokes]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2011, no. 4, p. 192 [in Russian].
10. Nepomnyachikh E.A. Sintaksicheskie konstruksii maloformatnykh tekstov v sovremennom russkom iazyke: lingvokul'turnyi aspekt [Syntactic constructions of small-scale texts in modern Russian language: linguocultural aspect]. Retrieved from: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref6038.pdf> [in Russian].
11. Privalova I.V. K opredeleniiu poniatiiia "iazykovye markery natsional"no-kul'turnogo soznaniia" [On the definition of the notion «language markers of national and cultural consciousness»] in *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, consciousness, communication]. М., MAKS Press, 2004, Issue 26, p. 91 [in Russian].
12. Sinelnikov Yu.G., Tolstolutskaia E.V. Stilisticheskie sposoby kompressii informatsii v maloformatnykh tekstakh sovremennoi frantsuzskoi periodike [Stylistic means of compression

information in small-scale texts of modern French periodicals]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities], 2011, no. 6, Vol. 9 [in Russian].

13. Turlova E.V. Pragmalingvisticheskie kharakteristiki nominativnoi paradigmy nazvanii angloiazychnykh uchebno-metodicheskikh posobii [Pragmalinguistic characteristics of nominative paradigm of titles of English-language study guides]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2011, Issue 11, p. 100 [in Russian].

14. Kharkovskaya A.A. Virtual'nye "vizitnye kartochki" sovremennykh amerikanskikh i britanskikh shkol: opyt diskurs-analiza [Virtual "calling cards" of modern American and British schools: experience of discourse analysis] in *Aktual'nye problemy angliiskogo iazykoznanii: sb. nauch statei / pod red. T.A. Komovoi, D.S. Mukhorotova* [Topical issues of English linguistics: collection of scientific articles. T.A. Komova, D.S. Mukhorotova (Eds.)]. M.: MAKS Press, 2012, pp. 383–391 [in Russian].

15. Kharkovskaya A.A. Diskursivnyi mir angloiazychnykh i russkoiazychnykh bestsellerov [Discursive world of English-language and Russian-language bestsellers]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics], M., 2013, no. 10, pp. 75–88 [in Russian].

16. Kharkovskaya A.A., Efremova T.V. Lingvosinergeticheskii potentsial funktsional'noi paradigmy nazvanii proizvedenii amerikanskogo izobrazitel'nogo iskusstva XX–XXI vv. [Linguosynergetic potential of functional paradigm of titles of works of American fine arts of the XX–XXI century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Izd-vo «Gramota», no. 11(29), 2013, part 1, pp. 69–72 [in Russian].

17. Chernyavskaya V.E., Loginova I.Yu. Programma politicheskoi partii kak persuazivnyi tekst [Program of political party as a persuasive text]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogich. un-ta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 2005, no. 11, pp. 64–75 [in Russian].

18. Shevchenko V.D. Vvedenie v teoriyu interferentsii diskursov: monografiia [Introduction into the theory of interference of discourses: monograph]. Samara: SamGUPS, 2008, p. 203 [in Russian].

*Ju.A. Gatina**

DISCURSIVE ASPECTS OF SCHOOL COMMUNICATION BASED ON THE ENGLISH MINI-FORMAT INTERNET-TEXTS

Mini-format texts are considered within the Internet context of school administration welcoming speeches. In view of some specific features administration welcoming speeches can be referred to advertising; however they are also characterized by some educational discourse markers. The combination of both peculiarities, provide the increasing interest to the detailed research of mini-format texts.

Key words: mini-format texts, school site, persuasive functions, исследовательский

Статья поступила в редакцию 9/XII/2015.
The article received 9/XII/2015.

* Gatina Julia Alexandrovna (gatina80@bk.ru), Department of English Philology, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ГЛАГОЛОВ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

В статье дается краткий обзор деловой коммуникации как системы механизмов и средств воздействия на реципиента. Отмечается, что эффективность коммуникации зависит, с одной стороны, от адекватно спланированной речевой деятельности говорящего, с другой — от успешности процесса декодирования в сознании реципиента. Анализируется роль глаголов коммуникации в обеспечении такого взаимодействия. Автор делает особый акцент на функциональном потенциале этой лексико-семантической группы, раскрывая смысловые приращения, которые они приносят в общую смысловую систему дискурса. В заключение автор приходит к выводу, что использование данных глаголов играет заметную роль в повышении риторической эффективности делового дискурса, а также в формировании системных свойств речи.

Ключевые слова: английский деловой дискурс, глаголы коммуникации, риторическое воздействие, функциональные свойства глаголов коммуникации.

Сфера деловой коммуникации — это целая система механизмов и средств воздействия как на индивидуальное, так и на массовое сознание. В наиболее общем представлении деловая коммуникация — это обмен информацией между партнерами посредством единой семиотической системы, направленный на решение тех или иных задач взаимодействия в условиях профессиональной деятельности [1; 2; 3; 4 и др.]. В процессе делового общения в этом качестве используется вербальная система знаков, которая физически реализуется в звуковом потоке, организованном по принципам лексического и синтаксического структурирования. Живая речь считается наиболее универсальным средством общения ввиду того, что обе стороны (отправитель и реципиент) осознают ее системно-знаковый потенциал и способны его актуализировать [5]. Это, в свою очередь, дает возможность в процессе обмена информацией передавать и интерпретировать смысл исходного сообщения вполне адекватно, вследствие чего речь и выступает в качестве источника информации и способа воздействия на оппонента. Но свойство универсальности этого средства не носит безусловный характер: оно должно обеспечиваться точностью употребления лексических единиц, доступностью смыслового пространства для восприятия, выразительностью, определенным построением фраз, адекватным произношением звуков и смысловыми характеристиками интонации, что в совокупности способствует выдвиганию семантически значимой информации на передний план и позволяет избежать использования избыточных средств компенсации (в том числе когда говорится одно, а подразумевается другое) [6].

Таким образом, способность участников коммуникативного акта организовать свою речь должным образом с учетом всех преимуществ и недостатков ситуации должна способствовать появлению благожелательного внимания оппонента, открытости, готов-

* © Паршутина Г.А., 2016

Паршутина Галина Алексеевна, кафедра английского языка № 5, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

ности принять те или иные доводы, в чем и состоит главная цель делового взаимодействия. В то же время со стороны получателя сообщения происходит интерпретация потока речи и своеобразная ревитализация идеи отправителя, процесс переосмысления сказанного: соотнесение «образа» индивидуально декодированного смысла с реалиями и моделью поведения собеседника. Соответственно, можно сделать вывод: эффективность коммуникации во многом зависит от успешности процесса декодирования в сознании реципиента, но в первую очередь — от выбора говорящим (пишущим) наиболее эффективных единиц речи с учетом значимости психологических, культурологических, риторических и других интегративных параметров общения и личности партнера(-ов).

Международная бизнес-коммуникация в силу сложившейся в мире ситуации в основном осуществляется на английском языке. Выступая как инструмент взаимодействия субъектов деловой жизни, он актуализирует ряд регистров, выделяемых по преобладанию целей, функций, социальных ролей коммуникантов: деловая беседа для установления отношений, бизнес-документация (деловая корреспонденция), презентации, общение по телефону, договоры, контракты и переговоры [7–9].

Как отмечалось, что выбор средств и стратегий ведения деловых переговоров определен практическими целями, на пути к которым нельзя исключать социоэкономический статус, положение коммуникантов, и, безусловно, нельзя пренебрегать их этнической спецификой. Интересно заметить, что сложившиеся в лингвокультурологии стереотипы приписывают испанцам и итальянцам использование коннотативно-маркированной лексики, гиперболизацию и драматизацию, демонстрацию жертвования своих интересов в пользу интересов партнера; русскоговорящим партнерам на переговорах свойственна категоричность, командная форма высказываний, спонтанность и искренность выражения чувств, что несвойственно англоговорящим партнерам, у которых превалирует сдержанность, официально-деловая стилистика, коннотативно-нейтральная констатация и позитивных, и негативных фактов [10]. Однако ситуации использования неродного языка в качестве языка общения в определенной степени уравнивает участников переговоров, выдвигая ряд дополнительных требований к оратору, напрямую связанных с выбором тактики ведения переговоров.

Основополагающий принцип деловых переговоров — взаимовыгодное сотрудничество; степень успешности процесса коммуникации в поликультурной бизнес-интеракции заложена в одновременном функционировании форм и жанров деловой коммуникации, которые в свою очередь существуют и функционируют в зависимости от определенного контекста. Как правило, они конвенциональны и регламентированы вне зависимости от форм общения (устная или письменная, диалогическая или монологическая, межличностная или публичная, контактная или дистантная) [11–13]. С точки зрения прагмалингвистики успешное достижение определенного эффекта, который производит высказывание, достигается благодаря следованию трем принципам: логичности изъяснения, риторической эффективности, компенсации. К логическому построению дискурса на подготовительном этапе и коммуникативной вариативности в процессе переговоров относятся: обсуждение и выбор темы переговоров, определение регламента выступлений, возможность и способы прерывания партнера, смена темы, выбор альтернатив. Навязывание мнения, скрытая или явная угроза, побуждение и убеждение, исключение партнера, контрпредложения — все это вопросы вербального взаимовлияния риторики оппонентов. В ситуации движения дискурса в нежелательном направлении возможны: коррекция языковых ошибок, уточнение позиций партнера и тем обсуждения, обобщение или разведение точек зрения, поиск компромиссов, призыв к помощи. Подобные приемы активно используются как в деловом, так и в художественном дискурсе [14–16].

Но даже в тех случаях, когда говорящий учитывает все факторы, необходимые для адекватного восприятия его интенции и мысли, может возникнуть частичное непонимание особенно в условиях межкультурной коммуникации. Соответственно, ввиду рассмотренных выше доводов, при изучении межкультурного делового дискурса крайне

важно концентрироваться на формулировке высказываний и на тех их свойствах, которые призваны производить требуемое впечатление на коммуникантов.

В качестве примера ситуации условной «нехватки» компонентов коммуникации можно привести протокол переговоров деловой встречи. Протоколирующий – пассивный участник деловых переговоров, задача которого максимально точно и емко передать ход движения дискурса коммуникантов; результат его работы играет важную роль для последующих этапов переговоров, поскольку грамотное ведение протокола событий и соблюдение всех лексико-структурных норм не только позволяет защитить участников переговоров от непредвиденных ситуаций и неловкого положения после переговоров, но и создает возможности для вежливого манипулирования и повышения эффективности дальнейших переговоров и встреч.

Ввиду специфики формы фиксирования хода переговоров в протокол не включаются «околоречевые» и невербальные приемы оппонентов; таким образом, для ясности и точности передачи их дискурса автору приходится обращаться к таким языковым средствам, как глаголы коммуникации. В приведенном ниже отрывке из протокола одного совещания можно проследить, как активно автор использует глаголы говорения для передачи логики хода коммуникации:

Steven Poon *opened the meeting by welcoming everyone and explaining the objectives for the meeting, namely, to review the specifications required by the client, to respond to needs raised by the client, and to evaluate different solutions to the problems* [17].

Данный фрагмент представляет собой замечательный пример эффективности «дискурса в дискурсе», так как отражает, с одной стороны, эффективность речевой деятельности описываемого человека, а с другой – самого метадискурса, который ее передает. Одним предложением автору удалось раскрыть целый этап деловой встречи, включающий в себя приветствие принимающей стороны, оглашение повестки дня и целей встречи. Благодаря наличию отмеченных глаголов речевой деятельности мы можем четко проследить движение системы дискурса председателя собрания к коммуникативной цели – созданию обстановки конструктивного и перспективного взаимодействия присутствующих. Причем каждый из глаголов привносит свои смысловые приращения и достаточно конкретно передает характер коммуникативной деятельности этого человека в данной ситуации: *opened (the meeting)* указывает на запуск процесса обсуждения; *welcoming (everyone)* подчеркивает конвенциональность делового общения и в то же время расположение участников друг к другу; *explaining (the objectives)* свидетельствует о желании создать атмосферу взаимопонимания и помочь партнерам четко осознать стоящие перед ними задачи; *to review (the specifications)* отражает преемственность профессиональных функций участников, а также потребность в улучшении определенных аспектов работы; *to respond (to needs)* создает впечатление адекватности и своевременности предпринимаемых шагов; *to evaluate (different solutions)* свидетельствует об объективном и критическом подходе к решению поставленных задач. Подобное умение лаконично, но емко выразить столь разнообразные прагма-семантические компоненты коммуникативного процесса успешно реализуется именно благодаря удачному сочетанию глаголов речевой деятельности, что подтверждает мысль о большом функциональном потенциале этой лексико-семантической группы. Неудивительно, что именно в протоколах мы находим множество примеров актуализации этого потенциала.

Для протоколов характерны конструкции пассивных оборотов, обычно этот прием необходим, когда решения принимаются коллективно. Так, выражение *It was noted that...* обычно звучит, когда коммуниканты действуют без конкретной причины или в ответ на какие-либо события или обстоятельства; *It was decided that...* – для анонсирования решения после голосования коллектива; *It was agreed that...* – только при всеобщем одобрении; *It was recommended that...* – когда в полномочиях коммуникантов лишь выразить свое мнение по поводу предмета обсуждения; *Sb. was assigned/asked to...* –

для ситуации, когда младшему/старшему по положению или званию коллектив предписал выполнение какого-либо поручения.

То, что потенциал глаголов коммуникации в плане оказания риторического воздействия на адресата достаточно разнообразен, доказывается еще одним фактом. В общем случае процесс делового общения предполагает, что коммуниканты обеспечивают благоприятные условия для совместной деятельности, избегают конфликтных ситуаций и с этой целью должны воздерживаться от использования стилистически окрашенных или иных средств образности. Однако понятно, что это случай идеальный, а в действительности им приходится общаться не только с доброжелательными партнерами, но и с конкурентами, оппонентами, капризными клиентами или малоприятными коллегами. Далеко не всегда имеется возможность откровенно выразить критическое мнение или воспротивиться поведению другой стороны. В таких случаях также целесообразно употребление глаголов коммуникации, с помощью которых можно выразить эмоциональное восприятие ситуации (1), вызвать определенную реакцию партнера (2), отстаивать собственные интересы (3) и т. д.:

(1) *Abe's remarks **struck** me as total disorder of time and space, making no sense at all* [18].

(2) *We feel sure you will **agree** this is a fair settlement, and shall appreciate your sending us a credit for \$10,000* [19, с. 335].

(3) *We have carefully examined your claim and we **insist** that the delay in submitting the documentation occurred through no fault of ours* [19, с. 314].

Обобщая характеристику глаголов коммуникации в тексте делового общения, можно выделить следующие функционально-структурные назначения: 1) контроль и моделирование вербального взаимодействия на каждом этапе создания высказываний; 2) формирование и обеспечение связи пропозициональной структуры; 3) распределение ролей коммуникативного акта; 4) создание прагматической динамики повествования. Эти функции отражают способность глаголов коммуникации моделировать коммуникативную деятельность, управлять самой коммуникативной деятельностью, организовывать ее определенным образом.

Библиографический список

1. Арупова Н.Р. Деловая коммуникация на английском языке: инновации в обучении деловому английскому // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: сб. научных трудов / под общ. ред. Л.К. Раицкой. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 25–30.
2. Харьковская А.А., Ильичева Н.В. Business English: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 62 с.
3. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 282 p.
4. Ponomarenko E.V., Malyuga E.N. Business English and Functional Linguistics: Teaching Practical English in Perfect Harmony with Theory // ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation Proceedings. Madrid: International Association of Technology, Education and Development, IATED, 2012. P. 4524–4529.
5. Куприева И.А. О преимуществах представления ментальной структуры психических процессов (на материале английского языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 24. Т. 16. С. 67–73.
6. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 286 p.
7. Назарова Т.Б., Толстова Т.В. Грамматика в деловом общении на английском языке: от функции к формам // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 10/2 (50). С. 187–196.
8. Раицкая Л.К., Коровина Л.В., Арупова Н.Р. Деловая коммуникация на английском языке. М.: Аспект-Пресс, 2015. 525 с.
9. Пономаренко Е.В., Харьковская А.А. Риторическое воздействие как фактор межнационального делового общения // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: сб. науч. трудов. М.: Трансарт, 2014. С. 111–117.

10. Tomalin B., Nicks M. *The Worlds Business Cultures and How to Unlock Them*. London: Thorogood, 2007. 268 p.
11. Малуга Е.Н. Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 84. С. 147–155.
12. Malyuga E., Tomalin B. English Professional Jargon in Economic Discourse // *Journal of Language and Literature*. 2014. № 4. Vol. 5. P. 172–180.
13. Malyuga E., Ponomarenko E. Distance Teaching English for Specific Purposes // *ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation Proceedings*. Madrid: IATED, 2012. P. 4530–4536.
14. Харьковская А.А. Дискурсивный мир англоязычных и русскоязычных бестселлеров // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2013. № 10. С. 75–88.
15. Харьковская А.А. Англоязычный образовательный дискурс: современные тенденции // *Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: сб. науч. трудов / под общ. ред. Л.К. Раицкой*. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 177–181.
16. Храменко Д.С. Ирония как средство активизации синергичных процессов прагматической самоорганизации английского делового дискурса // *Вестник Самарского государственного университета*. 2009. № 1 (67). С. 175–180.
17. Weisser M. Negotiation Skills. URL: http://martinweisser.org/courses/negotiation_skills/minutes.html.
18. Przystup J.J. Japan-China Relations: Past as Prologue // *Comparative Connections A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*. 2014. Vol. 16(1). URL: http://csis.org/files/publication/1401qjapan_china.pdf (accessed: 25.01.2016).
19. Раицкая Л.К., Коровина Л.В., Арупова Н.Р. *Деловая коммуникация на английском языке: учеб. пособие*. М.: Аспект Пресс, 2015.

References

1. Arupova N.R. Delovaia kommunikatsiia na angliiskom iazyke: innovatsii v obuchenii delovomu angliiskomu [Business communication in English: innovations in teaching Business English] in *Professional'naia kommunikatsiia i mul'tikompetentnost': sb. nauchnykh trudov / pod obshch. red. L.K. Raitskoi* [Professional communication and multicompetence: Collection of research papers]. L.K. Raitskaya (Ed.). М.: МГИМО-Университет, 2015, pp. 25–30 [in Russian].
2. Kharkovskaya A.A., Ilcheva N.V. Business English: ucheb. posobie. [Business English: textbook]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2004, 62 p. [in Russian].
3. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. *Business Discourse*. New York: Palgrave Macmillan, 2007, 282 p. [in English].
4. Ponomarenko E.V., Malyuga E.N. Business English and Functional Linguistics: Teaching Practical English in Perfect Harmony with Theory. *ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation Proceedings*. Madrid: International Association of Technology, Education and Development, IATED, 2012, pp. 4524–4529 [in English].
5. Kuprieva I.A. O preimushchestvakh predstavleniia mental'noi struktury psikhicheskikh protsessov (na materiale angliiskogo iazyka) [On advantages of presentation of mental structure of psychic processes (on the material of the English language)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities], 2012, no. 24, Vol. 16, pp. 67–73 [in Russian].
6. Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 286 p. [in English].
7. Nazarova T.B., Tolstova T.V. Grammatika v delovom obshchenii na angliiskom iazyke: ot funktsii k formam [Grammar in business communication in English: from function to forms]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaia seriia* [Vestnik of Samara State University. Humanitarian Series], 2006, no. 10/2(50), pp. 187–196 [in Russian].
8. Raitskaya L.K., Korovina L.V., Arupova N.R. Delovaia kommunikatsiia na angliiskom iazyke [Business communication in English]. М.: Аспект-Press, 2015, 525 p. [in Russian].
9. Ponomarenko E.V., Kharkovskaya A.A. Ritoricheskoe vozdeistvie kak faktor mezhnatsional'nogo delovogo obshcheniia [Rhetoric interaction as a factor of international business communication]. *Iazyk i kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom sotsiume: sb. nauch. trudov* [Language and communication in modern policultural society: collection of research papers]. М.: Transart, 2014, pp. 111–117 [in Russian].

10. Tomalin B., Nicks M. *The Worlds Business Cultures and How to Unlock Them*. London: Thorogood, 2007, 268 p. [in English].
11. Malyuga E.N. Vzaimovliianie delovoi kommunikatsii i mezhkul'turnogo delovogo diskursa [Interinfluence of business communication and intercultural business discourse]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogich. un-ta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences], 2008, no. 84, pp. 147–155 [in Russian].
12. Malyuga E., Tomalin B. (2014). English Professional Jargon in Economic Discourse. *Journal of Language and Literature*, no. 4, Vol. 5, pp. 172–180 [in English].
13. Malyuga E., Ponomarenko E. Distance Teaching English for Specific Purposes. *ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation Proceedings*. Madrid, IATED, 2012, pp. 4530–4536 [in English].
14. Kharkovskaya A.A. Diskursivnyi mir angloiazychnykh i russkoiazychnykh bestsellerov [Discursive world of English-language and Russian-language bestsellers]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics]. M., 2013, no. 10, pp. 75–88 [in Russian].
15. Kharkovskaya A.A. Angloiazychnyi obrazovatel'nyi diskurs: sovremennye tendentsii [English-language educational discourse: modern tendencies] in *Professional'naia kommunikatsiia i mul'tikompetentnost': sb. nauch. trudov. Pod obshch. red. L.K. Raitskoi* [Professional communication and multicompetence: Collection of research papers]. L.K. Raitskaya (Ed.). M.: MGIMO-Universitet, 2015, pp. 177–181 [in Russian].
16. Khranchenko D.S. Ironiia kak sredstvo aktivizatsii sinergiinykh protsessov pragma-semanticheskoi samoorganizatsii angliiskogo delovogo diskursa [Irony as a means of activation of synergy processes of pragma-semantic organization of English business discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 1(67), pp. 175–180 [in Russian].
17. Weisser M. Negotiation Skills. Retrieved from: http://martinweisser.org/courses/negotiation_skills/minutes.html [in English].
18. Przystup J.J. Japan-China Relations: Past as Prologue. *Comparative Connections A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*, 2014, Vol. 16(1). Retrieved from: http://csis.org/files/publication/1401qjapan_china.pdf (accessed: 25.01.2016) [in English].
19. Raitskaya L.K., Korovina L.V., Arupova N.R. Delovaia kommunikatsiia na angliiskom iazyke: Uchebnoe posobie dlia studentov bakalavriata [Business communication in English: Bachelor's student training manual]. M.: Aspekt-Press, 2015 [in Russian].

G.A. Parshutina*

ON FUNCTIONAL POTENTIAL OF VERBS OF COMMUNICATION IN ENGLISH BUSINESS DISCOURSE

The article gives a concise review of business communication as a system of mechanisms and means of influence on the recipient. The article notes that efficiency of communication depends, on the one hand, on adequate planning of speech activity, on the other hand – on the successful decoding process in the recipient's mind. The role of verbs of communication in such interaction is under analysis. The author makes special emphasis on this lexico-semantic group functional potential and highlights the sense augmentation they bring into the general sense system of discourse. Finally, the author comes to the conclusion that the use of the verbs in question plays an important role in enhancing business discourse rhetoric effectiveness, as well as in formation of speech system properties.

Key words: Business English discourse, verbs of communication, rhetoric impact, functional properties of verbs of communication.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* Parshutina Galina Alexeyevna, Department of the English Language □ 5, MGIMO University, 76, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

МИФЫ СОВЕТСКОЙ НАУКИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (АНАЛИЗ И КРИТИКА)

Статья посвящена проблеме возникновения письменности у восточных славян. Предлагается анализ основных научных концепций советского времени о начале восточнославянской письменности и зависимость от них некоторых современных мифосюжетов на эту тему.

Ключевые слова: советская наука, происхождение восточнославянской письменности, докирилловская письменность, глаголица.

История возникновения письма у славян на протяжении двух с половиной столетий притягивает внимание филологов и специалистов из смежных областей. Несмотря на то что в мировой палеославистике в результате длительных разысканий (в значительной мере благодаря трудам российских ученых) еще в XIX в. было обосновано положение о том, что оригинальное славянское письмо было создано св. Кириллом, что его творением была глаголица, и сегодня некоторыми авторами высказываются мнения о нерешенности вопроса. Дискуссионной обычно преподносится проблема появления письменности у восточных славян, обсуждаются вопросы: появилась ли письменность у восточных славян вместе с крещением или она возникла раньше; если письменность у восточных славян появилась до крещения, то какой она могла быть; в чем состоит значение деятельности Кирилла и Мефодия для восточных славян. Цель предлагаемого обзора – попытаться выяснить предпосылки современной дискуссионности проблемы происхождения письменности восточных славян, рассмотреть основные научные концепции советского времени о начале восточнославянской письменности и зависимость от них некоторых современных мифосюжетов на эту тему.

Исследователи XIX века и современные специалисты по проблеме связывали и связывают начало русской письменности с крещением в 988 году и учреждением церковной организации на Руси. В таком ключе в середине XIX в. высказывались А.Х. Востоков, К.Ф. Калайдович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, И.В. Ягич, А.И. Соболевский, и в наше время именно так трактуется происхождение славянской письменности специалистами [1]. Согласно традиционной версии, вместе с крещением древние русичи получили от южных славян из Болгарии кириллицу, глаголица же, хотя тоже проникла на Русь, но, как вышедшая из употребления азбука, не нашла широкого применения у восточных славян.

В послереволюционных отечественных публикациях XX в. (до 40-х годов), а в зарубежных источниках и до сих пор такие позиции сохранились, распространение письма у славян в докирилловский период отрицалось. В послевоенный период позиции советской науки претерпели радикальный пересмотр. Роль Церкви и внешних источников в рас-

* © Карпенко Л.Б., Карпенко Г.Ю., 2016

Карпенко Людмила Борисовна (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, *Карпенко Геннадий Юрьевич* (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

пространении письменности у восточных славян была переосмыслена, новая советская концепция утверждала наличие у восточных славян еще в дохристианскую эпоху своей письменности, своей азбуки, даже не одной, а нескольких, среди них и глаголицы, глаголица объяснялась как восточнославянское по происхождению письмо.

Столь кардинальное изменение взглядов на происхождение русской письменности в конце 40-х — начале 50-х годов не было случайным, оно явилось продуктом идеологии своего времени — идеологии государства, разорвавшего связи с Церковью, пропагандировавшего свою особую историческую миссию. Еще в конце 40-х годов академик С.П. Обнорский, выступавший с идеей независимости древнерусского литературного языка, выдвинул положение о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антекого периода. Материалы, отражающие участие И.В. Сталина в обсуждении вопросов языкознания, позволяют предполагать, что проблемами письма он также интересовался. Такое предположение объясняет высказанную в начале 50-х годов со ссылкой на статью И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) позицию по данной проблеме непререкаемого авторитета нашей филологической науки Д.С. Лихачева. В опубликованной в 1952 г. монографии «Возникновение русской литературы» науку, которая рассматривала происхождение славянской письменности в целом, не выделяя особняком письменности восточных славян, он называет «старой», а выразителей таких представлений «буржуазными учеными», которым противостоят советские ученые: «Исследования советских ученых в самых различных областях установили местные корни русской культуры» [2]. Среди таких советских ученых упоминается академик С.П. Обнорский, «установивший корни русского литературного языка в устном русском языке» [2] (за эти заслуги С.П. Обнорский в 50-е годы был удостоен Сталинской премии). Таким образом, накопились «материалы и для пересмотра вопроса о начале русской письменности». В работе говорится, из каких установок должны исходить советские ученые: в изучении начала русской письменности главное внимание следует «уделить не тому, каким был первый алфавит (глаголическим или кирилловским), кто первый “ввел” письменность на Руси, — как бы сами по себе ни были интересны эти вопросы, а должны прежде всего обратить внимание на выяснение внутренних потребностей русского общества в письменности в связи с особенностями его социально-экономического развития... В развитии русской письменности официальное принятие христианства сыграло крупную роль, но эта роль... была ролью подсобной, а не основной... Потребности государства, потребности торговли, потребности развитого ремесла, потребности развитых представлений о собственности — вот, что вызвало и поддержало на Руси появление письменности» [2]. Тезис подкрепляется высказыванием И.В. Сталина, в котором есть выражение, относящееся к письменности: «развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка» [2, с. 20]. Так на основании идеи потребностей государства оформилась концепция появления восточнославянской докирилловской письменности. Она появилась во время, обстоятельства которого хорошо известны и многое объясняют. Рассуждая о том, каким мог быть древний алфавит восточных славян, Д.С. Лихачев называет глаголицу, а в целом допускает возможность многоалфавитности: «Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей у русского населения Северного Причерноморья, тесно соприкасавшегося с греческими колониями, не могли употребляться буквы греческого алфавита для письма на русском языке... Многоалфавитность древнейшей стадии письменности у восточных славян не подлежит сомнению» [2, с. 21]. Но сегодня специалисты признают, что реальных памятников употребления письма на Руси до официального крещения нет.

Тема многоалфавитности восточных славян в начале 60-х была продолжена В.А. Истриным. Именно в его обширной монографии «Возникновение и развитие

письма» в главе «Возникновение и развитие славяно-русского письма» в наиболее развернутом виде получили отражение позиции советской науки по вопросу о начальном этапе славянской письменности [3]. Вся глава развивает тему многоалфавитности ранней восточнославянской письменности. По мнению В.А. Истрина, докирилловское славянское письмо могло быть трех видов. Автору представляется несомненным, что еще задолго до образования связей славян с Византией у них существовали местные разновидности первоначального письма типа упоминаемых Храбром «черт и резов». Рассуждая на эту тему, он называет его то пиктографическим, то пиктографическим-тамговым, то счетным, то счетно-тамговым, то счетно-тамговым с зачаточными элементами логографии (!). Попутно отметим, что, по Храбру, черты и резы — это вообще не письмо, а знаки, по которым еще до появления букв считали и гадали.

Существование второй разновидности — протокирилловского письма — представляется автору тоже несомненным. Письмо типа «черт и резов» было непригодным для написания богослужебных текстов, оформления договоров и других документов. Для указанных целей славяне еще до принятия ими христианства и до введения азбуки, созданной Кириллом, использовали греческие и латинские буквы. И в этом пункте автор опирается на Храбра, Храбр говорит об использовании греческих и латинских букв как о неудобном *чужом* письме, а В.А. Истрин переосмысливает это чужое письмо как второй тип славянского.

Третья, не несомненная, а лишь возможная разновидность — это протоглаголическое письмо. Доказать существование этого письма до сих пор никому не удалось. Да это и понятно, потому что, как известно, глаголица была оригинальным письмом, изобретенным св. Кириллом. Однако В.А. Истрин думает иначе и в связи с третьей разновидностью сообщает о возрожденной в 40–50-х годах XX в. протоглаголической гипотезе применительно к восточным славянам в работах П.Я. Черных, Н.А. Константинова, Е.М. Эпштейна и других советских исследователей.

В 50-е годы было предпринято несколько попыток «реконструкции» протоглаголического алфавита. Одна из таких попыток осуществлена Н.А. Константиновым на основе так называемых «причерноморских знаков». Знаки эти он «собирал» на каменных плитах, надгробьях, черепицах и амфорах на территории русского Причерноморья — в Херсонесе, Керчи, Ольвии. В 1957 г. реконструкция протоглаголицы на основе знаков на русских пряслицах и других ремесленных изделиях и бытовых предметах, обнаруженных на территории России и относящихся к VIII–XVI вв., была предложена И.А. Фигуровским. В основу реконструкции положена глаголица, освобожденная от петель. Эта попытка также была обречена на неудачу, т. к. на самом деле нет ни одной буквы глаголицы, которая напоминала бы знаки на бытовых предметах. В.А. Истрин отозвался об этом эксперименте неодобрительно, но критику вызвала не сама идея протоглаголицы, а конкретное прочтение надписей на бытовых изделиях. В начале 60-х годов Н.В. Энговатов также неудачно пытался составить протоглаголицу на основе «загадочных» знаков, встречающихся в кирилловских надписях на монетах русских князей XI в.

После публикаций Н.А. Константинова, И.А. Фигуровского, П.Я. Черных и др. гипотеза восточнославянского происхождения глаголицы, выводившая азбуку из дохристианского восточнославянского протоглаголического письма, истоки которого искали в Причерноморье, стала пользоваться популярностью. С опровержением этой гипотезы первой выступила Е.Э. Гранстрем, которая в 1955 году решительно писала: «Эта мысль (о самобытности глаголицы, возникшей на Руси. — Л.К.) кажется особенно привлекательной... когда рядом советских ученых доказано самобытное возникновение русской государственности, древнерусского литературного языка, древнерусской литературы... представляется крайне заманчивой возможность доказать также самобытное возникновение древнерусского письма... Но попытки изобразить глаголицу как самобытное древнерусское или скифское письмо основаны только на внешнем, подчас случайном сходстве отдельных глаголических букв с так называемыми загадочными знаками Причерноморья» [4].

В.А. Истрин, констатируя неудачность предпринятых реконструкций, не отказывается от идеи существования протоглаголического письма и завершает обзор возможных типов письма у восточных славян тезисом о многоалфавитности, допуская существование у славян не только двух-трех видов письма, но и местных их разновидностей. Весьма произвольны и выводы В.А. Истрина относительно двух общеизвестных древнеславянских азбук и того, какую из них создал Кирилл. Сравнивая древнеславянские азбуки, В.А. Истрин говорит, что в кириллице 38 букв (41, но если не считать йотированные юсы и укь, то 38), а в глаголице 40 букв. На самом же деле в кириллице не меньше 41, а в первоначальной глаголице 38 букв. Такой состав глаголицы в Мюнхенском алфавитари, в алфавитари Псалтыри Дмитрия Олтарника, на такое же количество указывают и ранние старославянские глаголические памятники. Состав их букв хотя и не является постоянным (в силу одновременности текстов), но варьирует вокруг числа 38. Пишет о 38 буквах, созданных для славян св. Кириллом, Черноризец Храбр, и такое же количество называется в Кратком житии Кирилла. Но В.А. Истрин стремится убедить читателя в том, что Кирилл создал кириллицу. А если Кирилл создал кириллицу, то тогда глаголица свободна для мистификаций о «восточнославянском протоглаголическом письме, которое можно производить из чего угодно — из загадочных причерноморских знаков, из знаков на пряслицах, на монетах, из клинописи. В.А. Истрин производит ее из «черт и резов», хотя менее всего круглая глаголица, содержащая петли и окружности у большинства знаков, похожа на черты и резы. В комментариях по поводу книг, найденных Кириллом в Херсонесе и написанных якобы «русскими письменами», он пишет: «Не исключено также, что книги эти могли быть написаны «протоглаголическим» письмом, возникшим из «черт и резов»...» [5].

В последующие 1960–70-е годы у нас в стране на волне популярности, вызванной общим патриотическим мотивом идеи, версия восточнославянской протоглаголицы получила достаточно широкое распространение. Эта псевдонаучная идея, не имевшая под собой не только никаких славянских рукописных памятников, но и никакого алфавита, совершенно игнорировала обстоятельства возникновения славянской письменности, документированные житиями святых Кирилла и Мефодия и другими историческими источниками, определенно указывающими на Кирилла как на создателя славянского письма. Поддержанная видными учеными, она сыграла свою негативную роль и на многие годы отвлекла советских исследователей от изучения христианских культурно-исторических истоков славянской письменности. Идея эта критиковалась зарубежными славистами, в частности болгарскими. Рассматривая гипотезу о восточнославянском происхождении глаголических знаков, П. Илчев, автор статей об азбуках в четырехтомной «Кирилло-Мефодиевской энциклопедии», пишет: «Сегодня оживление в этой области поддерживается главным образом неспециалистами, для которых не составляет труда открыть первоисточник глаголицы в каких угодно письменных знаках, лишь бы они были найдены в районе Черноморского бассейна» [4, с. 298].

Наш обзор ограничен только теми научными сюжетами, в которых поднимается проблема докирилловского письма у восточных славян, но ими не исчерпываются научные мифы советского времени о происхождении славянской письменности. Причины такого положения дел кроются не в недостатке доказательной базы, а в ангажированности научного поиска, породившего массу околонуточных спекуляций, которые продолжают. И сегодня авторы распространенных мифосюжетов о докирилловском письме ссылаются на якобы обнаруженную «протоглаголицу» на артефактах IV–V вв. в районе Причерноморья, на строчку о «русских письменах» в Пространном житии Кирилла, на упоминания о «чертах и резах» в сказании Черноризца Храбра «О письменах» и пр. Приведенные вне исторического и научного контекста, эти ссылки являются спекуляциями или просто ошибками понимания исторического текста. Так называемые «причерноморские знаки», выдаваемые за «протоглаголицу» и докирилловскую письменность у славян, на самом деле к глаголице не имеют никакого отношения и не идентичны ее начертаниям. Они

представляют собой разнообразные знаки (тамговые, знаки собственности и пр.) на предметах разных культур и разных эпох, которые не отражены в каких-либо текстах, не являются знаками письма, а были собраны в один ряд искусственно. Глаголица же, как устанавливается при современном семиотическом подходе, — это азбука церковнославянской традиции, изобретенная св. Кириллом, и буквы ее являются символами, в которых заключены ценности христианского мирозерцания [6].

Библиографический список

1. Гиппиус А.А. Берестяные грамоты и начало древнерусской письменности. URL: <http://postnauka.ru/video/52694>.
2. Лихачев Д.С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности // Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
3. Истрин В.А. Развитие письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. Гранстрем Е.Э. О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ. 1955. Т. 11.
5. Илчев П. Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия. София: Изд-во на БАН. Т. 1.
6. Карпенко Л.Б. Глаголица св. Кирилла: К истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 16–39.

References

1. Gippius A.A. Berestianye gramoty i nachalo drevnerusskoi pis'mennosti [Birchbark letters and the beginning of the old Russian literature]. Retrieved from: <http://postnauka.ru/video/52694> [in Russian].
2. Likhachev D.S. Neskol'ko zamechanii o vzniknovenii russkoi pis'mennosti [Some remarks about the emergence of Russian writing] in *Likhachev D.S. Vozniknovenie russkoi literatury [The emergence of Russian literature]*. L.: Izd-vo AN SSSR, 1952 [in Russian].
3. Istrin V.A. Razvitie pis'ma [The development of writing]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961 [in Russian].
4. Granstrem E.E. O proiskhozhdenii glagolicheskoi azbuki [On the origin of the Glagolitic alphabet]. *TODRL*, 1955, Vol. 11 [in Russian].
5. Ilchev P. *Glagolitsa* [The Glagolitic alphabet] in *Kirilo-Metodievskia entsiklopediia* [Kirilo-Metodievskia encyclopedia]. Sofia: Izd-vo na BAN, Vol. 1 [in Russian].
6. Karpenko L.B. Glagolitsa sv. Kirilla: K istokam slavianskoi dukhovnosti [The Glagolitic alphabet of St. Cyril: To the origins of Slavic spirituality] in *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. M.: Izd-vo RAGS, 2009, pp. 16–39 [in Russian].

*L.B. Karpenko, G.Yu. Karpenko**

MYTHS OF SOVIET SCIENCE ABOUT THE ORIGIN OF EAST SLAVIC WRITING (ANALYSIS AND CRITICISM)

The article deals with the emergence of writing in the East Slavs. It offers an analysis of the basic scientific concepts of the Soviet era of the early East Slavic written language and dependence on them of some modern myths on this topic.

Key words: Soviet science, origin of East Slavic written language, writing alphabet before Cyril, the Glagolitic alphabet.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Karpenko Ludmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communications, *Karpenko Gennady Yurievich* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 904

*Н.А. Федорова**

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX В. И ЕЕ РЫЦАРИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ» ПОД РЕД. Н.Н. КАБЫТОВОЙ, П.С. КАБЫТОВА, В.В. КОНДРАШИНА (САМАРА: ИЗДАТЕЛЬСТВО «САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ», 2014. 486 С.)

В рецензии приводится анализ содержания и структуры книги, ее научной ценности. Книга отличается новизной, тщательным историографическим анализом, интересным подходом к аграрной истории XX века. Автор рецензии считает возможным и необходимым продолжить исследования в этой области, дополнив их материалом об аграрниках Татарстана и исторической научной школе Казанского университета.

Ключевые слова: аграрная история, государственная система, политика, крестьянство.

В издательстве Самарского университета в 2014 году опубликована книга «Аграрная история XX века: историография и источники» [1]. Кому и чем интересна эта книга? Попробуем разобраться...

Для начала примем два постулата. Первый – Россия на протяжении почти всей своей истории была страной аграрной, главной производительной силой было крестьянство, что наложило свой отпечаток на все аспекты политики, экономики, культуры, сформировало психотип, ментальность ее жителей. Как ни покажется странным, но даже дворянство вело преимущественно сельский образ жизни, поскольку жизнь в городах была достаточно дорогой, особенно в столицах. Отсюда напрашивается вывод о безграничном разнообразии сюжетов, проблем, событий, которые подпадают под критерий аграрной истории России.

Второй – касается выбора историком направления своих научных интересов. Выбирая область исследовательской проблематики, ты выбираешь судьбу, поскольку ты вступаешь в некую особую интеллектуальную общность, становишься ее частью. Думаю, многие со мной согласятся, что сообщество историков-аграрников достаточно закрытое и не всякого, занимающегося историей российской деревни, можно считать историком-аграрником. Это своеобразная корпорация со своими традициями, явными и скрытыми связями, определенными научными приоритетами. Ее члены весьма осторожно принимают в свою среду новичков и далеко не всякий способен здесь закрепиться, заявить о себе.

Наиболее сложным, противоречивым, ломающим все традиции и привычки стал в нашей истории XX век. Слом государственной системы, утверждение новой идеологии с

* © Н.А. Федорова, 2016

Федорова Наталья Анатольевна (nfjodogo@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

провозглашением гегемонии пролетариата и последовавшая затем форсированная индустриализация способствовали утверждению в обществе мнения о вторичности для экономики страны сельского хозяйства и отсталости крестьянства. В этой атмосфере сделать объектом своих исследований аграрную историю было дано не всякому, это требовало особого характера. Вот об этих людях и об их вкладе в разработку различных аспектов истории российской деревни последней трети XIX – XX вв. рассказывает данная книга.

Она состоит из трех разделов. Первый повествует о выдающихся историках, оставивших свой след в аграрной историографии. Его особенностью можно считать то, что авторы весьма бегло, без деталей освещают биографию ученого. Главная их задача состоит в анализе научного наследия историка, раскрытии его вклада в разработку той или иной проблемы, показе того принципиально нового, что внес ученый в историографию. Второй посвящен рассказу о зарубежных исследованиях и международных проектах по проблемам истории российской деревни. Хронологические рамки второго раздела охватывают 1990–2000-е годы, период интенсивного международного сотрудничества российских историков со своими зарубежными коллегами. Третий подводит итоги региональных разработок проблем аграрной истории Среднего Поволжья. Он почти полностью посвящен состоянию исследований аграрных проблем периода конца XIX – начала XX вв., и только последний параграф резюмирует результаты исследований реализации аграрной политики сталинизма в Мордовии. Давайте подробнее познакомимся с содержанием каждого раздела.

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу, в соответствии с которым первый раздел состоит из двух глав. В первой мы знакомимся с историками, посвятившими свои труды проблемам аграрного развития пореформенной России конца XIX – начала XX вв. Большинство очерков написано профессором П.С. Кабытовым. Доминирует здесь социально-экономическая проблематика, раскрывающая особенности аграрного капитализма в нашей стране, его проявление в различных регионах (Поволжье, Урал, Сибирь).

Это очень интересная глава, которая рассказывает, по сути, о трех поколениях историков, сформировавшихся в условиях советского периода истории нашей страны. Старшее поколение представлено через призму биографий и научного наследия С.М. Дубровского, Е.И. Медведева, А.М. Анфимова, И.М. Ионенко, Н.Л. Клейн. Они были тем связующим звеном, которое сохраняло преемственность советских историков с дореволюционной российской историографией. К среднему можно отнести работу Г.А. Герасименко, В.Г. Тюкавкина, П.С. Кабытова, Н.В. Полина; условно третьим поколением можно считать П.И. Савельева, Н.Ф. Тагирова, М.И. Роднова. Что общего у этих людей, что их объединяет, кроме научных интересов? Сразу обращает на себя внимание тот факт, что за редким исключением эти люди – выходцы из сельской среды, что повлияло на их выбор научной проблематики.

Глава открывается небольшим очерком о жизни и научной деятельности С.М. Дубровского – одного из первых советских историков-аграрников [1, с. 10–13]. Как и многие свои современники, он был вовлечен в водоворот революции и классовой борьбы, что и определило политическую ортодоксальность, а также многогранность его не только научной, но и общественной, педагогической, административной деятельности. На многогранность его работы повлияли обстоятельства его жизни, репрессии середины 1930-х годов, в результате которых профессору С.М. Дубровскому пришлось поработать даже водоносом. Здесь, думаю, надо внести небольшое уточнение в текст, связанное с работой С.М. Дубровского в музее (1946–1949 гг. – в Казани, позднее в ссылке в Енисейске). П.С. Кабытов указывает, что С.М. Дубровский «был консультантом по построению экспозиции в музее, участвовал в разработке технико-экономических планов» [1, с. 12]. Исходя из специфики музейной работы речь, скорее всего, идет о тематико-экспозиционных планах (ТЭП), по которым, собственно, и строится экспозиция. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что главная заслуга С.М. Дубровского состоит в том, что он заложил основы марксистско-ленинского понимания особенностей аграрного капитализма в начале XX в.

Неблагополучно вначале складывалась судьба сына репрессированного в 1941 г. В.Г. Тюкавкина. Работа в сибирском колхозе и на лесозаготовках в годы Великой Отечественной войны, невозможность получить золотую медаль по окончании школы и многие иные жизненные сложности не сломили характер и стремление юноши учиться. В конце 1940-х гг. для детей репрессированных были открыты двери не всех вузов страны, но, как ни парадоксально, их принимали в педагогические и медицинские учебные заведения. Вот выпускником Иркутского пединститута и был лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки РФ В.Г. Тюкавкин. Его вклад в разработку вопросов о направлениях и темпах аграрно-капиталистической эволюции неоспорим. Не утрачивает значимости его вывод о том, что «тип аграрного капитализма нельзя путать с уровнем развития капитализма, так как последний зависит не только от типа эволюции, но и от конкретно-исторических условий, от того, на какой стадии находится это развитие [1, с. 27].

На марксистской методологии всю свою жизнь оставался и Е.И. Медведев, чья биография состоит из своеобразных взлетов и падений [1, с. 66–74]. Чудом избежавший отсидки в Гулаге в середине 1930-х годов, он вновь подвергается гонениям в конце 1940-х, его дважды исключали из коммунистической партии, лишали работы, запрещали преподавательскую деятельность. Тем не менее он оставил после себя более 20 монографий, был составителем 6 сборников документов, автором учебно-методических пособий, научным руководителем более 30 кандидатских диссертаций, одним из организаторов и председателем поволжской секции Научного Совета АН СССР по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция». Анализируя его вклад в разработку аграрной проблематики, Н.Н. Кабытова (автор очерка о Е.И. Медведеве) отмечает: «...цитируя многочисленные документы, историк вольно или невольно воссоздавал повседневную жизнь крестьянства в период революционного экстрима» [1, с. 70–71]. Таким образом, в его трудах содержатся первые попытки реконструкции истории крестьянской повседневности в Поволжье.

Е.И. Медведева сменил на посту председателя поволжской секции Научного совета АН СССР И.М. Ионенко. Нельзя не согласиться с П.С. Кабытовым, часто употребляющим слово «впервые», рассказывая о научном наследии нашего с ним общего наставника. Да, И.М. Ионенко впервые поставил вопрос о «необходимости изучения низовых крестьянских организаций», обратил внимание на наличие блока казанских большевиков с левыми эсерами осенью 1917 г., впервые исследовал роль армии в подготовке и проведении революции, «ввел в научный оборот архивные дела казанского военно-окружного комитета» [1, с. 76–77] (и многие другие документы), впервые заставил задуматься о крестьянской общине в условиях советской власти. Добавлю от себя, что на одной из последних в своей жизни аграрных конференций И.М. Ионенко обратил внимание на неизученность церковного и монастырского землевладения и хозяйствования в начале XX в. До сих пор не все идеи и предложения И.М. Ионенко реализованы, и если не его непосредственные ученики, то ученики его учеников имеют шанс на их воплощение.

Тему участия солдат в революционных событиях 1917 г. развивал в своих работах Г.А. Герасименко [1, с. 46–66]. Однако если И.М. Ионенко от крестьянской проблематики пришел к изучению солдатских масс, то Г.А. Герасименко проделал обратный путь, от солдат к крестьянам. Начав с изучения политической борьбы в низовых советах в 1917 г. на Нижней Волге (в Саратовской и Астраханской губерниях), роли солдат в установлении советской власти на местах, в своей докторской диссертации он сосредоточил внимание на истории низовых крестьянских организаций. Он опирался в своих изысканиях на массовые источники, проводил фронтальное изучение архивных комплексов. Прочная источниковая база и критический подход к информационному потенциалу любой группы документов позволили Г.А. Герасименко в переходных (для многих кризисных) условиях отказа от догматического марксизма продолжать исследовательскую практику. Кропотливая работа в архивах Самарской, Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей подсказали ученому многие сюжеты, а переезд в Москву расши-

рил территориальные рамки исследований. На мой взгляд, особое место в научном наследии ученого принадлежит монографии о земском самоуправлении. Во-первых, в ней была показана жизнеспособность и эффективность земств. Во-вторых, само собой напрашивалось сравнение земских структур с советами. В-третьих, книга была опубликована в 1990 г., когда наша страна находилась на перепутье и обращение к опыту земств было весьма актуальным.

К представителям старшего поколения относится и корифей аграрной истории А.М. Анфимов. В параграфе, ему посвященном, на концептуальном уровне рассматривается его вклад в анализ социально-экономических проблем пореформенного крестьянского и помещичьего хозяйства [1, с. 13–18]. Здесь содержится первое упоминание о трагических для развития аграрной исторической науки событиях конца 1960-х – нач. 1970-х годов, когда научные дискуссии были прекращены административными решениями. Эти факты еще не раз в той или иной степени встретятся в тексте книги, поскольку с ними связаны судьбы не одного только А.М. Анфимова, но и многих персонажей биографических очерков монографии. Сегодняшнее поколение молодых ученых вряд ли представляет себе, с каким трудом прокладывала себе путь научная мысль, особенно в исторической сфере. В советский период история считалась наукой идеологической, призванной обосновывать правильность проводимой властью политики, и тем самым превращалась в «сферу обслуживания».

«Оттепель» конца 1950-х – начала 1960-х годов породила большие надежды на демократизацию существующего режима. Особенно активно на нее откликнулась творческая и научная интеллигенция. В среде историков развернулись многочисленные дискуссии, не выходящие, однако, за рамки марксистской идеологии. Они явились попыткой переосмыслить ленинские труды, очистив их от догматизма сталинских времен, и на их основе рассмотреть историческое развитие России. В этой атмосфере сформировалось новое направление советской исторической науки, были поставлены новые вопросы истории развития капитализма, зрелости предпосылок революций 1917 г., многоукладности, социалистического строительства и т. д. Новое направление исторической мысли возглавляли А.М. Анфимов, В.П. Данилов, К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер и др.

Развития высказанные в те времена идеи не получили, политическая атмосфера в стране изменилась с приходом к власти консервативного крыла КПСС. Для историков дело осложнилось тем, что заведующий отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников тоже был историком, более того – занимался изучением вопросов аграрного развития. У ортодоксальных сторонников марксизма не хватало научных аргументов для ведения свободной дискуссии, и они применили административные действия. Власть уже не могла просто посадить историков в тюрьму или отправить в ссылку, но в типографиях рассыпались наборы книг, закрывались и расформировывались секторы и отделы в институтах, сторонников нового историографического направления увольняли с работы, переводили на другие должности, переставали публиковать, вынуждали официально признавать ошибочными свои идеи. В итоге это задержало развитие исторической мысли на 20–25 лет. Возрождение началось очень осторожно. Осмелюсь предположить, что начало этому процессу было положено в феврале 1987 г. на Всероссийской научной конференции в Казанском университете, посвященной 70-летию Октябрьской революции, с выступления К.Н. Тарновского.

Возвращаясь к рассмотрению научного наследия А.М. Анфимова, надо заметить, что оно представляет сегодня несомненный интерес, даже в тех публикациях, которые относятся к периоду «застоя». П.С. Кабытов верно отметил, что в своих монографиях 1980 и 1984 гг. издания «историк... при анализе многих проблем аграрной истории пореформенной России оставался на прежних теоретических позициях» [1, с. 18]. И это не парадокс, а проявление таких понятий как научная честь, нравственность, профессионализм.

Среди историков-аграрников третьего поколения наиболее яркой фигурой из упомянутых в монографии, на мой взгляд, является М.И. Роднов [1, с. 3–12]. Он заявил о

себе сразу; невзирая на авторитеты и общепринятые каноны, отстаивал собственное мнение. Я познакомилась с ним в 1987 г., когда он обсуждал свою кандидатскую диссертацию у нас на кафедре в Казанском университете, затем состоялась ее защита. Долгие годы мы обмениваемся своими публикациями, а иногда обмениваемся мнением по поводу новинок историографии. Мне импонирует его интерес к массовым историческим источникам, к статистике, к использованию при анализе исторических документов математического инструментария и современных информационных технологий. Благодаря его труду в научный оборот были введены материалы различных статистических обследований. В частности, им были обработаны первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 5 уездам Уфимской губернии. «В них приведены уникальные сведения по демографии, национальному составу, хозяйству и социальной структуре сельского населения. ...Впечатляет и то, что Роднов сопоставил данные переписи, проводившейся в 1912–1913 гг., с подсчетами по деревням Бирского уезда сведений переписи 1917 г.» [1, с. 107–108]. Я полностью согласна с высокой оценкой многогранной работы М.И. Роднова (историка, краеведа, демографа, пропагандиста и популяризатора отечественной истории) и с итоговым выводом П.С. Кабытова о том, что он находится «на гребне современной российской историографии» [1, с. 121].

Вряд ли можно более-менее подробно рассмотреть все параграфы первого раздела рассматриваемой монографии. Подводя итог ее первой главы, хочу отметить несколько моментов, которые остались для меня непонятыми и непринятыми. Мне непонятен порядок, в котором очерки первой главы следуют друг за другом. Мне кажется, было бы разумнее положить в его основу принцип региональной принадлежности (можно было бы рассмотреть общее и особенное Казанской, Самарской, Саратовской школы историков-аграрников) или возрастную составляющую (тогда отслеживается преемственность научных школ, научных поколений). Или что-нибудь еще по усмотрению авторов и редакторов книги. Но понять, почему рассказ о Г.А. Герасименко идет до рассказа о И.М. Ионенко я не смогла.

Не могу сказать, что меня удовлетворяют наименования параграфов первой главы. Странно выглядит упоминание одного историка по имени и отчеству, а другого — просто по фамилии с инициалами. Кроме того, указание в заголовке параграфа на региональную принадлежность (например, «самарский историк...») выглядит не вполне корректно, поскольку любой ученый имеет место жительства, но круг его научных интересов этим местом не ограничивается. Остается впечатление, что названия параграфов первой главы и ее структура были второстепенными вопросами, в отличие от их содержания, как для авторов, так и для редакторов книги.

В этом плане выигрывает вторая глава первого раздела. В ней рассматриваются историографические проблемы истории советского крестьянства. В названиях параграфов у всех персоналий даны полные имена и обозначена (не всегда равно удачно) их исследовательская проблематика. Правда, В.В. Кондрашин, ведущий автор второй главы, двум своим очеркам дал практически одинаковые названия — в первой главе «Петр Серафимович Кабытов — патриарх аграрной историографии Поволжья», а во второй — «Николай Яковлевич Гушин — патриарх аграрной историографии Сибири XX века». Так что в одной книге, в одном разделе соседствуют два патриарха...

Итак, вторая глава открывается параграфом, рассказывающим о В.П. Данилове. Думаю, что все согласятся с заявленной в названии параграфа оценкой — «выдающийся исследователь аграрной истории России XX века» [1, с. 163]. Автор этого очерка В.В. Кондрашин не претендует на всеобъемлющую характеристику того вклада, который внес В.П. Данилов в разработку проблем отечественной исторической науки, и верно указывает, что это предстоит еще сделать не одному поколению российских и зарубежных исследователей. Но вот что интересно, публикации любого ученого в любой области знания со временем устаревают, научная мысль движется вперед, и только единицы на протяжении долгого времени остаются востребованными. Такое происходит с трудами В.П. Данилова, которые по прошествии лет не утрачивают своей актуальности, а в чем-то ее только приобретают, раскрываясь новыми гранями.

Человек сложной судьбы, В.П. Данилов не любил рассказывать о себе, имел ограниченный круг лиц, с которыми поддерживал неформальные отношения, был довольно замкнутым человеком. Но когда я в 1987 г. привезла в Москву свою диссертацию (он был моим оппонентом по кандидатской диссертации) и позвонила ему с вокзала, то первым вопросом к незнакомому ему лично человеку был вопрос «Вам есть, где переночевать?». Это говорит о многом и характеризует личные качества лучше, чем какие-либо официальные документы. Познакомились мы только накануне моей защиты. Я встретила своего оппонента на вокзале, и первое, что он мне сказал, было для меня шоком. Он мне сообщил, что не привез с собой отзыв на мою работу. Видимо, я поблуднела, а он улыбнулся и утешил — «Но главное, что я приехал, а текст я сейчас напишу в гостинице». Замечаний по моей работе у него было всего два, причем первое было связано с досадной ошибкой по невнимательности с моей стороны, а над вторым надо было думать годами и проводить новое исследование.

В.В. Кондрашин в данном очерке останавливается не только на анализе работ В.П. Данилова, но и рассказывает о том, как научные идеи пробивали себе дорогу в атмосфере советской идеологии. Он пишет о лидерстве В.П. Данилова в дискуссиях 1960-х гг. о многоукладной экономике, о кооперации, коллективизации и ее предпосылках, о личной роли И.В. Сталина в событиях 1920–1930-х годов в советской деревне. В.В. Кондрашин довольно мягко повествует о тех гонениях, которым подвергся В.П. Данилов за свою принципиальную позицию историка, которая может и должна служить примером всем, вставшим на тернистый путь науки [1, с. 166–167].

Хочу отметить еще два положения, высказанные В.В. Кондрашиным и показавшиеся мне принципиально важными. Первое — зная по собственному опыту, что свобода научной мысли в нашей стране может оказаться весьма кратковременной и допуск к архивным фондам могут в любой момент ограничить, В.П. Данилов в новых политических условиях России сосредоточил свое внимание на публикации документов. Кроме того, он привлек к этой работе зарубежных коллег. Думаю, что сделано это было не только из-за экономических трудностей, как отмечает автор [1, с. 175], но и для того, чтобы закрыть проект каким-нибудь административным решением было труднее. Так мы и наши потомки получили комплекс документальных материалов, раскрывающих трагедию советской деревни и проливающих свет на многие вопросы истории России XX в. [2–4]. Более подробно об истории реализации этих международных проектах В.В. Кондрашин останавливается во втором разделе книги.

Второе, на что хочу обратить внимание, — это позиция В.П. Данилова по отношению к политике, проводимой в России в постсоветские годы. Автор считает, что ученый остался «убежденным коммунистом-”шестидесятником”» [1, с. 171]. Думаю, что не все так просто и не в наивной вере в победу социализма коренилось неприятие В.П. Даниловым многих мероприятий современных реформаторов. Как ученый-аграрник он видел глубже и просчитывал многие последствия этих преобразований, указывая, что для «эффективного сельского хозяйства важна не форма собственности, а форма организации производства, оптимальная для конкретного региона». Уверена, что всесторонний анализ творческого наследия В.П. Данилова еще впереди.

Двум знаменитым исследователям истории коллективизации посвящены следующие параграфы второй главы — Н.А. Ивницкому и И.Е. Зеленину. В.В. Кондрашин смог не только показать динамику их взглядов, но и определить то принципиально новое, что каждый из них внес в изучение проблемы. Он рассказал и о некоторых фактах научной биографии ученых, показав широту их научных интересов и представив их не только в качестве академических исследователей, но и архивистов, редакторов, общественных деятелей, организаторов науки. В очерках присутствуют сюжеты, перекликающиеся с очерком о В.П. Данилове, поскольку эта когорта историков-аграрников не только работала в одном институте АН СССР (позднее РАН), но и была союзом единомышленников, участвовала в одних и тех же проектах.

Далее во второй главе следуют очерки о региональных историках. Сибирь представлена рассказами о жизненном и научном пути Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных; Уральский регион явился объектом работ Г.Е. Корнилова, Центральное Черноземье — С.А. Есикова, а Поволжье — В.В. Кондрашина, О.А. Суховой, А.А. Тарховой, В.Е. Маляева и историков Мордовии — В.А. Юрченкова, Т.В. Надькина, В.К. Абрамова. Каждый из них по-своему интересен. Заслуга авторов состоит в том, что они смогли показать самобытность и новаторский характер как трудов корифеев аграрной исторической науки, так и ярко заявивших о себе исследователей более молодого поколения.

Сибирские историки представлены двумя поколениями. Труды Н.Я. Гущина заложены принципы региональной историографии, он по праву считается основателем новосибирской школы историков-аграрников. Доминантной темой его научной работы было раскулачивание сибирского крестьянства. Ему он посвятил значительное место в докторской диссертации, на основе которой подготовил монографию, снятую с издания в 1969 г., в переработанном виде в качестве курса лекций книга была издана в 1972 г. ограниченным тиражом, к этой же теме он вернулся и в 1990-е годы. Идеологический прессинг советских времен оказался полезен настоящему ученому. Для доказательства своей правоты он обратился к массовым историческим источникам, статистическому материалу и вопросам исторической демографии. Он одним из первых показал человеческую трагедию крестьянства, последствия которой сказывались практически на всех социально-экономических, демографических, культурных показателях долгие годы. Я бы отнесла Н.Я. Гущина не просто к историкам-аграрникам, а к крестьяноведам.

Учеником и последователем Н.Я. Гущина является В.А. Ильиных. Его работы поражают широтой проблематики, широтой охвата хронологических границ. Он в равной степени профессионально пишет об экономике крестьянского хозяйства в условиях НЭПа и о состоянии советских совхозов в 1960–1980-е годы, характеризует трансформации аграрного строя Сибири и кризисы сельского хозяйства в XX в. В.В. Кондрашин обращает особое внимание на теоретические построения данного автора, тем более что они прошли апробацию на конкретно-историческом материале аграрного строя Сибири [1, с. 234–236]. В.А. Ильиных вводит в научный оборот понятие «социалистического раскрестьянивания», которое он делит на этапы и завершает 1970-ми годами, «когда коренным образом меняется социокультурный тип сельского жителя» [1, с. 238]. Идея кажется очень интересной и привлекательной для исследования на материалах других регионов. Было бы полезно на современном социологическом материале определить, насколько глубоко изменения в социокультурной типологии сельского населения.

Нельзя обойти молчанием очерк, анализирующий научную работу С.А. Есикова, и нельзя не поддержать автора очерка В.В. Кондрашина, назвавшего его наиболее яркой и неординарной личностью современной аграрной историографии [1, с. 218]. С горечью приходится констатировать безвременную кончину С.А. Есикова в августе 2015 г. Происходя из семьи служащих, он всю свою творческую жизнь связал с крестьянством, поддержал и развил лучшие идеи отечественного и мирового крестьяноведения. Свои концептуальные положения и исследовательские выводы он умел излагать коротко, ясно, а подчас и в занимательной форме. Были у него и организаторские способности. Помнится, на одной из конференций историков-аграрников он так оптимизировал работу секции, что мы смогли заслушать более 30 докладов и сообщений за одно заседание. Своим примером он доказал, что «изучать историю России можно и на региональном материале, если использовать его не как иллюстрацию... а как информацию, отражающую суть того или иного исторического феномена общероссийского значения, но со своими региональными особенностями» [1, с. 219]. Не ограничивая свои исследования жестко определенными хронологическими рамками, С.А. Есиков рассмотрел социальный институт поземельной общины и ее роль в условиях реформ и революций вплоть до коллективизации. Он оставил свой вклад в деле выявления, публикации и изучения документов «Антоновщины», участвовал в полемике по поводу альтернатив сталинской

коллективизации, пришел к выводу о ее неизбежности в России. Думается, что этот исследователь многое еще мог бы сделать для изучения проблем аграрной истории нашей страны.

В.П. Данилов однажды в своем выступлении заметил, что тема коллективизации актуализируется в переломные моменты в жизни нашей страны. Она продолжает и сегодня привлекать историков. Среди них – Л.Г. Филатов и Т.Д. Надькин. Небольшие очерки о них написаны В.А. Юрченковым. Параграф, в котором анализируется научное наследие Л.Г. Филатова, интересен не только оценкой автора, но и рассказом о научной полемике, которая развернулась в региональной историографии в связи с публикацией в журнале «История СССР» в 1968 г. статьи Л.Г. Филатова об особенностях коллективизации в Мордовии. Как пишет В.А. Юрченков, она отразила на местном уровне возникающие противоречия между официальной точкой зрения и научными поисками, была своеобразным отражением общероссийской ситуации в исторической науке [1, с. 280].

В очерке о Т.Д. Надькине даны краткая хронология основных вех биографии исследователя и довольно подробный анализ результатов его научных изысканий. На материалах Мордовии Т.Д. Надькин рассматривает глобальную проблему взаимоотношений крестьянства и власти. Для любой власти крестьянство является неудобной социальной группой, поскольку не нуждается в ней, опирается на самоуправление, самостоятельно решает производственные проблемы. Вполне логичным представляется вывод о том, «что модель взаимоотношений власти с крестьянством в виде «господства и подчинения» не устраивала значительную часть последнего, что поставило деревню в 1930–1931 гг. на грань гражданской войны» [1, с. 273].

Несколько особняком стоят в конце главы параграфы, посвященные не столько концептуальным положениям истории советской деревни, сколько ее художественному осмыслению. Более, чем научными трудами, своими литературными произведениями известен В.Е. Малязов. Его деревенская проза – это крик души человека, понимающего как ученый, что вместе с обезлюживанием деревни уходит «огромный мир, связанный с вековыми традициями народной культуры, подлинной духовности, на которых веками стояло государство Российское» [1, с. 297]. А.А. Тархова является работником культуры, руководителем фольклорного ансамбля «Реченька», ведет на Пензенском телевидении музыкальную передачу и тем самым не только изучает или пропагандирует народную культуру, но и выступает ее частью. Высокая оценка ее монографии о культуре русской деревни дана В.В. Кондрашиным.

Перечислять все параграфы и рассказывать о всех персоналиях рассматриваемой книги невозможно. Я сознательно не касаюсь параграфов, написанных авторским коллективом друг о друге. Это три лидера современной аграрной историографии, о которых специалисты все знают и без моих комментариев.

Второй раздел монографии целиком написан В.В. Кондрашиным. Он рассказывает об участии российских историков в международных проектах. Специалисты хорошо знают результаты этой деятельности, пользуясь многотомными публикациями документов по истории сельского хозяйства и крестьянства России [2–4]. Эта часть монографии примечательна прежде всего тем фактом, что история возникновения и реализации этих программ написана одним из непосредственных участников работы. Автор даже был вынужден писать о себе в третьем лице.

Для меня более интересным оказался параграф с рассказом о японской историографии и участии японских исследователей в создании истории российского крестьянства в XX в. В отечественной историографии пока не укоренилась традиция ссылаться при анализе зарубежной историографии на японских ученых. И дело здесь не только в незнании японского языка. Значительное число работ японских историков опубликовано на английском языке, а часть даже переведена на русский.

Особое внимание в силу политической актуальности имеет параграф, в котором В.В. Кондрашин рассказывает о полемике с украинскими коллегами по вопросу о

голоде и истории голодомора в 1932–1933 гг. Будучи ведущим специалистом по проблеме, автор отлично знаком с документальной основой как российских, так и украинских исследований. Полемика носит более политико-идеологический, чем научный характер. В нее включены не только ученые России или Украины, но и США, Австралии, Канады. Приятно отметить сдержанный спокойный тон, толерантность, уважение к мнению оппонентов, проявленные В.В. Кондрашиным в данном параграфе.

Думаю, что знакомство с данным разделом монографии будет особенно полезно для студентов и аспирантов, для исследователей, делающих первые шаги в профессиональной исторической науке.

Третий раздел рассматривает историографию аграрной истории России с точки зрения научной проблематики. Его авторы знакомят читателя не с историками, внесшими заметный вклад в разработку разных вопросов (ни один из них не замыкался на одной теме в своей многогранной работе), а с современным состоянием изучения наиболее актуальных проблем аграрной истории. Подводить итоги – самая сложная задача, поскольку наука постоянно движется вперед, меняя приоритеты. Любое подведение итогов имеет смысл, только когда в выводах определяются перспективы дальнейших исследований. Решение именно этой задачи в полной мере удалось авторам третьего раздела.

Среди выделенных проблем отмечены такие, как социально-экономические вопросы дворянского хозяйства (3 параграфа), сельская поземельная община (3 параграфа) и коллективизация. Это не новые темы, общинную проблематику вообще можно считать вечной темой нашей историографии. Тем больший интерес представляет знакомство с современным состоянием их разработки на региональном уровне. Отрадно заметить, что авторы не ограничиваются констатацией наиболее крупных публикаций авторитетных авторов. Так, Е.П. Баринава не обошла вниманием даже материалы студенческой конференции [1, с. 411].

Выделяется в третьем разделе параграф, освещающий общественно-политические функции общины в 1917 г. Это единственный в монографии конкретно-исторический текст, созданный на документальном материале архивов. Он замечателен своим обращением к первоисточникам и демонстрацией результатов работы с ними. Н.Н. Кабытова в очень небольшом объеме смогла раскрыть процесс политизации крестьянских общественных объединений. «Сельские сходы и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире» [1, с. 444–448].

Подводя общий итог анализу монографии, хочу высказать благодарность ее авторам за проведенный тщательный историографический анализ, за корректное, уважительное отношение к своим предшественникам и коллегам. Все сюжеты книги написаны с позиций объективизма и правды истории. Эта книга имеет не только познавательное значение, но и воспитательное. Она должна быть рекомендована студентам, магистрантам и аспирантам всех направлений исторической подготовки во всех вузах Поволжско-Уральского региона. Полезно было бы ее почитать и столичным молодым исследователям. На примере работы историков-аграрников старших поколений, на опыте истории формирования тех или иных концептуальных положений надо учиться не терять нравственные ориентиры. И это важно не только для сохранения личности, но и для подлинного развития науки в современных рыночных условиях.

На мой взгляд, книге не повредил бы материал об аграрниках Татарстана, об исторической научной школе Казанского университета. Хочу выразить надежду, что это будет сделано в следующей монографии, которая обязательно должна быть написана. Проблемы аграрной истории России XX века не закрыты...

Библиографический список

1. Аграрная история XX века: историография и источники: монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 486 с.

2. Крестьянская революция в России. М., 1994–2006.
3. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: в 4 т. М., 2000–2005.
4. Трагедия советской деревни: в 5 т. М., 1999–2006.

References

1. Agrarnaia istoriia XX veka: istoriografiia i istochniki: monografiia / pod red. N.N. Kabytvoi, P.S. Kabytova, V.V. Kondrashina [Agrarian history of the XX century: historiography and sources: monograph]. N.N. Kabytova, P.S. Kabytov, V.V. Kondrashin (Eds.). Samara: izd-vo «Samarskii universitet», 2014, 486 p. [in Russian]
2. Krest'ianskaia revoliutsiia v Rossii [Peasant revolution in Russia]. М., 1994–2006 [in Russian].
3. Sovetskaia derevnia glazami VChK-OGPU-NKVD. V 4 tomakh [Soviet village through the eyes of All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution, Sabotage and Speculation – Joint State Political Directorate – People's Commissariat of Internal Affairs. In 4 Vols.]. М., 2000–2005 [in Russian].
4. Tragediia sovetskoi derevni. V 5-ti tomakh [Tragedy of Soviet village. In 5 Vols.]. М., 1999–2006 [in Russian].

*N.A. Fedorova**

AGRARIAN HISTORY OF RUSSIA IN THE XX CENTURY AND ITS KNIGHTS

REVIEW ON THE MONOGRAPH «AGRARIAN HISTORY OF THE XX CENTURY: HISTORIOGRAPHY AND SOURCES» UNDER THE EDITORSHIP OF N.N. KABYTOVA, P.S. KABYTOV, V.V. KONDRASHIN. (SAMARA: IZDATEL'STVO «SAMARSKII UNIVERSITET», 2014. 846 P.)

In the review the analysis of the contents and the structure of the book, its scientific value is given. The book is characterized by novelty, detailed historiographic analysis, interesting approach to the agrarian history of the XX century. The author considers it possible and necessary to continue researches in the given area adding it with the material about agrarians of the Tatarstan and historical scientific school of Kazan University.

Key words: agrarian history, state system, policy, peasantry

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.
The article received 15/XII/2015.

* *Fedorova Natalia Anatolievna* (nfjodoro@yandex.ru), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, 18, Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кабытов Петр Серафимович, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой российской истории, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции» (заш. в 1972 г.); тема докт. дис.: «Аграрные отношения в Поволжье в начале XX века» (заш. в 1983 г.). Автор и соавтор более 450 науч. работ, в т. ч. 18 монографий.

Область научных интересов: аграрная история, политическая история начала XX века, история и культура регионов России.

Кулбахтин Салават Назирович, кафедра зарубежной истории, Башкирский государственный университет.

Область научных интересов: история стран дальнего и ближнего зарубежья.

Смирнов Юрий Николаевич, д-р ист. наук, проф., Самарский университет. Тема канд. дис.: «Русская гвардия в первой половине XVIII в. (Социальный состав, принципы комплектования и участие в системе государственного управления)» (заш. в 1981 г.); тема докт. дис.: «Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX вв.)» (заш. в 1999 г.). Автор и соавтор более 270 науч. работ, в т. ч. монографий «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) Ч. 1–2. (2013–2014 гг.), «История Самары (1586–1917 гг.)» (2015 г.).

Область научных интересов: история России, история Поволжья и Приуралья, история культуры, военная история.

Кабытова Надежда Николаевна, д-р ист. наук, проф. каф. российской истории, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Крестьянские съезды в Поволжье в 1917 г.» (заш. в 1979 г.); тема докт. дис.: «Власть и общественные организации в Поволжье в 1917 г.» (заш. в 1999 г.). Автор и соавтор более 200 науч. работ, 10 монографий, в т. ч. «Власть и общество российской провинции в революции 1917 г.» (2002).

Область научных интересов: политическая и социальная история России в революции и Гражданской войне (1917–1920 гг.); социокультурное пространство российской провинции в XIX–XX вв.

Курышов Александр Викторович, канд. ист. наук, доц., гл. архивист компании СП «Софтформ». Тема канд. дис.: «История повседневности в ФРГ в 1970-е – первой половине 1990-х гг.»; тема докт. дис.: «Парламентаризм в Беларуси: сущность и особенности (1938–1996)». Автор 78 науч. публикаций, в т. ч. монографий «Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие» (Минск: Тесей, 2012), «Верховный Совет в политической жизни Беларуси: формирование, особенности деятельности, финал (1990–1996)» (Минск: Тесей, 2012).

Область научных интересов: современная политическая история Беларуси и России, парламентаризм.

Михайлик Александр Григорьевич, д-р экон. наук, д-р юрид. наук, зам. руководителя Центрального управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор).

Область научных интересов: история России.

Хасянов Олег Ренатович, канд. ист. наук, доц. каф. философии и истории, Ульяновская государственная сельскохозяйственная академия, докторант каф. российской истории Самарского университета. Тема канд. дис.: «Экономическая, общественная и культурная жизнь провинциального дворянства в начале XX века (на материалах Симбирской губернии)» (заш. в 2009 г.). Автор и соавтор 36 науч. работ, в т. ч. монографии «Провинциальное дворянство Российской империи в начале XX века: экономическая, общественная и культурная жизнь» (2011).

Область научных интересов: история России, социальная история, история повседневности, история крестьянства.

Баишев Никита Игоревич, аспирант каф. российской истории, Самарский университет, в 2013 г. окончил Самарский государственный университет по специальности «История». Тема буд. канд. дис.: «Спортивная повседневность в 1940-х – 1960-х гг. (на примере г. Куйбышев)».

Область научных интересов: история спорта и физической культуры, история г. Самары и г. Куйбышева.

Баканова Ирина Геннадьевна, канд. пед. наук, доц., каф. иностранных языков, Самарский государственный университет путей сообщения. Тема канд. дис.: «Профессионально-личностное развитие студентов-будущих экономистов в процессе изучения иностранного языка». Автор 21 статьи.

Область научных интересов: методика преподавания иностранных языков.

Никулина Ирина Вячеславовна, канд. пед. наук, доц., доц. каф. теории и методики профессионального образования, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Формирование профессионально-педагогической мобильности преподавателя высшей школы» (заш. в 2005 г.). Автор и соавтор более 30 науч. работ, в т. ч. монографии «Профессионально-педагогическая мобильность преподавателя высшей школы» (2007).

Область научных интересов: педагогическая психология, теория и методика проф. образования, педагогическая конфликтология.

Самохвалова Елена Михаловна, преподаватель Поволжского государственного колледжа. Тема буд. канд. дис.: «Внеучебная деятельность как фактор готовности студента колледжа к профессиональному общению». Автор 2 работ.

Область научных интересов: проблема влияния внеучебной деятельности на готовность студента колледжа к профессиональной деятельности.

Борзенко Ольга Викторовна, аспирант каф. педагогики и психологии профессионального образования, Пензенский государственный университет. Окончила Пензенский государственный университет в 2009 году. Окончила магистратуру в 2013 году, в аспирантуру поступила в 2013 году по специальности 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования». Тема буд. канд. дис.: «Формирование готовности студентов вуза к смыслообразующей профессиональной деятельности». Автор 25 науч. работ.

Область научных интересов: смыслообразование, самоопределение, профессиональная готовность.

Храмцова Анна Борисовна, канд. пед. наук, доц. каф. иностранных языков, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Формирование коммуникативной компетентности студентов-будущих юристов в процессе профессиональной подготовки». Автор и соавтор более 25 науч. работ, в т. ч. монографии «Формирование профессиональной компетентности студентов-будущих юристов» (Самара, 2011, в соавт.).

Область научных интересов: коммуникативное образование студентов, проф. компетентность юристов, готовность студентов будущих юристов к проф. деятельности.

Долгополова Анастасия Вениаминовна, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Подготовка старших дошкольников к обучению в школе в системе развивающих игр» (заш. в 1997 г.). Автор и соавтор более 60 науч. работ, в т. ч. монографии «Подготовка старших дошкольников к обучению в школе в игровой деятельности» (2007 г.).

Область научных интересов: теория и история педагогики, методология психолого-педагогического исследования.

Черкасова Ольга Викторовна, канд. пед. наук, доц. каф. педагогики, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Педагогические принципы обучения и воспитания в вальдорфской школе» (заш. в 1995 г.). Автор и соавтор более 30 науч. работ, в т. ч. монографий «Школа Рудольфа Штейнера» (1996); «Педагогическая система Рудольфа Штейнера» (2005).

Область научных интересов: теория обучения и воспитания, зарубежные образовательные технологии.

Кашина Елена Георгиевна, д-р пед. наук, проф. каф. английской филологии, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Деловая ролевая игра как средство обучения профессионально значимым коммуникативным умениям» (заш. в 1989 г.); тема докт. дис.: «Становление творческой личности учителя иностранного языка средствами театральных технологий» (заш. в 2004 г.). Автор 98 науч. работ, в т. ч. монографий «Театральные технологии подготовки учителя иностранного языка» (2003 г.), «Коммуникативно-театральный метод обучения иностранному языку: развитие множественных типов интеллекта у студентов» (2012 г.) и др.

Область научных интересов: профессиональная педагогика, формирование профессиональных навыков и умений средствами иностранного языка.

Карпенко Геннадий Юрьевич, д-р филол. наук, проф. каф. русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Творчество И.А. Бунина в контексте религиозно-философских и антропологических идей конца 19 – начала 20 века» (заш. в 1992 г.); тема докт. дис.: «Литературно-художественное сознание русской критики в контексте историсофских представлений (творчество В.Г. Белинского)» (заш. в 2002 г.). Автор и соавтор более 140 работ, в т. ч.

монографий «Творчество И.А.Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков» (1998 г.), «Возвращение Белинского» (2001 г.).

Область научных интересов: история русской классики, худ. антропология, историософия, религиозно-худ. сознание.

Шепалина Екатерина Александровна, магистрант 2 года обучения, направление: «Русская литература», Самарский университет, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью. Тема бакалаврской квалификационной работы: «Служение как социокультурный феномен: богословский и литературно-художественный аспекты». Тема магистерской дис.: «Евхаристический комплекс» русской словесности: возвращение и актуализация ценностей (литературоведческое и богословское осмысление)».

Область научных интересов: рус. и заруб. литература, И.С. Шмелев, окормление, соотношение духовного и природного.

Шевченко Екатерина Сергеевна, доц. каф. русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Трагикомический театр Николая Эрзмана»; тема докт. дис.: «Эстетика балагана в русской литературе 1900–1930-х годов». Автор 60 публикаций, из них 2 монографии – «Театр Николая Эрзмана» и «Эстетика балагана в русской драматургии 1900–1930-х годов».

Область научных интересов: русская литература XX века, поэтика драмы и театральная эстетика, худ. примитив.

Канина Светлана Юрьевна, канд. пед. наук, доц. каф. английского языка, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова. Тема канд. дис.: «Профилактика девиантного поведения школьников средствами креативности образовательной среды» (защ. в 2009 г.). Автор и соавтор 37 науч. работ, в т. ч. монографии «Креативность образовательной среды и профилактика девиантного поведения школьников» (2007 г.).

Область научных интересов: зарубежная литература, методика преподавания английского языка.

Кучумова Галина Васильевна, д-р филол. наук, проф. каф. немецкой филологии, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Поздняя проза К.М. Виланда: Проблематика и поэтика его романов» (год защ. 1997); тема докт. дис.: «Роман в системе культурных парадигм (на материале немецкоязычного романа 1980–2000 гг.)» (год защ. 2010). Автор и соавтор 170 науч. работ, в т. ч. 5 монографий: «Миры дискурса» (2015), «Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма» (2015), «Эстетическая реальность немецкого «романа поворота» (2015) и др.

Область научных интересов: мировая культура и литература, новейшая западноевропейская литература нового рубежа веков в поле культурологических и философских построений.

Скорород Наталья Степановна, канд. искусствоведения, доц. каф. драматургии и киноведения Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (СПбГИКит), доц. каф. русского театра Российского государственного института сценических искусств (РГИСИ). Тема канд. дис.: «Проблемы сценического прочтения прозы» (защ. в 2008 г.). Автор и соавтор более 40 науч. и критич. работ, в т. ч. монографий «Леонид Андреев» (серия ЖЗЛ, 2013 г.), «Анализ постдрамы» (2015 г.) др. Автор-составитель антологии «Сергей Эйзенштейн в отечественной рефлексии: pro et contra» (2014 г.).

Область научных интересов: отечественная драматургия и театр, сценическое воплощение прозы.

Моросеева Дарья Дмитриевна, аспирант каф. русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет.

Область научных интересов: литературоведение, современная литература, творчество И. Бахман.

Гумерова Нина Рашидовна, аспирант каф. зарубежной литературы и художественной культуры, филологический факультет, Башкирский государственный университет, в 2014 г. окончила Башкирский государственный университет по специальности «Магистр филологии». Тема буд. канд. дис.: «Фаустианская тема в английской литературе XX века». Автор 24 науч. работ.

Область научных интересов: сравнительно-сопоставительное литературоведение, компаративистика, фаустиана, английская литература, постмодернизм, П. Акройд, И.В. Гете, К. Марло.

Шарапова Дарима Данзановна, аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в 2014 г. окончила Московский государственный университет по специальности «Филология», поступила в аспирантуру кафедры истории русской литературы в 2014 году. Тема буд. канд. дис.: «Влияние жанра бульварного романа на творчество Ф.М. Достоевского». Автор 6 науч. работ.

Область научных интересов: филология, история русской литературы, творчество Ф.М. Достоевского, готический роман.

Хадынская Александра Анатольевна, канд. филол. наук, доц. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации, Сургутский государственный университет. Тема канд. дис.: «Экфразис как способ воплощения пасторальности в ранней лирике Георгия Иванова». Автор 30 науч. работ, в т. ч. монографии «Пасторальная традиция в ранней поэзии Георгия Иванова» (2011)

Область научных интересов: русская поэзия Серебряного века, поэзия русской эмиграции, пастораль в литературе.

Журчева Ольга Валентиновна, д-р филол. наук, проф. каф. русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет. Тема канд. дис.: «Эволюция драматургии Александра Володина» (1994 г.); тема докт. дис.: «Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века» (2009 г.). Автор более 80 науч. работ, в т. ч. монографий: «Образы времени и пространства как средство выражения авторского сознания в драматургии М. Горького» (2003), «Автор в драме: Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века» (2007).

Область научных интересов: русская драма XX–XXI вв.: история и теория драмы, взаимодействие литературы и театра.

Перепёлкин Михаил Анатольевич, д-р филол. наук, проф. каф. русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Творчество Ольги Седаковой в контексте русской поэтической культуры (Смерть и бессмертие в парадигме традиции)» (защ. в 2000 г.); тема докт. дис.: «Метафизическая парадигма в русской литературе 1970-х годов: формирование, структура, эволюция» (защ. в 2011 г.). Автор 107 науч. работ, в т. ч. монографий «Бездны на краю. И. Бродский и В. Высоцкий: диалог художественных систем» (2005 г.), «Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания» (2010 г.).

Область научных интересов: история русской литературы XIX и XX вв., Венедикт Ерофеев, В. Высоцкий, кинематограф Андрея Тарковского, краеведение, А.Н. Толстой.

Саморукова Ирина Владимировна, д-р филол. наук, проф. каф. русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Категория праздника в художественном мире Юрия Олеши» (защ. в 1991 г.); тема докт. дис.: «Художественное высказывание как эстетическая деятельность: типология и структура креативного опыта в системе дискурсов» (защ. в 2004 г.). Автор 64 науч. публикаций, в т. ч. «Двойничество» (2001, в соавт.), «Дискурс – художественное высказывание – литературное произведение: типология и структура эстетической деятельности» (2002).

Область научных интересов: теория литературы, интермедийные исследования, русская литература XX–XXI вв.

Левченко Светлана Игоревна, аспирант каф. русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, специальность «Теория литературы: Текстология». В 2013 г. окончила Самарский государственный университет по специальности «Филолог. Преподаватель». Тема буд. канд. дис.: «Проблематизация идентичности: способы конструирования».

Область научных интересов: литература XX века, поэтика малых эпических жанров, поэтика идентичности.

Леонovich Лариса Михайловна, аспирант 2-го курса каф. английской филологии, Самарский университет, специальность 10.02.04 – Германские языки. В 2014 г. окончила Самарский государственный университет по специальности «Английский язык и литература». Поступила в аспирантуру в 2014 году. Тема буд. канд. дис.: «Динамика гендерных характеристик персонажей в коммуникативном пространстве англоязычного драматургического дискурса». Автор 7 науч. работ.

Область научных интересов: дискурсивный анализ речевого поведения современного англоязычного общества.

Харьковская Антонина Александровна, канд. фил. наук, проф., проф. каф. английской филологии, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Сопоставительный анализ семантической структуры и сочетаемости группы однокорневых английских и французских прилагательных положительной оценки» (1972). Автор более 200 публикаций, в т. ч. монографий: «Названия англоязычных развлекательных телевизионных передач: опыт дискурсивного анализа» (в соавторстве с М.С. Дудниковой). Издательство «LAP Lambert Academic Publishing», 2012; «Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе» (в соавт. Прага, 2014).

Область научных интересов: лингвистика текста, коммуникация, прагматическая лингвистика, лингвосинергетика, дискурс-анализ.

Халиков Магомед Магомедович, д-р филол. наук, проф., зав. каф. иностранных языков, Самарский государственный университет путей сообщения. Тема канд. дис.: «Лексико-семанти-

ческая характеристика антонимических контекстов (на материале немецкого языка)» (защ. в 1984 г.); тема докт. дис.: «Основы стилистики современного аварского языка» (защ. в 1998 г.). Автор и соавтор 51 науч. работы, в т. ч. монографий «Основы стилистики аварского языка» (1997) и «Лингвосемиотическая оппозиция свой-чужой в письменной коммуникации».

Область научных интересов: семантика и прагматика языка и речи, креативные коммуник. практики, философия языка.

Данилова Нина Константиновна, д-р филол. наук, проф., каф. немецкой филологии, Самарский университет.

Область научных интересов: немецкая филология.

Денисов Никита Вячеславович, аспирант каф. английской филологии, Самарский университет, в 2012 г. окончил Самарский государственный университет по специальности «Филолог, преподаватель». Автор 4 науч. статей.

Область научных интересов: дискурс, антропоцентризм.

Ивлева Алина Юрьевна, д-р филос. наук, проф., зав. каф. теории речи и перевода, Национальный исследовательский МГУ им. Н.П. Огарева. Тема канд. дис.: «Визуализации художественной картины мира в творчестве О. Уайльда» (защ. в 2002 г.); тема докт. дис.: «Культурное пространство художественного текста: от символа-предела к символу-образу» (защ. в 2009 г.). Автор более 100 науч. работ, 2 монографий: «Культурное пространство художественного текста» (2008), «Художник – текст – реципиент» (2008).

Область научных интересов: философия текста, теория и практика перевода, современные методы обучения.

Навасартия Лариса Гагиковна, аспирант каф. русского языка и речевой коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, в 2014 г. окончила этот университет по специальности 031001 «Филология» и поступила в аспирантуру по специальности 10. 02.01 «Русский язык». Тема канд. дис.: «Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ». Автор 4 науч. публикаций.

Область научных интересов: язык СМИ, функциональная стилистика, политическая лингвистика, психолингвистика.

Исрафилов Нариман Рамазанович, докторант кафедры дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет, в 2004 г. окончил Дагестанский государственный педагогический университет по специальности «Русский язык и литература». Тема канд. дис.: «Фитинский говор агульского языка» (защ. в 2007 г.); тема докт. дис.: «Лексика агульского языка». Автор и соавтор 18 науч. работ, в т. ч. монографий «Фитинский говор агульского языка» (2013), «Фразеологический словарь агульского языка» (2014).

Область научных интересов: изучение малочисленных языков РФ.

Карпенко Людмила Борисовна, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Способы выражения локальности в русском и болгарском языках» (1986); тема докт. дис.: «Глаголица как семиотическая система» (2000). Автор 250 науч. работ, в т. ч. монографий «Сказание Черноризца Храбра о письменах» (1999 г.), «Священная азбука Кирилла» (2004 г., 2006 г.) и др.

Область научных интересов: сравнительная и сопоставительная грамматика славянских языков, церковнославянский язык, история русского литературного языка, лингвосемиотика.

Гатина Юлия Александровна, соискатель каф. английской филологии, Самарский университет, учитель английского языка в МБОУ лицей «Технический». Тема буд. канд. дис.: «Дискурсивные характеристики англоязычных школьных сайтов на материале речей руководителей школьной администрации». Автор 6 науч. статей.

Область научных интересов: английская лингвистика.

Паршутина Галина Алексеевна, кафедра английского языка № 5, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России.

Область научных интересов: английский язык, межкультурная коммуникация.

Федорова Наталья Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, Казанский Приволжский федеральный университет

Область научных интересов: история России, история зарубежных стран.

INFORMATION ABOUT AUTORS

Kabytov Petr Seraphimovich, Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Russian History, Samara University. Subject of Candidate's thesis: "Volga village on the eve of the February bourgeois-democratic revolution" (presented in 1972); subject of Doctor's thesis: "Agriculture relations in the Volga Region in the early XX century" (presented in 1983). Author and coauthor of over 450 scientific papers, including 18 monographs.

Research interests: agrarian history; political history of the beginning of XX century; history and culture of the regions of Russia; history of wars and revolutions in Russia in the early XX century

Kulbakhtin Salavat Nezirovic, Department of Foreign History, Bashkir State University.

Research interests: history of countries of near and far abroad.

Smirnov Yuri Nikolaevich, Dr. of Historical Sciences, professor, dean of the Faculty of History, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Russian Guard in the first half of the 18-th century. (Social composition, principles of recruitment and participation in public administration)» (1981); subject of Doctoral thesis «People and the power in the development of Russian Trans-Volga Region (XVIII – middle of the XIX centuries)» (1999). Author and coauthor of 270 scientific works, including monographs «Samarskaya Luka in the 16th – beginning of the 20th centuries» (1995), «Orenburg expedition (commission) and the annexation of Trans-Volga Region to Russia in the 1730-1740» (1997), «History of the Samara Volga region since the most ancient times up to now. 16th – the first half of the 19th century» (2000), «Volga Region – «internal suburb» of Russia: state and society in the development of new territories (the end of 16th – the beginning of 20th century)» (2007), «Acquisition of the Homeland: society and power in the Middle Volga Region (second half of 16th – beginning of the 20th century). Vols. 1–2. (2013–2014), «History of Samara (1586–1917)» (2015).

Research interests: Russian history, history of Volga and Ural regions, cultural history, military history, history of international relations

Kabytova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara University. Subject of Candidate thesis: "Peasant congresses in the Volga Region in 1917" (presented in 1979); subject of Doctor's thesis: "Authorities and public organizations in the Volga Region in 1917" (presented in 1999). Author and co-author of over 200 scientific papers,

10 monographs, including "Power and Society in the Russian province during the period of the Revolution of 1917" (2002).

Research interests: political and social history of Russia in the Revolution and the Civil War (1917–1920); social and cultural space of the Russian province in the XIX–XX centuries.

Kuryanovich Alexander Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, associate professor, chief archivist of the company JV «Softform» LLC. Subject of Candidate's thesis: «History of everyday life in the Federal Republic of Germany in 1970-ies – first half of the 1990-ies»; Subject of Doctor's thesis: «Parliamentarism in Belorussia: essence and peculiarities (1938–1996)». Author of 78 scientific publications including monographs: «Constitution of independent Belorussia: development, projects, adoption» (2012), «Supreme Soviet in the political life of Belorussia: formation, peculiarities of activity, final (1990–1996)» (2012).

Research interests: modern political history of Belorussia and Russia, parliamentarism.

Mikhailik Alexander Grigoryevich, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Deputy Head of the Central Department of the Federal Service for Ecological, Technological and Nuclear Supervision (Rostekhnadzor).

Research interests: history of Russia

Khasyanov Oleg Renatovich, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and History, Ulyanovsk State Agricultural Academy; doctoral student of the Department of Russian History, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Economic, social and cultural life of provincial nobility in the early XX century (on the materials of Simbirsk province)» (2009). Author and coauthor of 36 scientific papers including monographs «Provincial nobility of the Russian Empire in the early XX century: economic, social and cultural life» (2011).

Research interests: history of Russia, social history, history of everyday life, history of the peasantry, story of the nobility, social transformation, micro history.

Baishev Nikita Igorevich, postgraduate student of the Department of Russian History, Samara University; in 2013 graduated from Samara State University with a degree in «History». Subject of Candidate's thesis: «Sport everyday life in 1940–1960-ies (on the example of Kuibyshev)».

Research interests: history of sport and physical culture, history of Samara and Kuibyshev.

Bakanova Irina Gennadievna, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor, Department of the English Language, Samara State University of Railway Transport. The subject of Candidate's thesis: «Professional and personal development of students- future economists in the process of study foreign language». Author of 21 article.

Research interests: methodology of teaching foreign languages.

Nikulina Irina Vyacheslavovna, Cand. of Education, associate prof., assistant prof. of the Dept. of Theory and Methods of Professional Education, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Formation of professional-pedagogical mobility of a lecturer» (2005). Author and coauthor of more than 30 scientific works, including monograph «Professional-pedagogical mobility of a lecturer» (2007).

Research interests: pedagogical psychology, theory and methods of professional education, professional training of lecturers, pedagogical conflictology.

Samohvalova Elena Mikhailovna, teacher at Volga State College. Subject of Candidate's thesis: «Extra-curricular activities as a factor of readiness of a college student for the professional dialogue». Author of 2 scientific works.

Research interests: problem of influence of extra-curricular activities on the readiness of students of college to the professional activity.

Borzenko Olga Viktorovna, post-graduate student of the Department of Pedagogics and Psychology of Professional Education, Penza State University. Graduated from Penza State University in 2009. Completed Master's program in 2013, entered a PhD program in 2013 on a specialty 13.00.08 «Theory and Methods of Professional Education». Subject of Candidate's thesis: «Formation of readiness of students for sense making professional activity». Author of 25 scientific works.

Research interests: meaning-making, self-determination, professional readiness.

Khrantsova Anna Borisovna, Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Formation of communicative competence of students—future lawyers in the process of professional training». Author and coauthor of more than 25 scientific works including monograph «Formation of professional competence of students—future lawyers in the process of professional training» (Samara, 2011, in coauthorship).

Research interests: communicative training of students, professional competence of lawyers, readiness of students – future lawyers to the professional activity, methods of teaching foreign language, texts on foreign language for acquirement of linguistic thesaurus.

Dolgoplova Anastasiya Veniaminovna, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of Pedagogics, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Training of senior preschool children for school in the system of educational games» (1997). Author and coauthor of over 60 scientific publications, including monographs «Training of senior preschool children for the schooling of the gaming activity» (2007).

Research interests: theory and history of pedagogy, methodology of psychological and pedagogical research, training students for professional psychological and pedagogical activity.

Cherkasova Olga Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of Pedagogics, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Pedagogical principles of training and education in the Waldorf school» (1995). Author and coauthor of more than 30 research papers, including monographs «Rudolf Steiner School» (1996); «Pedagogical system of Rudolf Steiner» (2005).

Research interests: training and education theory, foreign educational technologies, family pedagogy, psychological and pedagogical work with parents.

Kashina Elena Georgievna, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Dept. of English Philology, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Business role play as a mean of teaching professional relevant communicative skills» (1989); subject of Doctoral thesis: «Establishing creative personality of a foreign language teacher with the help of theatrical technologies» (2004). Author of 98 scientific works, including monographs «Theatrical technologies in foreign language teacher training» (2003), «Communicative-theatrical method of teaching foreign language: developing multiple kinds of intelligence in students» (2012) etc.

Research interests: vocational training, developing professional skills and habits with the help of the English language.

Karpenko Gennady Yurievich, Dr. of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Works of I.A. Bunin in the context of religious, philosophical and anthropological ideas of the late 19th - early 20th century» (1992); Subject of Doctor's thesis: «Literary and artistic consciousness of the

Russian criticism in the context of historiosophical views (works of V.G. Belinsky)» (2002). Author and coauthor of more than 140 works, including monographs «Works of I.A. Bunin and religious and philosophical culture of the turn of the centuries» (1998), «Return of Belinsky» (2001).

Research interests: history of Russian classics, art anthropology, historical philosophy, religious and artistic consciousness.

Shchepalina Ekaterina Alexandrovna, Master's Degree Student of the 2nd year of study, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Philological Faculty, Samara University. Subject of Bachelor's thesis: «Devotion as a sociocultural phenomenon: theological and literary and artistic aspects». Subject of Master's thesis: ««Eucharistic complex» of Russian verbal folklore: return and actualization of values (literary and theological understanding).

Research interests: Russian and foreign literature, I.S. Shmelev, spiritual guidance, relationship between the spiritual and the natural.

Shevchenko Ekaterina Sergeevna, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Tragicomical theatre of Nikolay Erdman», subject of Doctoral thesis: «Aesthetics of buffoonery in the Russian literature of the 1900–1930-ies». Author of 60 works including 2 monographs: «Theatre of Nikolay Erdman» and «Aesthetics of buffoonery in the Russian drama of the 1900–1930-ies».

Research interests: Russian literature of the XX century, poetics of drama and theatre aesthetics, artistic primitivism and transformation of its norms in professional art.

Kanina Svetlana Yurjevna, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of the English Language, Ilya Ulyanov State Pedagogical University. Subject of Candidate's thesis: «Prevention of deviant behavior of schoolchildren by means of creative educational environment» (2009). Author and coauthor of 37 scientific works, including monograph «Creative educational environment and the prevention of deviant behavior of schoolchildren» (2007).

Research interests: foreign literature, methods of teaching English.

Kuchumova Galina Vasilievna, Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of German Philology, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Last prose of K.M. Wieland: problematics and poetics of his novels» (1997). Subject of Doctor's thesis: «German novel in the system of cultural paradigms» (2010). Author and coauthor of 170 scientific works, including monographs: «German novel of the 1980-2000: course on the demythologization» (2009), «German novel in the system of cultural paradigms» (2011), «Worlds of discourse» (2015), «Christian Kracht's novels: codes of postmodernism» (2015), «Aesthetic reality in the German «novel turn»» (2015).

Research interests: world culture and literature, modern European literature of the XX–XXI centuries in the field of culturological and philosophical constructions.

Skorokhod Natalia Stepanovna, PhD in History of Arts, assistant professor of the Department of Dramaturgy and Cinematology, St. Petersburg State University of Film and Television, assistant professor of the Department of Russian Theatre, Russian State Institute of Performing Arts. Subject of Candidate's thesis: «Problems of stage interpretation of prose» (2008). Author and coauthor of more than 40 scientific works, as well as monographs: «How to dramatize prose: Prose on Russian Stage. History. Theory. Practice» (2010), «Leonid Andreev» (2013), «Postdrama studies» (2015). Author and compiler of the anthology «Sergei Eisenstein in the national reflection: pro et contra» (2014).

Research interests: Russian drama and theater; stage adaptation of prose.

Moroseeva Daria Dmitrievna, postgraduate student of the Dept. of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University.

Research interests: literary studies, modern literature, creativity of I. Bachman.

Gumerova Nina Rashidovna, postgraduate student of the Dept. of Foreign Literature and Artistic Culture, Philological Faculty, Bashkir State University, in 2012 graduated from Bashkir State University with a degree in «Master of Philology». Subject of Candidate's thesis: «Faustian Story in the English literature of the XX century». Author of 24 scientific works.

Research interests: contrastive-comparative literature studies, comparative linguistics, Faustian story, English literature, postmodernism, P. Ackroyd, J.W. Goethe, K. Marlowe.

Sharapova Darima Danzanovna, postgraduate student of the Dept. of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University, in 2014 graduated from Lomonosov Moscow State University with a degree in «Philology», in 2014 entered a PhD program. Subject of Candidate's thesis: «Influence of the genre of a cheap novel on the F.M. Dostoyevsky's works». Author of 6 scientific works.

Research interests: philology, history of Russian literature, works of F.M. Dostoyevsky, gothic literature, cheap novel.

Khadynskaya Alexandra Anatolievna, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Surgut State University. Candidate's thesis: "Ecphrasis as an incarnation of pastorality in the early poetry of Georgy Ivanov". The author of 30 scientific works, including monograph "Pastoral tradition in the early poetry of Georgy Ivanov" (2011).

Research interests: Silver Age of Russian poetry, poetry of Russian emigration, pastoral in literature.

Zhurcheva Olga Valentinovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methodology of Teaching Literature, Samara State University of Social Sciences and Education. Subject of Candidate's thesis: «Evolution of dramaturgy of Alexander Volodin» (1994). Subject of Doctoral thesis: «Forms of expression of author's consciousness in the Russian drama of the XX century» (2009). Author of more than 80 scientific works, including monographs: «Images of time and space as means of expression of author's consciousness in the dramaturgy of Maxim Gorky» (2003), «Author of the drama: forms of expression of author's consciousness in the Russian drama of the XX century» (2007).

Research interests: Russian drama of the XX–XXI centuries, history and theory of drama, interaction of literature and theater.

Perepelkin Mikhail Anatolievich, Dr. of Philology, prof. of the Dept. of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Creative work of Olga Sedakova in the context of Russian poetic culture» (Death and immortality in the paradigm of tradition) (2000). Subject of Doctoral thesis: «Metaphysical paradigm in the Russian literature of 1970–ies: formation, structure, evolution» (2011). Author of 107 scientific works, including monographs «On the brink of abyss: I. Brodsky and V. Vysotsky: dialog of artistic systems» (2005), «Word in the world of Andrey Tarkovsky. Poetics of indirectness» (2010).

Research interests: history of Russian literature of XIX and XX centuries, Venedikt Erofeev, V. Vysotsky, cinematography of Andrey Tarkovsky, regional study, A.N. Tolstoy.

Samorukova Irina Vladimirovna, Doctor of Philological Sciences, professor of the Dept. of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Category of festival in the artistic world of Yuri Olesha» (1991). Subject of Doctoral thesis: «Artistic statement as aesthetic activity: typology and structure of creative experiment in the system of discourses» (2004). Author of 64 scientific publications including «Harmony – aim – harmony and artistic consciousness in the face of paroemia» (1996, co-authored), «Dvoichestvo» (2001, co-authored), «Discourse – artistic statement – literary work: typology and structure of aesthetic activity» (2002).

Research interests: theory of literature, intermedial researches, Russian literature of the XX–XXI centuries, modern poetry, gender researches.

Levchenko Svetlana Igorevna, postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, specialty in «Literary theory. Textology». In 2013 graduated from Samara State University with a degree in «Philologist. Teacher».

Research interests: literature of the 20th century, poetics of small epic genres, poetics of identity.

Leonovich Larisa Mikhailovna, postgraduate student of the 2nd year of study, Philological Faculty, English Department, Samara University, specialty 10.02.04 German languages. In 2014 graduated from Samara State University with a degree in "English Language and Literature", in 2014 entered a PhD programme of Samara State University with a specialty 10.02.04 German Languages. Subject of Candidate's thesis: "Dynamics of personages' gender characteristics in the communication field of English drama discourse". Author of 7 scientific works, participant of 5 scientific seminars.

Research interests: discourse analysis of verbal behavior of modern English-speaking society, study of the way gender characteristics influence on person's communication strategy, linguocultural aspects of modern English.

Kharkovskaya Antonina Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, prof., prof. of the Dept. of English Philology, Samara University. Subject of Candidate's thesis «Comparative analysis of semantic structure and compatibility of English and French single-root adjectives of positive estimation» (1973). Author and co-author of about 200 publications, including monographs «Titles of English entertainment telecasts: discourse analysis» (in co-authorship with Dudnikova M.S.) LAP Lambert Academic Publishing, 2012; «Dynamics of negative estimation in English discourse of drama» in co-authorship with Starostina Yu.S. Prague, 2014.

Research interests: text linguistics, communication, pragmalinguistics, linguosynergetics, discourse analysis, functional linguistics, stylistics.

Khalikov Magomed Magomedovich, Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Foreign Languages, Samara State University of Railway Transport. Subject of Candidate's thesis: "Lexical and semantic characterization of antonym contexts (in the material of German language)" (1984). Subject of Doctor's Thesis: "Principles of modern Avar stylistics" (1998). Author and coauthor of 51 scientific works, including monographs "Principles of Avar stylistics" (1997) and "Linguosemiotical opposition own-alien in the written communication" (2007).

Research interests: semantics and pragmatics of language and speech, creative communicative practices, philosophy of language.

Danilova Nina Konstantinovna, Doctor of Philological Sciences, professor Department of German Philology, Samara University.

Research interests: German philology.

Denisov Nikita Vyacheslavovich, postgraduate student of the Department of English Philology, Philological Faculty, Samara University, in 2012 graduated from Samara State University with a degree in «Philologist, teacher». Author of 4 scientific articles.

Research interests: discourse, anthropocentrism, media discourse.

Ivleva Alina Yurjevna, Dr. of Philosophy, professor, Head of the Department of Speech Theory and Translation, Ogarev Mordovia State University. Subject of Candidate thesis "Visualization of the artistic world picture in the creative works of O. Wilde" (2002). Subject of Doctor's thesis "Cultural space of the text: from symbol-limit towards symbol-image" (2009). Author of more than 100 scientific works, including 2 monographs: "Cultural space of an artistic text" (2008), "Artist – text – recipient" (2008).

Research interests: philosophy of the text, theory and practice of translation, modern methods of teaching English and interpretation.

Navasartyan Larisa Gagikovna, postgraduate student of the Department of Russian Language and Speech Communication, National Research Saratov State University. In 2014 graduated from National Research Saratov State University with a degree in 031001 «Philology» and entered a PhD program on a specialty 10.02.01 «Russian Language». Subject of Candidate's thesis: «Linguistic means and speech methods of manipulation of information in mass media». Author of 4 scientific publications.

Research interests: language of mass media, functional stylistics, political linguistics, psycholinguistics.

Israfilov Nariman Ramazanovich, Doctoral student of the Department of Dagestan Languages, Dagestan State Teacher's Training University. In 2004 graduated from Dagestan State Teacher's Training University with a degree in «Russian language and literature». Subject of Candidate's thesis: «Fitin dialect of Aghul language» (2007). Subject of Doctor's thesis: «Vocabulary of Aghul language». Author and coauthor of 18 scientific works, including monographs «Fitin dialect of Aghul language» (2013), «Phraseological dictionary of Aghul language» (2014).

Research interests: study of numerically insignificant languages of the Russian Federation

Karpenko Lyudmila Borisovna, Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University. Subject of Candidate's thesis: "Ways of expression of locality in Russian and Bulgarian languages" (1986); Subject of Doctoral thesis: «Glagolitic alphabet as a semiotic system» (2000). Author of 250 scientific papers, including monographs «Glagolitic alphabet – Slavic sacred alphabet» (1999), «An Account of Letters by Chernorizets Hrabar» (1999), «The Sacred Alphabet of Cyril» (2004, 2006).

Research interests: comparative and contrastive grammar of Slavic languages, Church Slavonic, history of Russian literary language, lingvosemiotics, linguistic analysis of a literary text, translation theory.

Gatina Julia Alexandrovna, applicant of the Department of English Philology, Samara University, English teacher in Samara Technical Lyceum. Subject of Candidate's thesis: «Discursive Characteristics of English school sites based on administrative speeches». Author of 6 scientific articles.

Research interests: English linguistics.

Parshutina Galina Alexeyevna, Department of the English Language № 5, MGIMO University.

Research interests: English language, intercultural communication.

Fedorova Natalia Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University.

Research interests: history of Russia, history of foreign countries.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

В журнале публикуются статьи по отраслям «Филологические науки», «Исторические науки и археология», «Педагогические науки», а также рецензии на монографии и другую научную литературу.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (dubmane@mail.ru) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.